

ВНИМАНИЕ!

ДАННЫЙ ТЕКСТ ПРЕДСТАВЛЕН В БЕТА-ВЕРСИИ И
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ.
АВТОР СОЗНАЕТ ОГРАНИЧЕННОСТЬ СВОИХ ЗНАНИЙ,
А РАВНО ВСЕ НЕДОЧЕТЫ СОДЕРЖАНИЯ И
ФОРМАТИРОВАНИЯ ДАННОЙ ВЕРСИИ — И НАДЕЕТСЯ НА
КОНСТРУКТИВНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СО СТОРОНЫ КОЛЛЕГ
И ВСЕХ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В КОНЕЧНОМ РЕЗУЛЬТАТЕ
ЛИЦ, ЗА ЧТО ИМ ВСЕМ ЗАРАНЕЕ СПАСИБО.

АВТОР СЧИТАЕТ СВОИМ НЕПРЕМЕННЫМ ДОЛГОМ
ПОДЧЕРКНУТЬ, ЧТО:

«... Он не несет никакой ответственности за все те альтерна-
тивные мысли и спонтанные ментальные извержения, могу-
щие повлечь за собой жизненно важные решения, каковые мо-
гут возникнуть у клиента в результате потребления данного
текста; автор не несет никакой ответственности во всех тех
случаях, когда клиент, потребляя данный текст, не будет
должным образом использовать свой головной мозг; автор не
несет никакой ответственности за все те случаи, когда у кли-
ента указанный головной мозг по тем или иным причинам от-
сутствует...»

*Из лицензионного соглашения
к вирт-копии книги Леграна П. Арлингтона
«Когда гекалитры переходят в мегапарсеки»*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

И. А. АЛИМОВ

**БЕСЫ, ЛИСЫ, ДУХИ
В ПРОЗЕ СУНСКОГО КИТАЯ**

«Наука»
Санкт-Петербург
2008

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	4
Души умерших в «Тай-пин гуан цзи»	9
Китайский культ лисы	46
Сборник «Высокие суждения у дворцовых ворот».....	73
Приложение 1. «Разыскания о Восточной сунской столице»: сведения о храмах и кумирнях.....	230
Приложение 2. Сведения о Лю Фу и его сборнике	259
Библиография.....	274

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вера в сверхъестественное свойственна человечеству с начала времен. Народная фантазия наделяет тайными, не открывающимися с первого взгляда свойствами весь окружающий мир. Причудливой формы камни, вековые необычайные деревья, удивительные цветы, звери и птицы, ведущие обособленную от людей и потому загадочную жизнь, — все это в народном сознании приобретает таинственные, многозначительные черты. Что уж говорить о мире потустороннем, куда уходят (и откуда по разным причинам иногда возвращаются) многие поколения умерших: нет ни одной традиционной культуры, в которой в повседневной жизни не являлся бы одним из важнейших комплекс представлений и сопутствующих им ритуалов, связанных с рождением и умиранием. И традиционный Китай не является исключением: обряды перехода играют в китайской повседневности важнейшую роль.

Китайская культура в силу непрерывности и преемственности своего развития как никакая другая дарит исследователю разнообразнейший материал для изучения самых разных аспектов материальной и духовной жизни старого Китая. Заключен этот материал в первую и главную очередь в богатейшей сокровищнице письменных памятников. Многие поколения китайских книжников трудились над их сохранением, систематизацией, комментированием: дошедший до нас корпус китайской книжности поражает воображение своими масштабами. Это поистине море — безбрежное море знаний на все случаи жизни и обо всех ее аспектах; не утонуть в нем порой бывает нелегко. Извечные вопросы — как жило традиционное китайское общество? чем дышало? во что верило? — занимали и занимают не одно поколение исследователей. Но ответы на вопросы, только на первый взгляд кажущиеся простыми, затруднены самой спецификой бытования традиционной письменной культуры. К примеру, вопрос

о мифологии: была ли она в Китае, и если была, то в каком виде? Нет однозначного ответа, и еще в стародавние времена все имеющиеся на тот момент сведения были заботливо уложены в рамки исторических хроник, мифы обрели плоть, реальность, географию, датировку, легендарные герои стали в один ряд с реальными императорами и их сановниками, и все, что мы можем сейчас сделать — это попытаться развести достоверные исторические факты и их легендарную предысторию. Попытки эти не всегда успешны, ведь сосредоточенная на абсолютном историзме и безусловной достоверности письменного слова китайская культура из века в век перемалывала и мифологию и фольклор, сообщая любому явлению достоверность факта.

Как быть исследователю? Как не впасть в крайность? Где та грань, которая отделяет китайскую сюжетную прозу до VI в. от фольклорных рассказов-быличек? Можно, конечно, объявить такую прозу мифологической и считать, что проблема решена, но так ли это на самом деле, если подавляющее число так называемых быличек дошли до нашего времени в составе авторских сборников? Где в таком случае заканчивается фольклорный материал и начинается авторская обработка, выражающаяся если не в самостоятельном творчестве, то в подборе имеющегося материала, в редактировании, осмыслении и оценке, традиция которых идет со времен Сыма Цяня? Кто и когда доказал, что самостоятельное творчество, авторский вымысел в прозе этого периода — отсутствуют? Китайским материал специфичен: применительно к нему оказываются действенными далеко не все разработанные на западном материале схемы.

Китаеведение — наука молодая, к тому же отягощенная, в самом хорошем смысле этого слова, необъятным количеством дошедших до нас письменных памятников, созданных людьми, идеологию которых без тщательного изучения представить трудно. Поэтому такое изучение — первостепенная задача нашей науки. В этой связи, несмотря на все уже предпринятые усилия научного сообщества, базовой задачей китаеведения по-прежнему остается введение памятников в активный научный оборот. Ведь при всей банальности этой мысли — только правильное понимание места того или иного памятника в истории китайской культуры дает нам чаемую возможность адекватной интерпретации письменного материала, что сегодня так же акту-

ально, как и сто лет назад. При этом, конечно, не следует забывать о том, что в данном случае мы имеем дело с продуктами интеллектуальных усилий тонкой образованной прослойки старого китайского общества: заключенный в этих памятниках материал со всей неизбежностью прошел через призму восприятия книжников, был систематизирован и осмыслен.

Однако, несмотря на вполне естественное для любого средневекового общества деление на узкий круг высоколобых, знающих грамоте книжников и абсолютно господствующее, не знающее грамоты и в силу этого практически не имеющее возможности (или потребности) приобщиться к книжному знанию большинство, вряд ли можно говорить о том, что эти сообщества существовали в разных культурных пространствах — по крайней мере, на повседневном бытовом уровне взглядов и суеверий. Тонкое вещество культуры — та самая «глобальность», по выражению А. Я. Гуревича, тот самый воздух, которым дышат все члены общества, незримая всеобъемлющая среда, в которую погружены все представители данного исторического социума, вне зависимости от их культурной идентификации¹ — дает нам возможность осторожно эксплицировать из традиционных текстов, созданных высоколобыми, те базовые элементы культуры, которые были свойственны обществу в целом. В старых китайских письменных памятниках (в данном случае я не веду речь о теоретических трактатах, философских сочинениях и прочих произведениях так называемой высокой словесности, но говорю в первую очередь о традиционной прозе, к высокой словесности не относившейся и в гораздо меньшей мере испытывавшей прессинг официальной идеологии) личностные и ментальные особенности авторов стирались, нивелировались; речь в традиционной прозе шла об обыденном, общеизвестном, знакомом и верхам и низам. Авторы этих текстов знали все то же самое, что знал народ, — по крайней мере, в части тех представлений, которые носитель определенной культуры впитывает изустно, что называется, с молоком матери, — но знали и сверх того, поэтому культурная интенция каждого автора неминуемо упорядочивала разнородный материал, создавая и запечатлевая общий всех универсум. Таким образом, в сюжетной прозе мы имеем дело с народными верова-

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 11.

ниями и традиционными представлениями не в свободной стихийной форме их бытования, но в упорядоченном самими носителями культуры виде¹. Это — результат многолетнего строительства картины мира, которая постоянно дописывается и уточняется, проверяется на предмет ее возможности и правдивости; это многовековой опыт типических, постоянно происходящих случаев, которые своей типичностью создают прецедент реального факта.

Ниже мы попытаемся рассмотреть, как можно использовать старую китайскую прозу для реконструкции некоторых комплексов повседневных верований жителей Поднебесной X—XIII в.

Название этой книги говорит само за себя: бесы, лисы, духи; дальнейшее внимание будет сосредоточено именно на этих персонажах старой китайской прозы — в том виде, в каком они предстают в письменных памятниках — и на связанных с ними традиционных представлениях. Следует оговориться, что под бесами в данной работе понимаются исключительно души умерших, под лисами — лисы-оборотни, под духами мы разумеем проявления душ умерших.

При этом главной своей задачей я считаю не создание неких концепций и теорий, но в первую голову — введение в научный оборот самих письменных памятников (в виде русских переводов, снабженных исчерпывающими примечаниями), а также систематизацию заключенного в них материала; именно это на современном этапе развития отечественного китаеведения представляется мне наиболее важным. Именно поэтому существенную часть книги составляют переводы из одного из значимых как для заявленной темы, так и для истории китайской словесности сборников — «Высокие суждения у дворцовых ворот» Лю Фу (ок. 1020?— после 1100). И именно поэтому в состав книги во-

¹ Что дает, например, основание на материале сюжетной прозы буддийского характера реконструировать простонародный, низовой буддизм времени определенной эпохи, как это сделал М. Е. Ермаков, подчеркивающий различие между высоким знанием, заключенным в сутрах, и обыденным знанием, отраженным в сюжетной прозе: «Основная линия разграничения проходит здесь между элитарным буддизмом ученого монашества и буддизмом мирян вне зависимости от их социальной принадлежности» (Ермаков М. Е. Об авторе «Мин сян цзи». Т. 1. С. 24).

шли очерки, основанные на изучении других сунских памятников, — это своего рода пример, как можно эксплицировать из письменных источников те базовые элементы традиционной картины мира, без изучения и систематизации которых мы не сможем развести бытовое, всеобщее и личное, авторское, а также легендарное, доисторическое и историческое, достоверное.

ДУШИ УМЕРШИХ В «ТАЙ-ПИН ГУАН ЦЗИ»

Как было замечено, в традиционной культуре любого народа важнейшую роль играют представления о волшебном, сверхъестественном, оказывающие глубочайшее влияние на культуру в целом и отражающиеся в самых различных ее аспектах. При этом едва ли не самыми значимыми оказываются представления о нематериальной составляющей человека (душе), о том, что происходит с душой после смерти, наконец, о загробном мире, куда она попадает, что для старого Китая — с идущим из глубины веков культом предков, возведенным в ранг культа принципом сыновней почтительности и тщательным следованием ритуалу — особенно важно. Мы располагаем достаточным количеством поздних источников, чтобы описать и изучить обрядность, связанную со смертью и похоронами, но для предшествующих эпох такие свидетельства или единичны, или фрагментарны, или извлекаются из сочинений теоретического характера, преимущественно философских трактатов, относимых к высокой словесности. Вряд ли в случае многоученых сочинений можно говорить об отражении простонародных верований, которые разделяли и люди простых сословий, и грамотные книжники. И здесь неоценимым источником сведений может стать классическая сюжетная проза, которая, не являясь литературой в современном смысле этого слова и не будучи обременена современными понятиями об авторстве и авторском вымысле, куда более фактологична, поскольку является результатом рефлексии поколений книжников, весьма педантично и щепетильно относившихся к любого рода информации. Иными словами, мы не можем утверждать наверняка, верили ли авторы сборников во все то, о чем повествовали, однако несомненно одно: идущее от Конфуция (который не сочинял, но пе-

редавал) стремление сохранить знания, не приукрасив, и передать их последующим поколениям.

Реконструкция обыденных представлений о сверхъестественном в старом Китае, таким образом, осложнена фактом последовательной историзации даже, казалось бы, самых неисторических событий, но тем не менее, представляется весьма перспективной в силу наличия огромного массива источников, в том числе источников систематизированных — например, знаменитой антологии сюжетной прозы «Тай-пин гуан цзи» (太平廣記 «Обширные записки годов Тай-пин»).

Датированная X в., эта антология была составлена по распоряжению императорского двора; она, как сказано в предисловии, «изъясняет чувства всего сущего и пригодна для развития просвещения, зеркалом отражая наши дни и древность». В работе над «Тай-пин гуан цзи» авторитетной комиссией были задействованы 343 прозаических сборника, относящихся ко времени с эпохи Хань и по начало Сун (с 206 г. до н. э по 977 г.)¹. Взятый из них материал был систематизирован по специальным тематическим разделам («святые-бессмертные», «даосское искусство», «загробное воздаяние» и пр.), так что «Тай-пин гуан цзи», будучи официальным, одобренным двором сочинением, естественным образом претендует на полноту разъяснения того или иного по-

¹ Составление антологии было начато в 977 г. по распоряжению сунского императора Тай-цзуна (на троне 967—998) коллегией из одиннадцати ученых (среди них были такие известные сунские книжники Ху Мэн (扈蒙 915—986) и Ли Му (李穆 928—984)) под руководством знаменитого министра и эрудита Ли Фана (李防 924—996) и закончено в 978 г.; название восходит к девизу правления, во время которого антология была составлена — Тай-пин син-го (976—983). Работа над антологией продолжалась два года; современные исследования показывают, что задействованных в работе сборников прозы было не 343, а около пятисот — видимо, некоторые материалы были добавлены при переизданиях. Материал в «Тай-пин гуан цзи» систематизирован по 52 тематическим разделам, в заглавия которых вынесены те или иные ключевые понятия (категории) традиционной китайской культуры, которые в свою очередь членились на полторы сотни более мелких: так, большой раздел «Животные» включает подразделы «Быки», «Лошадь», «Верблюды», «Ослы», «Собаки» и так далее. Важно помнить, что многие из тех сборников, рассказы из которых коллегия Ли Фана использовала в данной антологии, к настоящему времени утеряны, и это делает «Тай-пин гуан цзи» памятником уникальным. Существует довольно впечатляющая научная литература, посвященная этой антологии, например, многочисленные работы Чжан Го-фэна 張國風. См: Чжан Го-фэн. «Тай-пин гуан цзи» цзай лянсундэ лючуань; Он же. «Тай-пин гуан цзи» сунбэнь юаньмао као; и др.

нения (категории), вынесенного в заглавие одного из разделов — причем, не словами составителей, но на многочисленных примерах, так, как это представлено в классической «низкой» прозе, и, следовательно, до определенной степени в народном сознании. В задачу работавших над «Тай-пин гуан цзи» входило составить наиболее представительный компендиум, выбрать самое характерное, яркое, типичное для той или иной категории. При этом следует учитывать специфику исходного материала, на котором базируется «Тай-пин гуан цзи», — главным образом, той самой дотанской и танской сюжетной прозы, в которой элемент волшебного, необычайного, сверхъестественного был преобладающим; это обстоятельство решительным образом повлияло на состав антологии¹. Без особого преувеличения можно назвать «Тай-пин гуан цзи» зеркалом традиционной китайской духовной культуры X в. Нас же в рамках настоящей работы «Тай-пин гуан цзи» будет интересовать прежде всего как источник бесценной информации о душах умерших, как их понимали в старом Китае.

В составе «Тай-пин гуан цзи» — сорок цзюаней, посвященных душам умерших (*гуй* 鬼)². Многие сюжеты в них, как и следовало ожидать, повторяются — тем легче вычленить основные мотивы, позволяющие нам составить более или менее полную картину традиционных верований, связанных с душами умерших.

В первую очередь мы видим, что души умерших, вернувшись в мир живых, могут вступать в контакт с последними *как наяву*, так и *во время сна*. Начнем с последнего.

Душа умершего мужа является во сне своей жене, движимая разными причинами, например, будучи обеспокоена судьбой захоронения своего тела. В рассказе «Воин из Сяньяна»

¹ Это становится заметно уже при поверхностном знакомстве с оглавлением: так, например, из общего объема в пятьсот цзюаней в «Тай-пин гуан цзи» бессмертным посвящено 55 цзюаней, загробному воздаянию — 33 цзюани, душам умерших — 40 цзюаней и так далее.

² Интересно, что во многих древних текстах иероглиф *гуй* 鬼 объясняется через *гуй* 歸 — «возвращаться»: «Люди, которые "возвращаются", становятся гуй» (Шовэнь цзецзы. С. 434). В древнем Китае для умерших существовало также название *гуйжэнь* 歸人, т. е. «вернувшиеся».

(ТПГЦ, 322.3)¹ описывается как раз такой случай. При Цзинь, в начале годов Тай-юань (376—396), в войске, стоявшем в Сянъяне, умер один солдат, и земляк повез его тело на родину. За день до того, как он должен был приехать на место, умерший явился во сне к своей вдове и сказал, что вышла путаница, и домой везут вовсе не его тело; узнать же его тело можно будет по узлу волос, который в свое время жена завязала мужу перед расставанием, а он в память о ней сохранил нетронутым. Жена проснулась, и все вышло так, как говорил умерший — ее мужа увезли в другой дом, а к ней доставили тело чужое.

Бывают случаи, когда во сне к женщине является отсутствующий дома муж или некто третий, выдающий себя за ее мужа. В рассказе «Фэй Цзи» (ТПГЦ, 316.10) торговец по имени Фэй Цзи остановился со своими товарищами на ночь у горы Лушань, и они стали беседовать о том, кто сколько времени не был дома. Цзи сказал, что не видел жену уже несколько лет. На прощание взял у нее золотую шпильку, да забыл перед уходом на окне дома. В ту же ночь он явился во сне к жене и рассказал ей, что уже два года, как убит разбойниками. В доказательство же правдивости своих слов добавил, что оставляет взятую у нее шпильку на окне. Жена проснулась, глядь — а шпилька и впрямь лежит на окне! Она поверила, что ее муж погиб, и надела траур. Через год с небольшим явился живой и невредимый Цзи. Кто выдал себя за него — об этом в рассказе не сказано. Можно предположить, например, что одним из спутников Цзи, тех, с которыми он ночевал у Лушани, был умерший, который и явился к его жене во сне.

В свою очередь **душа умершей жены может явиться во сне мужу**, не будучи в силах с ним расстаться. В качестве примера можно привести много рассказов, ограничусь одним — «Лю Чжао», где жена приходит во сне к мужу и дарит ему на память о себе цепочку (ТПГЦ, 316.7). Жена также может прийти к мужу, разгневанная каким-нибудь его поступком. Люй Лунь, схоронив жену, женился на ее младшей сестре. И вот однажды во сне покойная явилась к Шуню и легла с ним. Она была холодна, как

¹ Здесь и далее первая цифра означает номер цзюани в «Тай-пин гуан цзи» (ТПГЦ), а вторая — номер рассказа в цзюани. Я привожу в качестве примеров лишь некоторые из довольно обширного ряда типичных рассказов.

лед. Стала мужа ругать, корить за то, что женился на ее сестре. После этого разговора Шуня нашли мертвым (ТПГЦ, 322.4).

Душа умершего является во сне и другим людям, с которыми при жизни ее связывали дружеские узы, с целью помочь. Такие рассказы часто имеют буддийскую окраску. В рассказе «Юань Бин» умерший Бин приходит к другу во сне и дает ему совет, как вести себя, чтобы после смерти не быть наказанным за прижизненные поступки. Он советует более внимательно относиться к буддийским заповедям, поскольку на своем опыте убедился в их действительности. «Виденное мною при жизни не во всем согласовывалось с тем, о чем учат сутры, и я полагал, что совершенномудрые нарочно сгустили краски. То же, что я вижу ныне, — великая проверка на добро и зло, и в этом нет ничего странного, и оттого самый строгий запрет наложен на лишение жизни живых существ, никак нельзя нарушать его!» — сказал Юань Бин другу (ТПГЦ, 326.1).

Душа умершего, явившись во сне к другу, может выступать в роли посланца с того света, и приходит с тем, чтобы забрать друга с собой, поскольку срок его жизни вышел. Дун Гуань, прекрасно, кстати, владевший искусством гадания по знаменьям сил *инь* и *ян*, водил дружбу с буддийским монахом Лин-си, и вот Лин-си умер. Однажды он во сне явился к Дун Гуаню. «Испугавшись, Гуань с неприязнью спросил: "Душа наставника, зачем ты явилась сюда?" "Срок твоей жизни истек, — с улыбкой отвечал Лин-си. — Вот я и пришел за тобой". Он потянул Гуаня за рукав. Гуань встал, оглянулся — а тело его лежит ничком на кушетке, будто он спит глубоким сном. "Ой-ой! А дом мой так далеко отсюда, да и родители еще живы! — запричитал Гуань. — Если я сегодня здесь умру, кто же тогда похоронит отца и мать?!" "К чему так расстраиваться из-за каких-то заблуждений? — возразил ему Лин-си. — Что зависит от человека? Только способность двигать руками и ногами, видеть и слышать. Всего-то!"». И Лин-си забрал Гуаня в загробный мир (ТПГЦ, 346.12).

Может душа умершего во сне обратиться к другу с просьбой — например, попросит его помочь родным перевезти тело на родину, поскольку в семье умершего для этого нет средств и т. д. (ТПГЦ, 332.6)

Однако гораздо чаще явление души умершего родственникам и друзьям происходит *наяву*, и такой контакт более продол-

жителен, чем во сне. В рассказе «Сяхоу Сюань» (ТПГЦ, 317.10) описывается случай, когда душа умершего главы семьи является домой после казни. Сыма Цзин-ван казнил Сяхоу Сюаня. Родственники казненного, как и надлежало по обычаю, соорудили алтарь и стали приносить усопшему жертвы. Тут же появился Сюань — сняв голову, он стал запихивать жертвенную пищу прямо в горло. Потом насадил на место голову и сказал, что подаст на казненного его Сыма жалобу загробным властям, и того накажут. И действительно, вскоре Сыма Цзин-ван умер, не оставив наследника. Похожий случай описан в рассказе «Цзя Юн» (ТПГЦ, 321.13), где убитый разбойниками Цзя Юн возвращается домой на коне, тоже без головы, а голос доносится из живота. Казненный Дун Шоу-чжи ночью после казни явился домой к жене. Горько вздыхая и не отвечая на расспросы жены (которая еще не знала о гибели мужа), Дун обошел корзины с курами и исчез за воротами, а вышедшая со светильником жена нашла в корзине для кур большое количество крови. Утром ей принесли весть о смерти мужа (ТПГЦ, 327.9).

Душа умершего мужа приходит к жене с тем, чтобы возобновить с ней прежнюю супружескую жизнь. Утонувший в Янцзы Юй Сун через самое короткое время вернулся домой и зажил с женой прежней жизнью — словно и не умирал. Жена же, боясь его, звала служанку ночевать в свою комнату. Из-за этого муж сердился и ругал ее. Однажды, когда разговор зашел о деньгах, и выяснилось, что их нет даже для того, чтобы купить еды сыну, муж сказал: «К сожалению, я слишком рано покинул этот мир и обрек тебя на нищенское существование», — и дал жене две связки монет, чтобы она смогла купить еды. А через год жена тоже умерла (ТПГЦ, 329.5).

Душа умершего мужа может явиться домой, обеспокоенная поведением жены после его смерти. Один человек из Пучэна умер в пути. А в доме его хранился цзинь (около полукилограмма) золота, который жена после смерти мужа утаила от домашних для своих целей. Через год умерший с плачем явился домой, рассказал о золоте матери, а потом, взяв нож, обратился к супруге: «Почему ты не отдала мое золото матушке, а спрятала?!» — и хотел было убить женщину, но вмешалась мать: «Ты ведь умер, а хочешь убить человека. Непременно скажут, что убийца — я» (ТПГЦ, 355.5). А вот какой случай описан в другом

рассказе: некто Сыма И, смертельно заболев, позвал жену и сказал ей: «Когда я умру, ты второй раз замуж выходить не смей, а то убью!». Жена обещала, но когда Сыма умер, ответила согласием на предложение соседа. Тут же верхом на лошади в ворота въехал Сыма И, выстрелил в жену из лука и чуть было не убил. Когда же женщина оправилась от раны, то от былой ее красы не осталось и следа (ТПГЦ, 321.7). То же бывает и в отношении жены к мужу: некий Юань дал лежащей на смертном одре жене клятву не жениться в другой раз, но как только она умерла, тут же женился. Покойная явилась и нанесла ему сильную рану ножом: «Вы ведь клялись в верности, что же не держите слово?!» (ТПГЦ, 322.12).

Душой умершего может овладеть желание навести порядок в делах. Умерший Ли Цзай через день после смерти вновь ожил. Домашние собрались вокруг него, стали кормить, расспрашивать и всячески тормошить. Ли объяснил, что уже умер, но вернулся, поскольку встретил в загробном мире свою первую жену, госпожу Цуй, а та, узнав, что Ли женился во второй раз, жутко разгневалась, и Ли, опасаясь, как бы она не навредила кем-либо его новой жене, вернулся. Он совершил раздел имущества, отослал жену в дом ее родителей, и лишь после этого умер снова (ТПГЦ, 338.7).

Душой умершего может двигать забота о детях. Умерший отец, вернувшись домой к детям, обращается к ним с наставлениями. Некий Хуа И, спустя семь лет после смерти невидимым вернулся домой. Был слышен только его голос, но после многочисленных просьб домашних Хуа показался. Стал наставлять своих сыновей, говоря, что его жизнь была так коротка потому, что он при жизни совершил некоторые неблагоприятные проступки (ТПГЦ, 322.16).

Душа умершего, вселившись в живого человека, может говорить его устами. Очень часто это происходит именно с родственниками, в частности, есть ряд рассказов, где душа умершего отца вселяется на время в сына и говорит через него. Чиновник Гунсунь Да умер. В похоронной церемонии принимали участие все его родственники, а также все чиновники из управления, которым заведовал Гунсунь. Вдруг — сын Да заговорил голосом отца. Дух усопшего через сына велел всем перестать плакать и стал давать наставления («и сказал более тысячи слов»), а потом

потребовал кисть и бумагу, исписал целый лист, бросил его на-земь и только тогда ушел (ТПГЦ, 316.2). А вот какое описание дается в рассказе «Го Фан»: «Его малолетний сын вдруг слег, словно пораженный болезнью, перестал узнавать окружающих и его устами стал говорить дух. Голос был как у отца» (ТПГЦ, 320.1). То есть войдя в чужое тело, дух тем не менее сохраняет способность говорить своим прижизненным голосом, отличным от голоса того, в чье тело он вселился.

Часто душа умершего отца возвращается домой, как посланец из загробного мира, чтобы забрать с собой души тех родственников, чей жизненный срок вышел (ТПГЦ, 337.3). Это похоже на аналогичные случаи во сне. Бывает, душа главы семьи желает помочь родным, оставшимся без кормильца, советом или предсказанием и т. д. (ТПГЦ, 325.16).

Душа умершей жены тоже может вернуться к живому мужу, будучи тронута его безутешным горем. Приведу весьма любопытный пример. Некий Ху Фу-чжи и его жена десять лет прожили вместе, и вдруг жена умерла. У них не было детей, и из-за этого Ху безутешно горевал. «Внезапно жена поднялась и села: "Ваше, господин, горе так тронуло меня! Тела моего еще не коснулось тление, поэтому мы можем воспользоваться этим свиданием. Если вы соединитесь со мной как при жизни, то я рожу вам сына", — сказала она и снова легла. Фу-чжи поступил, как она сказала и, не зажигая света, в темноте слился с нею». И действительно, через девять месяцев жена (а все это время она лежала на смертном одре) родила ему сына, а уж после этого умерла окончательно (ТПГЦ, 321.12).

Душа жены может прийти к мужу, чтобы попрощаться с ним перед вечной разлукой. Такой случай описан, например, в рассказе «Хуань Дао-мин» (ТПГЦ, 319.2), где покойная жена пришла к мужу и провела с ним целую ночь на одном изголовье. Она пришла попрощаться, поскольку ей уже назначили новое перерождение. Интересно, что жена, вернувшись домой, не смогла обойти входной экран, сооружавшийся в традиционном китайском доме перед входом во внутренний двор, чтобы злые духи не могли проникнуть в жилище (поскольку про них известно, что духи умеют двигаться только по прямой). Только с помощью мужа душа умершей смогла войти — он вышел с лампой из дома и увидел ее руку, высывающуюся из-за экрана. В рассказе же

«Ван Гуан-бэнь» (ТПГЦ, 330.4), в отличие от вышеприведенного, где действие происходит ночью, жена возвращается домой среди бела дня, тронутая тем безутешным горем, каким охвачены все ее домашние. Любопытно, что, кроме ее бывшего мужа, умершую более никто не видит, хотя голос слышат. «У людей и душ умерших разные пути, и я не могу задерживаться надолго. О, как это печально!» — типичная присказка души умершего (умершей).

Не найдя после смерти успокоения, **душа умершей женщины может, невидимая, явиться домой и совершать всякие безобразия.** Вскоре после того, как чиновник Мэн Сян схоронил жену, в его доме сами собой начали распахиваться двери и окна, были слышны дикие завывания, в воздухе, в опасной близости от людей, неизвестно кем брошенные, пролетали ножи и т. д. Невидимый дух жены Мэн Сяна опознали по звукам ее голоса. Выяснилось, что она не находит успокоения из-за того, что в юности убила курицу. Только после вмешательства даоса, владеющего искусством заговоров, все прекратилось (ТПГЦ, 325.2).

Может вернуться домой и душа умершей матери, обеспокоенная тем, как складывается судьба детей после ее смерти, или просто тоскуя по ним. Жена военачальника Чжана умерла, оставив пятерых сыновей. Чжан вскоре женился во второй раз; новая жена оказалась женщиной жестокой, стала тиранить сирот, даже плетью их била. Доведенные до крайности, дети пришли с плачем на могилу матери, и та вдруг вышла к ним. Она передала детям стихотворение для их отца, которое написала на собственном белом головном платке. В стихотворении женщина рассказала мужу, как мучаются дети, и отец их защитил (ТПГЦ, 330.5). А житель Чаньяня Ма Чжэнь однажды услышал стук в ворота и, выйдя, обнаружил мальчика с ослом, который нагло утверждал, что какая-то женщина наняла его с тем, чтобы доехать сюда с восточного рынка, вошла в дом, и он теперь ждет оплаты. Ма очень удивился, так как никто за это время в дом не входил, но требуемую сумму заплатил и отпустил мальчика. Такая же история повторялась еще четыре раза, пока, наконец, Ма не подкараулил эту женщину, оказавшуюся его матерью, умершей одиннадцать лет назад (ТПГЦ, 333.7).

В рассказе «Ван Бао-чжи» описывается случай, когда к уже взрослому сыну приходит умершая мать, чтобы предупредить об опасности. «Если в тот день, когда ты увидишь белую собаку, ты

сумеешь уехать на восток за тысячу ли (ли — около полукилометра. — *И. А.*) и прожить там три года, то избежишь беды!» На другой день Ван действительно увидел такую собаку и, не мешкая, уехал на восток. Через три года вернулся, и к нему снова явилась мать. Она сказала что, поскольку Ван сделал все правильно, то доживет теперь до восьмидесяти лет. Так и случилось (ТПГЦ, 320.10).

В ряде рассказов описаны случаи, когда **душа умершей невесты, при жизни не успевшей вступить в брак, приходит в дом жениха и справляет с ним свадебный обряд**, причем жених прекрасно осведомлен о смерти своей суженой. Дочь одного князя полюбила юношу по имени Хань Чжун и дала ему слово выйти за него замуж. Хань Чжун заслал сватов к ее отцу, князь в гневе их выгнал. Девушка в отчаянии удавилась. Ее похоронили. А Хань Чжун в это время был в княжестве Лу (Шаньдун), где учился, и вернулся оттуда только через три года. Родители рассказали ему о смерти возлюбленной, юноша с рыданиями явился на ее могилу и принес там жертвы. Появилась умершая, Хань Чжун в восторге привел ее домой. За три дня были проведены все необходимые обряды, и они стали супругами. Дева подарила Ханю жемчужину и ушла. Тогда Хань явился к князю, ее отцу, обо всем ему рассказал, и князю пришлось признать юношу своим зятем (ТПГЦ, 316.1, см. также ТПГЦ, 324.12).

Среди «возвращающихся» бывают и младшие члены семьи, обеспокоенные, как и старшие, судьбой захоронения своего тела. Именно поэтому возвращается домой сестра Ли Ина, умершая на чужбине и похороненная там. Она сообщает брату, что разбойники разорили ее могилу (ТПГЦ, 336.5). Причиной возвращения может стать и договор, который заключила умершая (умерший) перед смертью с каким-либо своим родственником или другом. Так, в рассказе «Вэй Хуан» (ТПГЦ, 327.1) говорится о том, как жена начальника уезда Чжоу, госпожа Вэй, уговорила с младшей сестрой мужа, что та из них, которая умрет раньше, придет потом рассказать о загробном мире. И вот, родив двух дочерей, Вэй умерла, а через месяц неожиданно вернулась как ни в чем не бывало домой, заговорила с домашними и рассказала, что уже побывала на приеме у владыки ада Яньло-вана.

Душа умершего сына возвращается домой к родителям. Такой случай описан, например, в рассказе «Ван Мин» (ТПГЦ,

320.9). Сын Ван Мина через год после смерти неожиданно вернулся домой, созвал всех родственников и стал с ними беседовать о былом. Он сказал, что после смерти каждый искупает преступления, совершенные при жизни, а также посоветовал, как уберечься от душ умерших, проходящих за теми, кто должен умереть: сделать в доме высокие пороги, тогда умерший, зайдя в дом, споткнется, упадет и забудет, с какой целью пришел.

В ряде рассказов описывается **возвращение души умершего к своим друзьям наяву**. Придя к приятелю (который, как правило, ничего еще не знает о смерти друга и потому реагирует спокойно на его появление), умерший беседует с ним как при жизни. Ань Фэн и его друг Сюй Кань, оба способные и эрудированные молодые люди, собрались ехать вместе на экзамены в Чанъань, но Кань, отличавшийся почтением к родителям, не смог расстаться с матерью, и Ань тогда поехал один. В Чанъани он пробыл десять лет. Все это время он безуспешно пытался сдать экзамены и пробиться в ряды чиновников. Вдруг неожиданно приехал Сюй Кань. Друзья, радуясь встрече, несколько дней провели вместе на постоялом дворе и все беседовали, не переставая. Потом Сюй сказал, что уже год, как покинул родной дом, и очень беспокоится, как там без него старая мать. Он предложил Аню вернуться домой вместе с ним, но он отказался, сославшись на то, что еще не добился желаемого. Друзья расстались, и только потом Ань узнал, что его друг умер три года назад. Впрочем, Сюй намекал на это в стихах, последняя строчка которых была: «И у [Желтого] источника позабыть былое трудно» (ТПГЦ, 344.5)¹.

¹ 黃泉. Одна из традиционных метафор загробного мира. Упоминается еще в «Цзо чжуань» (左傳 «Комментарий Цзо») как место, куда направляется душа после смерти: «Не пойдешь к Желтому Источнику, не увидимся более» (запись датирована 721 г. до н. э.; Л. Томпсон подчеркивает, что этот термин впервые встречается в «Цзо чжуань» — *Thompson L. G. On the Prehistory of Hell in China*. P. 29). Из того же памятника известно, что Желтый Источник располагается под землей, но описание этого места или какие-либо иные сведения о нем отсутствуют. У Сыма Цяня (司馬遷 145/135? г. до н. э. — ?) в «Ши цзи» (史記 «Исторические записки») сказано, что «жизненная сила Света, достигнув Желтого Источника — царства мертвых, рвется наверх» (Сыма Цянь. Исторические записки. С. 101). Желтый Источник — первое известное нам китайское обозначение загробного (подземного) мира. Не менее распространенное и, судя по всему, более раннее значение выражения «желтый источник» — подземный ключ. Так, в книге Мэн-цзы, например, сказано: «Ведь дождевой червь — поднимается наверх есть сухую землю и спускается вниз пить воду из желтого источника» (Мэн-цзы чжэн

Нередко душа умершего идет и на обман друга. Так, приятель Син Цуня Чжу Гуань, тяжело заболев, вдруг внезапно явился к Сину. Тот, конечно, справился, как Чжу себя чувствует, и Чжу сказал, что болезнь прошла, тогда как на самом деле он умер, о чем Син еще не знал (ТПГЦ, 351.1).

Нередко **умерший дает другу совет или предсказание**. Чаще всего это совет следовать учению Будды и в первую очередь не причинять вреда живым существам. Умерший Юй Шаочжи пришел к другу в колодках и весь избитый. Он сказал, что пришел дать совет, поскольку при жизни они были в очень хороших отношениях. «Нельзя убивать живых существ. А если не можете порвать с этим, тогда хотя бы не забивайте быков! Когда же будете есть мясо, воздерживайтесь от сердца... Ведь сердце — это хранилище духа. Такое преступление — особо тяжкое». Уходя, Юй попросился с другом и сказал, что через три года они встретятся, имея в виду, что через три года друг тоже должен умереть. Так и вышло (ТПГЦ, 321.10). В некоторых рассказах описываются случаи, когда не мирянин, убедившийся в действенности принципа воздаяния, но умерший буддийский наставник (法師 *фаши*) возвращается к другу, чтобы поделиться собственным, если можно так выразиться, загробным опытом, подтверждающим правдивость учения Будды. Буддийский запрет на употребление в пищу мяса убитых животных обыгрывается в разных ситуациях, когда души умерших (чаще адептов буддизма) приходят к друзьям поделиться горьким опытом: «При жизни я не мог отказаться от мяса, а теперь угодил в Ад Голодных Собак!» (ТПГЦ, 322.13, и др.).

Душа умершего часто помогает друзьям. И это не всегда та помощь, какой друг мог бы ожидать: в ряде рассказов описываются ситуации, когда душа умершего оказывает живому другу такие услуги, которых от нее никто не просит, причем делает это из самых лучших побуждений. Вот, например, рассказ «Ван Чжи-

и. С. 274). Комментатор отмечает, что «желтый источник» имеет также смысл «подземное царство мертвых», но в данном случае речь идет исключительно о подземном ключе. В «Хань шу» (漢書 «История династии Хань») читаем: «Желтый Источник под землей, мрачен в глубине! Родившись, человек непременно встретит смерти час» (Хань шу. Т. 9. С. 2762). Для нас в любом случае важно, что место это расположено под землей. Другой синонимический термин, принятый для обозначения этого места *Цзюцюань* 九泉, Девять Источников.

ду» (ТПГЦ, 322.8). Ма Чжун-шу и Ван Чжи-ду были очень дружны, потом Ма умер, а через год появился и заявил, что его очень заботит то обстоятельство, что Ван до сих пор не женат и что решение этого вопроса он берет на себя. Ма пообещал, что женит Вана и даже установил срок, когда привезет невесту, велел сделать к этому времени необходимые приготовления. В назначенный день вдруг начался сильнейший ураган, стемнело, а когда вихрь промчался, Ван в своей спальне обнаружил девушку. Когда она очнулась, выяснилось, что девушка эта из Хэнани, и сюда ее принес ураган. Усмотрев во всех этих событиях волю неба, Ван и девушка поженились.

Душа умершего может прийти в мир людей не только к знакомым при жизни людям, но и к совершенно посторонним, и это тоже возвращение — в том смысле, что душа умершего стремится вернуться к нормальной человеческой жизни. Незнакомым людям умерший также может являться как во сне, так и наяву; на короткое и на достаточно долгое время — в первом случае умерший навевается, как правило, к больному человеку. Рассмотрим некоторые характерные случаи явления души умершего *во сне*:

Душа является, чтобы обратиться с просьбой. Так было с больным военачальником Сыма Тянем, к которому во сне явился старец, назвавшийся Дэн-гуном (а рядом с тем местом была кумирня Дэн И (鄧艾 197—264), знаменитого полководца царства Вэй, представлявшая из себя травяную хижину). Старец обратился с просьбой отремонтировать кумирню, и Сыма распорядился покрыть крышу черепицей (ТПГЦ, 318.19). Заметим, что дух попросил не первого встречного, но чиновника, занимающего немалую должность, т. е. человека, по своему служебному положению вполне способного выполнить и не такую просьбу¹.

¹ Местный чиновник в старом Китае вообще мыслился владыкой не только населения вверенной ему области (уезда), но и всех проживающих на этой территории животных, а равно и духов, чьи кумирни (могилы) стояли на подвластных ему землях. С яркими примерами из этой области читатель сможет ознакомиться в главе данной книги, посвященной сборнику Лю Фу.

Душа умершего может также явиться во сне, привлеченная талантами человека. Так было с Дуань Вэнь-чаном, который, заночевав в лодке, вечером стал играть на цине и вдруг услышал чьи-то вздохи снаружи. Перестал играть — и вздохи прекратились. Выглянул — никого. Заиграл — опять кто-то вздыхает! Ночью ему приснилась девушка, которая рассказала о своей трагической судьбе: у нее умерли родители и она сама была вынуждена покончить с собой. Родители девушки были мастера играть на цине, и вот, услышав игру Дуаня, девушка вспомнила былое и очень расстроилась (ТПГЦ, 341.7).

В целом ряде случаев душа умершего является к незнакомому ей человеку на краткое время *наяву*. Приведу несколько примеров:

Душа умершего танцует и поет. Некий человек ночью видел в городе Яочэне двух умерших — каждый ростом более чем в три чжана (т. е. более десяти метров), которые танцевали и пели. Попели и исчезли (ТПГЦ, 346.7).

Душа умершего кричит. Подобный случай описывается, например, в рассказе «Ни Юань-чжи» (ТПГЦ, 330.14). Некий человек ростом немногим более восьми чи (т. е. около двух с половиной метров) появляется по ночам и кричит печальным голосом до самой полуночи. Потом исчезает. Эти и подобные им случаи (так, душа умершего может, например, танцевать или бегать вокруг какого-то места и т. п.) происходят, как правило, на могиле или в непосредственной близости от могилы, или же на том месте, где брошены без захоронения останки. Таким образом душа умершего выражает свои эмоции или хочет подать живым знак, не будучи в силах сделать большего (например, вступить в беседу).

Душа умершего оставляет свои стихи. Монах одного из буддийских храмов в Сучжоу однажды ночью увидел двух людей в белых одеждах, которые поднялись на башню этого же храма. Монах долго ждал, но они так и не спустились вниз. Тогда монах поднялся вслед за ними на башню, но никого не обнаружил. Днем же он нашел на стене три стихотворения, которые написали ночью те души. Одно из стихотворений начинается так:

У мира светлого и темного — разные пути.
Когда-то мы, ничтожные, слагать стихи умели.
Коль хочешь знать, где мы уединенно спим,

Знай: к северу от гор — две одинокие могилы.

Рассказ заканчивается упоминанием о том, что эти стихи и до сих пор можно видеть на башенной стене (ТПГЦ, 338.3).

Стихи души умершего могут быть приурочены к какому-либо празднику, например, к празднику ханьши или цинмин (ТПГЦ, 354.6), которые для душ умерших очень актуальны, ибо посвящены непосредственно им¹. В качестве автора стихов умерший ведет себя как обычный китайский книжник.

Душа умершего может явиться незнакомому ей человеку как безмолвный предвестник дурного. Лю Лан-цин как-то увидел высокого господина в очень внушительном одеянии. Господин стоял молча и на испуганные расспросы Лю не отвечал. Потом исчез, а через некоторое время после этого Лю был за проступок отправлен в ссылку (ТПГЦ, 326.3). Более того, душа умершего может явиться как предвестник смерти. Некий человек по фамилии Лю как-то увидел странное существо: «Морда как у льва, щеки заросли белым волосом, ростом в чи с небольшим (т. е. немногим более 30 см. — *И. А.*), а руки и ноги человеческие» (ТПГЦ 326.6). Часто в таких рассказах фигурируют исторические лица — например, знаменитый поэт Се Лин-юнь (謝靈運 385—433), к которому незадолго до смерти пришел казненный перед этим Се Хуэй (謝晦 390—426), держа в руках свою голову (ТПГЦ, 323.7).

Душа умершего может явиться к незнакомому ей человеку и как предвестник добра, но это нетипично. В рассказе «Лю Чэн» читаем: «Живший в пятом году цзиньского девиза правления И-си (409) Лю Чэн постоянно видел души умерших и стал помощником начальника области» (ТПГЦ, 320.15). Однажды Лю увидел странного мальчика, через несколько дней после чего случился большой пожар. Способность видеть души умерших

¹ Ханьши (праздник «холодной пищи») восходит к древнему обычаю обновления огня; в это время на три дня в очагах гасили огонь и питались заранее приготовленными лепешками, молочными продуктами, рыбой. Символом этого праздника была ива: ее ветвями украшали двери домов и паланкины. Цинмин же, или праздник «чистого света», следовал непосредственно за ханьши и с течением времени практически слился с ним в единое целое. Цинмин, зародившийся не ранее III в., был в первую очередь днем поминовения усопших: в этот день китайцы всей семьей приходили на могилы предков, убирали их, возжигали благовония, совершали жертвоприношения.

присуща героям и некоторых других рассказов. Подобное умение обретается в результате определенных достижений в овладении истинным Путем или даруется от природы. Так, некий Ху «мог видеть умерших. Даже если и не хотел, все равно ничего не мог с этим поделаться» (ТПГЦ, 319.4).

Душа умершего охотно помогает человеку, когда он обращается к ней с просьбой о помощи. Так, застигнутый снегопадом и вынужденный ночевать в лесу человек обратился к душам умерших с просьбой охранять его сон, и те всю ночь сторожили его (ТПГЦ, 331.9). Другой умерший помогает деньгами сироте (ТПГЦ, 320.14) и т. д. Но если человек не понимает, что душа умершего пришла ему помочь и отвергает эту помощь, то дело оборачивается к худшему. Так было с военачальником Чжао, который, сильно заболев, увидел человека в желтом платье, подошедшего к треножнику, где сын Чжао готовил лекарство для отца, и бросившего в лекарство пилюлю белого цвета. Всего этого сын Чжао не видел, и Чжао ему рассказал. Сын, думая, что пришелец добивается смерти отца, вылил лекарство и стал готовить другое. Через некоторое время снова появился давешний человек и снова бросил пилюлю в лекарство. Лекарство снова вылили. Больше дух не появлялся, а Чжао через несколько дней умер (ТПГЦ, 346.2). Иногда души умерших пытаются оказывать живым услуги, которых от них никто не ждет: «Цзиньши Дуань Хэ жил в арендованном помещении квартала Кэхуфан. На восьмой год Тай-хэ он слег больной и лишь через месяц ему стало немного лучше. Как-то днем он вымыл волосы, сидел и расчесывал их гребнем. Вдруг из щели в стене вылез какой-то человек — совершенно голый, он безо всякого стеснения встал перед Хэ. Внимательно его оглядел, а потом говорит: "Ну вот, заболели, а жены нет, некому за вами ухаживать! А ну умрете, тогда как?" Сообразив, что перед ним душа умершего, Хэ отвечал: "Да я ведь беден, где уж мне жениться!" "Позвольте мне быть для вас госпожой свахой! Тут в одном доме есть девушка — большой красоты и выдающейся добродетели. Все ее родственники занимают высокие посты, а дальней родни у нее не счесть!.. У меня есть средства, так что вы, сударь, можете не беспокоиться о свадебных подарках", — сказал незнакомец. Хэ в ответ: "Да я ведь еще, как говорится, не создал себе имени, у меня и мыслей о женитьбе нет!" "Уж вы не церемоньтесь! — отвечал тот. — Это ничего, ни-

чего! Сегодня же я устрою вам знакомство". И направился к воротам. Через самое короткое время вернулся, доложил: "Уже прибыла!" Тут же вошли четверо, неся вызолоченный паланкин, следом за паланкином шли две служанки, одна со взрослой высокой прической, а другая еще с детской, обе — красавицы. Потом двое слуг в синих головных повязках внесли шкатулки с драгоценностями и сундуки с одеждой. Поставили во дворе. Сват велел нести невесту во флигель, затворил за ней дверь и вернулся к Хэ: "Невеста из высокой семьи прибыла! Никаких церемоний совершать не надо. Разве вы против?" Хэ до того разгневался, что ему вдруг стало хуже, и он даже голову не смог оторвать от изголовья. "Вы хоть взгляните разок на невесту", — просил сват. Так он обратился к Хэ еще раза три, но Хэ наотрез отказался...» (ТПГЦ 349.3).

В доме человека заводится душа умершего. Это весьма частый случай, если учесть стремление умерших к возвращению в мир людей. Так, в доме Чэнь Си-ле завелся призрак, который читал нараспев стихи и пел песни. Стали его спрашивать, кто он и откуда и что тут делает. «Гуляю в этих местах. Погуляю немного и уйду», — отвечал тот. Потом выразил желание получить в жертву одежду и пищу. Когда ему отказали в требуемом, стал ругаться, а вскоре исчез (ТПГЦ, 335.4).

Поскольку человек (с семьей) и душа умершего обитают в одном доме (и часто это дом умершего, где теперь живет другой человек), между ними необходимо должны установиться какие-то отношения, и **умерший признает превосходство человека, если он имеет заслуги в каком-либо роде деятельности.** Военачальник Чэнь поселился в казенном помещении, которое пользовалось дурной репутацией: жившие в нем чиновники заболели и умирали. Чэнь сразу же после переезда среди бела дня стал встречать всяких удивительных существ и поначалу пытался с этим бороться: стрелял из лука, бесстрашно бросался на них с мечом или палкой. Так продолжалось довольно долго, и вдруг однажды из воздуха раздался голос: «Я — душа умершего и не желаю жить с человеком под одной крышей. Но вы, сударь, обладаете мудростью и прямоотой, поэтому я хотел бы служить вам

как старшему брату. Позволите ли?» Чэнь согласился, и с этих пор безобразия прекратились. Установив с Чэнем братские отношения, умерший часто вступал с ним в беседы, предупреждал, когда должно было случиться что-то недоброе, а Чэнь приносил ему жертвы, когда тот просил (ТПГЦ, 355.3). Такое мирное сосуществование вполне типично и может продолжаться бесконечно долгое время — пока человек не умрет или пока загробные власти не переведут душу умершего в другое место (ибо в потустороннем мире, как и в мире живых, каждая душа приписана к определенной местности и может невозбранно покинуть ее только с согласия загробных властей). Но в случае с военачальником Чэнем история закончилась иначе: Чэнь неожиданно пригласил мага, который составил на умершего жалобу и сжег ее на алтаре. Такой поступок неожиданен тем более, что умерший не делал Чэню ничего дурного, а напротив — приносил пользу, да и сам он тоже не понял, почему такое произошло: «Мы с вами, сударь, стали братьями, как же могли вы подать доклад с жалобой на меня?! Разве так поступают великодушные мужи, связанные дружескими узами?» Однако ему все же пришлось уйти. Видимо, он ошибся, и не такой уж мудрый и прямой человек был Чэнь.

Появившись в доме, **душа умершего может преследовать самые различные цели, и первойшая из них — получение жертвоприношений**, что вполне понятно, ибо именно таким способом умерший может себя поддерживать. Принимая во внимание ту жизненную необходимость, какую для души умершего имеют жертвоприношения, легко понять, почему для достижения этой цели она часто прибегает к своей сверхъестественной силе. Так, появившаяся в доме Чэнь Цинь-суня душа умершего обратилась к хозяину с требованием принести в жертву имеющуюся у Чэня в хозяйстве черную корову. Умерший пригрозил, что в противном случае через двадцать дней убьет его сына, но тот на все требования отвечал: «Для жизни человеческой установлен срок, и от тебя он не зависит!». В назначенное время мальчик действительно умер. Тогда умерший пригрозил убить и жену Чэня. Чэнь упорствовал, коровы не отдавал, и жена действительно умерла. Потусторонний вымогатель явился снова и сказал, что теперь убьет уже самого Чэня, но тот все равно оставался непреклонен. И вот прошел назначенный срок, а Чэнь был все еще жив. Тогда умерший стал каяться: «У вас, сударь, сердце твердое, значит,

вам суждено большое счастье! Никому не рассказывайте обо всем этом, а то узнают Небо и Земля, и мне не поздоровится. Все дело в том, что я видел, как чертенок-посыльный нес указ канцелярии, где было сказано, что срок жизни ваших сына и жены уже подошел к концу, вот я и решил воспользоваться этим и вытребовать у вас еду!» (ТПГЦ, 318.21). Не совсем ясно, в состоянии ли души умерших влиять на срок жизни и вообще на судьбу. Во всяком случае, если души умерших и имеют такие возможности, то они принадлежат, по всей видимости, тем из них, которые после смерти имеют достаточно власти, поскольку занимают в загробном мире высокое положение. Потому, наверное, в мире людей такие души появляются как знатные чиновники в окружении свиты, а не пешком и не в одиночку.

Поскольку души умерших имеют обыкновение запугивать людей, страх перед ними является вполне объяснимым, тем более, что воздействие со стороны умерших может выражаться не только в форме прямых угроз и вымогательства, но и чисто визуально — когда душа умершего предстает перед человеком в некоем необычном (*и 異*), пугающем (*гуай 怪*) виде. При этом стремление умершего запугать человека и подчинить его себе не обязательно направлено на достижение какой-то цели; душа умершего может причинять человеку зло и без достаточных для того оснований. Так, в одном рассказе призрак странного вида повадился залезать в живот маленькой девочки и оттуда говорить и выкрикивать угрозы. Чуть не замучил ее до смерти (ТПГЦ, 320.3). А призрак, заведшийся в доме Янов из Усяня, по виду напоминал обезьяну. Он взял манеру отнимать у людей еду и иными способами всячески изводил хозяев. Ян, разозлившись, погнался за ним с ножом, но умерший превратился в жену Яна, а саму женщину превратил в себя, так что Ян в результате зарезал свою же жену (ТПГЦ, 318.9). Ясно, что у человека есть все основания не ждать для себя ничего хорошего от встречи с душой умершего.

Однако в ряде рассказов зафиксированы ситуации встречи человека с умершим, когда человек, зная, с кем имеет дело, тем не менее не боится души умершего. «Жуань Дэ-жу как-то в коридоре встретил призрака — ростом более чжана (т. е. более трех метров. — И. А.), тот был весь черный, с большущими глазами. Одет в белые одежды, на голове — повязка. Остановился перед

Дэ-жу. Совладав со страхом, Дэ-жу сказал ему с усмешкой: "Правду говорят, что души умерших и с виду отвратительны!" Призрак устыдился и удрал» (ТПГЦ, 318.20). Еще чаще люди такого склада (т. е. способные «совладать со страхом») при встрече с душой умершего не только не боятся ее, но даже **нападают первыми, стремясь ее уничтожить**. Даос Фа-ли как-то, встретив умершего у входа в храм, тут же навалился на него, схватил, привязал веревкой к столбу, а потом принялся избивать палкой. Решив проверить, правду ли говорят, что души умерших могут превращаться, он закрепил того у столба железной проволокой и обратился в ожидание. К вечеру умерший исчез. Никаких последствий для монаха все это не имело (ТПГЦ, 327.6). Также успешным может оказаться и нападение на невидимого умершего. Увидев на полу отпечаток ноги длиной в два цуня (т. е. около 6,5 см), чиновник Лю Шу-лунь стал ночью охотиться за невидимым духом по всему дому с мечом в руках и рубить наугад воздух, и кого-то зарубил — полилась кровь (ТПГЦ, 325.12). Эти нападения не спровоцированы умершим, хотя часто человек нападает на него, будучи просто доведен до отчаяния тем, как тот ему вредит или мешает — к примеру, в вышеописанном случае с Яном, или если умерший портит его вещи, не дает спать и др. (ТПГЦ, 323.3, ТПГЦ, 327.11). Нередко бесстрашие (или присутствие духа), проявленное при встрече с душой умершего, служит доказательством незаурядности человека и предвещает великое будущее. Так, Лу Юй-цин в молодости зимней ночью ехал по полю. Стоял лютый холод, и Лу сильно замерз. Вдруг увидел костер, вокруг которого сидели какие-то люди. Лу подъехал к ним, чтобы немного погреться, но оказалось, что пламя костра холодное. Лу удивился этому и спросил, в чем дело. Сидевшие отвечали ему дружным хохотом. Уяснив, что имеет дело с умершими, Лу хладнокровно хлестнул лошадь и ускакал. «Раз вы, молодой господин, не побоялись их, вас ждет счастливая помощь! Быть вам богатым и знатным!» — напороочил Лу один из местных жителей. Лу действительно стал знатным чиновником (ТПГЦ, 328.14).

Отнюдь не все нападения на умершего оканчиваются для человека столь благополучно, не все служат признаком великого будущего. **Часто исходом такого нападения становится смерть человека**. В рассказе «Ван Чжун-вэнь» (ТПГЦ, 319.14) главный герой увидел некую белую (цвет траура) собачку. Она до того

понравилась ему, что Ван велел взять ее с собой, но тут собака превратилась в человека совершенно отвратительной наружности. Изумившись, Ван принялся лупить его плетью и слугам также приказал бить. Человек исчез, а через месяц Ван и все те слуги, что били человека, увидели его вновь и умерли. То же случилось и с Лю Цин-суном, который напал на вылезшую из дырки в полу душу умершего. Призрак удрал, а Лю заболел и умер (ТПГЦ, 321,6).

Следует, видимо, отметить, что подавляющее большинство вышеперечисленных случаев происходит, как правило, без каких-либо разговоров между человеком и душой умершего и в короткий промежуток времени.

Человек ночует в доме души умершего. Это происходит тогда, когда человеку, застигнутому в дороге непогодой или ночью, не удается найти приюта на ночь. Можно сказать, что, пуская человека в свой дом (т. е. видоизмененную сверхъестественным способом на время могилу) переночевать или давая ему приют во время бури, душа умершего оказывает живому доброе покровительство и идет навстречу.

Главный герой в сюжетной прозе данного времени — в первую очередь мужчина, и только в редких случаях в роли главного действующего лица выступает женщина. Поэтому вполне естественно, что когда мы говорим о предоставлении ночлега путнику, то этим путником в подавляющем числе случаев будет мужчина. А вот предоставлять ему ночлег и выступать в роли хозяев дома могут как души умерших мужчин, так и души умерших женщин. Рассмотрим некоторые примеры.

Возвращавшегося из столицы Цинь Шу в пути застигла ночь. Цинь сбился с дороги. Завидев вдали огонек, он поехал на свет в надежде на ночлег и вскоре оказался у хижины, в которой жила некая девушка. Не решаясь войти, Шу попросил у нее позволения провести ночь во дворе, но скоро она позвала его в дом и усадила за стол. Видя, что девушка живет совершенно одна, Шу осмелел и обратился к ней с интимным предложением, на что она со смехом согласилась. Они провели ночь на одном изголовье, а утром на прощание девушка со слезами на глазах подарила Шу

колечко и сказала, что более они не увидятся. Отъехав на несколько десятков шагов, Шу оглянулся и вместо хижины увидел могильный холм. А колечко вскоре потерял (ТПГЦ, 324.1). В рассказах такого типа следует обратить внимание на несколько характерных моментов. **Душа умершей встречает путника (или приглашает) в жилище, которое в тексте характеризуется как бедное** — это, как правило, хижина, сооруженная из прутьев и травы, где нет даже огня в очаге, а часто не бывает и самого очага по причине крайней бедности (ТПГЦ, 327.15, и др.). Однако в ряде случаев **путник может оказаться и в роскошных чертогах** — когда останавливается на ночь у умершей женщины, занимавшей когда-то достаточно высокое общественное положение. В рассказе «Цуй Ло-шэ» (ТПГЦ, 326.7) описывается случай, когда главный герой, Цуй, проезжая вечером мимо усадьбы с красными воротами, был остановлен слугой, который сказал, что его хозяйка непременно хотела бы видеть Цуя. Удивленный, Цуй пошел со слугой внутрь и там встретился с красавицей, которая стала потчевать его роскошными яствами. И хотя Цуй понял, что имеет дело не с человеком, он провел с красавицей время до утра в удовольствиях. Наутро она подарила Цую нефритовое кольцо и выпроводила прочь. Когда он отошел немного от дома и оглянулся, то увидел, конечно, могилу.

(Таким образом, мы находим здесь лишнее подтверждение факту прямой зависимости между общественным положением при жизни и после смерти. Традиционные представления связывали богатство при жизни с богатством по смерти: пышная могила принадлежит непременно человеку значительному, бедная могила принадлежит простолюдину.)

Нередко, как бы в уплату за ночлег, душа умершей обращается к гостю с просьбой. Так, некий Чжан Юй, застигнутый в пути непогодой и темнотой, попросился переночевать в богатый дом, там его радушно встретила женщина лет тридцати. Она призналась, что давно уже не человек, и стала жаловаться, что ее бывший муж препоручил сироток служанке, которую приблизил к себе, а служанка относится к детям из рук вон плохо и даже бьет их. «Я хотела бы убить эту служанку, да жизненная энергия мертвого так слаба! Поэтому хочу вас просить помочь мне в этом деле. Я щедро вас отблагодарю». Поняв эту просьбу как то, что он должен убить служанку, Юй, конечно, отказался, но женщина

заверила, что от него требуется только рассказать обо всем ее мужу. Такую просьбу Юй выполнил (ТПГЦ, 318.11).

Второе неперенное обстоятельство подобных встреч — **подарки, которыми обмениваются мужчина и дева при расставании утром.** Впрочем, путник может и не сделать деве подарка, тогда как она обязательно дарит что-то на память о себе — колечко, подвеску на пояс, мешочек для благовоний, веер, стихи и т. п. Через некоторое время подарок может исчезнуть неизвестно куда, а может стать причиной, из-за которой вся история выплывет наружу.

Третье обстоятельство — **такие встречи обычно сопровождаются сексуальными отношениями.** Предложение вступить в отношения подобного рода может исходить как от гостя, так и от хозяйки. Последняя часто делает это в стихах, недвусмысленно намекая о своем желании. Пишущие стихи девы, как правило, отличаются и другими талантами и обыкновенно изображаются как натуры утонченные, склонные к весьма изящного свойства переживаниям; при этом жилища их отнюдь не убоги.

Непосредственно к этой группе рассказов примыкает другая, в которой главной темой также является **встреча мужчины и души умершей женщины, но происходящая в каком-то другом месте.** Дева, например, может сама прийти к мужчине, привлеченная его талантом: Ван Гун-бо очень хорошо умел играть на цине и, однажды, заночевав в придорожной беседке, стал любоваться луной и перебирать струны. Вдруг появилась какая-то красавица и сказала, что тоже очень любит игру на цине. Слово за слово — Гун-бо возлег с ней на ложе любви. Наутро расстались, обменявшись подарками. Потом оказалось, что это была душа недавно умершей местной девушки (ТПГЦ, 318.15). Души умерших также могут иметь какое-нибудь свойство или некий предмет, выдающий их истинную сущность; так, их тело может быть холодным как лед, при их появлении может возникнуть сильный запах свежей крови или зловоние; они могут носить с собой в специальном мешке, куда запрещают заглядывать, собственные кости, и т. д.

Может **встреча** произойти **в доме, пользующимся дурной славой:** про беседку, что стояла за западными воротами города Жуяна, было известно, что там обитает дух умершего, и многие из тех, кто остался там на ночь, заболели и даже умирали. Не-

кий Чжэн Ци, не убоившись всего этого, смело остановился там на ночь и провел ее с удивительной красавицей. Утром в беседку заглянул стражник и увидел на одном изголовье рядом со спящим Чжэном труп женщины. Чжэн после этого довольно долго маялся болями в животе (ТПГЦ, 317.8). Вообще встреча в «нехорошем» месте несет человеку зло чаще, чем контакт в «доме» покойной.

Особую группу составляют рассказы, **главные герои которых встречаются с известными красавицами прошлого**. Лю Дао и его друг Ли Ши-бин ехали в Ханчжоу. В один прекрасный день они услышали доносящиеся из придорожного леса женские голоса, и тут же из-за деревьев вышла служанка и доложила, что их хотят видеть две дамы. Через короткое время эти дамы появились из леса — это были исключительно красивые, разодетые в дорогие наряды молодые женщины. Приятели стали им кланяться, пригласили разделить с ними трапезу... Как выяснилось, одна из пришедших была известная красавица прошлого Си Ши. Наутро расстались, обменявшись подарками (ТПГЦ, 326.5). Вообще встречи с Си Ши довольно часты (ТПГЦ, 327.7 и др.), и характерной особенностью подобных рассказов является то, что герой, встретившись с известной красавицей прошлого, непременно пользуется случаем **не только вкусить с ней любовь, но и узнать подробно о том времени, когда красавица жила**, и расспросить о событиях, очевидцем которых она стала и которые, с точки зрения героя, недостаточно освещены в исторических сочинениях. Часто красавица пускается в воспоминания по собственной инициативе.

Нередко вышеописанные встречи **мужчины и умершей девы** приводят к тому, что они **довольно долгое время живут как супруги**. Придя к мужчине в облике очаровательной, легко доступной женщины, дева не прерывает встреч, но остается на достаточно долгий (определенный Небом) срок. Мужчина часто сначала и не подозревает, с кем свела его судьба, полностью захваченный прелестью новой возлюбленной, а когда узнает — чаще всего пытается отделаться от нее или даже уничтожить. Так было, например, с неким Чжуном. Приятель его заметил, что с некоторого времени Чжун переменялся и стал странный. Приятель начал расспрашивать его, и Чжун признался, что вступил в связь с красавицей, да такой, что подобную трудно где сыскать. Друг ему ответил, что это наверняка умершая, и посоветовал

убить деву. Последовав совету друга, Чжун при встрече нанес деве рану, а наутро по следам крови дошел до могилы и в ней обнаружил тело своей возлюбленной (ТПГЦ, 317.9). (Случаи, когда душа умершего мужчины живет с живой женщиной, единичны. См., например, рассказ «Госпожа Мэн» (ТПГЦ, 345.9), где описывается, как к жене одного купца во время его отсутствия приходит душа умершего юноши и склоняет к любви. Такое сожительство продолжается целый год, вплоть до возвращения мужа.)

Однако бывают и другие случаи, когда мужчина, с кем живет, не отворачивается от девы. К начальнику области Ли Чжун-вэну такая дева сначала явилась во сне и призналась, что умерла, и Ли не выказал ей своего отвращения (хотя умершие, как правило, говорят, что этого очень опасаются). Встретив же наяву, стал жить с ней как с женой (ТПГЦ, 319.1). Желание избавиться от подобной возлюбленной, впрочем, вполне объяснимо, если учесть устойчивое представление о том, что **дева, вступая в сексуальные отношения с живым мужчиной, тем самым несет ему болезни и смерть**. В рассказе «Ли Тао» (ТПГЦ, 333.8) к главному герою ночью явилась красавица. «Тао понял, что это душа умершей и поначалу с ней не разговаривал. Девушка потупилась и пошла прочь». Тогда Тао пристыдила служанку, и он, возжелав красавицу, начал с ней разговаривать и даже заигрывать. Кончилось все блудом. Потом дева сказала, что у них с Тао — старая связь. Они прожили вместе более десяти дней, когда мать Тао, узнав об этом, вызвала его для разговора и стала бранить. Тао сперва отказывался порвать с девой, но потом заболел и слег. Интересно, что умершая его не бросила, но проявила о Тао трогательную заботу, поила его лекарственными отварами и вообще ухаживала, как жена. Вскоре она ушла — срок связи вышел.

Тема «старой связи» весьма распространена в ТПГЦ и вообще в сюжетной прозе. Души умерших женщин часто ссылаются на эту старую связь, которая якобы есть и была у них именно с этим человеком еще в прошлой жизни, при прошлом рождении. Однако часто **умершей движет не просто интерес к талантам человека или старая связь, но и обычная страсть, не утоленная при жизни**. Это также приводит как к случаям отдельных контактов, так и к длительному сожительству. Такой случай описан, например, в рассказе «Ван Чжи» (ТПГЦ, 328.12), где не ус-

певшая при жизни выйти замуж красавица после смерти является ночью к проезжему студенту, и они живут как супруги целый месяц. На прощание дева дарит студенту бронзовое зеркало, по причине чего и раскрывается вся история. (И это, кстати, частый мотив. Умершая нередко дарит, как было отмечено, возлюбленному разные вещи или забывает у него что-либо. Но поскольку она располагает только тем, что положили с нею в гроб (а это, как правило, драгоценности или предметы жизненной необходимости), то дарит те самые вещи. Это происходит чаще всего пока гроб стоит непогребенный. Родственники, обнаружив в гробу недостачу, начинают поиски — в случае с Ван Чжи у него нашли бронзовое зеркало и обвинили в воровстве. Чтобы оправдаться, Вану пришлось обо всем рассказать.) Иногда скоротечные любовные связи заводят души бывших при жизни замужем женщин. Так было с покойной женой одного человека, вступившей в связь с начальником уезда во время отсутствия мужа на родине. Когда супруг вернулся, умершая ушла от начальника, а тот, случайно встретившись с ее мужем, показал невзначай подарок возлюбленной (серебряную чашу). Муж узнал чашу, потому что сам клал ее в гроб покойной жены (ТПГЦ, 335.7).

Интересно, что **душа умершей имеет обыкновение мстить своему партнеру за измену**. Так, Ян Бэй, сойдясь с умершей, долго болел, а потом, когда дева ушла от него, внял уговорам старшего брата и женился. Через год после этого умершая внезапно вернулась и стала ругать Яна. Вскоре после этого он заболел и умер (ТПГЦ, 334).

Другая группа рассказов, связанная со встречей человека и души умершего, охватывает отношения между живым мужчиной и душой умершего мужчины. И если душой умершей женщины в первую очередь движет желание вступить в сексуальную связь, то **душой умершего мужчины руководит интерес к талантам живого, преклонение перед его искусством или же знаниями**, и именно это в первую очередь становится причиной для контакта. Часто бывает так, что душа умершего предоставляет путнику ночлег.

Душа умершего может сама пригласить путника в свой дом. Увлекавшийся в юности даосизмом Вэй решительно не верил ни в каких духов. Как-то вечером ему случилось в горах попасть в снежную бурю, да в такую сильную, что идти дальше Вэй не мог. Тут вдруг появился даос и пригласил Вэя к себе домой переждать бурю, переночевать и побеседовать о том и о сем. Придя на место, они сели у очага и, попивая вино и закусывая, стали вести беседы о даосском учении. Потом хозяин перевел разговор на души умерших, и Вэй решительно возразил: их не существует и говорить тут не о чем. «Да ведь то, что вы перевозите — Дао, Путь бессмертных! — отвечал даос. — Зачем же вы с такой решительностью возводите напраслину на души умерших? Ведь они существуют с тех пор, как появились Небо и Земля! Если ваше Дао высоко, то души умерших и духи не посмеют чинить вам вред, а если Дао пока еще не достигло высоты — тогда они вредят!» Вэй ему не поверил, но когда утром распрощался, пошел прочь и оглянувшись, увидел вместо дома лишь могильный холм! С тех пор он поверил в духов (ТПГЦ, 327).

Следует отметить, что **не все ночные встречи в домах умерших душ заканчиваются для человека благополучно.** Например, торговец Чэнь, оказавшись вечером рядом с внушительного вида помещьем, заезжает туда в поисках ночлега и сталкивается с человеком страшной наружности. «Тут луна выплыла из-за туч, и он увидел, что лицо его было совершенно черное, а глаза без зрачков». Чэнь тут же бросился бежать и только этим спасся. Потом от одного старика он узнал, что в том месте обитает вредоносная душа умершего (ТПГЦ, 317.16). А в рассказе «Ху Юнь-и» (ТПГЦ, 344.4) описывается другой не лишенный интереса случай. Ху Юнь-и вместе с женой направлялся к новому месту службы, и в пути их дочиста ограбили разбойники. Ограбленных пожалел и приютил старик, который оказался настолько любезен, что предложил Ху временно оставить жену у него, а самому добираться до места службы и вступать в должность, после чего будут средства вернуться за женой. Ху согласился и уехал один. Прибыв на место и приступив к службе, он неожиданно получил от жены письмо, где она сообщала, что без него уже проплакала все глаза и что нашла утешение с юношей, также живущим у старика. Ху, вне себя от гнева, тут же бросился назад,

желая отомстить коварному старику и ветреной жене, но нашел на прежнем месте лишь могилу, а в ней — тело мертвой уже супруги.

Душа умершего, подобно душе умершей женщины, **может сама явиться к заинтересовавшему ее человеку**: вечером некий Цзи Кан сел играть на цине, как вдруг появился кто-то ростом более чем в чжан (т. е. выше трех метров) и задул лампу, едва Цзи сделал попытку его рассмотреть. «Сам я жил здесь раньше и погиб тут же. Услышал, как вы, сударь, играете — мелодия чистая и мягкая, не похожа на те, что были в древности... Вот я и пришел послушать». Всю ночь Цзи и его гость провели в разговорах (ТПГЦ, 317.11). Часто в таких случаях умерший сам преподает живому несколько уроков игры на музыкальном инструменте, приглашает вместе слагать стихи на заданные рифмы (ТПГЦ, 324.4, ТПГЦ, 349.5).

Причиной, повлекшей за собой визит умершего, **может стать и какое-нибудь качество, которым человек славится** — поэтический талант, почтение к родителям, гостеприимство. Цзиньши Лу был известен своим поэтическим даром, кроме того был богат и очень гостеприимен. И вот однажды вечером к нему явился человек, с виду очень внушительный. «Я слышал, вы сочиняете превосходные стихи. Вот и пришел». Выяснилось, что это великий (и давно покойный) поэт Шэнь Юэ (沈約 441—513). Лу стал угощать его вином и вообще проявил всяческое радушие. В компании еще с одним умершим они веселились втроем всю ночь и слагали стихи, а распрощались только утром. «В этих местах менее чем через два года солдаты поднимут мятеж», — предупредил Шэнь Юэ перед уходом. Так и случилось (ТПГЦ, 343.1). Иногда души умерших предсказывают не только грядущие бедствия, но и срок жизни человека (ТПГЦ, 336.1 и др.).

Впрочем, чаще всего **человек встречается души умерших не у себя дома**, но в местах, расположенных неподалеку от их захоронений: останавливаясь на ночь в одиноко стоящей почтовой станции или в гостинице, стоящей на отшибе. Цзиньши Цзу Цзя со слугой остановился на ночь в пустующем буддийском монастыре. Взошла столь прекрасная луна, что Цзу вместо того, чтобы спать, стал рассказывать по двору взад и вперед и любоваться ею. Неожиданно появился незнакомец и заговорил с ним. Они уселись вместе на циновку и повели беседу о классических

сочинениях и канонических текстах, читали вслух стихи. Утром гость ушел, а позднее Цзу узнал, что это был умерший (ТПГЦ, 344.8).

Отдельно следует упомянуть о встречах людей с посыльными из царства мертвых (в роли которых, как было отмечено, иногда выступают возвращающиеся домой родственники). Душа умершего, следуя по «казенным» делам в определенное место, **просит человека подвезти его** на лодке (телеге и т. п.), не раскрывая при этом своей истинной сущности. Непременным атрибутом чиновника из загробного мира следует назвать книгу (свиток), куда занесены имена всех тех, кто должен умереть (там содержится информация такого рода: «В такой-то день прибыть в такое-то село и забрать такого-то»). Чжоу Ши встретил в дороге человека, по виду чиновника, с книгой под мышкой, который попросился к Ши в лодку. Ши пустил его. Через десять ли пути человек попросил остановиться ненадолго у какого-то поселка. «Оставляю в вашей, сударь, лодке свою книгу. Только ни в коем случае не открывайте ее», — сказал он и ушел. (Отлучки посланца за душами на берег (или, если он едет на телеге, то — с телеги) в деревню продолжаются недолго, и вскоре из деревни начинает доноситься скорбный плач — ТПГЦ, 339.1.) Ши, конечно, тут же полез смотреть, что это за книга, и оказалось — список назначенных к смерти. В конце стояло и его, Ши, имя. Придя в ужас, Ши обратился к вернувшемуся чиновнику с мольбой, и тот, посетовав, что Ши его ослушался, сказал: «Сегодня же возвращайтесь домой и три года не смейте выходить за ворота, тогда еще смерти можно избежать». Ши так и сделал. Два года он безвылазно просидел дома, но потом отец послал его на похороны соседа, и Ши уж никак не мог отказаться. Выйдя за ворота, он тут же увидел того чиновника с книгой. Чиновник сказал, что теперь ничего не поделаешь, и дал три дня, чтобы закончить земные дела. Через три дня Ши умер (ТПГЦ, 316.11).

Иногда **посланцы ошибаются и забирают не ту душу, какая указана в списке** — то ли по недостаточной грамотности, то ли по невнимательности. Так, в рассказе «Тан Бан» (ТПГЦ, 322.1) за главным героем приходят двое в красных одеждах и ве-

дут за собой к огромной могиле. «Ведь сказано было схватить Тан Фу, зачем же схватили Тан Бана?!» — ругает их начальник. Тан Бан ожил, а живший неподалеку Тан Фу — умер. За монахом Хуэй-цзинем погнался какой-то великан, но, увидев, как тот отчаянно сопротивляется, решил уточнить его имя. Спросил как зовут. «Фамилия совпадает, а имя — нет!» — сказал великан, когда Хуэй-цзинь ответил, и исчез (ТПГЦ, 354.11; см.: ТПГЦ, 346.3, и др.).

Сюда же примыкает группа сюжетов, связанная с **посещением загробного мира и последующим возвращением оттуда**. Сведения, которыми мы располагаем на этот счет, относятся главным образом к воспоминаниям воскресших после смерти или побывавших в загробном мире во время сна, болезни: некоторое время (часто — три дня) такой человек находится в бессознательном состоянии, настолько похожем на смерть, что в ряде случаев родственники даже кладут его в гроб, после чего мнимый умерший воскресает и рассказывает об увиденном в загробном мире. Первым делом к такому человеку являются потусторонние посланцы, дабы препроводить его в судилище. Так, живший при Суй, в годы под девизом правления Кай-хуан (589—600) Чжао Вэнь-жо пролежал в беспамьтстве семь дней, а потом очнулся и рассказал, что был препровожден в дворцовый город (*гун чэн*), где предстал перед ваном (ТПГЦ, 102.1). В другом рассказе: «Сначала я увидел двоих, что держали в руках официальные бумаги. Они пригнали меня к городским воротам, очень внушительным и высоким. Миновав ворота, мы прошли четыре или пять ли и увидели дворцовые палаты с почетной охраной вокруг. В зале на возвышении сидел ван. [Кругом стояли] буддийские монахи, даосы, варвары с четырех сторон света — бесчисленное количество (ТПГЦ, 102.8). Или: «Только умер — тут же его схватили и погнали прочь. Вместе с ним гнали еще десять человек. Скоро все пришли в обиталище Яньло-вана» (ТПГЦ, 102,11)¹. Подобные примеры в достаточной степени типичны.

¹ Яньло-ван (閻羅王, что есть, как известно, сокращенный перевод на китайский санскритского Yama-raja: Яньмолочжэ) — в китайских простонародных представлениях владыка ада. Не во всех рассказах, где речь идет о загробном правителе, он назван прямо по имени — более часто упоминание некоего вана (князя), вершащего суд над прибывающими душами.

Оказавшись в загробном мире перед лицом его владыки, душа умершего подвергается допросу, основным содержанием которого становится имеющее явную буддийскую окраску выяснение, что подследственный при жизни совершил хорошего и что — дурного. Что неудивительно, поскольку идея загробного суда и воздаяния пришла в Китай вместе с буддизмом. Вернемся к Чжао Вэнь-жо: «Ван спросил: "Какие у вас, господин, были при жизни заслуги и добродетели?" "Только разве то, что я во всем придерживался "Алмазной сутры", — отвечал Чжао. "Это — самая наипервейшая [заслуга]! — сказал ван. — И хоть годы ваши истекли, за любовь к этой сутре добавляю вам еще двенадцать лет!" Потом добавил: "Среди всех преступлений самое тяжкое — убить живое существо"». При таких допросах возможны, как правило, две ситуации — когда хорошие поступки, совершенные человеком, значительно превышают дурные, в награду за что его отпускают обратно в мир людей и продлевают срок жизни; и когда человека, как было сказано выше, забрали по ошибке. Все эти обстоятельства выясняются при допросе, после чего схваченного отправляют обратно в мир живых. При этом он успевает что-то увидеть в загробном мире: порой — случайно, порой — специально поинтересовавшись, иногда же — по распоряжению Яньлована (или иного загробного чиновника, обладающего достаточными полномочиями) умершего могут повести посмотреть на последствия прижизненных дурных поступков, с чисто назидательными целями. В результате человек имеет возможность увидеть одно, максимум два-три отделения ада. Так, в случае с Чжао Вэнь-жо, ван, упомянув о запрете убивать живое, велит отвести Чжао туда, где мучаются люди, совершившие подобный грех: «Прошли на север, может, два-три ли и остановились около высокой стены. В стене был проход, как раз по человеческому росту. Пройдя через него, вышли на высокий холм. С холма открывался хороший обзор — Чжао увидел город, из-за высоких стен которого вздымались до небес огонь и дым. Черный пепел покрывал землю. Из-за стены доносились вопли страшной боли, да такие жалобные, что невозможно было слушать! Чжао, зажмурив глаза и заткнув уши, нагнул голову и бросился прочь, но почувствовал, что сердце его разрывается. Из рта хлынула кровь... Служитель повел Вэнь-жо назад к вану...».

Подобные примеры можно продолжать. Однако не описание ада и наказаний является центром интереса авторов и читателей сюжетной прозы, эти фрагменты сравнительно малочисленны, второстепенны, они — своеобразный фон, так сказать, необходимая адская атрибутика ¹.

Принесение жертв духу умершего незнакомца, захоронение тела неизвестного умершего, перезахоронение неудачно погребенного тела (останков), погребение брошенных без захоронения костей — все эти поступки влекут за собой безусловную благодарность душ умерших, которым принадлежат указанные останки. Впрочем, как кажется, человек, перезахороняющий кости или же приносящий жертвы неизвестному ему духу, обычно не преследует корыстных целей, на благодарность не рассчитывает, но поступает так, следуя побуждению души.

В коридоре своего дома Хуань Гун обнаружил яму, каковая при тщательном рассмотрении оказалась могилой. «И каждый раз во время трапезы Гун сначала ставил еду перед могилой. Так прошел год». Вдруг появился некто и сказал, что это — его могила, а умер он уже более семисот лет назад, и все потомки его тоже умерли, так что ухаживать за могилой некому, вот она и пришла в такое запустение. «Тронутый вашей добродетелью, сударь, я в благодарность сделаю вас начальником области Нинчжоу», — сказал пришелец (ТПГЦ, 322.5; этот же рассказ в незначительно переработанном виде и с указанием того же источника есть в 320-ой цзюани ТПГЦ). Однажды некий Сюй на своем поле обнаружил чью-то могилу и тоже стал делиться едой с душой умершего, громко крича: «Эй, полевая душа умершего! Иди, ешь мою еду!» (ТПГЦ, 320.78). В рассказе «Фан Сюань-лин» герои после принесения жертв могиле неизвестного, слышат такой любопытный диалог между душами умерших. Одна окликает другую: «Эй, в двадцати ли на восток отсюда один селянин устраивает пир для духов. Там будет очень много вина и закусок (имеется в виду жертвоприношение. — И. А.). Ты идешь или нет?» — «Я уже на-

¹ Более подробно о дотанской буддийской сюжетной прозе и отражении в ней посещений потустороннего мира см., например: *Ермаков М. Е.* Мир китайского буддизма.

пился допьяна и наелся мяса, да к тому же выполняю службу. Не могу! Спасибо, что потрудились позвать меня!» — «Да ведь ты вечно голоден, откуда же взял мясо и вино? И ты не чиновник, что же у тебя может быть за служба?! Зачем обманываешь?» — «Начальник области приставил меня к двум министрам, они милостиво одарили меня мясом и вином, потому я и не могу идти» (ТПГЦ, 327.13). Живые часто могут извлечь немалую пользу для себя из случайно подслушанных разговоров душ умерших — если сумеют правильно распорядиться полученной информацией. Вот какой диалог состоялся по поводу рождения ребенка в одном доме: «Ну, видел ребенка? Как его будут звать? Сколько лет проживет?» «Мальчик! Будут звать А-ну, проживет пятнадцать лет». «А от чего умрет?» «Наймется строить дом, сорвется и убьется насмерть» (ТПГЦ, 316.6). Подслушавший этот разговор не очень-то поверил, однако через пятнадцать лет все вышло именно так, как предсказывали души умерших.

Душе умершего (умершей) знакомо не только чувство благодарности, но и мести¹. За помощь же умерший, как правило, благодарит разными доступными ему способами. Военачальник Ши, не очень-то веривший в духов, поселился в «нехорошем» доме. Однажды вечером к Ши вошел некто во внушающей почтении одежде и сказал: «Я — ханьский полководец Фань Куай, и могила моя находится неподалеку от уборной вашего, сударь, дома. Из-за этого я очень страдаю. Если бы вы перенесли мою могилу в другое место, я бы щедро вас отблагодарил». Ши ответил согласием и перезахоронил кости полководца. Рассказ заканчивается так: «Когда впоследствии Ши стал полковод-

¹ Теме мести, кстати, посвящена и одна из самых первых известных нам сюжетных записей о душе умершего — это история о правителе Ду из книги Мо-цзы (墨子 479—400 гг. до н. э.): «Чжоуский Сюань-ван (828—781 гг. до н. э. — И. А.) безо всякой вины обезглавил своего подданного, правителя земель Ду. Правитель Ду [перед казнью] сказал: "Мой государь казнит меня безо всякой вины. Если умерший сознания не имеет, то на этом все и закончится, а если умерший обладает сознанием, то не пройдет и трех лет, как я дам о себе знать моему государю!" Прошло три года. Чжоуский Сюань-ван вместе с вассалами охотился в Пу-тяне. Несколько сотен колесниц и несколько тысяч сопровождающих заполнили всю степь. Был полдень, когда появился правитель Ду — в простой колеснице, запряженной белой лошадью, одетый в красное платье и шапку. В руках он держал красный лук, а под мышкой — красные стрелы. Правитель Ду устремился за Сюань-ваном, стал стрелять, пробил сердце и перебил позвоночник, [Сюань-ван] упал, придавленный колчаном, и умер» (Эр ши эр цзы. С. 248).

цем в Суй, то духи-воины помогали ему каждый раз, когда он сталкивался с разбойниками, и все сражения заканчивались крупными победами» (ТПГЦ, 322.12).

А за приносимый могиле вред душа умершего мстит — так, когда разбойники раскопали могилу некого Вана и разграбили ее, душа покойного явилась им и угостила вином, от которого на губах у разбойников остались несмываемые, будто от туши, следы. Потом эта примета была сообщена стражникам и разбойников благополучно схватили (ТПГЦ, 317.5). Те, кто использует доски от развалившегося гроба для своих хозяйственных нужд, — гибнут (ТПГЦ, 320.8); душа умершего наказывает даже того человека, который случайно повредил ее могилу и постарался исправить свою оплошность (ТПГЦ, 323.19), и т. д.

Мстит душа умершего и за неверие в ее существование, и поэтому результат неверия в души умерших часто плачевен. Впрочем, душа умершего сначала может прийти к «упорствующему в неверии» человеку и попытаться его переубедить. Начальник уезда Цзун Дай выступал против жертвоприношений и утверждал, что души умерших не существуют, и никто не мог поколебать его уверенности. Однажды к Даю пришел весьма бедно одетый книжник и долго с ним толковал об этом, доказывая обратное, но Дай упорно стоял на своем. Тогда книжник в гневе признался, что сам — умерший, и пропал, а Дай на другой день умер (ТПГЦ, 317.7). К другому неверующему умерший явился под видом гостя и сказал: «Все совершенномудрые издревле и донныне передают истории о душах умерших и духах, один вы не верите!» — и принял свой истинный облик. Проболев год после этого случая, неверующий скончался (ТПГЦ, 319.5). А герой другого рассказа, Чжан Си-ван, когда к нему явился умерший с просьбой о перезахоронении, рассмеялся ему прямо в лицо и заявил: «Да я даже когда маленький был, и то ни во что подобное не верил!» — и решительно отказал. Через месяц душа умершего убила его из лука (ТПГЦ, 329.2).

Таким образом, материал ТПГЦ позволяет утверждать, что в обыденном сознании китайцев главной и характерной особенностью души умершего считалась самая ее способность к воз-

вращению — наяву и во сне, в видимом глазу обличье и в облике незримом; это возвращение в мир людей, в родные места, домой или к родственникам и друзьям. При этом, возвращаясь к людям в зримой форме, душа умершего сохраняет свой прижизненный облик, носит одежду, ест пищу.

Возвращение души умершего обусловлено двумя важнейшими причинами: это либо состояние домашних дел (беспокойство за судьбу и здоровье родственников, стремление помочь им и наставить их, беспокойство за состояние своего имущества, стремление навести порядок и наказать неправых, и т. д.), либо состояние захоронения собственного тела (возвращается, чтобы просить о погребении, если тело по тем или иным причинам вообще не было похоронено, или о перезахоронении, если таковое совершено в неудачное время и в несчастливом месте; просит починить разрушенную или поврежденную могилу, принести жертвы и т. д.). Особняком стоит группа мотивов, связанных с любовными отношениям между живым мужчиной и умершей женщиной, в которых душа умершей вовсе не играет злой роли. К X в. образы злобных, вредоносных призраков в сюжетной прозе уступают место душам умерших, не несущим зло без разбора, самим фактом своего появления. И в данном случае речь, по видимому, должна идти о развитии и формировании книжного, письменного варианта низшей китайской демонологии, который, генетически восходя к устным фольклорным истокам, все же, мало-помалу отделялся от них — и в первую очередь, стеной китайской грамоты.

Если возвращающегося домой умершего волнуют домашние дела, то души умерших, входящие в контакт с незнакомыми им при жизни людьми, озабочены, в первую очередь, состоянием своего захоронения. Душой умершего мужчины может руководить также интерес или даже преклонение перед талантами и добродетелями живого. Человек, обладающий высокими моральными качествами и достигший прогресса в продвижении по пути добродетели, защищен от души умершего, пришедшей со злой целью; перед ним умерший отступает. Душа умершего пользуется возможностью общения с таким человеком, потчует его вином, беседует с ним на возвышенные темы, алча знаний, часто сама является к такому человеку со всей почтительностью. Умершие с удовольствием берут талантливых людей в свою компанию для

сочинения стихотворных экспромтов на заданные рифмы и за полученное удовольствие благодарят, чем могут.

Так и душу умершей женщины могут привлекать таланты и добродетели живого, но главный ее интерес — желание вступить в любовную связь, как кратковременную, так и длительную. Связь может прерваться, но через определенное время возобновиться вновь. Душа умершей девы стремится к половым отношениям с человеком не совсем по своей воле: ее толкает к этому не столько осознанный расчет, сколько природа темной стихии. Душа умершей женщины обладает способностью пить мужскую жизненную энергию, содержащую светлое начало (*ян*), и в результате может умножить свои сверхъестественные свойства, обрести более устойчивую человеческую форму, из чего и проистекает стремление к любовным контактам. В результате живой начинает чувствовать недомогание, длительное же сожителство может привести к серьезной болезни (от истощения жизненной энергии) и даже к смерти. Осознав (сам или с чужой помощью), в чем причина упадка сил, мужчина часто порывает (или пытается порвать) подобные отношения и тем спасается, но бывает, что он не в силах сделать это, плененный красотой своей возлюбленной. Да и души умерших, вступив в связь, начинают испытывать к своим партнерам определенные чувства, которые проявляются вполне по-человечески: они дарят возлюбленным подарки, пишут им стихи, смеются от радости и плачут от горя; поэтому большинство из них приходит в ужас от того, что возлюбленный, по их милости, начинает чахнуть и увядать на глазах. Однако прекратить этот процесс можно только одним способом — расставшись (да и то, если сделать это вовремя), поскольку потеря энергии происходит вместе с каждым половым актом — вне зависимости, хочет того покойная или нет. Она не в состоянии контролировать этот процесс.

Поэтому умершие женщины часто сами оставляют своих возлюбленных или даже лечат. Они пытаются объяснить, что, являясь порождением стихии инь, неизбежно наносят вред всему живому. Кроме того, по законам загробного мира это наказуемо, и нередко не желавшая ничего дурного душа умершей оказывается наказанной за тот вред, какой она невольно причинила человеку.

Рассмотренный материал ставит перед исследователем ряд важнейших вопросов, требующих дальнейшего изучения. Так, проблема типологических отличий китайских представлений о сверхъестественном и удивительном от соответствующих русских и европейских представлений еще не нашла должного отражения в науке. Но уже в этой работе можно сформулировать главную особенность, присущую китайским представлениям о душе умершего. Это — синкретичность, выражающаяся, в первую очередь, в переводе китайского слова-понятия «гуй» на русский язык¹. В зависимости от контекста, в русском переводе это будет «черт», «бес», «демон», «злой дух», просто «дух», «привидение», «нечисть», «оборотень» и т. д. Функции гуй много шире функций каждого отдельно взятого персонажа, а само понятие «гуй» не перекрывается ни одним из предложенных переводных эквивалентов. Выполняемые гуй функции в русской и западной традициях распределяются между более, так сказать, узко специализированными персонажами сверхъестественного мира. В свою очередь, синкретизм понятия «гуй» в китайской традиции также должен получить удовлетворительное и убедительное объяснение, и это вторая, не менее важная, проблема, возникающая перед исследователями. Но мы оставим ее на будущее.

¹ Эта синкретичность является отражением функциональной неразделенности. Однако внешне гуй различны, на материале ТПЦ можно выделить три более или менее устойчивые группы. Первая: души умерших, являющиеся в человеческом облике (великаном или карликом), но с каким-либо необычным свойством: черты лица, хвост, лапы тигра и пр. Вторая: души, являющиеся в звероподобном облике, иногда с элементами человеческого тела. Третья — души умерших, являющиеся в нормальном человеческом обличье. Душам умерших женщин свойственна, как правило, неземная красота. В китайском тексте в подавляющем числе случаев эти герои обозначаются иероглифом *гуй*, в русской же традиции филиация этих обозначений значительно разнообразнее.

КИТАЙСКИЙ КУЛЬТ ЛИСЫ

Среди немифических существ, представления о которых занимают значительное место в культуре старого Китая, одной из первых обращает на себя внимание лиса. Это обыкновенное, казалось бы, животное неожиданно становится носителем значительной сверхъестественной силы, предметом особого внимания людей. «Волшебная фантастика, которою китайский народ неизвестно даже с какого времени окутывает простого плотоядного зверька, разрастается до размеров, которые, по-видимому, совершенно чужды воображению других народов», — справедливо писал В. М. Алексеев¹. Лиса выступает одним из главных героев в многочисленных китайских сказках и легендах, древних рассказах, новеллах, городских повестях и даже в романе².

Китайская вера в сверхъестественные способности животных (в частности — к оборотничеству) уходит своими корнями в глубокую древность. Уже в «Чжу шу цзи нянь» (竹書紀年 «Бамбуковые анналы») есть сведения о превращениях лошади: «...Одна лошадь превратилась в человека» (32-й год правления чжоуского Сюань-вана, 796 г. до н. э.), в том числе в лису: «На тридцать седьмой год одна лошадь превратилась в лису» (791 г. до н. э.). Среди наиболее ранних свидетельств обращают на себя внимание сообщения о девятихвостых лисах, о лисах белого цвета или о девятихвостых лисах белого цвета. Чаще упоминается девятихвостая лиса 九尾狐 — полумифическое существо, обитающее в стране Цинцю. Об этом мы читаем в «Шань хай цзин» (山海經 «Книга гор и морей»): «Еще в трехстах ли на востоке есть, говорят, гора Цинцю. На солнечной ее стороне много нефрита, на теневой — много камня цинху. Там есть животные,

¹ Алексеев В. М. Предисловие переводчика. С. 15.

² Ло Гуань-чжун, Фэн Мэн-лун. Развеянные чары. В этом романе речь идет оключениях целой семьи лис-оборотней.

по виду — такие, как лиса, но с девятью хвостами, голоса их похожи на [плач] младенцев. Могут есть людей. [Человек же], съевший [такую лису], не боится яда змей». В том же сочинении: «Страна Цинцюго находится к северу... У тамошних лис четыре ноги и девять хвостов»¹. По мнению современного исследователя Юань Кэ 袁珂, явление девятихвостой лисы рассматривалось главным образом в качестве счастливого предзнаменования; в свою очередь, Хэ Синь 何新, ссылаясь на «Люй ши чунь цю» (吕氏春秋 «Вёсны и осени господина Люя») и другие древнекитайские памятники, убедительно показывает, какое символическое значение придавалось животным белого цвета (тигр, лиса) в циньском и ханьском Китае². Уже цзиньский поэт и эрудит Го Пу (郭璞 276—324) в своем комментарии ко второму из приведенных выше отрывков заметил, что девятихвостая лиса появляется тогда, когда в мире устанавливается спокойствие.

Древнейшие сведения о девятихвостых (как, впрочем, и о простых) лисах крайне отрывочны, фрагментарны и не позволяют составить сколь-нибудь законченное мнение об этом животном. Что касается «Шань хай цзин», в котором, казалось бы, есть более подробные сведения, то, по признанию исследователей, этот памятник также не дает полной картины. История его создания не совсем ясна, и, скорее всего, заключенные в нем сведения принадлежали мифологии отдельных народов, не являясь универсальными для всего древнего Китая. Тем не менее отметим, что в древнем Китае существовала вера в сверхъестественные возможности лис, отличающихся от обыкновенных необычными деталями, чаще всего — наличием девяти хвостов.

Куда более плодотворно для исследователя послеханьское время, когда появляется и получает значительное распространение сюжетная проза, в которой лиса выступает в качестве одного из основных персонажей — и это уже не полумифическая девяти-

¹ Шань хай цзин цзяо шу. Нань шань цзин, с. 46; Хай Ван дун цзин. С. 36.

² «Подобные лисы, появившись в стране Цинцюго, ставились в ряд с такими, считавшимися счастливым предзнаменованием животными, как дракон, феникс, цилинь...» (Юань Кэ. Чжунго шэньхуа чуаньшо. С. 345). См.: Ху Кунь. Чжунго гудай хусиньян юаньлю као; Хэ Синь. Лун: шэньхуа юй чжэньсян. Хэ Синь, кстати, пишет, что белая девятихвостая лиса в древнем Китае выполняла роль божества, связанного с бракосочетанием — по его мнению, *цзю вэй*, «девять хвостов», следует понимать как *цзю вэй* 交尾, т. е. «спариваться».

тихвостая лиса, навряд ли наряду с драконами, цилинями и птицей феникс встречавшаяся китайцам в повседневной жизни, но самое обыкновенное животное, знакомое и реальное. Обычная лиса в сяошо наделяется сверхъестественными качествами, главное из которых — способность к превращениям и способность принимать человеческий облик¹.

Главный критерий сверхъестественных сил лисы — ее возраст. В представлениях китайцев чудесные свойства животных и предметов были связаны с их возрастом. Считалось, что чем старше животное (предмет), тем большей силой оно может обладать. Об этом прямо сказано в рассказе из сборника «Сюань чжун цзи» (玄中記 «Записки из мрака»): «Пятидесятилетняя лиса может превратиться в женщину, столетняя [может] стать мужчиной и вступить в отношения с женщиной. Может знать о том, что происходит за тысячу ли, прекрасно владеет искусством оболыщения, морочит человека так, что он теряет разум. Через тысячу лет лисе открываются законы Неба, и она становится Небесной лисой 天狐» (ТПГЦ, 447.1). (Кстати, термин «небесная лиса» впервые встречается именно в «Сюань чжун цзи».) Из более позднего сочинения «Гуан и цзи» (廣異記 «Обширные записки об удивительном»), настоящей танской энциклопедии сверхъестественного, мы узнаем, что возрастные различия между лисами находят формальное отражение в фамилиях, которые они носят: «У тысячелетних лис — фамилии Чжао и Чжан, у пятисотлетних лис — фамилии Бай и Кан» (ТПГЦ, 450.2)².

¹ В связи с этим уместно будет упомянуть капитальное — единственное в своем роде, сколько мне известно — исследование И. Моншайн (*Monschein Y. Der Zauber der Fuchsfée*), выполненное в русле сравнительного литературоведения и посвященное преимущественно рассмотрению на китайском материале двух наиболее распространенных в западноевропейской литературе мотивов, связанных с женщиной (по указателю Э. Френцель — *Frenzel E. Motive der Weltliteratur: die dämonische Verführerin* (демоническая соблазнительница) и *die selbstlose Kurtisane* (самоотверженная куртизанка). И. Моншайн рассматривает генезис образа лисы в разных жанрах старокитайской прозы в различные исторические периоды, вплоть до современности.

² Что касается материалов «Тай-пин гуан цзи», то они задействованы в данной главе в меньшей степени, скорее в качестве дополнений, и главным образом потому, что, в сравнении с душами умерших, в ТПГЦ лисам посвящено всего 9 цзюаней, объединяющих в себе 83 текста (из которых значительная часть отдана танским новеллам), то есть данный раздел не столь представительен и всеобъемлющ.

Из приведенного выше отрывка видно, что в представлениях китайцев существовало несколько, если так можно выразиться, возрастных категорий лис. Самая низшая — молодые лисы, способные к метаморфозам, но ограниченные в превращениях; далее — лисы, способные на более широкий диапазон превращений: они могут стать и обыкновенной женщиной, и прекрасной девой, а могут — и мужчиной. В человеческом облике лиса может вступать в отношения с настоящими людьми, обольщать их, морочить так, что они забывают обо всем. Подобные лисы в до-танской прозе сяшо встречаются чаще всего. Как правило, они — искусные обольстительницы. Приняв облик прекрасной девушки, такая лиса является к мужчине, очаровывает его своей неземной красотой, талантами, доступностью и вступает с ним в интимную связь. По сути, здесь мы имеем дело с трансформированным в письменных памятниках фольклорным мотивом жень-цзы на волшебной деве¹. Конечной целью лисы являются именно сексуальные отношения, поскольку в процессе половой связи она получает от мужчины его жизненную энергию, что необходимо ей для совершенствования сверхъестественных способностей. Лиса стремится выбрать себе в супруги юношу — ибо светлое начало в нем еще очень сильно. Последствия такого рода отношений для человека вполне предсказуемы: светлое начало в его организме насильственным образом убывает, жизненная энергия ослабляется. Внешне это выражается в резком похудании («кожа и кости») и общей слабости. В конечном итоге человек умирает от истощения жизненных сил.

Лиса же в результате может существенно увеличить свои возможности, что позволяет ей достичь долголетия, а подчас и бессмертия, стать святой 仙狐, приблизиться к миру горнему (часто как раз о такой лисе говорится, что она белого цвета или девятихвостая), уйдя от суетных страстей мира людей. Подобная

¹ Специально генезис этого мотива в китайской сюжетной прозе рассмотрен в кн.: Голыгина К. И. Новелла средневекового Китая. М., 1980. Однако супружество с волшебной девой и супружество с лисой принципиально различны. Исходно волшебная дева является помощницей и благодетельницей, тогда как лиса заботится в первую очередь о своих интересах, она пользуется человеком и тем самым наносит ему вред. Трудно не провести параллель между китайскими представлениями о лисе и о душе умершего: изначально и лиса, и гуй — вредоносная нечисть.

лиса уже не растрчивает себя на отношения с мужчинами, по своему поведению это скорее лиса-праведница¹.

Самый распространенный тип лисы, представленный в до-танской прозе,— это тип лисы-оборотня, который приносит человеку, в первую очередь, зло, 狐妖². Судя по письменным памятникам, даже простое появление лисы в ее естественном виде или неожиданная встреча с нею считались неблагоприятными и часто рассматривались как дурное предзнаменование: пробежавшая через двор лиса может на хвосте принести беду, встреченная в поле жалобно воющая лиса может стать предвестницей скорой, трагической гибели. Хвост чаще прочего становится причиной разоблачения лисы: некий крестьянин, возвращаясь из города, в сумерках видит у обочины дороги девушку в белом, она просится к нему в телегу, дескать, очень устала. Добрый крестьянин решает, но через какое-то время случайно замечает у девушки... хвост. Крестьянин пытается ее убить, но принявшая настоящий облик лиса ускользает (ТПГЦ, 440.12). Некто Сунь Янь женился, но и три года спустя его супруга ложилась спать в одежде. Однажды он подкрался к ней, когда она спала, осторожно раздел, а у нее — хвост! (ТПГЦ, 447.9). Иногда лисы оказываются непобедимы: в княжеской могиле поселился лис и каждый день все окрестные собаки сбегались к могиле будто на прием во дворец; лис сидел наверху, а собаки сидели перед могилой рядами, словно внимали лису. Местные жители обратились к односельчанину, который держал натасканных на нечисть собак, собак спустили,

¹ Из этого правила, конечно, есть исключения, и не совсем понятно, как некоторые лисы умудряются, принося вред людям, стать бессмертными: ведь Небо жестоко карает за причинение зла. В ряде текстов встречаются подчас и небесные лисы, творящие зло. Так, в рассказе «Чансунь У-цзи» лис насылает омрачение на дочь знатного вельможи, и перед могуществом этого лиса оказываются бессильны не только маги со своими заговорами, но даже духи местности. Лишь духи Пяти священных гор смогли обуздать преступника. Рассуждая об этом, победивший с их помощью лиса праведник замечает вельможе: «Лис уже постиг тайны бессмертных! Бить его бесполезно, только вред себе причините... Такие, как этот лис, передаются в распоряжение Небесной канцелярии, а убить их нельзя» (ТПГЦ, 447.14).

² «Вряд ли будет ошибкой сказать, что в основе образа лисы-самозванки, наводящей морок на людей своими проделками, лежит ее природное коварство и хитрость, скрытые под личиной невинной внешности» (Гроот Я. Я. М., де. Лисы-демоны. С. 225).

но и они присоединились к прочим, пав ниц перед лисом (ТПГЦ, 451.5).

В китайской традиции лиса издревле была связана с мертвыми — впервые об этом говорится в словаре «Шо вэнь цзе цзы»¹. В классических китайских сяшо постоянно встречаются упоминания о том, что лисы роют свои норы в старых могилах, как правило заброшенных, или рядом с ними. Видимо, как раз по этой причине в сознании китайцев существует прочная связь между душами умерших и живущими в их могилах лисицами. Часто бывает так, что лиса присваивает себе фамилию того рода, в могиле которого живет, или даже выдает себя за человека, похороненного в облюбованной ею для жительства могиле. Связь с мертвыми, пусть даже чисто пространственная, отчасти объясняет те вредоносные свойства, которые приписывались лисе: и лиса, и душа умершего способны принимать человеческий облик и вступать в материальный контакт с живыми². Впрочем, у лис есть и свои специфические занятия, с людьми никак не связанные, — напротив, от людей скрываемые. Так, один путник ночью забрел на огонек в могилу, где за столиком сидела лиса и читала книгу, а ей со всем усердием прислуживали мыши. Путник лису прогнал, а книгу забрал — решил показать знакомому. И только отправился в город — глядь, а тот знакомый едет ему навстречу. Показал книгу, а знакомец книгу хват, обратился лисом и удрал. «Книги лисьи такие же, как у людей, только ничего понять нельзя» (ТПГЦ, 454.1)³.

¹ Шо вэнь цзе цзы. С. 478.

² Опираясь на более поздний, видимо, цинский материал, Л. С. Васильев отмечает также, что «выползающий из старых могил лис считался мистическим воплощением души мертвеца» (*Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970. С. 140*).

³ Или: один даос случайно заметил в пещере несколько десятков лис, кружком сидевших вокруг старого лиса, тот восседал на возвышении и читал книгу, а прочие с усердием внимали; что-то вроде школы. Даос книгу у лис отнял, а на следующий день к нему явилась целая делегация с шелком и золотом: хотели книгу выкупить. Даос отказался и тогда пришедшие (в обличье людей) его вполне резонно спросили: а на что вам наша книга? все равно пользы вам от нее никакой, так перепишите себе, если угодно, а оригинал отдайте. Копию же свою не показывайте никому. Даос на это согласился, даже императору не показал — так «книга и осталась сокрытой от мира» (ТПГЦ, 451.10).

Несколько позднее, при династии Тан (618—907), отношение к лисе изменилось. Именно в это время начинает складываться культ лисы, подтверждение чему мы находим в письменных памятниках данного периода. Так, в сборнике Чжан Чжо (張鷟 660—740) «Чао е цянй цзай» (朝野僉載 «Полные записи о столице и окраинах») говорится следующее: «Начиная с первых годов правления династии Тан, многие в народе стали поклоняться феелисе, в домах приносили жертвы, чтобы ее умилизовать. Подносили человеческую еду и питье. Поклонялись стихийно. В то время бытовала поговорка: "Там, где нет лисы, нельзя деревню основать"» (ТПГЦ, 447.15). Этот отрывок относится, самое позднее, к первой половине VIII века. По всей вероятности, уже в то время в простом народе лису стали воспринимать также в качестве животного-покровителя, способного нести добро, если ему правильно поклоняются¹.

Однако свидетельства такого рода единичны. Культ лисы окончательно сформировался и получил широкое распространение в более позднее время².

¹ Хэ Синь высказывается более категорично: «Лиса-оборотень в эпоху Тан стала местным божеством, заведующим браком и рождением детей, и в каждом доме ей поклонялись», — но достаточно убедительных аргументов в пользу этой точки зрения не приводит (Хэ Синь. Указ. соч. С. 277). Отметим здесь параллель с жертвоприношениями душе умершего, которая также может отблагодарить за заботу. Возможно, оба этих случая относятся ко времени реформации понятий «гуй» (нежить) и «лиса-оборотень» (нечисть), связанной с развитием культа предков, которые в случае правильной заботы о них способствовали благополучной жизни потомков.

² В цинское (XVII—XX вв.) время фею-лису причисляли к так называемым *сы да мэн* 四大門 или *сы да цзя* 四大家 (т. е. «четыре великих семейства»), куда входили четыре вида животных, обладавших, по народным представлениям, волшебными свойствами и наделенных даже особыми фамилиями, созвучными названиям или свойствам животных: лиса (狐狸 *хули*) — Хумэнь 胡門, хорь (黃鼠狼 *хуаншудан*) — Хуанмэнь 黃門, еж (刺蝟 *цывэй*) — Баймэнь 白門, змея (蛇 *шэ*) — Чанмэнь 長門 или Люмэнь 劉門. В деревнях в честь этих животных сооружали низкие глинобитные, кирпичные или деревянные кумирни и приносили перед ними жертвы, моля о содействии в делах, спокойствии в доме, достатке, богатом урожае и т. д. (подробнее см.: Шаманьцзяо яньцзю. С. 132—138). То есть у нас есть все основания утверждать, что в конце правления маньчжурской династии лиса, как чудесное животное, встала в один ряд с духами-покровителями местности (土地神 *тудишэнь*). Нечто похожее описывал и В. М. Алексеев: «Вы проходите по китайским полям и вдруг видите, что перед каким-то курганом стоит огромный стол, на котором покоится ряд древнего вида сосудов, знамена, знаки и все вещи, свойственные, насколько вам известно,

Таким образом, лиса в зверином облике издавна воспринималась как предвестник судьбы, в первую очередь — печальной (ТПГЦ, 448.20: здесь лиса выбегает из-под одеяла больного, и он вскоре умирает), хотя в ряде случаев — напротив, счастливой (ТПГЦ, 451.14). Первоначально появление девятихвостой лисы считали счастливым предзнаменованием исключительно для владетельных родов, но после Тан за белой лисой в народной фантазии сохранилось свойство быть добрым вестником — уже для любого человека. Другое дело — фея-лиса, как назвал ее В. М. Алексеев, или «продвинутая» лиса-оборотень. Она способна приносить человеку и беду и добро, ее образ противоречив. Если ей приносить жертвы, то она может помочь, отблагодарить за справедливое к ней отношение. Фея-лиса обладает значительной силой, далеко превосходящей обычные возможности человека¹. Она знает будущее, широко эрудирована, способна к превращениям по своему желанию, умеет обольщать, заставляет человека потерять разум. «Передают, будто лисы умеют морочить людей — боюсь, это не пустые слова!» — писал танский автор (ТПГЦ, 455.6). Простая лиса-оборотень чаще всего является существом вредоносным, пусть даже она примет вид девы неземной красоты или прекрасного юноши. Ей, впрочем, не совсем чуждо чувство справедливости, но, как правило, она не в ладах с человеком. В отличие от феи-лисы, она может быть убита, хотя справиться с нею не так-то просто. Дело в том, что и белая лисица, и фея-лиса, и лиса-оборотень — суть три разные ипостаси одного существа, соответствующие различным этапам формирования представлений о нем в китайской традиции.

только храму. Вы осведомляетесь у прохожего мужичка, что это такое, и слышите в ответ: "Это — фея-лиса". Она, видите ли, живет где-то тут в норе, и ее упрашивают не вредить бедному народу — и не только не вредить, а, наоборот, благодетельствовать ему, как благодетельствуют прочие духи» (Алексеев В. М. Указ. соч. С. 15). Также см. весьма информативную работу К. М. Тертицкого (*Тертицкий К. М. Культ лисицы в Маньчжурии в 1920—1940-е годы*).

¹ Особое внимание обращает на себя способность лисы к оборотничеству, поскольку именно это и позволяет ей существовать среди людей, добиваясь своих целей. На главную особенность оборотничества в китайской традиции в отличие от традиции русской вскользь обратил внимание еще В. Шкловский: если в русской традиции оборачивается, как правило, человек и не на долгий срок, то в китайской — животное (в данном случае, лиса), душа умершего, старый предмет — и время состояния оборота может быть сколь угодно долгим (см.: Шкловский В. О теории прозы. М., 1983. С. 154).

Остановимся более подробно на сунских представлениях о лисе-оборотне на примере одной из самых характерных новелл этого времени — новеллы Ли Сянь-миня¹ «Удивительная встреча в Западном Шу».

Новелла «Си Шу и юй» (西蜀異遇 «Удивительная встреча в Западном Шу») принадлежит к жанру *чуаньци* 傳奇, зародившемуся в Китае на рубеже правления династий Суй и Тан. В танское время жанр достиг своего расцвета. Генетически восходя к древнейшим сюжетным записям и дотанской прозе, новелла чуаньци представляет собой, в первую очередь, более крупную форму авторского сюжетного повествования, ставящего целью, в отличие от дотанских сяшо, не одну лишь фиксацию события. И если в дотанской прозе лиса выступает носителем преимущественно злого начала — как в функции оборотня², так и в своем естест-

¹ Точное время жизни Ли Сянь-миня 李獻民 (второе имя Янь-вэнь 彥文) нам, к сожалению, неизвестно. Единственный источник сведений о нем — предисловие к его сборнику «Юнь чжай гуан лу» (雲齋廣錄 «Обширные записи из Облачного кабинета»), датированное 1111 годом. Видимо, Ли Сянь-минь жил в конце правления династии Северная Сун (960—1127). Из этого же предисловия известно, что родом Ли Сянь-минь был из уезда Суаньцаосянь близ Кайфэна (совр. Яньцзиньсянь в пров. Хэнань). Составители антологии «Сунжэнь чуаньци сюань» («Избранные новеллы чуаньци сунских авторов») считают, что по сведениям, заключенным в предисловии, можно сделать вывод о невысоком общественном положении Ли Сянь-миня: «одинокий ученый, необразованный книжник». Впрочем, несмотря на то, что это второе в КНР издание, специально посвященное сунским новеллам (первым был сборник, составленный Лу Синем), данная антология во многом упречна (так, в имени того же Ли Сянь-миня вместо иероглифа 獻 написан иероглиф 憲, и т. д.), что не позволяет относиться к мнению ее авторов слишком серьезно.

² Мы не располагаем сведениями о том, как древние китайцы представляли себе сам процесс превращения лисы в человека; в сяшо зафиксированы главным образом обратные превращения — в лису. Это происходит тогда, когда лиса-оборотень сталкивается с неодолимым противником и вынуждена спасаться бегством. Однако в «Ю ян цза цзу» (西陽雜俎 «Пестрое собрание с южного [склона горы] Ю[шань]) Дуань Чэн-ши (段成式 803—863) есть такое описание: «Диких лис называют Цзы-ху. Ночью — ударит [такая лиса] хвостом, и вспыхивает огонь. А коли захочет стать существом необычным — нацепит на голову мертвый череп и кланяется Северному ковшу. Коли череп не слетит наземь, то [лиса] обращается человеком» (ТПГЦ, 454.4). Несколько более развернутое описание этого процесса мы встречаем в более позднем романе «Развеянные чары»: «Предположим, лиса хочет превратиться в женщину — для этого она берет теменную кость

венном виде, то в танской новелле чуаньци это положение меняется: стоит упомянуть хотя бы широко известную и неоднократно переводившуюся на русский язык новеллу Шэнь Цзи-цзи (沈既濟 750—800?) «Жэнь ши чжуань» (任氏傳 «История Жэнь») ¹, главная героиня которой Жэнь, лиса-оборотень, обладает лучшими человеческими качествами, она — верная и преданная супругу жена. Муж Жэнь не подозревает о лисьей сущности жены до самой ее смерти ².

Сунская новелла чуаньци в этом смысле ни в чем не уступает лучшим танским образцам. Сун Юань, главная героиня «Удивительной встречи в Западном Шу» Ли Сянь-миня, — прекрасная девушка, «лицо сияет как красная орхидея, брови подобны изогнутым ивовым листочкам — ну прямо бессмертная с острова Пэнлай!» Прелесть, ум, кротость Юань пленяют, и неудивительно, что Ли Да-дао без памяти увлекается ею. Сун Юань, подобно Жэнь и подобно многим другим девам-лисам в танских и сунских чуаньци, не имеет ничего общего со злобными лисами-оборотнями дотанских сяошо. Конечно, она тоже оборачивается и обладает сверхъестественными способностями. В начале Ли Сянь-минь в лучших традициях чжигуай сяошо описывает, как Да-дао от связи с лисой начинает худеть и хиреть, но потом эта тема отходит на дальний план, уступая место описанию счастливой жизни человека и лисы ³.

умершей женщины; если же лис желает превратиться в мужчину, он берет такую же кость, но уже умершего мужчины. Они кладут эту кость себе на голову и начинают кланяться луне. Ежели превращению суждено совершиться, то кость удержится на голове при всех поклонах» (указ. соч. С. 35). Поклонов надо отбить сорок девять.

¹ См., например: Гуляка и волшебник (пер. И. Соколовой); Танские новеллы. М., 1960 (пер. О. Фишман).

² И. Моншайн справедливо называет эту новеллу одной из ключевых для понимания образа лисы в китайской литературе — здесь обобщены все сведения о лисе-оборотне и сведены вместе главные мотивы, с нею связанные (указ. соч. С. 359).

³ Эта особенность, при чтении новеллы производящая впечатление искусственной, является, возможно, одним из важных свидетельств, с одной стороны, изменения традиционного отношения к лисе, а с другой, — развития художественного вымысла, когда автор, начиная писать по старой шаблонной схеме и отдав ей должное, заканчивает свое произведение в духе нового, современного ему восприятия лисы-оборотня, используя при этом возможности нового жанра. Хотя сюжетная схема новеллы (встреча героев — разоблачение лисы и попытки бороться с нею — воссоединение героев — более или менее счастливый или, напротив, трагический конец) достаточно характерна для чуаньци о лисах. Именно такие фак-

Новелла Ли Сянь-миня, не охватывая, впрочем, всех связанных с лисой представлений, все же содержит ряд наиболее типичных, связанных с лисами мотивов, встречающихся в чуань-ци.

Лиса выдает себя за члена семьи людей. Юань говорит, что она соседка семейства Ли, и сообщает некоторые подробности из своей «биографии». Лиса, как правило, заботится о том, чтобы ее появление не вызвало у людей удивления, равно как и о правдоподобии своей истории. В дотанской же прозе лиса гораздо чаще выдает себя за умершего родственника, о смерти которого близкие не знают (ТПГЦ, 450.6), или же прикидывается духом умершего родственника: невидимая, обращается к его близким с алтаря предков, вымогая подношения — еду и вино (ТПГЦ, 450,9). Правда, обычно это заканчивается для лисы плохо: ее разоблачает даос-маг, или же она становится жертвой собственной жадности — напивается вдрызг, а утром ее, пьяную, находят рядом с домом и убивают (ТПГЦ, 448.4)¹. Далее — лиса стремится войти в человеческую семью: в образе прекрасной девушки фланюруя мимо ворот дома, где в семье есть молодой человек, старается завязать с ним отношения, выдавая себя за соседку, причем, приходит только по ночам, мотивируя это тем, что стесняется, будто кто-то ее увидит. Очарованному ею юноше таких объяснений более чем достаточно: он с нетерпением ждет следующей ночи (ТПГЦ, 447.18 и др.)

ты и позволяют исследователям говорить о танской новелле, как о прообразе китайской художественной прозы в приближенном к современному смысле этого слова.

¹ Также весьма любопытен мотив, когда лиса выдает себя за бодхисаттву или иное божество. В одном рассказе речь идет о том, как лис спустился в некую деревню на пятицветном облаке, милостиво принял обильные жертвы и согласился жить в той деревне постоянно, попросив, однако, крестьян хранить его пребывание в тайне, так как иначе сюда стекется несметные толпы верующих. Собственно, и все бы у лиса было хорошо, если бы он не вступил в связь с одной девушкой, старший брат которой был в отлучке. Вернувшись, брат явился к сестре, но лис прогнал его. Тогда, почувствовав неладное, брат заплатил магу-даосу, и с лисом было покончено (ТПГЦ, 450.11). Апофеозом лисьих проделок такого рода следует считать историю о том, как лиса, прикинувшись бодхисаттвой, настолько прославилась умением проникать в человеческие мысли, что была приглашена жить в императорский дворец, где пользовалась крайним уважением самой императрицы. С некоторым напряжением с кознями лисы сумел справиться буддийский монах Да-ань (ТПГЦ, 447.19).

Лиса старается блюсти чистоту и нравственность. Юань противится желанию Да-дао слиться с нею в любви немедленно, заставляя его набраться терпения и обставить любовное свидание по-человечески. Еще раз напомним, что в дотанских чжигуай сяошо лисы о соблюдении принятых среди людей приличий почти не беспокоятся, их волнует только достижение своей цели. Иное дело — в новелле чуаньци: когда Да-дао уезжает по служебной надобности, Юань все время его отсутствия проводит дома, не переступая порога, как и подобает заботящейся о своей репутации замужней женщине.

Лиса тонко образованна, она умеет слагать превосходные стихи. Вполне естественным кажется перенесение традиционных элементов образованности на лис и души умерших. См., например, ниже стихи Юань или ее финальный разговор с Да-дао, где она выказывает большие познания в классической литературе. Или вполне типичный рассказ о предававшемся чистому знанию книжнике, к которому пришел мальчик-лис и, начав беседу о высокой литературе, выказал удивительный ум и сообразительность (ТПГЦ, 451.3).

Лиса стремится соблюсти заведенные между людьми правила и обычаи. Когда в семье Ли поняли, что от Юань им никак не отделаться и что Да-дао от нее не откажется, тогда прекратили враждебные действия, а Юань сделала подарки отцу и матери Да-дао как свекру и свекрови. Лиса стремится обставить свое соединение с мужчиной как свадебный обряд, принятый среди людей: здесь будет и паланкин, в котором невесту доставляют в дом жениха, и цветные свечи, и подарки, и свадебный пир, на который приглашаются лисьи приятели. Для образа лисы в дотанских сяошо все это не характерно.

Лиса помогает своим человеческим «родственникам» и не причинявшим ей зла людям. Юань лечит захворавшую мать Да-дао. Часто в чуаньци лиса лечит своего любимого от того недомогания, которое возникло от сексуальной связи с нею, и решительно противится продолжению плотских отношений, объясняя всю пагубность этого. Кроме того, лиса с удовольствием предсказывает будущее, помогает избежать неприятностей или, напротив, получить выгоду.

Лиса насылает напасти на противящегося ей человека. В характере лисы вредить человеку просто так, по природе сво-

ей¹, или для достижения какой-то цели. Так, Юань насылает на отца Да-дао обезьян, когда тот прячет от нее сына. Часто лиса швыряется разными предметами, гадит в пищу и совершает разного рода мелкие пакости, способные вывести из себя кого угодно.

От связи лисы с человеком рождаются дети, и у них нет никаких лисьих признаков, хотя мать их — лиса. Часто таким детям уготовано великое будущее.

Лиса наставляет своего возлюбленного. Юань на прощание советует Да-дао прилежно заняться учебой, сдать экзамены и покрыть тем самым свой род почетом и славой. Часто бывает так, что лиса оказывается более рассудительной, чем ее возлюбленный, и помогает ему вернуться на путь добродетели, когда он погрязнет в пороках.

Сказанного выше уже достаточно, чтобы убедиться в том, какие значительные изменения претерпел образ лисы. В чуаньци перед нами встает образ прекрасной женщины, может быть, слишком прекрасной и слишком одаренной для дочери человеческой, но тем не менее мало в чем проявляющей свои сверхъестественные способности. Происходит своеобразная переоценка образа лисы: из злой она становится доброй.

Однако не следует думать, что образ злого оборотня остался в прошлом: на уровне простонародной, устной культуры представления о лисе по-прежнему содержат значительный элемент злого начала. Но если раньше лисы просто избегали или старались ее уничтожить, то с конца первого тысячелетия нашей эры распространенной практикой стало почитание лисицы: в ее честь сооружали кумирни, к ней обращались с молитвами и просьбами, приносили жертвы.

Лиса перестала быть однозначно злой, в письменных источниках сформировался нейтральный (если так можно выразиться) образ, нечто среднее между благовещей лисой (доброй по определению) и вредоносным животным. Дева-лиса из новелл чуаньци, прекрасная и своенравная, равно способная к добру и к

¹ Например, герой одного дотанского рассказа останавливается на ночь в беседке, про которую известно, что там обитает злобный лис, из принципа изводящий всех ночующих в беседке, — так что уже и не осталось желающих. Наш же смельчак лиса не испугался, несмотря на все его старания, а в конце и вовсе убил. «С тех пор в беседке стало спокойно» (ТПГЦ, 447, 13).

злу, есть в какой-то (и, быть может, весьма значительной) мере создание поколений танских и сунских книжников, внесших существенный вклад в формирование традиционных китайских представлений о сверхъестественном. Пользуясь всем опытом предшествующей письменной традиции, они создавали свой *universum* книгочеев, и сила их умственной и культурной интенции оказала впоследствии обратное влияние на народные представления, бытовавшие изустно.

ЛИ СЯНЬ-МИНЬ. УДИВИТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА В ЗАПАДНОМ ШУ

Второе имя сюаньдэлана¹ Ли Бао было Шэн-юй. В годы под девизом правления Шао-син² его перевели на должность начальника уезда Даньлэнсянь в области Мэйчжоу³. Прибыв к новому месту службы, Бао сразу же отдал подчиненным необходимые распоряжения и принялся вникать в нужды и тяготы народа. Через несколько месяцев жители уезда уже славили его.

Позади казенной резиденции, где поселился Бао, был сад и в саду — беседка. Она называлась Цзюсытин («Беседка Девяти дум»). Сын Ли Бао, его звали Да-дао, все свободное от занятий время проводил здесь.

Однажды, когда Да-дао сидел в одиночестве в этой беседке, в тени деревьев вдруг послышались хлопки в ладоши и тихое пение. Мелодия была такая чистая и изящная, западающая в душу! Да-дао, крадучись, пошел взглянуть, кто это поет. Видит — де-

¹ Гражданский чиновник седьмого ранга второго класса, в 1080 г. эта должность была переведена в разряд почетных (т. е. дававших жалование, но не дававших власти), а в 1113 г. была упразднена.

² 1131—1161 гг.

³ Эта область располагалась на территории современной провинции Сычуань.

вущка лет, наверное, четырнадцати-пятнадцати медленно прогуливается, что называется, «лотосовыми шажками». На лоб свешивается короткая челочка, лицо сияет как красная орхидея, брови подобны изогнутым ивовым листочкам — ну прямо бессмертная с острова Пэнлай ¹!

Да-дао вернулся в беседку. Долго думал он об этой девушке. «Для певички она слишком свободно держится, да и облик ее слишком изящен: ясно, она не из таких,— рассуждал он.— Если же из хорошей семьи, то почему ее не сопровождают служанки? И идет она, не выбирая дороги, не по тропинке. Да и зачем бы ей прийти сюда?» Пока Да-дао так размышлял, не зная, к чему склониться, девушка неожиданно вышла прямо к беседке и остановилась.

— Из какой вы, барышня, семьи и почему гуляете здесь одна? — обратился к ней Да-дао.

— Я, ничтожная, ваша соседка. Фамилия Сун, а зовут — Юань. В семье я шестая... Недавно пробудилась я ото сна и пошла гулять — в надежде увидеть что-нибудь интересное. Изумительные пейзажи, теплый ветерок, солнце в легкой дымке, щебечущие веселые иволги, стремительные ласточки, что носятся друг за другом,— все так прекрасно, весенние чувства переполнили мое сердце, и я, не будучи в силах их сдержать, перебралась через низкую стену, чтобы нарвать здесь цветов да отломить ветвь ивы, и случайно оказалась в вашем саду. Я и подумать не могла, что вы сейчас здесь! Не знаю теперь, куда деваться от стыда! — смущенно отвечала девушка.

— Да, но неужели батюшка твой не беспокоится, что ты так давно ушла и все не возвращаешься домой? — спросил тогда Да-дао.

— Еще в раннем детстве я осталась сиротой, потеряла всякую связь с семьей старшего брата. Живу одна с сестрами. Я самая старшая в доме.

— А муж у тебя уже есть? — продолжал свои расспросы Да-дао.

Девушка замялась и покраснела. Потом отвечала:

— Нет, я еще не замужем... А у вас, господин, есть жена?

¹ Одна из легендарных обителей даосских бессмертных.

— Было уже несколько предложений, да все пары неподходящие, — ответил ей Да-дао.

Девушка легко улыбнулась и спросила:

— Ну а я — хоть род мой скромный и низкий, а внешность грубая и вульгарная, — я могла бы, как говорится, подавать вам фрукты и травы?

— Боюсь, мое брэнное тело слишком слабо для подобных удовольствий!

От такого разговора Да-дао пришел в радостное возбуждение и повел было деву к западному углу беседки, мечтая тут же слиться с нею, но она сказала:

— Разве сейчас время для радостной встречи? Лучше я вернусь домой, а ближе к вечеру снова приду. Только будьте здесь же, господин!

С этими словами дева удалилась.

Ожидая ее, Да-дао не находил себе места, не мог даже сидеть спокойно. Вскоре красное солнце опустилось на западе, сошлились на закате бирюзовые тучи, звезды и созвездия засверкали ярко. Вдруг Да-дао ощутил необычайный аромат, от которого просто голова пошла кругом. Он протер глаза и стал всматриваться — а дева уже рядом! Да-дао вскочил ей навстречу.

— Слуги ваши не догадаются, куда вы пошли? — спросил он.

— Нет, не беспокойтесь! — отвечала дева.

Взявшись за руки, они вошли в спальню. Тут же Да-дао достал изысканные кушанья и молодое вино, и двое стали беседовать, высказывая друг другу полностью все, что было на душе. Ночь близилась к концу, когда Да-дао и дева скинули одежды и возлегли на искусно расшитые тюфяки, скрылись за пологом. Зашелестели капли дождя из туч, Да-дао и дева сполна вкусили земных радостей.

На рассвете дева распрощалась и ушла. С этого времени она стала приходить каждый вечер на закате, а наутро покидала Да-дао. Так прошел месяц.

Однажды Да-дао в какой-то непонятной усталости, не имея желания делать что-либо, заснул, сидя за столом в своем кабинете. Вдруг во сне он увидел человека с карточкой, на которой зна-

чилось, что с визитом явился некий сюцай¹ Ли Эр. Да-дао вышел за ворота навстречу гостю, видит — идет юноша изысканной наружности, манеры поведения очень внушительные. Да-дао предложил ему садиться, и Ли молвил: «Ваш глубокоуважаемый батюшка постоянно удостаивает меня своей щедрой милостью, а я еще не отблагодарил его. Сегодня мне стало известно, что вас околдовал оборотень, вот я и пришел помочь». «О чем это вы?» — удивленно спросил его Да-дао. «Да ведь та девушка, с которой вы встречаетесь, — не человеческого рода! Не хотите ли взглянуть на ее истинный облик?» — спросил Ли, и Да-дао выразил согласие. Тогда Ли приказал слугам доставить девушку, и через самое короткое время богатырь примчал ее на коне. Нефрит опечалился, цветок сник, увяла орхидея, согнулась устало ива — у девы был пристыженный, страдающий вид, и слезы прочертили дорожки в пудре на щеках. Ли крикнул на нее, дева тут же превратилась в большую лисицу и в ужасе побежала прочь. Да-дао вскочил и стал благодарить Ли, а тот вынул амулет и положил на столик. «Если вы, господин, будете носить это при себе, тогда еще можно от нее избавиться... У меня есть небольшая просьба, с которой я хотел бы к вам обратиться. Моя убогая хижина находится у ближайшего рынка, место там низинное, болотистое, совсем нельзя жить. Да к тому же много всяких людей, бродящих туда-сюда без толку. Балки дома пришли в совершенную негодность. Может быть, вы, господин, окажете такую любезность и пришлете слуг привести мое жилище в порядок?» «Да неужели я забуду вашу доброту после того, как вы помогли мне избавиться от такого несчастья! — воскликнул Да-дао. — Объясните мне, что и как». Ли подробно рассказал и ушел... Тут Да-дао очнулся ото сна — весь в поту, в расстроенных чувствах. Он просидел без сна до самого рассвета и все думал... На столе Да-дао обнаружил амулет, взгляделся — а это гексаграммы из «Книги Перемен»! В великом испуге он пошел и обо всем рассказал отцу. Очень удивившись, отец заметил:

¹ Низшая ученая степень в системе государственных экзаменов на право занятия вакантной чиновничьей должности. Присуждалась в уездах.

— Тот, кого ты видел во сне, назвался сюцаем Ли Эром и сказал, что я — его благодетель. Уж не цюанькоуский ли это чжэньцзюнь¹, которому я совершаю поклонения?

Ли Бао отправился в храм чжэньцзюня, осмотрел там балки и перекрытия, коридоры и галереи, и оказалось, что все пришло в полную негодность. Тогда он приказал мастерам починить храм.

Да-дао же повесил амулет на пояс и не осмеливался больше ночевать в беседке. Не раз и не другой он видел деву, но она не могла приблизиться к нему ближе, чем на один чи, Да-дао же с ней не разговаривал. Деве только и оставалось лить слезы. Так прошло десять дней.

Как-то Да-дао в свободный час прогуливался в одиночестве по тому самому саду и у тропинки нашел в траве листок цветной почтовой бумаги. На листке было написано стихотворение в жанре цы², его сложила дева. Называлось стихотворение «Бабочка тоскует о цветке»:

Луна скользнула сквозь разрывы туч —
 Подушка щеку холодит мою.
 Напоминает тонкий лунный луч
 Мне прежнюю любовь твою.
 Тань-лан³ был рядом, ныне — далеко:
 Изменчив, как весенний ветерок.
 О, как мне, одинокой, нелегко!
 О, если б он меня услышать мог!

¹ Речь идет о духе Эр-лане 二郎, сыне сычуаньского правителя Ли Бина (李冰 III в. до н. э.). С именами обоих связан связан легенды, имеющие большое количество вариантов: как Эр-лан уничтожил на охоте злобного тигра, наносившего вред местному населению; как, пользуясь советами отца, Эр-лан (или сам Ли Бин?) призвал к порядку и обуздал дракона (духа) реки Янцзы, творившего безобразия и собиравшего дань красивыми девушками, но, к сожалению, все эти предания дошли до нас лишь в поздних записях. Во время правления императора Хуэйцзуна (1101—1125) духу был дарован титул чжэньцзюня (Истинный Государь), храмы в его честь были выстроены по всему течению Янцзы и в некоторых других местах, духу стали приписывать самые многообразные способности.

² Один из традиционных стихотворных жанров, широко распространившихся в сунском Китае, характеризовался нерегулярной длиной строки. Цы писались на определенной мелодию и оттого в европейской традиции часто называются романсами.

³ Иносказательно о прекрасном юноше. Иносказание берет начало от цзиньского Пан Аня 龐安, второе имя Тань-шу, отличавшегося особой красотой и изящностью. Красота его стала нарицательной. Здесь и далее стихи даны в переводе О. Трофимовой.

Порознь цветы и легкий пух летят:
Как воротить прошедшее назад?

Да-дао снова и снова декламировал эти стихи, очарованный талантом девы. И вдруг он увидел ее — девушка стояла под плакучей ивой. Краса ее была так свежа, одежда так прекрасна — точь-в-точь как раньше! Подняв лицо к небу, Да-дао простонал:

— Я обычный человек, и с меня довольно красоты! Вот и сегодня — увидел, как она прекрасна, и наслаждался сполна! О чем мне еще мечтать! Да и потом, откуда мне знать, может, раньше и я был необычайным существом или стану таковым после смерти. Нет, не могу я порвать с нею!

Тут Да-дао разломал амулет и бросился к возлюбленной. Дева то плакала, то смеялась.

— Теперь, когда вы, господин, знаете все о моем дурном естестве, — сказала она, — вы со спокойным сердцем могли бы прогнать меня, порвать нашу связь. Неужели же я забуду вашу доброту и позволю вам пачкать себя в вульгарной грязи, печалиться о недостойной вас!

Из глаз ее выкатилось несколько слезинок. Да-дао принялся ее успокаивать, говоря:

— Да нет у меня к тебе никакой неприязни. Ни в чем я тебя не виню!

Они снова стали жить, как прежде, и чувства их стали еще крепче и глубже.

Так прошел месяц. Лицо Да-дао осунулось, он сильно исхудал, и родители, опасаясь, что он совсем сляжет, стали приглашать магов и заклинателей, но никто из них так и не смог справиться с недугом. Тогда отец запер Да-дао в потайной комнате, и Юань, придя на место встречи, не нашла его.

На другой день стали происходить и вовсе необычайные вещи. Откуда-то примчалось несколько сотен мартышек. Они принялись скакать по крышам и, как их ни гнали, не уходили, но продолжали шнырять повсюду. Ли Бао они не давали ни минуты покоя.

Однажды, когда Ли Бао сидел один в своем кабинете, в щель окна кто-то просунул письмо, и оно упало близ него. Бао тут же вскочил и выбежал на улицу, но там никого не оказалось. Тогда он распечатал письмо и прочел. Вот что там было сказано:

Кун Чан-цзун, цзиньши¹ из Куйчжоу² почтительно составил письмо и отправил в терем господина Ли.

В этом письме позвольте мне выразить свое преклонение перед Вашей высокой добродетелью. Да и как не разглядеть ее, лишь увидев Ваш благородный лик! Я, Чан-цзун, отдаленный потомок Кун-цзы³, переехал на жительство в Бачуань⁴ и теперь обитаю здесь. В семье нашей все издавна посвящали себя изучению конфуцианских книг, поколение за поколением носили чиновничьи платье, и много было таких, кто, как говорится, в красном халате держит нефритовую табличку⁵. Когда-то и я за свои таланты был вознесен высоко, мои манеры и стихи были выше всяких похвал, но, к несчастью, я попал под власть чар оборотня. Помрачение достигло наивысшей глубины и длилось очень долго. Я умер и стал лисом! Случайно узнал я, что и Ваш, сударь, сын попал в сходное положение. Это продолжается уже долго, и Ваш сын на грани гибели. А ведь я был мужем младшей сестры Сун Юань! Эти сестры во всем помогают друг другу, и людей, введенных их превращениями в помрачение, — великое множество. Ваш, сударь, сын разломал амулет и отказался от защиты, он ходит по краю смерти и не задумывается об этом. Ну как не пожалеть его!.. Еще я слышал, что если лиса-оборотень не может достичь того, чего хочет, она насылает беды и прочие удивительные напасти. Беснующиеся мартышки — это, конечно, то самое! Если вы спустите на них охотничьих соколов и собак, тогда еще можно будет прогнать. Боюсь, правда, как бы Вы, благородный муж, из-за родственных чувств к сыну не причинили бы безо всякой вины вреда и моей жизни — ведь у людей и диких животных разные пути! Почтительно об этом напоминаю. Надеюсь, Вы простите мне бесстыжие речи.

Прочитав письмо, господин Ли долгое время сидел в тупом ошеломлении. Потом, следуя данному совету, спустил на обезьян собак и соколов, и обезьяны убрались восвояси.

¹ Высшая ученая степень в системе государственных экзаменов, дававшая право на занятие сразу крупных чиновничьих постов, например, начальника области. В сунское время из первых среди прошедших экзамены на степень цзиньши нередко избирались императорские зятья. Экзамены на цзиньши обычно проходили в столице раз в три года.

² Область, располагалась на территории современного уезда Фэнцзесянь в провинции Сычуань.

³ То есть Конфуция, фамилия которого была Кун.

⁴ Распространенное в старом Китае название для шуских земель, относящихся ныне к Сычуани.

⁵ То есть высших придворных чиновников.

Однажды вечером господину Ли приснился человек. Он сказал: «Я — Кун Чан-цзун, тот самый, что писал к вам. Я выдал замыслы лис, и они в диком гневе убили меня на берегу западного ручья. Теперь мне не удастся вернуться в круговорот жизни человеком и окончить свои дни в праведности. Ведь душа моя бродит без пристанища! Вы, господин, исполнены великодушия и чувства долга, вы можете помочь в беде и выручить в нужде. Моя последняя надежда на вас! Бренны останки мои брошены в беспорядке в глухом месте, забыты среди густого бурьяна. Если бы вы собрали и похоронили их, то эта заслуга зачлась бы вам у Девяти Источников!»

Господин Ли дал согласие помочь, и человек пропал. Когда рассвело, Ли послал людей искать у ручья. Но лиса не нашли. Тогда господин Ли раздал пищу нескольким десяткам буддийских монахов с тем, чтобы они читали сутры в поминовение души усопшего, а сам сложил поминальный текст и принес его в жертву лису. Там было сказано:

Бессчетное число живых существ заполняет небо и землю, но никому неведомы причины прихода и ухода! Говорят, Великое Небо можно измерить, а превращения — бесконечны! Бренное тело дается на краткий миг, чтобы дать прибежище духу. Круговорот от высших до низших сфер понятен, зачем же цепляться за нынешнюю оболочку, не стремясь к иной! Если сильны еще инь и ян, если стужа по-прежнему сменяет жару, — значит, не покинул ты еще переправы между жизнями и смертями. Все существа получают обличье согласно велению судьбы — так дело обстоит во всем мире, будь то гора Тайшань¹ или ничтожнейшая песчинка. И растения, и твари — те, что бегают и летают, — тоже могут родиться в человеческом обличье. А человек покидает этот мир, и, как знать, не станет ли он потом деревом или камнем, птицей или зверем. Этот закон непреложен, зачем горевать или радоваться! От непонимания его страдают даже сановники и государи, сотни лет хранят они затаенные обиды, лишённые речи и языка. Вчера еще жили они в роскошных хоромах, а ныне, как говорится, ютятся под деревьями на холме в диком поле!.. Вы, желая, чтобы я обо всем узнал, отправили письмо и — пострадали. Я со вниманием прочел написанное Вами и понял, что когда-то Вы отменно владели литературным слогом. Что же до брошенных у западного ручья останков, то несколько раз я искал там, но, к досаде,

¹ Одна из пяти священных китайских гор, главная между них. Символ непоколебимой прочности.

ничего не сохранилось! Хоть Ваш лисий облик был нелицеприятен, может, соорудить для Вас у ручья могильный курган из тамошней земли? Пока же я предпринял труды для Вашего спасения, дабы помочь Вашей душе в темном мире. Берегите себя, господин! Осенью так холодно, клубятся тучи... Где Вы, господин? Услышали ли меня?

Через несколько дней после принесения жертв возобновились всякие безобразия, собаки и соколы уже не помогали. Господин Ли понял, что, видно, тут ничего уж не поделаешь, отпустил Да-дао и перестал надзирать за ним. Только после этого в доме установилось спокойствие.

Да-дао и Юань вновь обрели друг друга, и чувства их усилились несказанно. Дева принесла что-то похожее на ворсистые коврики, расшитые шелком, — подарки свекру и свекрови. Ли Бао сначала не хотел принимать этот подарок, но потом испугался, что Юань разозлится и снова будет безобразничать. Пришлось ему оставить подарки у себя.

Однажды мать Да-дао захворала сердечной болезнью. Она лежала чуть живая. Господин Ли приглашал к ней известных лекарей, но никто из них помочь не смог.

— Болезнь у вашей матушки самая обычная, — сказала Да-дао Юань. — Вот, возьмите лекарство, поскорее бросьте в воду и приготовьте отвар, а потом пусть матушка выпьет. Через самое короткое время болезнь отступит!

Да-дао взял лекарство, развернул, смотрит — а это темный древесный листок размером в монету или немного больше. Не очень-то веря, Да-дао пошел к матери и дал ей лекарство. Не успела она выпить отвар, как болезнь будто рукой сняло! Все пришли в сильный испуг и решили, что Юань ведомы дела духов.

С этого времени Юань мало-помалу приняли в семью как родную и перестали испытывать к ней подозрение и неприязнь.

Однажды весенним вечером Да-дао и Юань прогуливались в саду позади дома. В беседке среди цветов они устроили пир. В строгом порядке была там расставлены посуда и чаши, играла музыка. Да-дао с девой, раскрыв душу друг другу, говорили о сокровенном — удовольствию их не было предела. Опьянев, Юань сложила такое четверостишие:

Шатер ветвей зеленых над головой сплелся.
Едва лица касаясь, кружатся лепестки.

Красавица зарделась, румянец разлился...
Пусть пологом Лю Лина¹ нам станут небеса!

Да-дао долго хвалил стихи, а потом сказал с улыбкой:

— Ну, как насчет парных строк², а?

— Пожалуйста! — ответила дева. У пионов, росших рядом с беседкой, как раз в это время набухли бутоны, вот-вот распустятся. Подлетела пара бабочек и, кружась, села на бутон. Глядя на них, Да-дао продекламировал:

— Весною на пионе у перил любезничают бабочки.

— Ранним утром на вершине яблони кричит иволга, — тут же отвечала Юань.

Немного подумав, Да-дао снова прочел:

— Плакучая ива у тропки по ветру стелет зеленые нити.

— Ростки бамбука из-за загородки подняли бирюзовые побеги, — ответила Юань.

Да-дао изумился ее острому уму и способности быстро подбирать рифмы. До самого заката читали они стихи, пели, шутили и смеялись.

В другой раз Да-дао должен был ехать по служебным делам в Мэйчжоу.

— Дней через десять я непременно вернусь, никого не принимай! — сказал он деве. Прибыв на место, Да-дао встретил старого приятеля, и тот, обрадовавшись его приезду, постарался задержать друга подольше. Только через двадцать дней Да-дао удалось вернуться домой.

— Что же вы так сильно запоздали? — стала упрекать его дева.

— Да приятель задержал! — оправдывался Да-дао.

¹ 劉伶. Цзиньский поэт, известный пристрастием к вину и вольным поведением. Письменные памятники доносят до нас, что однажды Лю Лин, напившись, разделся догола, а когда окружающие стали его за это укорять, отвечал, что для него дом — земля и небо, а комната — штаны и рубаха, и зачем, собственно, критиканы залезли в его штаны? (подробнее см.: *Лю И-цин*. Ши шо синь юй. С. 392). В данном стихотворении как раз и содержится призыв пренебречь общепринятыми нормами.

² Один из традиционных видов китайского стихосложения, коллективные поэтические экспромты. Обычное застольное развлечение, при котором участвующие должны были подбирать в уме парные строки к сказанным до них, соблюдая правила рифмовки, синтаксический параллелизм и не искажая при этом смысла.

— С тех пор как вы уехали, окна в доме были закрыты даже днем, в сад и на порог не ступала нога человека, — сказала тогда Юань. — Я забросила помаду и туалетную воду для волос, не брала в руки румяна и пудру. Я тосковала в разлуке! Я думала только о вас!.. Вот, я сложила стихотворение и в нем выразила свои мысли!

Стихотворение было в жанре «цы» и называлось «Вернитесь, господин»:

Ветер восточный крепчает,—
Спутник весны молодой.
Ивовой ветвью играет и занавески качает:
Тянет ее за собой.
Тени причудливо пали,—
Солнце блеснуло вдали.
Волосы-тучи смешались, в сердце забота с печалью:
Где молодой господин?
Жизнь что цветы и что травы:
Только цвели — и не стало...

Прочитав эти стихи, Да-дао стал униженно просить прощения.

Тут как раз в уездном городе появился некий деревенский наставник по фамилии Чжан. Он, как говорится, опустил занавес¹ и стал учительствовать в буддийском храме. Постепенно у него появилось множество слушателей и последователей. Узнав о Чжане, Ли Бао послал к нему своего сына. Юань приходила туда каждую ночь, тайно пробиралась к Да-дао и спала с ним. Однокашники Да-дао знали о ней и наперебой стремились хоть разок увидеть деву. Юань их не избегала и со всеми разговаривала. Сметливая и умная, Юань умела найти подход к каждому, и все с ней чувствовали себя совершенно свободно. Однако наставнику о деве никто не рассказывал. Юань вместе с Да-дао и другими учениками Чжана часто встречались за пределами буддийского храма.

Некий цзиньши Ян Бяо, вернувшись сюда из столицы, прослышал о Да-дао и его подруге и явился с визитом. Он хотел увидеть Юань, та согласилась. Ян Бяо встал ей навстречу.

¹ Иносказательно об открытии частной школы.

— Когда я уезжал из столицы, то купил головные украшения — цветы из золота и шелка. Очень тонкая и искусная работа! — сказал он.— Но здесь, в горном захолустье, грубые и вульгарные вкусы и некому оценить подобные вещи! Хотел бы поднести украшения вам, обменять на одно талантливое ваше творение!

Юань охотно согласилась, велела принести кисть и бумагу и сложила ему такое четверостишие:

Скроили платье, блещет понапрасну:
Не в этот дом Дунцзюнь¹ весну принес.
Но если лить так много горьких слез,
Придут одни болезни и несчастья.

Ян Бяо лишь вздохнул и ушел.

Впоследствии Юань родила сына. И вот, когда мальчику исполнился год, однажды вечером она вдруг в слезах упала на колени, и рыдания перехватили ей голос. В испуге Да-дао стал ее тормошить, но дева лишь лила слезы и молчала, не отвечая. Да-дао настойчиво продолжал спрашивать, в чем дело, и тогда она сказала:

— Мы с вами встретились не случайно! Теперь же назначенный срок весь вышел, и мы с сыном должны распрощаться с вами! — Она оправила платье и продолжала: — Древние говорили, что женщины доставляют радость своей красотой. Я, ничтожная, удостоилась быть подле благородного мужа. С начала и до сего дня любовь наша была такой чистой, что даже если теперь разбросают мои кости или оставят тело без погребения, то и тогда мне не будет горько. В древности была «клятва у сорочьего гнезда», и хоть разлука продолжалась долго, но настал все же срок для новой встречи². Что до «стихов на парчовом футляре», то хоть обида и была очень сильна, однако в конце концов любящие воссоединились³! А у нас с вами, господин, день разлуки

¹ «Восточный государь», божество весны.

² Намек на песню из «Ши цзин» (詩經 «Книга песен»), где речь идет о том, как супруг, уехав из дома устраивать свои служебные дела, оставил жену, а она преданно ждала его все это долгое время.

³ Намек на жену Доу Тао, которую супруг не взял с собой, уезжая к новому назначению. В тоске она вышила на футляре стихи, где говорила о своих чувствах, и послала мужу. Тот прочел, восхитился и прислал за ней.

очень близок, но нет срока для нового свидания! Душа моя трепещет от тоски, сердце разрывается от боли! Велико горе разлуки, навечно сохранится печаль в моем сердце!

Тут Юань горестно насупила прекрасные брови, и жемчужины-слезы из ее глаз оросили обильно полы халата. Глядя на нее, Да-дао тоже не сдержал слез.

— Когда-то Кун Чан-цзун наговорил всякого вздора свекру и свекрови, — вновь заговорила дева, — но они все же не питали ко мне брезгливых подозрений, и я получила возможность прислуживать вам, господин, у изголовья и циновки. Так прошло два года. Чувства наши глубоки, во всем мы соблюдали долг, земным парам и не сравниться с нами! Но мне обидно, что я ничем не могу отблагодарить вас за доброту! Да и неужели же я хотела бы повредить вашей судьбе и оборвать жизнь вашу, чтобы потом меня проклинали?! Этот Чан-цзун — ученый невежда и больше ничего! Да откуда ему знать меня!

Потом Юань снова обратилась к Да-дао:

— Вы, господин, еще молоды, и вам следует прилежно учиться, быть обходительным с наставниками, друзьями, покрыть славой свой род и возвеличить отца с матерью. Этим вы выполните свой сыновний долг. Только гоните мысли о женщинах! Я надеюсь, вы будете беречь себя.

— Когда же мы увидимся с тобою вновь? — спросил Да-дао.

Юань взяла кисть, сложила стихотворение и протянула ему:

Два года делили одно изголовье
и наслаждались любовью.
Теперь же иду на край неба,
здесь — больше нам рядом не сесть.
Свидимся где ли, вздыхаю несмело,
может, за облаком белым¹?..

Они еще долго беседовали, а потом легли спать раздельно. Утром Да-дао встал, отправился к родителям справиться об их

¹ В тексте буквально сказано: «Если и будет встреча, то только среди облаков за кручами гор Ушань». Юань хочет сказать, что увидятся они разве что во сне, и намекает на известную легенду о свидании во сне чуского князя и феи гор Ушань.

здоровье, потом возвратился в комнаты — а Юань и сына уже нет! Не будучи в силах справиться с охватившим его горем, Дадао только вздыхал в печали. Часто любясь луною, он вспоминал о красоте и прелести Юань.

Постепенно все забылось...

СБОРНИК «ВЫСОКИЕ СУЖДЕНИЯ У ДВОРЦОВЫХ ВОРОТ»

Как известно, одной из главных единиц бытования текста в традиционном обществе выступает сборник. Старый Китай в этом смысле не был исключением — сборники того или иного рода, той или иной направленности известны в Поднебесной, начиная с древности. По мере развития культуры их число множилось, тематика становилась разнообразнее, и одной из важнейших вех на этом пути стало появление так называемых сборников бицзи 筆記. Возникнув в эпоху Тан (618—907) и окончательно сформировавшись как самостоятельное явление к началу правления династии Северная Сун (960—1127), сборники этого рода к XII в. чрезвычайно распространились в обществе — не в последнюю очередь в связи с широким распространением книгопечатания. Кажется, каждый крупный сунский книжник оставил после себя такой сборник (а некоторые и по два ¹).

В рамках настоящей работы нет места подробному анализу этого явления, а потому я ограничусь лишь определением бицзи как особой формы авторского сборника, не связанного какими-либо жанровыми рамками или объемом, не ограниченного ни в плане формы, ни в плане содержания, и оттого включающего как сюжетные, так и бессюжетные, а равно и поэтические фрагменты ² — главным образом, рассуждения о поэзии ³. В качестве

¹ Например, Су Ши (蘇軾 1036—1101) — «Чоу чи би цзи» (仇池筆記 «Заметки из Чоу-чи») и «Дун-по чжи линь» (東坡志林 «Лес записей Дун-по»).

² Под фрагментами применительно к бицзи я понимаю законченные в смысловом отношении отрывки текста, из которых складывается текст сборника, вне зависимости от того, имеют ли эти отрывки заголовки, сюжетны ли они бессюжетны.

³ Подробнее о бицзи см. мои работы: *Алимов И. А.* Вслед за кистью; *Алимов И. А., Серебряков Е. А.* Вслед за кистью; а также итоговое исследование: *Алимов И. А.*

главного конструирующего принципа организации конкретного сборника бици выступала личность автора — круг его интересов, воззрений, ученых пристрастий, стремлений, наконец, жизненный опыт, которым автор считал необходимым поделиться с потомками; говоря иначе, автор, соответственного его уровню учености, мог преследовать самые разные цели, при этом ничем современно себя не стесняя. Ценность сборников бици для современного исследователя состоит как раз в этой авторской свободе — когда книжник, не будучи на официальной службе и, следовательно, не находясь в ипостаси чиновника, государственного человека, конфуцианца во власти, описывал современную ему жизнь непредвзято и наиболее полно¹. В результате в сборниках бици мы находим подчас уникальную информацию о самых разных сторонах жизни традиционного китайского общества — информацию, выгодно дополняющую официальные исторические сочинения, потому что некоторым темам место в официальной историографии было заказано.

Сборник «Цин со гао и» (青瑣高議 «Высокие суждения у дворцовых ворот») Лю Фу в ряду прочих сунских бици ценен как степенью сохранности, так и жанровым своеобразием². Б. Л. Рифтин предлагает другой перевод названия сборника — «Высокие суждения у зеленых дворцовых ворот»³, К. И. Голыгина — «Высокие суждения у зеленых ворот»⁴ и «Суждения о нравственном у зеленых ворот»⁵. Все эти переводы в разной сте-

Лес записей: Сунские авторские сборники в очерках и переводах (в печати). Последнее издание материалов о Лю Фу не включает.

¹ Об этом очень хорошо сказал А. С. Мартынов: «Кисть, рабочий инструмент конфуцианской личности, оказавшись в состоянии "праздности", освобождалась от строгих доктринальных ограничений, осознавала свои способности и стремилась отразить окружающий мир по всей его полноте» (Мартынов А. С. Кисть и досуг «совершенного мужа». С. 568).

² Это единственный известный нам раннесунский сборник, содержащий в своем составе новеллы *чуаньци*, и именно из него Лу Синь почерпнул ряд новелл для своего знаменитого «Сборника новелл чуаньци эпох Тан и Сун» (唐宋傳奇集 «Тансун чуаньци цзи»).

³ Рифтин Б. Л. Китайская проза. С. 30.

⁴ Голыгина К. И. Новелла средневекового Китая. С. 65.

⁵ Рассказы у светильника. С. 11.

пени отражают содержание названия, но, как мне кажется, в данном случае нет необходимости переводить 青 как «зеленый», ибо сочетание 青瑣 с древности используется в переносном смысле для обозначения любых ворот, ведущих в дворцовые покои. Уже в 98-й цзюани «Истории [династии] Хань» есть упоминание о том, что ворота дворца цюйянского хоу были покрыты таким узором, и Янь Ши-гу (顏師古 581—645) прокомментировал *цин со* 青瑣 следующим образом: «резной непрерывный как лента узор, выкрашенный в цвет *цин*»¹. С течением времени это иносказание стало употребляться не только применительно к воротам жилищ высшей знати, но и к любым воротам, ведущим в покои типа дворцовых. Возможно, предполагает современный китайский исследователь Оуян Цзянь 歐陽健 (автор единственного на сегодняшний день монографического исследования, специально посвященного «Цин со гао и»), Лю Фу, употребив в названии своего сборника *цин со*, хотел подчеркнуть высокие литературные достоинства своего собрания². Что же до «высоких суждений», то это очевидная отсылка к морализаторским резюме *и* 議, добавленным Лю Фу некоторым, главным образом, заимствованным у других авторов текстам³. Таким образом, «Цин со гао и» по названию выглядит собранием выдающихся произведений, годных предстать даже пред самые высокопоставленные очи; высокий ранг, на который претендует сборник, состоит также в том, что его материалы прямо (посредством резюме) и косвенно (собственно, содержанием) внушают читателю возвышающие идеалы. В общем и целом, как сможет убедиться в дальнейшем и мой читатель, так оно и есть.

¹ Бань Гу. Хань шу. Т. 12. С. 4025. Нужно помнить, что палитра цвета, обозначаемого в старых китайских текстах иероглифом 青, достаточно широка — от темно-голубого, ярко-зеленого и до просто темного, даже черного; впрочем, у зеленого (естественного цвета зеленых листьев) было тут явное преимущество.

² Оуян Цзянь. Цин со гао и. С. 14. Подробнее об истории текста сборника и о самом Лю Фу см. в настоящей книге, в Приложении 2.

³ Фрагментов с резюме, начинающегося со слов 議曰 «[Мое] суждение таково», в «Цин со гао и» двадцать один; еще четыре резюме начинаются со слов 評曰, что я перевожу так же. Тем не менее наличие такого резюме не следует рассматривать в качестве неперемного маркера заимствования.

Лю Фу, будучи классическим китайским книжником-собирателем, доступными ему средствами создал книгу, в рамках которой варьируются (а с помощью морализаторских резюме и усиливаются) интересующие его темы и мотивы, и их регулярная повторяемость позволяет нам сделать важные замечания касательно оценки личности самого Лю Фу, а равно и изучения некоторых важных сторон жизни традиционного китайского общества XI века, а также элементов традиционного китайского мировоззрения. Сборник «Высокие суждения у дворцовых ворот» — не только собрание всех основных популярных прозаических жанров своего времени, но как явная компиляция, включающая так или иначе обработанные составителем многочисленные произведения иных авторов, это еще и миниэнциклопедия эпохи, куда вошли умонастроения бытовой повседневности, верования и суеверия всего китайского общества в целом. Здесь нашли отражение многие важные темы, о которых я говорил выше: элементы представлений о душах умерших, а также о лисах-оборотнях и, кроме того, о духах, неразрывно связанных с покинувшими мир живых. Но если в случае с «Тай-пин гуан цзи» мы с известными уточнениями можем говорить о материале, практически исчерпывающем расхожие мотивы, связанные с душами умерших, то в «Высоких суждениях...» мы имеем дело с более узким кругом мотивов и воззрений — близким в первую очередь автору и повседневным умонастроениям его эпохи.

Непосредственно в предисловии к сборнику отмечена самая, пожалуй, важная затронутая Лю Фу тема, которая его весьма занимала и к которой он вновь и вновь обращался на страницах своего сборника. «Всегда в мире существовало обычное и всегда существовало необычайное, — так начинается предисловие. — Обычное — это люди, а необычайное — души умерших». Собственно, речь о них заходит буквально с первых страниц «Цин со гао и», когда в рассказе «Записки о погребенных костях» 葬骨記 главный герой сталкивается с душой умершей девушки, которая просит его захоронить ее брошенные без погребения останки. Непосредственно за этим следуют две истории — о том, как министр Фу Би (富弼 1004—1083) организовал массовые захоронения для тех, кто погиб в результате наводнений и голода¹. (Это,

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 11—13.

кстати, один из весьма немногочисленных примеров подобного рода из «Высоких суждений...» — когда в роли главного героя в такой ситуации выступает хорошо известное историческое лицо; да и сам данный эпизод исторически вполне достоверен; в подавляющем же большинстве историй фигурируют лица совершенно безвестные, скорее всего — вымышленные¹.) Как было сказано, возвращение в мир живых души умершего, обеспокоенной состоянием своего захоронения — один из основных интересующих нас в рамках настоящей работы мотивов «Цин со гао и». Ибо душа находит успокоение, попадает благополучно в загробный мир и рождается в новом облики только в том случае, когда тело, в коем она обитала, похоронено по всем правилам и в полной целости. Особенно важны место захоронения и наличие могилы. Душа того, кто по тем или иным причинам остался без погребения, может надеяться исключительно на милость живых — и как раз за этим она является к живым людям, выбирая в первую очередь тех, кто обладает совершенными моральными качествами, а значит, может понять важность дела умершего и отнестись к просьбе со всей ответственностью.

В том случае, если человек, к которому душа умершего приходит с просьбой позаботиться о захоронении, не оправдывает надежды или даже проявляет вероломство, обманывает, душа умершего мстит за обиду, как в рассказе «История Цзян Дао» 蔣道傳 из третьей части сборника Лю Фу; главный герой этой истории присваивает деньги души умершего полководца, данные ему для расходов по перезахоронению. Завязка рассказа в том, что ученый по имени Цзян Дао некогда, заночевав на постоялом дворе, повстречал душу танского полководца, и последний, обра-

¹ Вообще среди героев «Цин со гао и» достаточно громких исторических имен — Ли Фан (李防 924—996), Чжан Юн (張詠 946—1015), Фань Чжун-янь (范仲淹 989—1052), Фу Би (富弼 1004—1083), Ван Ань-ши (王安石 1021—1086), и др., — и любопытной особенностью сборника (видимо, лишней раз подчеркивающей его компилятивность) является то обстоятельство, что эти исторические северосунские деятели в «Высоких суждениях...» представлены вне контекста довольно острой политической придворной борьбы, имевшей место в то время, и того, какая именно группировка находилась у власти — а ее соперники, соответственно, подвергались гонениям и официально не могли быть примерами высоких человеческих качеств; в сборнике Лю Фу это отсутствует, здесь, для иллюстрации того, как должен вести себя истинный чиновник, благородный муж, просвещенный конфуцианец, привлечены эпизоды из жизни участников самых разных, в том числе противоборствовавших группировок и течений.

тившись к Цзяну, как к человеку достойному («Я знаю, что ваша милость, как конфуцианец-книжник непременно обладает полным чувством долга. Ваш покорный слуга умоляет выслушать его!»), поведал историю своей гибели — он командовал авангардом войска и погиб в сражении как раз в этих местах; полководец попросил перезахоронить его брошенные без погребения останки: «Мои останки покоятся как раз к западу от этого зала, лежат безвестно несколько сотен лет, беспомощные против темного плена. Вы можете спасти мои останки, извлечь их и захоронить на равнине, дав мне тем возможность обрести перерождение! Я щедро отблагодарю вас!» В качестве аванса полководец щедро одарил Цзяна серебром, и Цзян прямо среди ночи взялся за поиски, но так останков и не обнаружил, сочтя, что на их месте нынче стоит стена казенного строения. Некоторое время спустя, уже в столице, душа полководца разыскала Цзян Дао и упрекнула его в том, что он не исполнил своего слова: «Что же вы, господин, не сделали подкоп и не достали их?! <...> ¹ нельзя поручить, вы, человек, не знающий добра, воспользовались моим серебром! Я непременно отберу его у вас!» Так, собственно, и вышло: вскоре Цзян Дао заболел, и все серебро ушло на врачей и лекарства ². Нельзя сказать, что Цзян Дао изначально не хотел помочь душе умершего полководца, однако же отнесся к поручению без должного, по мнению покойного, рвения, за что в итоге и поплатился.

Другой важный мотив сборника — мотив воздаяния за дурные поступки, вошедший в китайскую культуру вместе с буддизмом. Прежде всего обращают на себя внимание три однотипных рассказа, в которых главный герой с корыстной целью обманывает девушку, а когда надобность в девушке отпадает — убивает ее или способствует ее смерти. Мораль Лю Фу: «Если нельзя безнаказанно присвоить состояние человека, то что говорить о том, чтобы тайно нанести вред его жизни?!»; «Нельзя наносить обиду — ведь вот каково загробное возмездие! Прочитавшие должны остерегаться вести себя так!» ³ Непосредственно к этим историям примыкает ряд коротких рассказов сугубо буддийского характера, повествующих о воздаянии за принесение вреда жи-

¹ В китайском тексте утрачены три иероглифа.

² Лю Фу. Указ. соч. С. 231—233.

³ Лю Фу. Указ. соч. С. 140—145.

вым существам — как умышленно, так и по профессиональной необходимости. Суровое возмездие настигает Юй Юаня, кормившего внутренностями зайцев своих охотничьих соколов, а также коновала Чэнь Гуя, хотя первый поступал так по собственной воле, а второй занимался забоем коней, зарабатывая себе деньги на жизнь¹. Чаще всего преступника настигает смерть, и в агонии он сам испытывает все те муки, что он причинил живым существам. Впрочем, загробное возмездие отнюдь не безусловно, как может показаться. Из рассказа «Записки о чжэньжэне Цзыфу» 紫府真人 мы узнаем, как Сунь Мянью, будучи призван к ответу за смерть убитой им черепахи, не получил наказания из-за того, что совершил это преступление, находясь при исполнении служебных обязанностей — охране плотины, которую подрывала та черепаха². Для разбирательства Сунь Мянью препровождают в загробный мир, описанный, как это присуще сюжетной прозе, весьма фрагментарно. В другом рассказе из «Высоких суждений...» дается более подробная, но все равно неполная картина загробного судилища. Названы три адских отделения: ад, где поджаривают («Слева и справа простирались высокие строения. У них — тысячи лежанок. Под лежанками мерцали огоньки — то совсем погаснут, то снова разгораются. На лежанках сидели и лежали люди, стонали, громко кричали. Тела у них были обгорелыми, причем до такой степени, что разобрать, где мужчина, а где женщина, было невозможно»); ад огня и кипятка («Я посмотрел вперед и увидел то и дело вздымающиеся высоко вверх языки бушующего пламени, услышал неистовые крики многих десятков тысяч людей. От всего этого я почувствовал стеснение в груди и боль в сердце. Чиновник вывел меня из ада, и тут у меня из носа и горла потекла кровь»); ад, где пилят («Перед большими домами находилось бесчисленное множество людей, их тела были пронзены остриями, и сотни, тысячи змей ползали среди этих преступников и задевали эти острия хвостами или же хватали их пастью. Люди вопили так, что их криков нельзя было вынести»). Есть и специальные наказания, которым подвергаются избранные грешники: «Потом мы прошли мимо холма, из которого торчала

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 145. Возмездие разнообразно: так, за причинение вреда обезьянам человек сам становится обезьяной (с. 135).

² Лю Фу. Указ. соч. С. 14—15

человеческая рука. "А это кто?" — спросил я. "Это циньский генерал Бай Ци¹. Пребывает здесь за свои злодеяния". "Но ведь Бай Ци умер тысячу лет назад, неужели он все еще здесь?!" "Некогда он казнил четыреста тысяч пленных, и нет преступления больше! А этот холм — человеческие кости"». Мораль Лю Фу: «Ци казнил чжаоских пленных — от этого действительно сердце холодеет! — но вот как воздалось ему в загробном судилище! Так как же можно творить плохие дела?»²

В подземном мире царит строгий порядок: бегают чиновники, отдаются приказы, работает канцелярия, смоделированная по образцу чиновничьего аппарата в мире людей. Вновь поступающая душа подвергается допросу, ее дело тщательно разбирают. Определяется мера вины и степень строгости наказания, после чего душа может получить перерождение. Какое-то число душ некоторое время находится вне состояния перерождения (эти души называются «неприкаянными») то ли по причине неправильного захоронения, то ли по решению загробного владыки. Возможны в загробном разбирательстве ошибки, которые, как правило, все же исправляются.

Интересные сведения сообщает Лю Фу и из истории китайской древности. Так, Юй в процессе усмирения великого потопа, когда в бушующих водах погибло великое множество людей, во избежание столкновений душ умерших с живыми давным-давно повелел собрать первых в горных пещерах и переписать их поименно. Гораздо позднее, «на второй год под девизом правления Цин-ли (1042) на восточном склоне горы Цзулайшань камнетесы дробили камень. В один прекрасный день они оказались в удивительном месте, где было пронизывающе холодно, а в ущелье, усеянном нагромождениями камней, стоял сумрак. Только ударили по камню, как открылась пещера, и в той пещере выли души умерших. Заухали филины и затрещали деревья — вдруг наружу выскочила целая толпа духов, они набросились на камнетесов, и те бежали десять ли, и лишь тогда нечисть отстала. Потом все те камнетесы умерли. После этого души умерших разбежались на

¹ Бай Ци (白起 ?—257 до н. э.) — он же Гунсунь Ци 公孫起, циньский военачальник и стратег, который в 260 г. до н. э. одержал победу над войсками царства Чжао под Чанпином (в совр. пров. Шаньси) и, согласно историческим хроникам, приказал закопать в землю живьем 450 тыс. сдавшихся чжаоских воинов.

² Лю Фу. Указ. соч. С. 136—138.

несколько десятков ли кругом, и рыбаки уже не осмеливались ловить в реке рыбу, а люди не могли собирать хворост в горах». Положение спас даос: он зашел в пещеру, прочел высеченный на камне список имен, и духи вернулись обратно в пещеру, вход в которую снова завалили¹.

Непосредственно к рассказам о неупокоенных душах умерших примыкает блок сюжетов, повествующих о посмертной судьбе лиц, известных своими добродетелями, талантами и прижизненными заслугами: они находят место среди небожителей или, как минимум, духов-покровителей местности. Для китайского народного самосознания последнее вполне характерно: когда некий чиновник, прославившийся мудрым управлением вверенным ему народом, предпринимавший многообразные усилия для облегчения народной жизни и не тиранивший попусту простых людей, после смерти обожествлялся в качестве духа-покровителя тех земель, которыми управлял при жизни. Именно такая судьба, по изложенной Лю Фу версии, была уготована известному танскому литератору, одному из восьми великих авторов эпох Тан и Сун, Лю Цзун-юаню (柳宗元 773—819): «Лю Цзун-юань, второе имя Цзы-хоу, на склоне лет получил понижение в должности и был назначен в Лючжоу начальником области. Цзы-хоу не притеснял народ и управлял им с любовью, в высшей степени гуманно. Люди со своими тяжбами приходили в присутствие, а Цзы-хоу судил по справедливости, не всегда при разборе дел слепо следуя букве закона» — и вот после смерти Лю Цзун-юань стал духом-покровителем Лючжоу и люди построили там храм в его честь². Более высоких загробных назначений удостоились современники Лю Фу — например, сунский министр Хань Ци (韓琦 1008—1075), после смерти ставший чжэньжэнем, «совершенным человеком» (третий по значению титул в иерархии даосских бессмертных); или другой министр — Пан Цзи (龐籍 988—1063), получивший титул даоцзюня, «небесного государя». Из рассказа «Списки бессмертных с горы Цюньюйфэн» 羣玉峰仙籍 мы узнаем, что посмертная судьба многих выдающихся деятелей известной Лю Фу современности давно предопределена — Нью И, герой этого любопытного рассказа, во сне попал в некое место, где «в

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 237.

² Лю Фу. Указ. соч. С. 10.

зале на возвышении повсюду стояли большие стелы... Издали Ню увидел, что стелы сделаны из белого нефрита, и на них красными иероглифами нанесены надписи. Сверху — большими знаками: "Список бессмертных Чжунчжоу" (иносказательно о Китае. — *И. А.*). За этим заголовком шли имена и фамилии, и число их измерялось многими тысячами. Ню многих из них не знал, а знакомы ему были только покойный министр господин Люй И-цзянь (呂夷簡 979—1044), покойный первый министр господин Ли Ди (李迪 971—1047), покойный министр господин Юй Цзин (余靖 1000—1064) и покойный лунту (член придворной академии Ханьлиньюань. — *И. А.*) господин Хэ Чжун-ли (何中立 1004—1057)». Из дальнейшей беседы с управителем этого места выясняется, что «в мире людей правители уездов и начальники областей, как правило, люди необыкновенные — что же тогда говорить о вельможах, которые, так сказать, каждый день поднимаются к золотым воротам, входят в яшмовые покои и ведут беседы с Сыном Неба?»¹

Есть в «Высоких суждениях...» и несколько рассказов, посвященных бессмертным китайской древности — точнее, самому популярному из «восьми бессмертных» 八仙, Люй Дун-биню 呂洞賓, но гораздо больший интерес может вызвать рассказ, повествующий о взаимоотношениях великого танского литератора и мыслителя Хань Юя (韓愈 768—824) с его ставшим впоследствии бессмертным племянником — Хань Сян-цзы 韓湘子. «Все дети Вэнь-гуна (то есть Хань Юя. — *И. А.*) были усердны в учении, и лишь один Хань Сян безо всякого удержу отдавался своим настроениям: как увидит книгу, тут же ее отбросит, а если попадет-ся вино, так сразу напьется пьян, а как напьется — громко поет. Вэнь-гун ругал его и наставлял: "Неужели же ты не знаешь о тех страданиях, которые я претерпел в жизни? Ни поля, ни сада у меня не было своего! Но с тех пор, как я пересилил свои мечтания и добился чиновничьего поста, я постоянно бываю в книжных хранилищах с золотыми воротами, в доме моем достаток и изобилие! И если я и ныне читаю книги, то потому, что не забыл, как началась моя жизнь! Ты же высоченный — семь чи ростом! — а еще ни строчки в книгах не прочел! И никогда даже не задумался, как утвердиться в жизни!» Все эти увещевания дяди, который был ортодоксальным конфуцианцем, на племянника вовсе не

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 19—20.

действовали: молодой человек посвятил себя даосизму, чего Хань Юй решительно не мог принять даже после того, как Хань Сян-цзы продемонстрировал ему некоторые из своих достижений: «Вэнь-гун как раз устраивал пир, и Сян, заняв последнее по старшинству место, собрал в тарелочку немного земли и накрыл ее плетеной крышкой. Когда же гостей стали обносить вином, он сказал: "Цветы уже распустились!" — поднял крышку, и все увидели два горных цветка, похожих на пионы, только больше их и несравненно красивее». На одном из цветков маленькими золотыми иероглифами были написаны две стихотворные строки — предсказание Хань Юю будущей опалы и ссылки. Но и это не подействовало на стойкого в убеждениях Хань Юя. И лишь когда все предсказанное сбылось и он по пути к далекому месту службы повстречал племянника, Хань Юй был вынужден признать, что и в даосизме что-то есть: «Теперь я понял, что ты человек необычайный»¹.

Что же до лис-оборотней, то они «Высоких суждениях...» представлены в первую очередь вполне классической новеллой «Записки о Сяо-лянь» 小蓮記, главный герой которой берет в дом лису-оборотня еще девочкой. Многие, о чем было сказано выше в отношении «Удивительной встречи в Западном Шу», справедливо и в отношении этой новеллы — Сяо-лянь так же блюдет свою чистоту и нравственность, стремится следовать заведенным между людьми правилам и обычаям, наставляет возлюбленного, а также заботится о его здоровье, предсказывает будущее и изо всех сил старается сделать так, чтобы любимый был счастлив. Иными словами, мы встречаем здесь еще одно подтверждение изменения представлений о лисах-оборотнях в сунское время: из несущего лишь зло оборотня лиса постепенно трансформировалась в идеальную возлюбленную, практически не несущую вреда человеку, с которым она связала свою судьбу. Это, конечно, не значит, что иных примеров применительно к XI в. мы не имеем, однако — тенденция в переосмыслении образа в сознании образованных слоев населения налицо.

В этой новелле есть еще один любопытный момент, лишний раз подтверждающий, сколь тесно в народном китайском сознании была связана лиса с умершими. Когда Сяо-лянь призна-

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 85—87.

ется возлюбленному в том, что она лиса, она говорит ему: «На самом-то деле я не человек, а лиса с городской стены. Когда-то в прошлом рождении я была второю женою одного человека, вмешивалась во все домашние дела, клеветала на старшую жену, и моя клевета дошла до ушей мужа. С того времени он полюбил меня одну, а старшая жена затосковала и в конце концов умерла от горя. Она рассказала все чиновникам из мира мрака, и меня подвергли такому вот наказанию (т. е. сделали лисой-оборотнем. — *И. А.*). Прошли годы и месяцы — и когда я должна буду принять свой истинный облик, меня растерзают охотничьи собаки и соколы! Но если тело мое бросят в жертвенный треножник или жирное мое мясо станет усладой для людских желудков, то я останусь в них и не смогу снова возродиться. Поэтому вы, господин, в такой-то день выйдите за ворота столицы, там вы встретите охотника на лис. Дайте ему денег и скажите: "Хочу купить лису на лекарство". И та лиса, у которой в ухе вы увидите бордовый волосок в несколько цуней длиной, и будет ваша ничтожная наложница. Тогда вы сделайте платье из бумаги, гробик из коры дерева и похороните меня на высоком холме, за это я потом очень щедро вас отблагодарю!»¹ То есть лиса не менее душ умерших озабочена состоянием своего тела и обстоятельствами захоронения, потому что от этого зависит будущая жизнь.

Другая «лисыя» новелла сборника — «Весенняя прогулка по Западному пруду» 西池春游. Главный герой, Хоу Чэн-шу, гуляя по берегу озера, видит красавицу и она становится средоточием его помыслов; красавица вскоре через служанку посылает ему стихи; мало-помалу они знакомятся, Чэн-шу вне себя от страсти, наконец — прекрасная искусительница посылает служанку, чтобы та указала дорогу к ее дому. Просто так в дом тот прийти нельзя, нужно непременно дождаться, чтобы стемнело, зато потом — «вздвигаются высоко ворота огромного дома, во все стороны расходятся галереи — прямо княжеские палаты!» Прелестница объясняет: «Я все время под надзором: у меня много родственников, и совсем рядом живут соседи. Трудно выбрать время для свидания. Но вот ныне отец с матерью уехали далеко и вернутся только через месяц, а братья отправились к родственникам на свадебный пир, так что сегодняшняя встреча нам воистину

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 129—130.

дарована Небом!» Само собой, «этой ночью исполнилось все, о чем Чэн-шу мог только мечтать». Потом девушка пропадает — ни одной весточки, и Чэн-шу отправляется на розыски возлюбленной по фамилии Дугу (как потом выяснится, прекрасные хоромы, в которых был Чэн-шу, суть всего лишь родовая могила семьи Дугу, в которой поселилась лиса). Встреченный старик раскрывает ему правду: «Да я еще тридцать лет назад слышал про этих оборотней! Много раз они становились женами людей, мужьям их было как раз по тридцать лет, и чувства меж ними были очень сильные! А тем из людей, кто сожалел о своем поступке, лисы мстили... Лисы эти обладают способностью обольщать молодых людей... Как-то раз лиса повстречалась с одним молодым крестьянином, ладным на фигуру и лицо. Прошел год, и у них родился сын. Лиса вернулась в поле, а ночью приходила кормить сына грудью. Когда же начинался день — пряталась. Потом домашние крестьянина, возненавидев лису, подстерегли удобный момент и напали на нее. Отрубили ей ногу, после этого она больше не появлялась». Разговор Чэн-шу со стариком вообще во многом знаковый, поскольку содержит прямые указания на характерные повадки лис-оборотней, многие из которых мы уже рассматривали выше. «Если вы проявите великодушие, то и лиса будет вести себя как человек, а если изменитесь к ней, испугавшись, то она отомстит вам», — вот, пожалуй, одна из ключевых фраз этого диалога, важная как для представлений о лисе в сунское время, так и для данной конкретной истории. Скоро Чэн-шу и лиса соединились и стали жить вместе: «Когда Чэн-шу отправился к месту службы, дева последовала за ним, вела домашнее хозяйство строго, не любила, когда ей мешали, со слугами обращалась как положено, родственников принимала с должным уважением». Позднее по настоянию родственников и даоса-мага, Чэн-шу уехал в другое место, порвал с лисой и женился. И вот тут лиса прислала ему такое письмо: «Ученый муж не должен забывать о долге. Нет более непостоянного человека, чем вы! Хоть и можно быть неблагодарным, но как же можно обманывать? Как будто и не было клятв в верности, будто вы и к богам относитесь пренебрежительно... Когда вы были несчастны и бедны, я дала вам деньги и согрела вас. Вы в досталь и вкусно ели, одевались в шелка, и я ничем вас не обидела, так почему же вы обижаете меня?! И если я увижу, что вы упали в зловонную кана-

ву, не подам руки, чтобы вам помочь! Поскольку я ваша жена, то мой долг — воздать вам по справедливости!» То есть мало того, что лиса-оборотень оказывается не чужда чувства долга, она еще и наставляет возлюбленного, человека, избравшего карьеру конфуцианского чиновника, которому о долге известно не понаслышке.

Через некоторое время Чэн-шу потерял службу, жена его умерла, сам он вконец обнищал — все это устроила его бывшая возлюбленная, которая, однако, не довела дело до конца и пощадила Чэн-шу, подав ему немного мелочи, когда они случайно встретились на улице. Словом, ничто человеческое лисе не чуждо. Она и внешне совершенно не отличается от человека, разве что «никто никогда не видел, чтобы она причесывалась или же шила себе платья. Еще не рассвело, а у нее волосы уже уложены в прическу».

Мораль Лю Фу: «В юности я был свидетелем того, как оборотень обольстил крестьянку. <...>¹ она одевалась как обычно, весело смеялась, а ночью спала не с мужем, а одна, — и будто с кем-то разговаривала. Когда ей запретили краситься и прихорашиваться, она хотела покончить жизнь самоубийством и безудержно рыдала от горя. Ее домашние позвали старую шаманку совладать со [злом], та пришла и объяснила: "Это лисье наваждение, <...>² сводней стала собака с соседнего двора". Взяла ивовый прут <...>³ побил им собаку, а потом устроила алтарь, чтобы излечить крестьянку. Вскоре за домом послышался лисий вой. Тогда шаманка нарисовала огненный круг и села в него, [круг] стал вращаться, крестьянка и собака испугались и бросились прочь, но через сто шагов остановились... Думаю, что история [Чэн-шу] и госпожи тоже, несмотря ни на что, имела бы такой же конец!» Кстати, в этой новелле, в отличие от «Записок о Сяолян»³, есть признаки того, что телесное общение с лисой-оборотнем накладывает определенный отпечаток на человека: «Увидев вас, я сразу по лицу вашему понял, что что-то пагубное вас точит, и сила инь побеждает ян. Тело ваше ослабло, и на губах выступили черные пятнышки, лицо бледное, нездоровое. У

¹ В китайском тексте утрачены два иероглифа.

² В китайском тексте утрачен один иероглиф.

³ В китайском тексте утрачен один иероглиф.

вас изнуренный и истощенный вид. Должно быть, вас завлек в сети оборотень», — говорит Чэн-шу даос. Но тема истощения от потери светлого начала никак дальше не раскрывается, возможно это не более чем дань предшествующей традиции ¹.

Повествует Лю Фу и о других живых существах, имеющих сверхъестественные возможности — например, о благодарности дракона за спасение его сына и др., но эти сюжеты не занимают такого значительного места, как перечисленные выше; в общем же «Высокие суждения...» представляют читателю вполне законченный и непротиворечивый сверхъестественный мир средневековой китайской повседневности.

Ниже представлен перевод лишь небольшой части «Высоких суждений у дворцовых ворот»; при отборе фрагментов для перевода я исходил не только из их репрезентативности в рамках заявленной тематики книги, но старался представить сборник Лю Фу как можно шире, во всем его разнообразии, и поэтому не все переведенные фрагменты повествуют о сверхъестественном; кроме того, в переводах по вышеизложенным причинам почти не нашлось места объемным произведениям, в основном новеллам чуаньци и жизнеописаниям. Однако, как мне кажется, даже эти фрагменты, а также и сопутствующие им примечания, позволят составить достаточно полное мнение о сборнике «Высокие суждения у дворцовых ворот».

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 203—211.

ЛЮ ФУ. ВЫСОКИЕ СУЖДЕНИЯ У ДВОРЦОВЫХ ВОРОТ

Предисловие

Всегда в мире существовало обычное и всегда существовало необычайное. Обычное — это люди, а необычайное — души умерших. И это предопределено силами инь и ян, и это — непреременный закон сущего. Когда во времена древнего императора Яо разлились воды, всё и вся погрузилось в пучину бедствия, и лишь людям посчастливилось спастись и не уподобиться рыбам — едва-едва! Люди, души умерших, необычайные твари — все перепуталось среди отмелей и островов. Тогда-то совершенномудрые и изготовили треножники с изображениями [нечисти], дабы люди береглись ее, а необычайных тварей [совершенномудрые] изгнали за пределы четырех морей, дабы люди их не видели. Но некоторые из тех тварей все же затаились в горах и в низинах, а разлетевшаяся пневма-ци превратилась в души умерших. Чему тут удивляться? Ведь те, кто мог распознать души умерших и духов, — были совершенномудрые; а те, кто при виде их приходил в ужас, — как раз и были обычные люди. Оттого-то наш совершенномудрый [учитель] и не говорил [об этом], беспокоясь, чтобы потомки не впали в помрачение.

Сюцай Лю Фу приехал в Ханчжоу из столицы, специально чтобы нанести мне визит. Суждения он высказывал ясные — достаточно, чтобы похвалить. Еще показал он несколько сотен необычайных историй, мне понравился его слог и Лю попросил меня написать предисловие. Ваши сочинения — они вполне достойны и более, что называется, высоких глаз, к чему же поручать это мне и тем отдалять блестящую славу?

Разделяя помыслы Лю Фу, я с воодушевлением написал сто с лишним иероглифов, изложив, что хотел. Ведь, как говорится, и на узенькой тропке найдется достойное внимания — и только совершенномудрые не говорили об удивительном!

Предисловие писал дасюэши палаты Цзычжэндянь фушу Сунь.

Примеч. Когда во времена древнего императора Яо разлились воды... — Речь идет о китайском варианте великого потопа (видимо, сильном наводнении), который, согласно преданию, усмирил будущий мифический правитель Юй по распоряжению другого правителя, Шуня, а сам потоп начался еще при предшественнике последнего, императоре Яо и продолжался, согласно историческим хроникам, двадцать два года. С потопом регулярно боролись, но лишь Юю удалось обуздать стихию: в отличие от своих предшественников, он не только строил дамбы, но и рыл каналы, то есть стал первым китайским ирригатором. В «Мэнцзы» сказано: «В эпоху Яо (за 2357 лет до Р. Хр.), когда вселенная не была еще устроена, потоп в буйном течении разлился по всему лицу Земли, растительность отличалась безграничной роскошью, зверья и птиц была масса, хлеба не возделывались, звери и птицы теснили людей, дорожки от копыт первых и следов последних перекрещивались по Китаю, — только один Яо, скорбя об этом, выдвинул Шуня, который принялся за водворение порядка. <...> Юй прочистил девять рек и реки Цзи и Та, направив их в море; устранил преграды на реках Жу и Хань, а также на реках Хуай и Сы, направив их в Янцзыцзян. После этого Китай получил возможность кормиться» («Мэнцзы», Ш, А, 4, пер. П. С. Попова).

Треножники с изображениями [нечисти]... — В «Цзо чжуань» (3-й год правления Сюань-гуна) сказано: «Из меди, поднесенной в качестве дани, было отлито девять треножников с изображениями отдаленных областей и различных существ. Они были изображены, чтобы люди знали добрых божеств и злых духов. Поэтому, когда люди путешествовали по рекам, озерам, горам и лесам, они не сталкивались и не соприкасались с ними, привидения и злые духи не могли нанести им вреда» (пер. Б. Л. Рифтина).

[Учитель] не говорил [об этом] — то есть Конфуций. Известно, что Конфуций «не говорил о чудесах, физической силе, хаосе и духах» («Лунь юй», VII, 21).

И на узенькой тропке найдется достойное внимания. — Отсылка к «Хань шу» (漢書 «История [династии] Хань»), где про сюжетную прозу малых форм сказано: «Направление сяшо, видимо, берет истоки в байгуань. Это то, что складывалось из разговоров на улицах и пересудов в переулках, слухов и сплетен... Но даже на узенькой тропке есть вещи, достойные внимания» (*Бань Гу*. Хань шу. Т. 6. Цз. 30. С. 1745). То есть Бань Гу, признавая подобные сочинения низкими и противопоставляя их высокому пути благородного мужа, в то же время признает за сяшо определенную полезность, которой и благородному мужу пренебрегать не стоит.

Министр Ли
Первый министр Ли —
добрый человек и благородный муж

Покойный первый министр Ли [Фан] однажды сказал своим домочадцам:

— В первую луну первого года правления под девизом Цзянь-лун, в ночь полнолуния И-цзу осчастливил посещением ворота Сюаньдэмэнь. С наступлением темноты засияли огни фонарей и свечи, заиграли флейты, загремели барабаны, и юноши и девушки, собравшись вместе, вышли на запретную улицу. Владыка приблизился к перилам, стал смотреть на людей, как вдруг перевел взгляд на меня и спросил: «Изменился ли народ — в сравнении с Пятью династиями?» «По сравнению с этой эпохой благосостояние народа в несколько раз увеличилось!» — отвечал я. Император очень обрадовался такому ответу, приказал переместить мою циновку ближе к августейшему трону и собственноручно одарил фруктами и лакомствами. А потом повернулся к свите: «Ли Фан служит Нам уже более десяти лет и полностью выказал свою преданность государю и сыновнюю почтительность — никогда ни одному человеку не причинил он зла! Таких как раз и называют: добрый человек, благородный муж».

Конфуций говорил: «Доброго человека мне не удалось встретить!». Я пятьдесят лет переходил с должности на должность и два раза был у кормила власти. И хотя у меня нет таких заслуг, что можно было бы записать, что называется, на бамбуке и шелке, я всегда выдвигал мудрых; если была в ком хоть малейшая доброта — я старался использовать его на службе. А вот: златые уста назвали меня добрым человеком и благородным мужем, значит, я не опозорил предков! Вы же — настойчиво овладейте ученостью и, если хотите достичь благополучия, как говорится, установите тело в сыновней почтительности и верности государю. Тогда и мне не будет стыдно, что я породил вас!

Примеч. М и н и с т р Л и — речь идет о сунском сановнике, литераторе и книжнике Ли Фане (李昉 924—996). Чиновничью карьеру Ли Фан начал при Пяти династиях: выдержал экзамен на степень цзиньши при Поздней Хань, в 949 г., а при дворе Поздней Чжоу, начиная с 955 г., занимал ряд крупных постов, в том числе работал над историческими хрониками чжоуского правления и был членом придворной академии Ханьлин-

юань. При Сун Ли Фан занимал разные высокие придворные должности, в 962 г. был выслан служить в провинции, в 969 г. был призван обратно и получил назначение в императорский секретариат; должности министерского ранга («был у кормила власти») занимал два раза — в 983 и в 991 г. В 70—80-х гг. X в. был главой императорской коллегии по составлению фундаментальных, важнейших для китайской культуры собраний письменных текстов — «Тай-пин юй лань» (太平御覽 «Императорское обозрение годов Тай-пин») и «Тай-пин гуан цзи» (太平廣記 «Обширные записки годов Тай-пин»), составил «Тай-цзу ши лу» (太祖實錄 «Правдивые записки о Тай-цзу»), хронику царствования первого сунского императора. Образованный человек и эрудит.

В первую луну первого года правления под девизом Цзянь-лун, в ночь полнолуния — то есть в 960 г., в день праздника «первой ночи» (*юаньсяо*). Он же — праздник фонарей. Появился сравнительно поздно и, по мнению некоторых исследователей, носит следы влияния буддизма (см.: *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос на пороге средних веков. С. 199). Непременными атрибутами праздника были масляные фонари, а также пышные народные гуляния, первоначально властями осуждаемые: «В последнее время в городах собираются толпы народа, гром барабанов оглушает небо, свет факелов ослепляет землю, люди носят маски зверей, мужчины наряжаются в женское платье, певички, шуты и актеры кривляются на все лады, потешают омерзительными выходками, смешат непристойной одеждой... Соперничают в шегольстве, люди проматывают все свои сбережения, разоряются дотла. Все семьи и дети, знатные и подлые, смешиваются вместе, монахи и миряне не различаются» (там же). С VI в. праздник стал государственным, наибольшего расцвета достиг в танское и сунское время: во время праздника при династии Сун, в частности, было разрешено ночное хождение по улицам в течение пяти дней, что в иные дни строжайше возбранялось. Каждая семья считала своим долгом обзавестись фонарем редкой, причудливой формы; во время праздника юаньсяо ночи напролет горели тысячи разнообразных фонарей.

И-цз у 藝祖 — имеется в виду первый сунский император Тай-цзу 太祖 (Чжао Куан-инь 趙匡胤, 927—976, на троне 960—975). Речь идет о том, что император лично поднялся на Сюаньдэмань, центральные ворота стены, окружавшей императорский (запретный) город, расположенный в центральной части сунской столицы, г. Бяньцзин (ныне Кайфэн), и оттуда смотрел на народные гуляния.

Запретная улица — улица, ведущая в императорский дворцовый комплекс, по которой в обычные дни туда въезжал и оттуда выезжал только Сын Неба.

Пять Династий — смутный период китайской истории с 907 по 979 г., известный также как Пять Династий и Десять Царств, когда, после падения династии Тан, Китай распался на несколько независимых госу-

дарств, и на севере друг друга последовательно сменили пять династий (Поздняя Лян, 907—923; Поздняя Тан, 923—936; Поздняя Цзинь, 936—947; Поздняя Хань, 947—951; и Поздняя Чжоу, 951—960), а на юге и западе страны существовали так называемые десять царств, самыми крупными среди которых были Южная Тан (терр. совр. пров. Аньхой, Цзянсу и Цзянси), Чу (Хунань), Южная Хань (Гуандун и Гуанси) и У-Юэ (Чжэцзян).

А ведь Конфуций говорил: «Доброго человека мне не удалось встретить!» — На самом деле Конфуций сказал следующее: «Совершенноумудрого человека мне не удалось встретить. Встретился бы благородный муж 君子, и этого было бы достаточно... Доброго человека 善人 мне не удалось встретить. Встретился бы человек, обладающий постоянством, и этого было бы достаточно» («Лунь юй». VII, 26).

Записать... на бамбуке и шелке — то есть занести в исторические анналы. Имеются в виду материалы, применявшиеся для письма в древнем Китае: скреплявшиеся между собой бамбуковые пластинки, на таких «носителях» были записаны древнейшие канонические сочинения; а также пришедшие на смену бамбуку куски шелка, наматывавшиеся на деревянный стержень.

Поездка на восток

Чжэнь-цзун ошастливливает посещением Тайшань и дикие звери бегут прочь

Чжэнь-цзун совершал поездку по восточным землям. Собирался совершить восхождение на Тайшань и для выезда уже был назначен день.

Однажды тайшаньские крестьяне увидели медведей и тигров, леопардов и волков — великое множество! — понуро бредущих прочь от горы. Следом шли люди, сотня или больше: они гнали зверей прочь.

— Куда это идут дикие звери? — спросил один крестьянин тех людей.

— Мудрый владыка совершает объезд восточных земель, — был ответ, — и все твари скрываются в укромных уголках. Змеи — и те прячутся. Дух горы приказал даже таким мелким ядовитым гадам как скорпионы и пчелы, живущим в пределах пятисот ли окрест, не показываться на глаза!

Так очищались земли в ожидании прибытия совершенномудрого!

Примеч. Чжэнь-цзун 真宗 — третий сунский император Чжао Хэн (趙恒 968—1022), бывший на троне с 998 по 1022 г. В начале 1008 г. императору Чжэнь-цзуну Небо даровало знамение, следствием чего стало изменение девиза правления и поездка императора по святым местам Поднебесной с целью совершения жертвоприношений и вознесения молитв. Кроме Тайшани император посетил храм Конфуция в Цюйфу, даосский храм Тайцингун в Хаочжоу и Фэньинь (совр. пров. Шаньси).

Дух горы — то есть дух горы Тайшань, одной из пяти священных гор Китая, главной среди них. Расположена в средней части пров. Шаньдун. На Тайшани расположено множество храмов, а сама гора издревле считается одной из самых красивых в Поднебесной. С древности являлась объектом поклонения: все китайские императоры совершали восхождение на гору для жертвоприношений Небу, в том числе все семьдесят два правителя китайской древности.

Справедливое управление Управляя Юнь, господин Чжан изгоняет лютого тигра

В казенной резиденции юньчжоуского правителя была каменная стела, [изображающая] бегущего тигра. Однажды случилась буря, стела раскололась, и осколки рассыпались по земле — восстановить было уже нельзя. Узнав об этом, старики рассказали:

— Раньше Юньчжоу управлял покойный *шилан* Чжан. Получив назначение, Чжан выехал из столицы в область, но на пути жил такой опасный тигр, что никто из путников не осмеливался ездить той дорогой. Господин кликнул чиновника и спросил его: «Можешь ли ты выполнить мое поручение?» — «Могу», — отвечал чиновник. Тогда правитель пожаловал ему чашу вина и сказал: «Возьми верительную бирку и приведи ко мне того тигра! А коли не пойдешь — казнь тебя!» Чиновник стал прощаться с семьей: «Считайте, что я уже у тигра в пасти!» — потом напился допьяна и отправился... Пройдя около двадцати ли, чиновник и в самом деле увидел громадного тигра, который приближался, бросая на него жадные взоры. Чиновник положил бирку на землю, а сам отошел подальше и стал наблюдать, что будет. Тигр передними лапами поднял бирку, внимательно осмотрел, взял ее в пасть и последовал за чиновником. Когда они приблизились к городу, жители заперли двери домов, влезли на крыши, на деревья и от-

туда наблюдали за тигром. А тот остановился перед присутствием. Правитель занял свое место в зале. Увидав правителя, тигр в страхе закрыл глаза и пал ниц — совсем как жаждущий наказания за преступление! А правитель гневно на него крикнул: «Ты, тварь, самовольно посмел захватить дорогу, да еще и проезжих путников пожираешь!» — и приказал чиновникам: «Наказать его за преступление!» Тигр пал ниц и замер. Чиновники встали по бокам. Судебное разбирательство тут же было закрыто, и правитель приказал в соответствии с законом бить тигра палками. Когда же с этим было покончено, правитель велел тигру в три дня покинуть область, приказав в противном случае отрубить слушнику голову. Тигр отошел прочь, свалился мертвым и превратился в камень, а другие тигры удрали в далекие горы. Этот камень и донныне зовется Шиху — Каменный тигр!

А мое мнение таково. Вот как свирепый тигр подчинился справедливому управлению! Но в древности прогоняли прочь не только тигров — и поэтому, когда узнаешь о том, как Вэнь-гун изгнал крокодила, то становится ясно, что это совсем не пустые слова. Да и в какую династию при просвещенном правлении этого не было?

Примеч. Юньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Шаньдун.

Шилан Чжан — речь идет о сунском сановнике Чжан Юне (張詠 946—1015), одно время выполнявшем обязанности *шилана* (помощник начальника департамента) в Управлении департаментов. Чжан Юн сдал экзамены на степень цзиньши в годы под девизом правления Тай-пин син-го (976—984) и стал служить — начал с должности начальника уезда, а вскоре стал провинциальным налоговым эмиссаром. Император Тай-цзун, прознав о его исключительной честности и принципиальности, призвал Чжана ко двору и назначил в императорское книгохранилище, а также в цензорат. Позднее Чжан Юн был послан служить в область Ичжоу (на территории совр. пров. Сычуань), принял там решающее участие в подавлении солдатского мятежа и во время всего срока службы осуществлял управление, в первую очередь учитывающее нужды и трудности местного населения, за что пользовался широкой народной любовью. Среди современников он пользовался большим уважением, а в народе был символом бескорыстной справедливости. Чжан Юн — неоднократный персонаж сунских бицзи.

Верительная бирка — изготавливалась из бамбука или металла; символ того, что ее обладатель действует от лица того, кто такую бирку ему выдал.

Вэнь-гун — имеется в виду знаменитый танский литератор, теоретик литературы и чиновник, один из «восьми великих авторов эпох Тан и Сун» (*Тан Сун ба дацзя*) Хань Юй (韓愈 768—824), посмертное имя которого было Вэнь-гун 文公. Человек широких талантов и непростой судьбы: когда Хань Юю было три года, его отец умер далеко на юге и мальчик некоторое время прожил в семье Хань Хуэя, старшего брата отца. Надеяться Хань Юю было особенно не на кого — и потому он в жизни всего достиг сам, без малейшей протекции. Упорно учась, он к тридцати пяти годам, став совершенно седым и заработав прогрессирующую болезнь глаз, выдержал экзамен на высшую степень в системе государственных экзаменов на право занятия вакантного чиновничьего поста — цзиньши. Это однако же не дало ему искомой должности, и некоторое время великий литератор провел в мучительных поисках протекции. Наконец ему удается занять невысокий пост при дворе, но из-за отсутствия необходимой царедворцу гибкости и излишнюю прямоту (нашедшую отражение в «Памятной записке трону с предложениями относительно засухи и голода в Поднебесной») уже в 805 г. Хань Юй оказывается выслан из столицы, в Яншани (Гуандун). Ссылка продолжалась недолго: в 806 г. Хань Юй был возвращен ко двору, а в 819 г. назначен цензором. Он однако остался верен себе: за сочинение «Лунь фо гу бяо» (論佛骨表 «Доклад, порицающий встречу кости Будды») впавший в ярость император сначала хотел его казнить, но потом заменил казнь на ссылку в отдаленные южные районы, пользующиеся дурной репутацией из-за непривычного обитателям срединных равнин климата и оттого традиционно считавшиеся гибельными, а именно в Чаочжоу (совр. Гуандун). Этот период жизни Хань Юя отмечен успешной борьбой с местными крокодилами (о чем и говорит Лю Фу в своем резюме), когда Хань Юй вступился за местных жителей и сложил молитвенное обращение к этим крокодилам, в котором предупредил, что вынужден будет применить к ним силу, если те не оставят своей злой деятельности. Крокодилы послушались Хань Юя и покинули пределы вверенной ему области (также см. об этом с. 000—000 настоящей книги). Совсем больной, Хань Юй пишет на высочайшее имя покаянное письмо, и его переводят на должность в Цзянси. Один из идеологов так называемого движения «за возврат к стилю древности» (復古 или 古文運動). «Сторонникам движения за древний стиль было важно отвергнуть манеру *пяньли* 駢麗 — ритмической параллельной прозы. Они полагали, что наилучшую возможность для воплощения высокого строя мыслей и эмоций, рожденных приобщением к дао, дают не проза *пяньли* и не поэзия, а неритмизованная проза на древнем литературном языке *вэньянь*» (Серебряков Е. А. Свидетельства ума, таланта и знаний. С. 66). При этом Хань Юй полагал, что в веках его прославят поэтические творения, но в историю китайской литературы он вошел в первую очередь как автор произведений прозаических.

Описанная выше ситуация с изгнанием тигра вполне типична, ибо назначенный императорским двором чиновник был полновластным началь-

ником не только всего населения вверенной его управлению местности, но и — всех прочих проживающих на этой территории живых существ, которые были обязаны его беспрекословно слушаться. Другое дело, что такой чиновник мог не обладать нужными моральными качествами для того, чтобы заниматься делами управления вообще — и тогда начиналось брожение не только в народных головах, но и в среде, например, опасных хищников, как и бывает обычно при слабой, неуверенной в себе власти. И наоборот: обладающий соответствующими качествами чиновник заставлял слушаться не только народ, но и животных и птиц.

Прозорливое управление

Чжан Гуай-яй справедливо разделяет наследство

Покойный *шаншу* господин Чжан управлял Ханчжоу. Некий Шэнь Чжан 沈章¹ подал жалобу на своего старшего брата Яня 沈彦, так как, по его словам, раздел наследственного имущества был совершен несправедливо, и попросил господина решить это дело.

— Ты уже три года живешь своим домом, отчего же не донес об этом прежнему властителю? — спросил господин.

— Я докладывал прежнему начальнику области, но тот наказал меня! — отвечал Чжан.

— Раз так, то ясно, что ты виноват! — и господин велел дать Чжану палок и гнать прочь.

Прошло полгода. Господин как раз отправился в храм.

По пути, обернувшись к свите, спросил:

— А где живет этот Шэнь Чжан, что некогда судился с братом?

— Да как раз вот в этом переулке! А напротив — ворота дома его брата, — ответили свитские.

Господин спешился и приказал домашним Чжана и Яня предстать перед ним.

Спросил Яня:

— Твой младший брат подал на тебя жалобу: говорит, ты давно уже прибрал к рукам дом и все состояние вашей семьи, а он был тогда мал и не знал, велико ли это состояние, и ты совер-

¹ Здесь и далее прямо в тексте я даю оригинальное написание имен тех лиц, о которых не удалось найти никаких сведений.

шил раздел несправедливо. Ну а на самом-то деле ты разделил поровну или нет?

— Поровну! — отвечал Янь.

Тогда господин спросил Чжана, и тот отвечал:

— Не поровну!

— Никак мне не унять твоего брата! — обратился тогда к Яню господин. — Члены семьи старшего брата пусть все перейдут в дом младшего, а семья младшего — в дом старшего. И коли всем места не хватит, тут же совершите обратный обмен!

Люди как один говорили, что господин вынес прозорливое решение.

Примеч. Чж а н Гу а й - я й — то есть уже упоминавшийся Чжан Юн, второе имя которого было Гуай-яй 乖崖. В чиновничьей карьере Чжан Юна было много взлетов (однако сведений о том, что он занимал пост *ш а н ш у*, вроде бы, нет) и падений, а управлять Ханчжоу его назначили при императоре Чжэнь-цзуне, т. е. в 998—1022 г.

Дополнение о Лю Цзы-хоу Лю Цзы-хоу в Лючжоу основывает храм

Лю Цзун-юань, второе имя Цзы-хоу, на склоне лет получил понижение в должности и был назначен в Лючжоу начальником области. Цзы-хоу не притеснял народ и управлял им с любовью, в высшей степени гуманно. Люди со своими тяжбами приходили в присутствие, а Цзы-хоу судил по справедливости, не всегда при разборе дел слепо следуя букве закона. Поэтому в народе про него говорили:

— Правитель области не ведает страха — значит, он любит нас по-настоящему!

И тогда [люди] дали обет воздерживаться от тяжб.

Впоследствии [Лю Цзы-хоу] ввел правила для посадки деревьев, возвращения злаков и разведения кур и рыб. Народ день ото дня богател. Даже песенку сложили:

В Лючжоу начальником области Лю.
Насажены ивы по берегам Люцзяна.
Краса этих ив — не увянет вовек.
Тысячи зеленых крон небо метут.

Покойный господин [Лю] знал заранее срок своей смерти. Он призвал к себе Вэй Вана 魏望, Се Нина 謝寧 и Оуян И 歐陽翼, и сказал им:

— В такой-то день такой-то луны я должен покинуть этот мир. А вы, пожалуйста, повидайте господина Ханя — его таланты литератора общеизвестны! — и попросите сделать надпись для храмовой стелы. Пройдет три года, и я буду кормиться с этого.

Он умер именно в тот день, который предсказал.

Прошло три года и однажды Оуян И увидел, как у задней стены присутственного места появился дух Лю Цзы-хоу. [Оуян И] поклонился духу, и тот сказал:

— На солнечном берегу озера Лочи можно заложить храм!

Построили храм. Принесением жертвы освятили место, вознесением вина почтили покойного — собрались все люди из области.

Однажды военачальник из Биньчжоу Ли И 李儀 возвращался в столицу и, зайдя в храм, с бранью на устах поднялся в зал. Тут же с громким воплем он выкатился кубарем из зала, и у него кровь пошла носом. Еле выбрался на улицу — и умер. С этих пор народ в области стал еще более почтительно относиться [к храму].

Се Нин поехал в столицу — просить господина Ханя сделать надпись на стеле.

— Цзы-хоу при жизни очень любил свой народ, а после смерти непременно принесет ему счастье! — сказал господин Хань.

— О да, его дух обладает таким большим могуществом! — отвечал Се.

Хань поинтересовался, почему он так говорит.

— Стоит кому-нибудь, проезжая мимо храма, не спешить, а, принося жертвы, не выказать достаточной почтительности — и из храма выползает змея или какое-либо другое удивительное живое существо, и тот человек, увидав его, тут же умирает! — объяснил Се.

— Сожги молитвенное обращение, которое я напишу, и никому не давай его читать! — наказал ему Хань.

Се, в соответствии с наказом господина, сжег бумагу, и больше из храма змеи не появлялись. Но кто-то все же потихонь-

ку передавал поминальное слово Ханя, и вот, сегодня я привожу его здесь.

Примеч. Лю Цзун-юань, второе имя Цзы-хоу (柳宗元, 子厚 773—819) — знаменитый танский поэт и мастер прозы старого стиля, один из «восьми великих авторов эпох Тан и Сун». В юности писал весьма вычурно и прославился как автор выдающихся произведений, обладающий широкой эрудицией. Экзамен на степень цзиньши выдержал семнадцатилет отроду, но служба его проходила в провинции, отчего литература только выиграла: именно на службе в далеких от столичного центра областях Лю Цзун-юань и создал те самые прозаические миниатюры, которые сделали его широко известным и которые по праву вошли в золотой фонд классической китайской литературы. Был последователем и одним из идеологов провозглашенного Хань Юем литературного движения «за возврат к стилю древних», хотя с Хань Юем их и многое разнило: например, Лю Цзун-юань всю жизнь был буддистом (да и вообще обо всех религиозно-философских школах отзывался вполне терпимо: «Все они в чем-то полезны»), тогда как Хань Юй ревностно выступал против распространения учения Шакьямуни. В 815 г. Лю Цзун-юань был послан служить начальником области Лючжоу (Гуанси), и это стало его последним назначением. За время службы Лю Цзун-юань успел сделать многое для блага области, и когда он умер, подчиненные Лю Цзун-юаня и местные жители воздвигли в честь начальника области храм на берегу озера Лочи, а давний друг Лю Цзун-юаня Хань Юй написал текст для стелы — «Мемориальную надпись для храма у Лочи, что в Лючжоу».

В Лючжоу начальником области Лю... — На самом деле приведенное в тексте четверостишие вовсе не «народная» песенка, а стихотворение, принадлежащее танскому поэту Люй Вэню (呂溫 771—811), оно содержится в антологии «Цюань тан ши» (全唐詩 «Все танские стихотворения», цз. 870).

Господин Хань — Хань Юй, близкий друг и единомышленник Лю Цзун-юаня.

Построили храм... — То есть фактически Лю Цзун-юань стал богом-покровителем (土地神 *тудишэнь*) области Лючжоу, низшим божеством китайского пантеона, одним из самых почитаемых в старом Китае. По традиционным китайским представлениям любая местность имела своего туди, назначаемого «загробной администрацией» и ведавшего всеми духами и волшебными существами данной местности; однако сам туди помимо подчинения своему непосредственному загробному начальству, подчинялся также и главному чиновнику, назначенному в данную местность императорским двором. Первоначально духи местности имели четкую персонификацию и связывались с прославленными историческими лицами, занявшими пост туди после смерти, — эти люди, как и в нашем случае, при жизни делали что-то существенное для населения той местности, где их обожествили и которой по-

сле смерти они были призваны покровительствовать. Для взаимоотношений с туди сооружались храмы и кумирни, как и в данном фрагменте. Кстати, храм в честь Лю Цзун-юаня был сооружен не только в Лючжоу. В 805 г. ученого назначили служить в область Юнчжоу (Хунань) и Лю Цзун-юань провел там целых десять лет, а потом местные власти построили кумирню Люцзымяо (柳子廟 то есть «Кумирня мудреца Лю»), сохранившуюся до наших дней (правда, нынешняя кумирня — основательная цинская реконструкция, сделанная в 1877 г.).

Молитвенное обращение Хань Вэнь-гуна Хань Вэнь-гун обращается с молитвой к Лю Цзы-хоу

«При жизни Вы, господин, любили этот народ, а после смерти должны сделать его счастливым. К чему страшными змеями и другими чудовищами запугивать людей до смерти! При жизни Вы, господин, не получили удовлетворения и в удручении не можете выразить негодование; ныне же Вы хотите отыграться на людях, но они-то чем виноваты? То, о чем мне рассказал Се Нин — это очень пугает. К чему такие жестокости? Не насылайте страшилищ и чудовищ, Вы ведь этим пятнаете свою прекрасную славу!

Я был очень дружен с Цзы-хоу, он послушается моих слов!»

Примеч. Молитвенное обращение — имеется в виду основной способ, принятый в старом Китае для коммуникации с духами и душами умерших: написанный на бумаге текст, который после проведения соответствующих церемоний сжигался или у домашнего алтаря, или в кумирне (храме), выстроенном в честь того, к кому следует обращение, — и таким образом попадал в потусторонний мир, доходил до адресата.

Записки о погребенных костях Господин Вэй хоронит брошенные кости

На четвертый год под девизом правления Син-нин *ланчжун* Пи отправился за назначением на службу. Он приехал в северную столицу и остановился на постоялом дворе.

Внезапно Пи занедужил и слег. Слуга стал готовить ему лекарственный отвар из трав, как вдруг из печки вырвались языки

пламени, и треножник с лекарством опрокинулся. Лежавший здесь же Пи, увидев это, сильно испугался. Неожиданно появилась какая-то девушка — по виду служанка: она, стелая и плача, пала ниц на пол в галерее.

— Я такая-то из рода вашей жены, господин! — сказала она.

Тут вбежал сын господина Пи — с мечом в руке — и крикнул на нее:

— Ты еще что за нечисть? Как смеешь пугать людей?!

Тогда девушка-служанка призналась:

— Я не из рода вашей жены. Я солгала, думая, что тогда вы меня точно выслушаете. Меня зовут Се Хун-лянь 謝紅蓮. Некогда была я наложницей, но к великому горю хозяйка дома убила меня, а кости мои укрыла здесь, и я не могу получить перерождения! Узнав, что вы, господин, оказались тут проездом, я прошу вас решить, где можно перезахоронить мои останки.

Она умолкла и стало тихо. Тут служанка сделала так, что Пи мгновенно выздоровел и стал себя превосходно чувствовать.

На следующий день [Пи] явился к Вэй-гуну и рассказал ему эту историю.

— Да, из-за того, что труп лежит где-то непохороненный, часто случаются удивительные вещи! — сказал господин и послал людей найти останки.

Прошло несколько дней, но поиски результатов не дали.

Однажды вечером слуга [Вэй-гуна] увидел во сне женщину, которая сказала:

— Мои кости лежат между кухней и умывальной!

Слуга тут же сообщил хозяину, и останки девушки действительно нашлись. Не было только головы. Вэй-гун с горечью понял, что [девушка] и впрямь погибла гораздо раньше отпущенного ей срока и была поспешно зарыта — он обернул останки ватой и укрыл одеждой из расшитого шелка. Но без головы скелет по-прежнему оставался неполным.

Тут как раз к Вэй-гуну засвидетельствовать свое почтение явился совершавший инспекционную поездку военный чиновник из Эньчжоу, и Вэй-гун велел ему заночевать в управлении и ждать там знака.

После полуночи, когда ярко светила луна, военный чиновник увидел безголовую женщину, которая танцевала во дворе.

Наутро чиновник доложил об этом [Вэй-гуну]. Тот приказал искать, и во дворе был откопан череп. Тогда Вэй-гун выбрал благоприятный день, чтобы, как полагается, похоронить кости на равнине.

Однажды вечером чиновник из числа подчиненных Вэй-гуна, некто Ли (забыл его имя) во сне увидел женщину — ошеломляюще красивую, облаченную в роскошные, сияющие красками одежды. Женщина почтительно обратилась к Ли:

— Я та, чьи останки Вэй-гун удостоил своей милостью и переместил в прекрасное место. Теперь я, наконец, обрела покойную обитель и могу получить перерождение! Но как умершая может отблагодарить господина по справедливости? Я прошу вас высказать Вэй-гуну мою глубокую признательность!

— А почему ты сама не пойдешь поблагодарить его за это, а меня посылаешь? — спросил ее Ли. — Тебе не кажется, что это непочтительно?

— Как смею я быть непочтительной! — отвечала женщина. — Но ведь Вэй-гун — выдающийся человек нашего времени, он очень знатен и занимает высокий пост. Его жилище окружают стражники и солдаты, поэтому-то я и не осмеливаюсь предстать перед ним. Но — к счастью! — я могу просить вас оказать мне эту милость.

Ли на следующий день обо всем этом донес Вэй-гуну.

Примечания. Четвертый год... Си-нин — 1071.

Ланчжун — чиновничья должность, начальник отдела в департаменте.

Северная столица — современный город Дамин в провинции Хэбэй. В сунское время было три столичных города — помимо Дамина, Лоян (западная столица), а также, собственно, Бяньцзин (совр. Кайфэн), где располагался императорский двор. В остальные две столицы назначались императорские наместники *люйшоу*.

Вэй-гун — очевидно, имеется в виду Хань Ци (韓琦 1008—1075), сунский сановник и министр, который в 1064 г. был пожалован титулом Вэйго-гуна 魏國公, здесь сокращенным до Вэй-гуна. И если это так, то в шанхайском издании «Высоких суждений...» 1983 г. с большой долей вероятности имеет место опечатка: там вместо 魏 написано 衛, но ни один из сунских чиновников, про которого известно, что он был удостоен титула Вэйго-гуна 衛國公, на роль Вэй-гуна из данного фрагмента не подходит — в первую очередь в силу хронологических причин. Хань Ци же был назначен управлять Дамином в 1068 г.

Эньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Гуандун.

Похоронить кости на равнине — то есть сделать захоронение в благоприятном месте, к числу которых относилась равнинная местность.

Записки о Цунчжуне Господин Фу пишет поминальное слово о Цунчжуне

В годы под девизом правления Хуан-ю Река прорвала плотину, и вода стала разливаться к востоку от гор. Она грозно редела в канавах, и на тысячу ли окрест все было покрыто бурой грязью.

А в то время в Шаньдуне случился большой неурожай, люди там сильно бедствовали и бежали прочь. Господин Фу был как раз назначен главнокомандующим в Цин[чжоу] — он разослал конных курьеров во все подчиненные ему уезды с приказом помогать бедствующим. Но прибывающих становилось все больше, и запасы в закромах истощались — трупы умерших от голода покрыли всю землю! Особенно их много было в Сюйчжоу. Повсюду были разбросаны белые кости — никто не знал, сколько их... Господин Фу приказал все собрать и похоронить. Собрав несколько десятков полных скелетов, выбирали место и погребали. А господин самолично писал им поминальное слово. То место теперь называют Цунчжун — «Скопище могил».

Примечания. Господин Фу — в виду имеется сунский сановник Фу Би (富弼 1004—1083), неоднократно занимавший при дворе посты министерского ранга. До 1055 г. служил в провинциях — был, в частности, начальником ряда областей и генерал-губернатором с особыми полномочиями (*аньфуши*) в Цинчжоу (Шаньдун); видимо, в данном фрагменте речь идет именно об этом периоде жизни Фу Би. Когда случилось наводнение, о котором идет речь выше, Фу Би бросил все силы на борьбу с последствиями бедствия и всячески заботился о потерпевших (открыл казенные амбары с зерном, поселил лишившихся крова в казенных домах, а также в буддийских храмах и даосских скитах и пр.; на другой год случился богатый урожай, и Фу Би отправил пострадавших на родину, выдав им достаточно зерна для посевов; согласно статистике того времени, усилиями Фу Би было спасено около полумиллиона человек). Справедливость, с которой Фу Би отно-

сился к вверенному его управлению народу, нашла неоднократные отражения в сборниках бицзи того времени.

Г о д ы... Х у а н - ю — 1049—1054.

Р е к а — Янцзыцзян.

С ю й ч ж о у — область, располагавшаяся на территориях южной части совр. пров. Шаньдун и северной части Цзянсу.

**Продолжение и дополнение
записок о Цунчжуне
Души умерших благодарят господина Фу за то,
что он основал Цунчжун**

Книжник Ван Ци 王企 однажды ночью проезжал через Сюйчжоу. Ночь выдалась темная, и он потерял дорогу. Видит — впереди огонь фонаря дрожит-мерцает. В поисках ночлега Ван поехал на свет и обнаружил что-то вроде поселка. В доме одного старца Ци нашел приют на ночь.

— Я живу бедно и не могу выставить ни вина, ни еды, чтобы, как подобает хозяину, угостить вас! — посетовал старец.

— Мне бы только одну ночь скоротать. Это все, о чем я прошу, — отвечал Ци.

— А как называется это место? — спросил он.

— Цунсян. Это та деревня, которую построил господин Фу.

«Никогда не слышал о Цунсяне», — подумал про себя Ци, а вслух спросил:

— А почему господин Фу ее построил?

— Такие как я, не имели крова, а господин Фу с чиновниками собрал нас здесь, и мы обрели спокойное обиталище. Благодаря этому половина из нас обрела новую жизнь. За такие добродетели господина Фу занесли в списки святых! — отвечал старец.

Назавтра Ци, отъехав несколько ли, спросил работавшего в поле пахаря:

— В четырех-пяти ли к северу отсюда есть что-то вроде уездного городка. Что это за место?

— Да там только скопище могил (*цунчжун*), и нет больше ничего! — был ответ.

Тут только Ци понял, в каком Цунсяне он ночевал.

А мое мнение таково. Для обитателей загробного мира нет более добродетельного поступка, чем захоронение костей и помощь душе. Из истории с Цунчжуном совершенно определено ясно, что одинокие души щедро благодарят, растроганные подобной добротой. Лишь великие мужи и благородные люди могут творить такие прекрасные дела!

Записки о ланчжуне Пэне
Пэн Цзе видит духа очага,
наказывающего души умерших

Ланчжун Пэн Цзе 彭介 — он был из Сянъяня, что в Таньчжоу. [Пэн] имел талант к учению и в списках выдержавших экзамен на степень цзиньши был в числе первых. Переходя с должности на должность, он прославился; чиновники и народ внимали ему с любовью.

На склоне лет [Пэн] получил назначение на должность начальника области Чэньчжоу.

Прошло более года. Однажды ночью [Пэн] отправился в отхожее место. Видит — в кухонном коридоре мерцает лампа. Господин решил, что это не спит какая-то из служанок. Вдруг до него донеслись стоны: будто кого-то наказывают! Господин устремился на звук и прильнул к щелке.

Посреди кухни сидел, [неприлично] растопырив ноги, некто в черных одеждах и красной чиновничьей шапке; палкой он бил какого-то человека. Не разобравшись, дух ли это или бес, господин толкнул дверь и вошел.

Все бывшие в кухне бросились врассыпную, и лишь человек в черном [остался]; встал и почтительно поклонился господину. Пэн глянул ему в лицо — а оно все черно-синее, совсем не человеческое! Поняв, что перед ним существо необычайное, Пэн прошел с ним в домашнюю молельню.

— Кто вы? — спросил [он]. — И что тут делаете?

— Я из числа ваших подчиненных, господин, а вы — мой хозяин. Я дух очага, — отвечал человек в черном.

— А тот, кого вы только что так наказывали, — он кто?

— Это голодная неприкаянная душа умершего человека, она повадилась на вашу кухню воровать пищу.

— Если ворует пищу от голода, к чему же так жестоко наказывать?

— Я управляю внутренними и внешними делами и в час «ю» выхожу с дозором. Когда мне встречаются злые духи, я преследую их. Это ведь мои должностные обязанности!

И еще дух сказал:

— Неприкаянные души умерших на моей территории страдают от голода и холода. Если бы вы, господин, сочли возможным весной и осенью приносить им в жертву побольше мяса и вина где-нибудь неподалеку от воды, ваша заслуга была бы велика! А уж если брошенные кости нашли бы с вашей помощью приют в земле, души одарили бы вас очень щедро! Они ведь, случись какая-то беда, могут серьезно выручить.

И добавил:

— Хотя должность моя и ничтожна, но могущество велико. От того, что вы, господин, меня увидели, у вас будет легкое недомогание. Поэтому как вернетесь к себе, немедленно примите порошок из рога носорога. Тогда вреда не будет.

Пэн поднялся и вышел, но только переступил через порог, как упал без сил. Слуги его подняли и уложили на кушетку. Вскоре [Пэн] пришел в себя, принял лекарство, о котором говорил дух, и все прошло.

После господин, как и было ему сказано, совершил жертвоприношения голодным душам близ воды, а кости собрал и похоронил на возвышенности.

Когда же Пэн скончался, гроб с его телом повезли в Чанша. В пространстве рядом с гробом вдруг послышались рыдания сотен людей.

— Это неприянные души, растроганные добротелью господина Пэна, оплакивают его, — говорили люди.

Через некоторое время все стихло.

Примечания. Таньчжоу, Чэньчжоу — области, располагавшиеся на территории совр. пров. Хунань. Административным центром Таньчжоу при Сун был город Чанша.

Дух очага — *цзаошэнь* 灶神 или *цзаован* 灶王, божество, в обязанности которого входило наблюдать за происходящим в доме и наводить порядок. Наряду с богом-покровителем местности (*тудишэнь*), одно из самых популярных божеств простонародного пантеона, которому поклонялись и простые жители Поднебесной, и члены императорской фамилии.

Упоминания о цзаошэне появляются еще в «Ли цзи» («Заметки о ритуале»), а позднее и во многих других сочинениях. Известно, что вера в цзаошэня, как в духа, ответственного в первую очередь за достаток в доме, была широко распространена уже при Хань (206 до н. э.—220 н. э.). В «Тай-пин юй лань» (太平御覽, «Императорское обозрение годов Тай-пин», цз. 186) говорится: «Цзаошэнь в последний день каждого месяца возвращается на небо, правдиво [докладывает] о людских проступках». В «Баопу-цзы» Гэ Хуна (葛洪 284?—363?) сказано: «...В ночь последнего дня каждого месяца цзаошэнь поднимается на небо, чтобы рассказать о дурных деяниях людей. Если проступок велик, то из срока жизни человека вычитается триста дней, если проступок мал, то три дня. Я, конечно, не могу точно сказать, есть ли такое на самом деле или нет» (цит. по: Гэ Хун. Мудрец, объемлющий первоначальную простоту. С. 103). Эти сведения так или иначе варьируются в более поздних сочинениях — например, в «Ю ян цза цзу» (酉陽雜俎 «Пестрое собрание с южного [склона горы] Ю[шань]») Дуань Чэн-ши (段成式 803—863) сказано, что за малый проступок из срока жизни вычитаются не три, а целых сто дней. Позднее в Китае укрепилось верование в то, что дух очага не каждый месяц, но лишь в конце года отправляется на небо, на доклад к Нефритовому императору и сообщает ему обо всех делах, которые за год произошли в доме; отсюда возник обычай задабривать цзаошэня, дабы он не сказал чего лишнего, а само божество превратилось в объект просьб не столько о достатке, сколько о счастье и отвращении потенциальной беды. В сунском Кайфэне в двадцать четвертый день двенадцатой луны жители совершали массовые поклонения цзаошэню, поднося ему фрукты и вино, сжигая бумажные деньги и ароматические курения — чтобы дух был пьян и доволен перед предстоящим докладом небесным властям (Ван Цзэн-юй. Сун Ляо Цзиньдайдэ тяньди шаньчуань гуйшэньдэн чунбай. С. 80). Сведения о собственно цзаошэне весьма противоречивы: так, некоторые классические источники говорят, что зовут духа Чань 禪, а второе имя ему Цзы-го 子郭, и дух носит желтые одежды, обитает в домашнем очаге, а если позвать его по имени, то будет беда; другие указывают, что цзаошэня зовут Су Цзи-ли 蘇吉利; третьи — что цзаошэнь имеет облик красивой женщины и у нее есть шесть дочерей, и так далее. Культ *цзао шэня* окончательно сложился в I тыс. н. э. и вошел в качестве составной части в комплекс новогодних праздников под названием «проводы бога очага». Подробнее основательную подборку сведений о цзаошэне см., например, в кн.: Чжунго миньцзянь чжушэнь. Т. 1. С. 287—306.

В ч а с « ю » — то есть с 17 до 19 часов. Традиционно сутки в Китае делились на двенадцать часовых периодов, по два часа каждый.

**Записки о чжэньжэне Цзы-фу
Из-за убийства черепахи вызывают
давать показания в загробном управлении**

Юдайцзинь Сунь Мянью 孫勉 был назначен надзирателем в Юаньчэн. Под городом одну плотину постоянно прорывало, и приходилось все время тратиться на ее ремонт. Мянью был очень этим озабочен.

— Почему так происходит? — стал он расспрашивать охранявших плотину солдат.

— Да просто огромная черепаха вырыла тут нору, — отвечал один. — Из-за этого плотина и разрушается.

— А можно ли увидеть ту черепаху?

— Обычно черепаха все время проводит в омуте под плотиной, — был ответ, — и тогда ее никто не видит. Но когда небо ясное, то, бывает, черепаха вылезает из воды на отмель погреть спину. Там все время остаются ее следы.

— Проследи, когда она вылезет, и доложи мне! — приказал Мянью. — Я застрелю ее и пресеку вред, наносимый плотине.

На другой день солдат доложил:

— Вылезла!

Мянью поспешно отправился посмотреть. А в это время небо прояснилось после дождя, выглянуло солнце, стало тепло, и черепаха, выбравшись на песок, подставила спину горячим лучам. Она то открывала, то закрывала глаза, испытывая больше удовольствия.

Укрывшись в тени ив, Мянью наблюдал, как [черепаха] нежится, а потом натянул лук и пустил стрелу. Попал черепахе как раз в самую шею. Черепаха тут же скрылась в воде. А через три дня она издохла, всплыла, и вонь разнеслась далеко окрест.

Однажды Мянью днем заснул в своем кабинете — вдруг входит какой-то чиновник с бумагой, где [Мянью] дан приказ явиться [куда-то].

— Но я же при исполнении служебных обязанностей! — удивился Мянью. — Куда же ты зовешь меня!

— Вы убили черепаху, а теперь она подала жалобу, и вас вызывают дать показания по этому делу, — был ответ.

Волей-неволей Мянью последовал за чиновником.

Примерно через сто ли у дороги появились очень величественные дворцовые палаты. Их охраняли солдаты, одетые в золотые панцири.

— Что это за место? — спросил Мянью чиновника.

— Это дворцы *чжэньжэня* Цзы-фу, — отвечал тот.

— А как фамилия *чжэньжэня*?

— Хань Вэй-гун! — отвечал чиновник.

«Некогда я удостоился, что называется, держать при господине Вэе мухогонку, значит, я — его бывший подчиненный. Пойду к нему просить о помощи!» — подумал тут Мянью.

Он упробил охранявших ворота привратников доложить о нем. Через мгновение Мянью уже ввели во дворец. Мянью издали видел Вэй-гуна, сидящего в зале: шапка и одежда совсем такие, как на картинах, изображающих бессмертных, что рисуют в миру людей. Вокруг стояли все отроки в бирюзовых одеждах.

Мянью дважды поклонился, и Вэй-гун в ответ удостоил его легким кивком.

— Ты покинул мир людей и должен прибыть в загробное судилище, чтобы дать показания по какому-то делу? — спросил господин.

— Я вызван из-за того, что убил черепаху, — отвечал Мянью, потом еще раз поклонился и продолжал. — Некогда я удостоился, как говорится, держать вашу мухогонку, ныне же иду в загробный суд. Боюсь, что не удастся мне вернуться, да еще — боюсь, что припишут мне преступление! На вашу могущественную защиту, господин, только и уповаю! — И Мянью снова стал с мольбою кланяться.

Вэй-гун оглянулся на свиту, и подчиненные поднесли ему синий кошель. Из кошеля извлекли желтого цвета указ. Господин лично просмотрел его и передал стоявшему рядом отроку.

— Черепаха несравнима с человеком. Ей перевалило за сто лет, и еще было суждено пять сотен. Поэтому она драгоценнее человека! — громко прочел отрок.

— Но черепашья нора вредила плотине! А это уже входит в круг моих служебных обязанностей! — возразил Мянью.

Вэй-гун показал указ Мянью, а затем позволил уйти. Мянью вышел за ворота, и там сопровождавший его чиновник сказал:

— *Чжэньжэнь* отпустил вас, не смею и я долее вас задерживать, — повернулся и ушел.

Отрок в синей одежде проводил Мяня до дома, окликнул по имени — и тот очнулся.

Впоследствии Мянъ был повышен в должности и стал надзирать за девятью плотинами.

Примечания. *Чжэньжэнь* 真人 — «совершенный человек», один из титулов в иерархии даосских бессмертных, третий по значению (ибо и мир бессмертных в сознании китайского народа мыслился организованным по образу и подобию традиционной китайской империи с присущей ей ранжированной чиновничьей бюрократией). Термин берет начало в «Чжуан-цзы» (гл. «Тянь ся»), где употреблен в отношении Лао-цзы; в «Тай пин цзин» (太平經 «Канон великого равновесия») разъясняется, что чжэньжэни исполняют должность управителей различных земель. Начиная с династии Тан (т. е. с 618 г.), императорский двор стал даровать этот титул или особо выдающимся историческим лицам, или же прославленным даосским подвижникам: например, знаменитый император Сюань-цзун (玄宗 на троне 712—755) удостоил этого титула легендарного даосского мудреца Чжуан Чжоу (庄周 369?—286? до н. э.), автора трактата «Чжуан-цзы»; а при династии Сун титул чжэньжэня был пожалован известному даосу и алхимику Чжан Бо-дуаню (張伯端 984—1082), которому принадлежат «У чжэнь пянь» (悟真篇 «Главы о прозрении истины»), знаковое даосское сочинение сунского времени.

Ю дай цзинь — мелкая военная должность в дворцовой гвардии, была учреждена в 991 г. и существовала до 1112 г.

Ю ань чэн — уезд Юаньчэнсянь, располагавшийся неподалеку от совр. г. Дамин (Хэбэй).

Хань Вэй-гун — видимо, в виду опять имеется Хань Ци.

Удостоился, что называется, держать при господине Вэе мухогонку — то есть входил в число его подчиненных, служил под его началом.

Окликнул Мяня по имени, и тот очнулся. — Описанный случай восходит к древнему ритуалу «призывания души» 招魂復魄, упоминания о котором есть в таких сочинениях, как «Чжоу ли» и «Ли цзи». Ритуал включал в себя набор определенных магических действий в отношении только что умершего человека, главным среди которых был призыв к душе умершего вернуться назад, а конечной целью «призывания» являлось оживление покойного, для чего, в частности, ближайший родственник покойного три раза громко окликал его по имени (подробнее см.: *Yu Ying-shih*. «O Soul, Come Back!»; *Юй Ин-ши*. Чжунго гудай сыхоу шицзе гуаньдэ яньбянь; и др.).

Любопытный рассказ о «призывании души» содержится в сборнике «Тун ю лу» (通幽錄 «Записи о проникновении во тьму»): «В четвертый год Да-ли (769) ученый-отшельник Лу Чжун-хай вместе со своим двоюродным дядей Цзуанем гостил в У. Вечером они отправились на пир к начальнику

области. Было очень весело, и все напились пьяные. Когда же чиновники понемногу разошлись, Цзуаню сделалось очень дурно, и его стало сильно рвать.<...> Чжун-хай достал из короба лекарство и дал Цзуаню, но в полночь тот все равно умер. Чжун-хай стал горько плакать. Потом приложил руку к груди Цзуаня — как будто тот еще теплый. Чжун-хай не знал, что делать. Вдруг он вспомнил, что в "Ли цзи" описывается способ, с помощью которого душу можно заставить вернуться из загробного мира. Да один воин рассказывал как-то Чжун-хаю, что пользовался таким способом, и способ — действенный. Чжун-хай стал без устали громко звать Цзуаня по имени. Он долго кричал, как вдруг Цзуань ожил: "Ты спас меня своими криками!". Чжун-хай стал его расспрашивать и вот что рассказал Цзуань: "Меня схватили несколько чиновников и повели с собой, говоря, что ланчжун приказал доставить меня в гости. Я спросил, как зовут ланчжуна, оказалось — Инь. Скоро мы подошли к его резиденции — ворота огромные, как горы, кругом так и снуют бесчисленные повозки и всадники. "Ну, что вы скажете о вине? — приветствовал меня Инь. — Я часто вспоминаю о том, как в былые дни, отдаваясь безудержному желанию, также пил очень много, но потом вдруг решительно остановился. Сегодня решил вспомнить прошлое, потому и осмелился пригласить вас!" И он предложил мне пройти в дом. Мы оказались в беседке, стоявшей в бамбуковой роще. Там были и другие гости — все в красных или пурпурных одеяниях. Совершив приветственные поклоны, все сели. Слуги внесли вино, засверкали кубки; певички и музыкантши, что называется, клубились, как тучи. Мне это до того понравилось, что я обо всем позабыл, и лишь в середине пира услышал, как ты меня зовешь. Но музыка играла так прекрасно, что в душе моей все перемешалось, мы еще много раз подняли кубки, и я снова обо всем позабыл, но вскоре опять услышал звуки твоего голоса и загрустил — на сердце стало печально. Так повторялось четыре раза, и я решил распрощаться. Хозяин стал уговаривать остаться, я сослался на то, что дома у меня есть весьма неотложные дела, и только тогда он отпустил меня, попросив, правда, чтобы я поскорее возвратился, он тогда назначит меня на должность, и я притворно ему обещал. Очнувшись, я понял, что это была смерть. И если бы ты не звал меня, то я бы и думать забыл о своем теле, которое осталось тут. Когда меня уводили, я был как во сне, а сейчас — будто заново родился...» (цит. по: Тай-пин гуан цзи. Т. 2. С. 2680. Далее — ТПГЦ).

Даоцзюнь Юй-юань **Перерождение даоцзюня с горы Лофушань**

Первый министр господин Лю был родом из Цзичжоу.
Отправившись в столицу на экзамены, по пути [господин]
проезжал через городок Думучжэнь.

Стояла ясная погода. Слева у дороги сидел какой-то старец.
— Я знаю, что вы, господин, направляетесь на экзамены. Что вы скажете, если я подарю вам пару параллельных строк? — обратился старец к Лю.

— Хотелось бы услышать! — радостно отвечал тот.

— В этом году, оседлав убогого осла, вы уезжаете,
Но вскоре, воссев на
драгоценного скакуна, вернетесь!

Господину строки понравились.

— А откуда вам, почтенный, известно, что я добьюсь исполнения желаний?

— Вы будете обладать не только громкой славой и богатством, но еще сделаетесь очень знатны — вы ведь, господин, не кто иной, как даоцзюнь Юй-юань с горы Лофушань!

Господин Лю поблагодарил старца, и тот ушел.

Примеч. *Даоцзюнь* — «небесный государь», почетный титул высших сановников в даосской иерархии бессмертных. В «Тай-пин юй лань» (цз. 662) со ссылкой на Тао Хун-цзина (陶弘景 456—536) говорится о том, что даоцзюни — следующие на иерархической лестнице после высших божеств: *тайхуан* («великий император»), *цзыхуан* («пурпурный император»), *юйхуан* («нефритовый император»), а следом за ними идут *чжэнь-жэнь* («совершенный человек»), *чжэньгун* («совершенный господин») и так далее.

Л о ф у ш а н ь — знаменитая и священная для даосов гора в пров. Гуандун, недалеко от Гуанчжоу. Одна из десяти наиболее почитаемых гор Китая, ее называли «первейшей среди гор к югу от хребтов». Здесь, в частности, с 326 по 334 жил и работал знаменитый философ и алхимик Гэ Хун (葛洪 283/284—343), автор трактата «Баопу-цзы» 抱朴子. До сих пор на Лофушани можно видеть очаг, в котором Гэ Хун выплавлял пилюли бессмертия. В даосской «горной» иерархии Лофушань числится как «тридцать вторая счастливая земля», на ней также находятся «седьмые пещерные небеса» (большие извилистые пещеры с двумя входами, в которых, по преданию, продвинутым adeptам являются даосские божества), а всего подобных пещер на горе восемнадцать (самые известные — Чжуминдун, Хуашоудун, Байхэдун, Хуанлундун), не считая более мелких, которых насчитывается сотня с лишним. На Лофушани сохранилось множество старых сооружений — храмов, беседок, пещер («каменных обиталищ»), кумирен, павильонов, всего более сотни. Самая высокая точка Лофушани — пик Фэйюньдин (1296 метров над уровнем моря). Гора славится многочисленными ключами и живописными видами, неоднократно воспетыми в стихах старых китайских поэтов: «Под горою Лофушань круглый год весна. Яблони, абрикосы,

сливы — непрерывно друг за другом цветут», — писал Су Ши. На Лофушани есть и буддийские храмы, всего пять.

Г о с п о д и н Л ю — по всей вероятности, речь идет о сунском сановнике Лю Хане (劉沆 995—1060). Служил в должности ю чжэняня (старший советник-наставник императора), занимал пост начальника Департамента работ, а также служил в провинциях. Сведений о том, что Лю был первым министром, до нас, вроде бы, не дошло. Известен как тонкий знаток истории.

Ц з и ч ж о у — область, располагалась на территории совр. пров. Цзянси.

Д у м у ч ж э н ь — сокращенное название уездного города Думухэчжэнь, располагавшегося в северо-восточной части совр. уезда Хулиньсянь пров. Цзилинь.

Даоцзюнь с горы Ваньшань Сюй Цзи встречает даоцзюня, который изгоняет тигра

Сюй Цзи 許吉 и Сунь Жун 孫榮, чиновники из Хэяна, что в Мэнчжоу, путешествовали по судебным делам и проезжали мимо западной вершины горы Ваньшань.

Вдруг видят — идет облаченный в даосское платье покойный министр господин Пан в сопровождении трех-четырех отроков.

Цзи сказал Жуну:

— Да ведь это министр! Когда-то [он] управлял Хэяном, а я тогда был мелким служащим в его управлении и часто с ним встречался!

И Цзи потихоньку спросил сопровождавшего министра отрока.

— Ведь это министр Пан?

— Да, это он, — отвечал отрок.

— А что делает тут господин Пан?

— Господин получил титул даоцзюня Ваньшани и управляет этой горой.

Тогда Цзи велел отроку доложить господину Пану его имя и фамилию и подошел с поклоном. Господин приветствовал Цзи легким кивком и заговорил с ним.

Вдруг появились два воина в латах — они тащили тигра. Цзи в ужасе отбежал в сторону. [А воины бросили] тигра перед

Паном, и [тигр] распростерся на земле, зажмурившись, словно преступник, убоявшийся справедливого гнева.

— Вчера этот тигр изранил дровосека такого-то, — доложил воин.

— [Дровосек] умер? — спросил Пан.

— До этого не дошло.

Тогда господин [Пан] обернулся к отроку, тот достал из кошелья кисть и приготовился писать.

— Препроводить к духу местности для определения наказания, — продиктовал Пан, и воины уволокли тигра.

Цзи попрощался с господином.

[Они с Жуном] прошли шагов, может, сто, оглянулись на то место, где только что был Пан, но там лишь клубилась бирюзовая дымка да играла радуга, а господин — пропал.

Когда чиновники вернулись в Хэян, они рассказали эту историю во всех подробностях.

Примеч. Мэнчжоу — область, располагалась в районе совр. уезда Мэнсянь пров. Хэнань, а Хэян — уезд в этой области. Именно здесь расположены горы Ваньшань. На Ваньшани, помимо естественных, природных красот — причудливых камней, ручьев, живописных зарослей — много даосских и буддийских храмов и кумирен, а также располагаются так называемые «первые в Поднебесной пещерные небеса», почитаемая даосами пещера, где, по преданию, адептам являются бессмертные. На главном пике до наших дней сохранился алтарь для молений Небу о ниспослании дождя; передают, что этому алтарю более четырех тысяч лет. С Ваньшанью связано имя легендарного, описанного еще Ле-цзы, Юй-гуна, который «двигал горы»: тут есть Юйгунцунь («Деревня Юй-гуна»), Юйгундун («Пещера Юй-гуна») и Юйгунцзин («Колодец Юй-гуна»), а к югу от Юйгунцуня расположен горный пролом и говорят, что именно здесь Юйгун двигал те самые горы.

Господин Пан — очевидно, имеется в виду сунский министр Пан Цзи (龐籍 988—1063). Второе имя Чунь-чжи 醇之. Стал цзиньши в годы под девизом правления Да-чжун сянь-фу (1008—1016). В 1032—1033 г. служил при дворе по исторической части, позднее несколько раз получал назначения на должность главнокомандующего против Си Ся. В 1044 г. стал заместителем начальника императорской канцелярии, а потом и ее начальником. Неоднократно (в частности, в 1051 г.) занимал посты министерского ранга.

История Шу-сянь
Госпожа Цао Вэнь на самом деле
Святая Дева-каллиграф

Госпожа Цао Вэнь 曹文 была певичкой в Чанъани.

Лет четырех-пяти от роду [она] уже с легкостью решала иероглифические шарады и с одного раза могла постичь смысл каждой прочитанной цзюани. Люди дивились ее прилежанию. Когда [Цао] достигла возраста взрослой прически, в свете не было равной ей по красоте, а кистью [она] стала владеть еще искуснее.

[Цао] писала везде, где только можно было писать — от писчей бумаги и белого шелка до тюлевых занавесей — и так в день у нее выходило по тысяче знаков; люди прозвали ее Шу-сянь — Святая-каллиграф. Ну а, как говорится, сила кисти ее была первой в пределах застав. Служившие в то время в Департаменте общественных работ ланчжун Чжоу Юэ 周越 и гуаньча Ма Дуань 馬端, увидев однажды написанное ее рукой, не переставали восхищаться.

Домашние учили Цао музыке, но та отвечала:

— Неужели я буду рада этому ничтожному занятию?! С меня довольно будет прожить до старости, как говорится, у пруда туши и холма кистей!

Вскоре имя [ее] было у всех на устах, и могущественные и знатные мужи не жалели золота и драгоценностей, желая сойтись с Цао — но все терпели неудачу в своих замыслах.

— Все это мне не подходит! — говорила девушка. — Если хотите свидания, то прошу преподнести мне стихотворение. Но сочинить его вы должны лично.

После этого каждый день Цао стала получать по несколько сотен самых разных стихов изысканного слога и стиля, но ни одно не пришлось ей по сердцу.

Книжник Жэнь с Миньцзяна, гостивший в Чанъане, обладал поэтическим даром и острым умом. Узнав об этом [условии], он радостно воскликнул:

— Я добьюсь свидания!

Его стали расспрашивать, и Жэнь отвечал:

— Феникс садится на ветви утуна, а рыба резвится в ручье — у каждого существа есть присущее ему место! — И вскоре сложил такое стихотворение:

Перед дворцом Нефритового императора
уж ждут Шу-сянь.
Лишь от мирского отрешится —
и вознесется на девятое небо!
Не удивительно, что терпкий аромат
таят ее бранные кости:
Некогда дым императорской курильницы
пропитал бессмертной одеянье.

Получив его стихи, дева обрадованно сказала:

— Вот это действительно супруг мне — иначе откуда бы ему понять мои поступки? Я хочу стать его женой. К счастью и он хочет того же!

Домашние не могли помешать Цао, и вскоре [они с Жэнем] соединились. И с тех пор супруги — и весенним утром, и осенним вечером — стали неразлучны. Тихонько за молодым вином напевали они стихи и наслаждались мимолетными пейзажами. И так продолжалось пять лет, пока, наконец, не настал последний день третьей луны.

Супруги пили за здоровье друг друга, провожая весну. И Цао сложил стихи:

В обители бессмертных нет ни лета и ни осени —
Там солнце красное и ветер чистый
заполнили изумрудные террасы!
И в небесах лазурных легко
теряется обратный путь.
Возможно ль, что умчимся вместе мы
на пятицветном облаке туда?

Продекламировав стихотворение, дева зарыдала-заплакала:

— Я ведь на самом деле — святая-писарь в небесной канцелярии. За любовные чувства была сослана на двадцать четыре года в этот грешный мир.

Потом спросила Жэня:

— Я должна возвращаться, последуете ли вы за мною? Небесная музыка подавляет собою все в мире людей, но вы не должны бояться.

И вдруг они услышали доносящиеся из пустоты звуки музыки бессмертных, и удивительный аромат заполнил всю комнату. Испуганные домашние Цао бросились подсматривать — и увидели чиновника в красном: он держал нефритовую пластинку, и на пластинке краснели выведенные чжуанью письма. Вот что там было сказано: «Ли Чан-цзи, благополучно завершивший сочинение "Записок о яшмовом тереме", Небесный Император призывает тебя сделать надпись на стеле. Надлежит явиться немедленно, не мешкая!»

— Ли Чан-цзи — танский поэт! — вскричали домашние. — С той поры минуло три сотни лет! Да это оборотень!

— Ничего-то вы не знаете! — рассмеялась Цао. — В мире людей проходят три сотни лет, а в чертогах бессмертных всего несколько мгновений.

Цао и Жэнь — оба в простой одежде — с поклоном приняли приказ и, шагая [прямо] по воздуху, устремились ввысь. В сверкающих розовых облаках мелькали луани и журавли, и это видели очень многие. Оттого-то место, где жила Шу-сянь, назвали Шусяньли — Деревня Святой-каллиграфа.

Чаньяньский отшельник из скита Юнюань[гуань по имени] Шань Дань-цин 善丹青 изобразил [Цао] на картине и уговорил меня записать эту историю. И в пятнадцатый день первой луны года *цзя-шэнь* под девизом правления Цин-ли я ее записал.

Примеч. Чаньянь — ныне Сиань, древний город в северо-западном Китае, столица при нескольких династиях. Стоит на реке Вэйхэ, в уезде Чаньяньсянь пров. Шэньси. Город был основан в 202 г. ханьским императором Гао-цзу и славится своими достопримечательностями.

Возраст взрослой прически — то есть совершеннолетие, по достижении которого девушка меняла детскую прическу на взрослую; примерно в пятнадцать лет.

Пределы застав — иносказательно о Китае.

Гуаньча — сокр. от *гуаньчаши*. Чиновничья должность, появившаяся в танское время. В начале правления Тан такой чиновник посылался центральным правительством в области и уезды с инспекционной целью; после 758 г. власть таких чиновников распространялась уже на несколько областей или даже целую провинцию, и это были крупные чиновники, находившиеся в непосредственном подчинении у военных генерал-губернаторов (*цзедуши*), хотя и одного с цзедуши ранга. В сунское же время в ведении таких чиновников находились судебные решения, дела наказаний и вопросы

транспортировки налоговых сборов в столицу в масштабах округа (области).

Миньцзян — река на границе пров. Сычуань.

Нефритовый император — верховное божество китайского протонародного пантеона, ему подчинена вся вселенная, в том числе и все духи. Смысл же всего стихотворения сводится к тому, что книжник Жэнь понял: Шу-сянь — земное воплощение горней обитательницы, лишь временно нашедшей пристанище в образе простой и вульгарной певички («дым императорской курильницы пропитал бессмертной одеянье»); это следовало и из ее необычайной учености, и из явно завышенных для певички требований, и из нежелания обучаться необходимому певичке ремеслу; тем самым Жэнь показал, что и он — существо необычайное, поскольку понимает подобные вещи. Так в конце концов и оказалось.

Чжуань — архаический почерк китайской древности. По настоящее время используется при резке личных печатей.

Ли Чан-цзи — танский поэт Ли Хэ (李賀 790—816), второе имя Чан-цзи 長吉. Дальний родственник танского императорского рода. Выдающиеся способности проявил уже в раннем возрасте. Всю жизнь страдал из-за несоответствия своего высокого происхождения и того скромного общественного положения, которое занимал: Ли Хэ довелось послужить при дворе всего лишь на мелких, незначительных постах, тогда как поэт считал себя способным на гораздо большее. В 807 г. он принял участие в экзаменах, но не прошел их из-за козней завистников, несмотря на заступничество самого Хань Юя; в 810 г. он снова приехал в столицу на экзамены и именно тогда получил незначительную придворную должность, пользуясь правом «тени» (за заслуги отца). В столице Ли Хэ свел знакомство с многими знаменитостями того времени. В 812 г. он по болезни отказался от службы и, покинув Чанъань, вернулся на родину, в Хэнань. В течение последующих трех лет он путешествовал по центральному Китаю и именно в это время создал значительное число стихотворений, основной темой которых было воспевание красот природы. Однако одиночество, непризнанность и физическая немощь сыграли свою трагическую роль и Ли Хэ, сразу по возвращении в Хэнань, умер в возрасте двадцати семи лет. С его смертью связана изложенная выше легенда: к Ли Хэ якобы явился небесный посланец и вручил ему бумагу, в которой говорилось, что Верховный владыка закончил строительство Терема белого нефрита и теперь срочно вызывает к себе, на небо, поэта Ли Хэ, дабы он сложил для этого терема парные надписи. Тут Ли Хэ и умер — вознесся, согласно приказу, в небесные чертоги.

Год цзя-шэнь... Цин-ли — 1044.

Гао Янь Убив друга, бежит в иные страны

Гао Янь 高言, второе имя Мин-дао 明道, был столичный житель. Прилежно учился и выделялся среди [окружающих] как человек незаурядный, но таким достаточным не обладающий, к вину равнодушный и духом буйный — жизнь [Гао] ценил не больше человеческого волоса. Потому никто из современников с ним серьезной дружбы не водил.

Однажды вечером — прелестный ветерок, изящная луна — [Гао] созвал приятелей на пирушку. Завели песню и Гао, растроганный мелодией, воскликнул со слезами на глазах:

— Ах, если бы я родился, как говорится, в высоком сиянии, неужели же мне не было бы довольно удела в десять тысяч дворов!

Высокомерно относясь к людям, Гао в речах своих отличался дерзостной прямоотой и откровенностью, осуждал чужие ошибки, невзирая на имена.

Промотав начисто все состояние своей семьи, Гао отправился в Чжунмоу, навестил там приятеля и написал стихи:

Вчерашней ночью ветер
 ледяной тревогою наполнил душу.
Огонь потух в земляном очаге
 и опустел винный кувшин.
Приятели, что жарко так беседовали
 о былых делах —
Лишь замигала лампа —
 озираясь, схватились за мечи.

На другой день приятель прислал Гао в подарок пару связок монет. Гао в гневе швырнул монеты наземь и плюнул в слугу приятеля:

— И это цена нашей дружбы?!

На другой день Гао вышел прогуляться и, столкнувшись с приятелем, стал его ругать:

— Когда ты раньше гостил в столице, я встречал тебя со всем почтением, провожал на родину и щедро давал тебе деньги! А вот теперь, когда я приехал к тебе, вот как ты мною пренебрегаешь! Как же я могу на тебя положиться?! Нет тебе прощения!

Тут Гао выхватил из подвешной сумки нож и убил того человека, и двух слуг, его сопровождавших, — тоже.

Подумав о строгости законов и поразмыслив, что бежать ему некуда, Гао помчался в столицу к своему земляку Лю Фу 柳敷 и обо всем правдиво рассказал.

— Надо мне уехать подальше, и поскорее, сегодня же! — заключил Янь.

Лю подарил ему на прощание отрез шелка.

Когда же опочил император Жэнь-цзун, и на престол вступил новый государь, все преступники получили прощение.

[Гао] тоже вернулся. Явился к Лю и сказал:

— Я получил возможность вернуться — будто родился заново! О, как раскаиваюсь я в своем прошлом поступке!.. После того, как мы расстались, я направился на север в хуские земли. Но через несколько дней меня схватил хуский конный разъезд. Привязали меня между двух коней и повезли к их главному вану. «Какие науки ты превозмог?» — спросил меня ван. «Могу писать, считать, слагать стихи, прекрасно владею искусством охоты с соколами и собаками!» — отвечал я.

Ван очень обрадовался, и я у него долго пробыл. Потом [ван] отправился на север Великой пустыни и приказал мне сопровождать его. Через двадцать с лишним дней мы прибыли на место: на тысячу ли кругом желтый песок, пять злаков не растут, погода свирепо холодная, трава начинает зеленеть только в пятую луну, кора на деревьях толщиной в два цуня, а лед — толщиной в шесть чи! Едят там сердцевину растений, а пьют молоко коров и овец.

Ван женил меня. Жена, хоть и была еще молода, но настолько грязна и вонюча — близко не подойти! Ночью мы спали в землянке, носили звериные шкуры... Моя хуская жена не понимала человеческого языка, и в те времена я мечтал стать хоть собакой, но — в Поднебесной, но это было невозможно.

В Великой пустыне не росли культурные злаки, и когда я хотел выпить вина или съесть мучного, Ван специально для меня посылал [за ними]. Я думал: да десять тысяч лет такой жизни не сравнятся с одним днем жизни в Поднебесной! Днем жена моя жала траву, росшую в пустыне, и раскапывала норы диких мышей, чтобы приготовить пищу. Однажды я случайно увидел свое отражение в близлежащем диком ручье и в ужасе бежал прочь —

из воды словно злобный бес вынырнул: высохший, черный как тушь, ни на что не похожий! Когда же в один прекрасный день мою жену похитили разбойники, я не выдержал и написал доклад вану, прося позволения вернуться в родные места...

Позже, когда ван подошел к границе [Поднебесной], я ночью украл коня и поскакал на юг. Добрался до нашей страны, а коня отпустил назад. Стащив у пастушка одежду, я переоделся и безо всяких помех, пройдя на юг двадцать тысяч ли, добрался до морского берега, до Гуанчжоу. А там как раз большой корабль отплывал в Даши, и я решил присоединиться к плывущим на нем.

Корабль отошел от берега, заплескалась морская вода, заблестели фиолетовым волны, и кругом на все стороны осталось одно далекое небо. В воде показывались и вновь исчезали злые [поедающие друг друга] рыбы, волны дыбились удивительными громадами — только через два года мы достигли Даши.

Погода [в Даши] очень жаркая, и в год [там] снимают по два урожая. Правитель носит на голове золотую шапку, одежды его разукрашены подвесками с золотыми жемчужинами и самоцветами. А во дворце хранятся мощи Будды. Люди там искусные воины, сражаются, сидя на слонах. В земле там рождаются сотни овец, и люди, узнав, что овцы должны родиться, строят вокруг этого места загородку. После рождения овцы связаны с землей пуповиной — люди садятся на коней, скачут и кричат, овцы пугаются и обрывают пуповину, после чего могут пастись.

К югу от Даши есть страна Линьминго 林明國, и в Даши снарядили корабль, направляющийся туда. Я тоже сел на этот корабль, и через год мы приехали в Линьминго. По сравнению с Даши, климат там еще жарче, и в год там снимают несколько урожаев риса. Люди ходят совсем голые, прикрывшись лишь куском материи. В самый разгар жары они обмазывают стены домов известью, чтобы придать им прочность, и проводят на крышу воду, которая вода ниспадает со стрех, как водопад, а брызги создают прохладу. Это говорит о хитроумии местных жителей.

Тамошний правитель объявляет наказания, восседая на золотой повозке: убийцу — казнить, нанесшему увечье — воздать тем же, а совершившие мелкие проступки платят в пользу казны штраф в одну штуку материи.

Дворцы правителя неописуемо роскошны, полы выложены золотыми плитами, висят, как спелые сливы, ясные жемчужи-

ны — никто не знает им числа! Деревья алоэ — как хворост, и их используют для растопки очага.

Из Линьминго шел корабль — мы проплавали десять лет, но так и не достигли южного берега и тогда повернули обратно. В пути мы были в стране, названия которой никто не знает. Люди там растут в несколько цуней, выходя из дома, они непременно привязываются веревкой друг к другу. Дикая птица там размером в несколько чи и временами поедает тех людей — вот те и связываются веревкой, когда выходят.

Слышал я также, что на юго-востоке есть страна Нюйцзыго, и все ее обитатели — женщины. Каждую весну лунной ночью распускаются «цветы естественности», и в них — пыльца новорожденных. Есть там «пруд жизни», колодцы «взгляда на новорожденного», и все женщины ходят к тем цветам, глотают пыльцу, пьют воду, смотрят в колодцы и после этого беременеют. Рождаются только девочки. Мы захватили с собой несколько маленьких человечков и повернули назад, но в пути они все умерли.

В море нам встретилась огромная каменная гора, и на горе — несколько десятков огромных деревьев, и на ветках зреют прикрепленные к ним за голову маленькие мальчики. Увидев людей, [мальчики] начинают размахивать руками и смеяться. Но если срубить ветку, то мальчики тут же умирают. Мы срубили несколько ветвей и привезли с собой, и [местный] правитель спрятал их в своих дворцах...

Я пробыл в стране Линьминго шесть лет и узнал, что на юго-востоке есть страна Жицинго 日慶國. Из Линьминго туда шел корабль, и я сел на него.

Мы прибыли, и оказалось, что [жители Жицинго] завязывают волосы на голове на манер птичьих хохолков, а их правитель восседает на каменном ложе, и нет там ни церемоний, ни долга, а только разврат и распущенность и больше всего почитают зло. [Они] искусные воины, однако сражаются и убивают там друг друга женщины. Уголовных законов нет, и если совершается преступление, то правитель вместе с людьми рушит жилище преступника и забирает его имущество. На юге — горы, издали ярко сияющие в лучах солнца, как золото. А подойдешь ближе — одна сера. Еще южнее серных гор — сплошь высокие вершины. Там днем и ночью полыхает огонь, и в огне живут мыши. Временами они выходят к кромке огня, тогда люди их ловят и из шку-

рок делают материю, а из нее шьют одежду. Если эта материя испачкается, то избавиться от грязи можно, прокалив ее на огне. Я привез с собой несколько чи [этой материи].

Мне наскучило в той стране, и я решил вернуться. А тут как раз в Линьминго отплывал корабль, и я поднялся на его борт, но в это время прибежала моя [тамошняя] жена с ребенком, которому только что исполнился год, и окликнула меня, но корабль уже отошел от берега. Увидав, что я не собираюсь возвращаться, она схватила сына и убила его.

Из Линьминго я вернулся в Даши, плавал два года по морям и добрался до Гуан[чжоу]. Не сгинув в желтых песках, избежав участи быть погребенным в рыбьем брюхе, я скитался двадцать лет и в странствиях своих достиг четырех стран. Бродил вдоль ручьев и ночевал в горах, пробирался через дремучие травы, мерз, страдал от жары и голода, но остался жив! Мне посчастливилось, избежав смерти, снова увидеть родину и обрести покой! Теперь я снова могу отправиться в столицу и взглянуть там на могилы предков! Снова буду я одеваться в шелк и есть сладкие, ароматные кушанья! И если кто-то плюнет мне в лицо и, что называется, схватит меня за горло и будет бить по спине, то я склоню голову и приму этот позор, но больше не посмею злодейски чинить вред человеческой жизни!..

Подивившись тому, что рассказывал Гао — как он бежал, путешествовал по разным странам, что видел он в тех землях, где был, что за удивительные существа там живут, — я записал все это здесь, с радостью повествуя о человеке, который осознал свою ошибку и исправился.

Мое суждение таково. Ма Фу-бо 馬伏波 говорил: «Быть человеком, осмотрительным в своих желаниях, все равно что вырезать лебедя: не получился — но все равно вышло что-то вроде утки. Быть необузданным в геройстве рыцарем, все равно что рисовать тигра: не получилось — и вышло какое-то подобие собаки». Так Фу-бо наставлял своих учеников — он хотел, чтобы они стали усердными и порядочными учеными мужами, и не хотел, чтобы они были лихими сорвиголовами. А если вернуться к сказанному [о Гао] — он кичился талантами, погряз в беспробудном пьянстве, посягнув на жизнь человека, бежал туда, где живут только черти, страдал от голода и холода на безлюдной границе, искал среди диких трав глоток воды, ловил мышей и ел их: как

можно было его равнять с людьми?! Но, получив возможность вернуться, [Гао] счел это за великое благо, отправился в Восточную столицу, чтоб, как говорится, рыдать над телами умерших, — снова проявил человеческие добродетели! Таких из десяти тысяч всего один или два. Ученые и благородные мужи, узнав о [Гао Яне], ставят его в пример.

Примеч. Чжунмоу — уезд, был учрежден при Хань, при Суй (581—618) был переименован в Путяньсянь, а при Тан снова назван Чжунмоусянь. Располагался в средней части совр. пров. Хэнань, на южном берегу Хуанхэ.

Пара связок монет. — Как известно, медные монеты в старом Китае имели в центре четырехугольное отверстие для нанизывания на шнурок — в связку. Единицей счета и обращения выступала, как правило, связка в тысячу монет.

Когда же опочил император Жэнь-цзун... — Это случилось в 1063 г., на трон вступил Ин-цзун, по случаю чего была объявлена амнистия.

Хуские земли — собирательное название для территорий, расположенных к северу и северо-западу от исконных китайских земель; их обитателей традиционно называли хусцами, или варварами ху.

Великая пустыня — то есть пустыня Гоби.

Пять злаков — рис, просо, ячмень, пшеница и бобы; традиционно культивируемые в Китае зерновые.

Гуанчжоу — приморский южный город в совр. пров. Гуандун. Стоит на реке Чжуцзян. Был основан еще при династии Цинь (221—206 до н. э.) и тогда назывался Наньхай, а с 225 г. стал носить название Гуанчжоу. Важный портовый центр, из которого издревле осуществлялись морские связи китайцев с южными странами. Издревле в Гуанчжоу существовал и так называемый «чужеземный квартал», где жили иностранцы, главным образом, купцы из арабских стран; в квартале было свое самоуправление, обитателям квартала позволялось жить согласно привычному им укладу. Важным сунским источником по Гуанчжоу и его заморским обитателям является сборник бицзи Чжу Юя (朱彧 1075?—после 1119) «Пин чжоу кэ тань» (萍洲可談 «Из бесед в Пинчжоу»). Мои переводы из него см.: *Алимов И. А.* Вслед за кистью. С. 155—215.

Даши — обычно — обобщающее название стран арабо-мусульманского мира, но Оуян Цзянь считает, что в данном случае под Даши имеются в виду персидские владения (*Оуян Цзянь. Указ. соч. С. 50*). Каким образом во дворце «правителя Даши» могли храниться «мощи Будды» — вопрос загадочный; однако следует учитывать, что знания сунского китайца, пусть даже и достаточно образованного, об иных странах были по-средневековому отрывочны и подчас причудливы, а значит, и особой достоверности от подобных рассказов ожидать не приходится (см., например, описание де-

ревьев, на ветвях которых растут мальчики); логично предположить, что, не имея твердых представлений об исламе, наш автор устами явно вымышленного персонажа Гао Яня обозначил в рамках доступных ему сведений некие исламские святыни как «мощи Будды».

Ц у н ь, ч и — традиционные китайские меры длины. Цунь — немногим более трех сантиметров, а чи — немногим более тридцати.

Н ю й ц з ы г о — Страна женщин. Сведения о полумифической стране с таким названием зафиксированы в китайских письменных памятниках еще в «Си юй цзи» (西域記 «Записки о западных окраинах») Сюань-цзана (玄奘 596?—664), затем у Ду Хуаня (杜環 VIII в.) в «Цзин син цзи» (經行記 «Записки о посещенных странах»), где сказано, что это страна, где «женщины беременеют в результате воздействия воды». В. А. Вельгус полагает, что речь идет «об амазонках Северной Африки, представления о которых существовали у античных писателей и были, в свою очередь, повторены более поздним авторами» (подр. см.: *Вельгус В. А. Известия о странах и народах Африки*. С. 130—131). У Чжоу Цюй-фэя (周去非 ?—после 1178) в «Лин вай дай да» (嶼外代答 «Вместо ответа [на вопросы о землях юго-запада] за горными хребтами»): «Еще [далее] на юго-восток лежит Нюйго... Женщины этой страны "множатся", когда дует южный ветер. Обнажаются и "чувствуют ветер". Все рожают девочек» (цит. по: *Чжоу Цюй-фэй. За хребтами*. С. 150). М. Ю. Ульянов считает, что страна Нюй(цзы)го располагалась к востоку от острова Ява.

М а Ф у - б о — имеется в виду Ма Юань (馬援 14 до н. э.—49 н. э.), полководец начала правления восточноханьской династии. Происходил из зажиточной семьи. В 41 г. был назначен главнокомандующим в Фубо, откуда и прозвище. Прославился успешным усмирением «южных варваров».

Коу Лай-гун

**Клянется духам, втыкает бамбук,
показывая преданность государю**

Пониженный в должности Коу Лай-гун направлялся в Лэйчжоу. Путь его лежал через Гунъань. [Коу] срезал бамбук, воткнул перед храмом духа местности и произнес молитву:

— Если в сердце своем я виноват перед императорским двором, этот бамбук не должен прорасти, но если я ни в чем не виновен, то он прорастет обязательно!

И бамбук пророс.

Да вот еще: Коу Лай-гун был отправлен в Лэйчжоу и умер там. Когда приказали перевезти его тело на родину, то гроб провозили через Гунъань, и весь народ вышел навстречу: люди сре-

зали бамбук и втыкали в землю, сжигали жертвенные бумажные деньги. И вскоре пустившие корни молодые побеги бамбука образовали рощу. Соотечественники обожествили ее и назвали «Бамбуковая роща господина министра».

Примеч. Коу Лай-гун — то есть сунский сановник, политик и крупный государственный деятель Коу Чжунь (寇準 961—1023), который в 1019 г. был пожалован титулом Лайго-гуна 萊國公. Входил в ближайшее окружение основателя сунской династии. В 980 г. успешно выдержал экзамен на степень цзиньши. Довольно быстро стал занимать высокие посты при дворе. Коу Чжуня высоко ценил император Тай-цзун (на троне 976—998). В 1004 г. Коу Чжунь стал первым министром и когда в сунские пределы вторглись кидани, многие сановники в панике требовали переезда двора в Нанкин или Чэнду, Коу Чжунь настоял на организации военного сопротивления и убедил императора Чжэнь-цзуна (998—1023) лично возглавить оборону. Но вскоре он стал жертвой клеветы и был отстранен от власти. В 1017 г. его вновь назначили первым министром. Коу Чжунь умер в ссылке в округе Лэйчжоу (совр. пров. Гуандун), о чем здесь и идет речь.

Гунъань — уездный город, ранее располагавшийся на территории совр. уезда Гунъаньсянь в провинции Хубэй.

Дочь Ли Даня

Дочь Ли Даня хитростью убивает змея

В Минь, что в Восточном Юэ, есть горы Юнлин. Они высоко в несколько десятков ли. У их подножия, с северной стороны, в болоте, жил огромный змей — длиною в восемь чжанов и в один чжан в обхвате. Местные жители были в постоянном страхе: не одного военного наместника и многих начальников областных городов в Дунье погубил змей! Но беды можно было избежать, коли принести в жертву [змею] быка или овцу.

Тут, являясь людям во сне или же через пророчества, ниспосланные шаманкам, [змея] заявил о желании получить в жены девочек лет двенадцати-тринадцати лет. Военный наместник и начальники уездов были очень обеспокоены. Они стали искать дома, где родились служанки, или же брали дочерей из семей преступников. Когда наступала восьмая луна, на рассвете девушку оставляли у входа в нору змея. Змей тут же выползал и проглатывал жертву.

Так прошло несколько лет, и за это время было проглочено девять девушек.

В один год, собравшись принести жертву, искали-искали, но так и не смогли найти [девушку]. А у Ли Даня 李誕 из уезда Цзянлэ было шесть дочерей и ни одного сына. Меньшая его дочь — ее звали Цзи 奇 — сама согласилась стать жертвой для змея. Но отец и мать решительно противились этому.

— Отец, матушка! Не останавливайте меня! Ведь у вас шесть дочерей и ни одного сына — зачем вам так много? Я не такая совершенная дочь, как Ти-ин, что спасла отца, да и обеспечить вас не смогу, так к чему вам зря тратиться на еду и одежду? Нет никакой пользы от того, что я жива, не лучше ли умереть юной? Вы продайте меня; хоть денег можно будет получить и немного, но все же я послужу вам, отец и матушка! Неужели это плохо?

Любя дочь, отец и мать жалели Цзи, не соглашались ее отпустить, но в конце концов так и не смогли удержать — согласились. Цзи попросила хороший меч и несколько натасканных на змей собак.

Настала восьмая луна. На рассвете [девушку] привели в храм и посадили там. [Она] спрятала меч за пазуху, а собак привязала. Достала заранее приготовленные несколько десятков медовых пампушек из рисовой муки и разложила перед входом в нору. Ночью выполз змей — голова будто огромная житница, глаза словно зеркала в два чи! [Змей] учуял аромат лепешек и начал их пожирать. Цзи тут же спустила собак, те бросились к змею и стали на него кидаться. Цзи подкралась к змею сзади и принялась рубить его мечом. Змей рванулся прочь, выполз во двор и издох. Цзи пошла в нору — и нашла там черепа девяти девушек. Взяв их, Цзи вышла из норы.

— Вы были столь слабы, и змей вас пожрал! — печально вздохнула Цзи. — Очень мне жалко вас.

И, удрученная, Цзи медленно пошла домой.

Прослышав об этой [истории], князь Юэ посватался к Цзи, а отцу ее пожаловал чин начальника уезда Цзянлэ. Получили подарки также и мать [Цзи], и все ее сестры.

С тех пор в Дунье нет больше вредоносной нечисти.

Примеч. Восточное Юэ. — Древнее княжество с таким названием существовало на территории юго-восточной части совр. пров. Чжэцзян и захватывало север Фуцзяни. Минь — средневековое название совр. пров. Фуцзянь, а ниже упомянутое Дунье — главный город округа Миньчжун. Ныне это г. Фучжоу, административный центр пров. Фуцзянь. Горная же гряда Юнлин протянулась в центральной части Фуцзяни.

Ти-ин — Чуньюй Ти-ин (淳于緹縈 перв. пол. II в. до н. э.), образец почтительной дочери китайской древности. Самая младшая из пяти дочерей Чуньюй И 淳于冀, известного врачевателя своего времени, брошенного в тюрьму по обвинению в ошибочном лечении жены одного крупного торговца. Ти-ин написала императору прошение освободить ее отца от наказания, взамен предлагая продать себя в служанки. Император был так растроган ее преданностью отцу, что освободил того из заточения безо всяких жертв со стороны дочери. Поступок Ти-ин считается высшим выражением любви к родителям.

Деву привели в храм — имеется в виду храм, сооруженный перед норой змея для принесения ему жертв.

Данный рассказ позаимствован Лю Фу из сборника «Соу шэнь цзи» (搜神記 «Записки о поисках духов») Гань Бао (干寶 III—IV вв.). Трудно с уверенностью сказать, прошел ли он через редакторскую правку Лю Фу, или же Лю Фу пользовался неизвестным нам списком «Соу шэнь цзи», или же вообще услышал где-то эту историю и записал по памяти, однако же в известном нам ныне тексте «Записок...» данный рассказ (разумеется, у Гань Бао он никак не озаглавлен) звучит (в переводе Л. Н. Меньшикова) так: «В округе Миньчжун, что в области Дунье, есть гряда Юнлин, протянувшаяся на несколько десятков ли. В топях на северо-запад от нее обитал большой змей длиной в семь или восемь чжанов и толщиной в десяток обхватов. В этих местах распространено было устрашающее предание, гласившее, что змей навлекал гибель на военных наместников в Дунье и подчиненных им высших чиновников. Чтобы избежать бед, ему приносили в жертву волов и баранов. Но вот змей то с помощью снов, то с помощью пророчеств, ниспосланных шаманкам, стал сообщать людям свое желание получать на съедение девочек лет двенадцати-тринадцати. И военный наместник и начальники приказов были этим опечалены. Они велели разыскивать девочек, рожденных служанками, и дочерей из домов преступников и кормили ими змея. Когда наступал день жертвоприношений в восьмую луну, очередную девочку отправляли к выходу из его логова, змей выползал оттуда и заглатывал ее. Так продолжалось несколько лет. Уже девять девочек были принесены в жертву. Пришла пора очередного жертвоприношения — не могли найти подходящей девочки. В уезде Цзянлэ в семье Ли Даня было шесть дочерей и ни одного сына. Младшую из дочерей звали Цзи. Она объявила, что готова пойти к змею. Но отец и мать даже слышать об этом не хотели. "Прошу батюшку и матушку послушать мое суждение, — сказала им Цзи, — у вас шесть дочерей и ни одного сына. Одной дочерью больше, од-

ной меньше — это все равно. Я, ваша дочь, не выказала такой преданности родителям, как Ти-ин. Если я не смогу принести себя в жертву, значит, вы меня зря кормили и одевали. Рождение мое не пошло вам на пользу — так лучше мне умереть пораньше. А теперь за брненное тело вашей Цзи вы сможете получить малую толику денег. Что же тут плохого — так послужить родителям". Отец и мать, любя и жалея ее, никак не соглашались. Но Цзи тайно ускользнула из дому, задержать ее не сумели. Властям она заявила, что ей нужен хороший меч и собака-змееед. Настало утро жертвоприношений восьмой луны. Она отправилась в храм и села там, спрятав за пазухой меч. Собаку тоже взяла с собой. Еще раньше она приготовила несколько да-ней рисовых оладий, политых медовым соусом, и сложила их у входа в логово. Змей выполз наружу — голова как жбан для вина, глаза как зеркала, по два чи в поперечнике. Привлеченный запахом лепешек, змей принялся их пожирать. Тогда Цзи спустила собаку. Собака впиалась в змея, а Цзи из-за ее спины нанесла несколько ударов мечом. От острой боли змей кинулся прочь, выбрался во двор и там издох. Цзи вошла в логово, нашла в нем кости девяти девочек, вынесла их наружу и оплакала в таких словах: "Все вы трусливыми, слабыми были, Пищей для змея вы послужили. Сколь все это прискорбно!" Потом девочка медленным шагом вернулась домой. Весть о случившемся дошла до Юэского вана. Он посватался к Цзи, и она стала его супругой. Отца ее пожаловали начальником уезда Цзянлэ. Мать и старшие сестры — все получили награды. С той поры в Дунье не стало больше нечистых тварей. А песенку поют в народе до нашего времени» (*Гань Бао*. Записки о поисках духов. С. 441—443).

Дочь Чжэн Лу
Дочь Чжэн Лу хитростью
обманывает разбойника

Младший брат Чжэн Лу 鄭路 получил назначение чиновником в земли к югу от Янцзы. Лу поехал с ним, взяв с собой жену и дочь.

Однажды вечером только [они] привязали лодку у речной отмели — как вдруг на них напала толпа разбойников. Чжэн разложил на берегу все имевшееся у них золото и шелк, и разбойники все забрали. Лишь один [разбойник] грабить не стал — а заявил, что с него будет достаточно и девушки. Дочь [Чжэна] была прекрасна лицом, и разбойник это разглядел. [Чжэн], памятуя, что это его, как говорится, плоть и кровь, не нашел, однако, как ответить. Тут вперед вышла его дочь и охотно согласилась. Главарь посадил ее в маленькую лодку и отчалил [от берега].

— Вы, сударь, хоть и вор, но ведь тоже имеете дом и родственников? Я же принадлежу к знатному роду. Разве можно обойтись без положенных церемоний, если уж я должна стать вашей женой! Поедем к вам домой и предстанем перед родными, получим их одобрение, и ладно, — сказала девушка разбойнику.

— Хорошо, — отвечал разбойник.

— Вы, сударь, давно носите имя вора, и вам не положено иметь прислугу, — сказала дева, указывая на своих служанок. — По моему разумению, лучше их отправить обратно в мою семью.

Разбойник, плененный ее красотой, с охотой согласился и сделал все, как она сказала. Он прогнал служанок, взял с собой только девушку, сел на весла — заплескалась вода, и они поплыли.

Тут дева бросилась в воду и утопилась.

Современники почитали ее.

Примеч. Данный рассказ практически дословно позаимствован Лю Фу из танского анонимного сборника «Юй цюань цзы цзянь вэнь чжэнь лу» (玉泉子見聞真錄 «Правдивые записи о том, что видел и слышал Юйцюань-цзы»), от пяти первоначальных цзюаней которого до наших дней дошла лишь одна цзюань. Конкретно этот рассказ см. в 270 цзюани ТПГЦ.

Жэнь Юань

Человек в черном платке спасает жизнь Жэнь Юаня от побоев

Жэнь Юань 任愿, второе имя Цзинь-шу 謹叔, был родом из столицы. В юные годы он постоянно сопровождал отца в путешествиях к местам чиновничьих назначений между реками [Янцзы]цзян и Хуай[хэ], немного поучился искусству каллиграфии и со временем стал весьма образованным и великодушным ученым мужем. Домашние рассчитывали, что он продолжит дело предков, но Жэнь, как говорится, затворил двери дома — и все тут. А к достижению славы и выгоды не проявлял никакого интереса.

В первую луну второго года под девизом правления Синин, в день праздника фонарей, Юань засветло прогуливался по улицам. В это время [улицы] были переполнены паланкинами и всадниками, ученые мужи и прекрасные девы, как говорится, сошлись вместе. Юань, будучи уже сильно навеселе, нетвердо дер-

жался на ногах — он упал, головою боднув супругу какого-то важного господина.

Господин пришел в ярость и стал бить [Юаня] — все сильнее и сильнее, а Юань только [и мог, что] безмолвно защищать рукавом лицо. Это продолжалось долго, и их со всех сторон обступили зеваки — множество зевак, — как вдруг один из них, человек в черном платке, не выдержал, внезапным ударом свалил господина наземь, после чего схватил Юаня за руку и потащил прочь. Все так и застыли в удивлении.

— Раньше мы с вами, господин, и знакомы не были — обратился Юань к спасителю. — А вот же, удостоился я того, что вы этак вступились за меня!

Но незнакомец, даже не оглянувшись, ушел.

На другой день Юань снова встретил того человека в черном платке, пригласил его выпить вина, и они вместе отправились на постоялый двор.

Сели за стол. Тут Юань внимательно рассмотрел незнакомца: пугающие глаза, величественный дух, решительный и твердый, даже страшно! Они долго пили, и Юань [наконец] с благодарностью сказал:

— Позавчера меня унижил глупец, и если бы не вы, храбрый человек долга, то кто пожелал бы помочь мне?

— Разве такой ничтожный повод стоит благодарности? — возразил незнакомец. — Послезавтра я буду ждать вас здесь же, не опаздывайте!

После этого каждый пошел своей дорогой.

Пришел назначенный срок, и Юань отправился [на постоялый двор] — а человек в черном платке уже там. Вместе вошли они в винную лавку. Подняли чаши уже раз десять, как незнакомец сказал:

— Я тайный мститель. У меня была глубокая обида, и я скрывал ее несколько лет, а сегодня понемногу начал действовать.

Тут он вынул черный кожаный мешок, а из мешка достал человеческую голову. Ножом настругал с нее мясо, и половину протянул Юаню. Юань очень перепугался и не знал, что делать. А человек в черном платке принялся за свою часть и съел все без остатка. Потом снова предложил Юаню, но тот отказался. Тогда человек в черном платке рассмеялся, протянул руку, взял мясо из

тарелки Юаня и съел его тоже. Поднял череп и стал с легкостью строгать его коротким ножиком — словно трухлявое дерево! Бросил остатки на землю.

— Я могу передать вам одно умение... Будете учиться? — спросил он.

— А что это за умение? — поинтересовался Юань.

— Я умею, — отвечал человек, — побрызгав [моим] снадобьем на железо превратить его в золото, а побрызгав на медь, — превратить в серебро!

— Здесь, за воротами, имение моих предков, в день мой доход — связка монет. В семье несколько человек, но в стужу все одеты в ватную одежду, в жару все носят полотно, а в весенние дни уже едят мясные блюда из свежей убоины. Но положение мое шатко, я постоянно боюсь накликать беду — так посмею ли учиться подобному! — всполошился Юань. — Надеюсь, вы, господин, поймете меня.

— О, вы поистине из тех, кто понимает веления Неба, и значит, вам суждено долголетие! — в восхищении вздохнул человек в черном платке. Достал пилюлю и продолжал. — Примите это и никакая нечисть не осмелится к вам приблизиться!

Юань запил пилюлю вином.

Расстались они поздней ночью.

Впоследствии [Юань] с тем человеком больше не встречался.

Примеч. Второй год... Си-нин — 1069.

Рассуждения о стихах знаменитых господ

Рассуждения о стихах знаменитых господ нынешней династии

Министру Люй И-цзяню ученый-конфуцианец Чжан Цю 張球 в один прекрасный день поднес стихи:

Нынче в кухне нашей не из чего стряпать.

Дети плачут и рыдают, но пуст короб для еды!

И шепнула мать потихоньку сыну:

Сочинил отец стихи, поднесет их господину Люю.

Прочитав эти стихи, господин очень развеселился и подарил Чжану сто связок монет в награду, а еще приказал отвести

Вот свидетельство того, как господин поддерживал сирот и бедных.

Примеч. Фань Вэнь-чжэн 范文正 — посмертное имя сунского сановника и реформатора Фань Чжун-яня (范仲淹 989—1052). Из родовитой, но обедневшей чиновничьей семьи. Осиротел в возрасте двух лет. Усердно учился и в 1012 г. стал цзиньши. По протекции Янь Шу (晏殊 991—1055) был назначен сверщиком текстов в императорскую библиотеку — так началась его карьера. Позднее Фань Чжун-янь стал членом придворной академии Ханьлиньюань и заместителем начальника Шумиюаня, Высшего военного совета страны. Активно боролся против Люй И-цзяня (吕夷简 979—1044), сосредоточившего к тому времени всю высшую власть в стране в своих руках: в частности, Фань Чжун-янь подал на высочайшее имя доклад «Сы лунь» (四論 «Четыре суждения»), где раскритиковал все-сильного министра и политику двора, за что и был выслан служить в Жаочжоу (Цзянси). Со временем Фань стал лидером оппозиции. В 1040 г. Фань Чжун-яня по его просьбе перевели служить в Яньчжоу, важнейший стратегический пункт в военном противостоянии с тангутами; там по его инициативе были возведены оборонительные сооружения; также большое внимание Фань Чжун-янь уделил обучению пограничных войск. В 1043 г. Фань стал помощником первого министра и подал императору доклад, в котором излагал свой план реформирования системы управления. Однако в 1044 г. Фань усилиями противников реформ был отправлен в отставку. Тонкий знаток конфуцианского канона.

Миньцао — мелкий чиновник, в обязанности которого входило наблюдение за малыми народами, так называемыми варварами, жившими на окраинных землях империи.

Когда покойный господин Хань Вэй-гун управлял Чжэньдином, у него был домашний учитель Пэн Чжи-фан 彭知方, большой любитель вина. Этот Пэн постоянно лазал через стену в женские покои. Привратник доложил господину, но тот не стал учинять разбирательства. Так продолжалось долго. Однажды, сажая бамбук, господин сочинил стихотворение:

Я старательно поливаю корни, окучиваю деревце.
Не оставлю я строптивых веток,
из-за стены развратно торчащих!

Учитель увидел эти стихи и пришел в большой восторг. Он прибавил к стихам еще строки:

Если высоко хозяин так
добродетель чистую ценит,
То, чтобы не было веток развратных,

мне подарил бы одну!

Тогда господин специально отрядил в столицу чиновника с сотней связок монет, там была куплена рабыня и подарена учителю. И ко всем прочим ученым людям и гостям своим господин относился так же!

Примеч. Чжэньдин — уезд, располагавшийся на территории совр. пров. Хэбэй.

Отшельник Вэй из Шаочжоу был муж возвышенных устремлений. Министр Чжан Ши-сюнь призвал его в столицу, но вскоре Вэй стал проситься домой, и министр на прощание сложил для него стихотворение:

Одинокое вольное облако
прилетело в столицу Владыки.
А теперь возвращается,
осеннего ветра ждать не желая.

Все восхищались этими строками.

Примеч. Шаочжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Хунань.

Чжан Ши-сюнь (張士遜 964—1049) — сунский чиновник. Службу начинал с должности уездного секретаря. Потом был призван в столицу и в 1028 г. назначен тунпин чжанши (должность министерского ранга, проверяющий ведение дел в высших государственных учреждениях), в 1033 и в 1038 г. снова занимал министерскую должность; за заслуги был пожалован титулом Чжэнго-гуна 鄭國公.

Записки о далекой дымке

Дай Фу тайно везет тело госпожи Ван на родину

Дай Фу 戴敷 жил в уездном городке области Юньчжоу. Отец [его] был странствующим торговцем, вместе с ним и Фу немало попутешествовал. Позже Фу, так сказать, внес просо, стал учащимся в Тайсюэ и женился на дочери некоего Вана, державшего в столице винную лавку.

Прошли годы. Отец Фу умер где-то в дороге, а сам Фу повадился водить компанию с легкомысленными юношами и истратил все состояние своей семьи, так что иссякли одежды и в мешках у Фу стало пусто, а дома, как говорится, не было ни *даня*, ни

iii. А жену Фу силою вернул домой ее отец. Дни и ночи напролет Фу рыдал от горя, и жена его, госпожа Ван, тоже горевала.

— Раз вы не позволяете мне следовать моим чувствам, я никогда и ногою не ступлю на двор к другому! — поклялась Ван отцу. — Смертью докажу я преданность Фу!

Вскоре она занедужила и долго лежала, тяжело больная. Домашние уговаривали отца позволить Ван вернуться к Фу, но тот был человек в высшей степени непреклонный.

— Да я скорее дам себе голову срубить, а дочь снова к Фу не пушу! — отвечал он. И сильно ругал дочь. — Ты такая же бестолковая, как и этот Фу. [Вернешься к нему] — и найдешь смерть свою от голода и холода на обочине дороги!

Но госпожа Ван неотступно думала о Фу. Она становилась все слабее и, предчувствуя наихудшее, тайком шепнула мальчику-слуге:

— Поблагодари от меня молодого господина! Пусть потом возьмет мое тело и отвезет [на свою родину,] в Юнь[чжоу]. Таков всегда был долг супругов.

Через несколько дней она умерла.

Мальчик, повстречав Фу, подробно рассказал ему о смерти своей госпожи и о ее последнем желании. Фу очень горевал.

В ту же ночь он потихоньку выбрался за городские стены: сняв одежду, отдал ее кладбищенскому сторожу, забрал тело [жены], взвалил на спину и отправился в Юньчжоу.

После этого Фу окончательно впал в нищету — у него не осталось ни одежды, ни еды. Тогда он нанялся к лодочнику перегнать лодку вниз по Бяньхэ за пределы Янцзы. Так Фу оказался в Юэяне, где выучился ловить рыбу и тем кормился. Думы о покойном жене постоянно мучили Фу, причиняя ему тоскливую боль. Часто в одиночестве напевал он строки:

Кто в состоянии понять далекие тумана волны?..
О, сколько в них прекрасных
вспоминаний о былом!

Уж кончилась осень, листья с деревьев облетели, вода спала, и ровная многоводная гладь озера расстилалась необозримо, словно бесконечный ледяной нефрит. [Как обычно] Фу, выйдя за город, проплыл на лодке несколько ли, и тут вдали, в пелене тумана показался на воде человек, будто смотрящий на Фу.

развивалось: в лучшие времена студентов там насчитывалось до тридцати тысяч человек. При сунской династии Тайсюэ имело статус высшего государственного училища. В 1044 г. двор положил для столичного училища Тайсюэ правило *саньшэ* 三舍, то есть трех ступеней обучения как для отпрысков как служилого сословия, так и для талантливых юношей простого происхождения. Сначала студенты поступали в *вайшэ* 外舍, «внешнее подворье» (или, если угодно, «общежитие» — и то, и то верно: студенты жили в Тайсюэ, в специально отведенных для того помещениях), где в положенное время проходили испытания, в зависимости от результатов которых переходили или в *нэйшэ* 內舍, «внутреннее подворье», или, в самом удачном случае, в *шаншэ* 上舍, «высшее подворье». При императоре Хуэй-цзуне (на троне 1101—1125) училище было расширено: в *вайшэ* обучалось до трех тысяч человек одновременно, тогда как в *нэйшэ* было шесть сотен, а в *шаншэ* — две сотни студентов. Эти цифры до определенной степени говорят и о качестве отбора учащихся. Обучение и питание всех студентов Тайсюэ проходило за государственный счет; при Южной Сун (1127—1279) это положение было изменено: на государственном коште состояли лишь попавшие в *нэйшэ*, а обитатели *вайшэ* должны были заботиться о себе на личные средства. Попасть в число учащихся Тайсюэ было делом престижным, тут имела место сильная конкуренция, оттого для этого и приходилось «вносить про-со».

Не было ни *даня*, ни *ши* — иносказательно о крайней бедности. Дань и ши — меры веса.

Юэян — город, располагавшийся на берегу знаменитого озера Дунтинху в пров. Хунань.

Записки о красном листе

Госпожа Хань выходит замуж благодаря стихам,
написанным на листе

Сочинение вэйлинского Чжан Ши
по второму имени Цзы-цзин

Во времена [правления] танского Си-цзуна ученый-конфуцианец [по имени] Юй Ю 于祐 однажды вечером прогуливался по запретной улице. А в природе уж царило увядание, печальный ветер дышал осенью, солнце клонилось к закату, и в груди рождались тоскливые чувства. [Юй] смотрел на листья, что плыли в императорском канале, — непрерывно, один за другим. Подошел к воде, чтобы омыть руки — и вдруг появился лист больше прочих размером, и издалека на нем будто бы виднелись следы надписи тушью. Плыл красный лист, тянулись непрерывно

далекие мысли... [Юй] его выловил, взгляделся: действительно, написано четверостишие. Вот оно:

Куда несется быстро так вода?
Дни напролет томлюсь во глубине дворца.
Ты потрудишься, любезный красный лист.
Плыви и окажись среди людей.

Юй взял листок [домой] и запер его в шкатулке для писем. Дни напролет [он] декламировал [эти стихи], удивляясь слога новизне и прелести мысли. Он не знал, кто сочинил эти строки и написал их на листке, а потому рассудил так: воды императорского канала текут из запретного дворца, значит, стихи написала непременно какая-нибудь дворцовая красавица. Юй очень дорожил [листочком], постоянно думал о нем и при случае рассказывал хорошим знакомым. Все помыслы Юя были заняты [этим листком] и душевные силы его истощились.

Однажды приятель при встрече спросил Юя:

— Почему вы так исхудали? Это неспроста. Расскажите-ка мне все!

— Уж несколько месяцев как потерял я аппетит и сон...

И тут Юй рассказал приятелю о строках на красном листе.

— Ну разве не глупо так вести себя! — громко расхохотался приятель. — Та, что писала эти [строки], и в мыслях не держала вас, вы наткнулись на [листочек] случайно, что же вы изводите себя? Мучаетесь от любовной тоски, но император охраняет запретные дворцы — да будь у вас крылья, все равно не посмели бы залететь [туда]. Ваша глупость поистине достойна осмеяния!

— Хоть небо и высоко, но меня, ничтожного, услышит! — отвечал ему Юй. — Небо всегда следует стремлениям человеческим. Вот слышал я о том, как Нью Сянь-кэ случайно повстречал У-шуан и в конце концов добился ее с помощью хитрого плана господина Гу! А если потерять уверенность, тогда чем кончится дело — неизвестно.

Юй так и не расстался со своими мечтаниями.
Он написал на красном листе две такие строки:

Некогда прочел я на листе стихи печали Вашей,
Но кому писали Вы эти строки на листе? —

и пустил листок на волю вод императорского канала, надеясь, что вода внесет лист во дворцовые покои. Над ним смеялись, но лю-

ди понимающие считали, что он поступил верно. А некто преподнес [Юю] такие стихи:

Даже милостью вашей, сударь,
вода не перестанет течь на восток.
Ведь по каналу этому из дворцов
с водою вырвались чувства!

Впоследствии Юй несколько раз сдавал экзамены на должность, но успеха не имел, а потому поступил на службу домашним учителем в доме знатного человека — Хань Юна 韓泳 из Хэчжуна. [За службу Юй] получал деньги и шелк — на жизнь только-только хватало, но мысли о чем-то большем у него не появлялись.

Спустя долгое время Хань Юн [однажды] позвал к себе Юя и сказал:

— Более трех тысяч дворцовых служанок уличено в проступках, и [их] выдают замуж за простых людей. Одна [из них] — некая Хань, моя однофамилица, долго пребывала во дворце, а ныне вышла из запретных покоев и поселилась у меня. Вы до сих пор не женаты, а годы ваши уже зрелые. Горько жить одному да и успеха вы не добились — по-сиротски пусто одинокое [ваше] жилье, и я очень вам сочувствую. А у госпожи Хань в сундуках ныне не менее тысячи связок монет и сама она из хорошей семьи. Лет ей где-то тридцать, она удивительно красива. Что, если я поговорю с ней, сосватаю за вас?

Вскочив с циновки, Юй пал ниц:

— Я, бедный и нищий книжник, кормлюсь в вашем доме, днем я сыт, а ночью — в тепле. Давно уже пользуюсь я вашими милостями, но к печали моей у меня ничего нет и я не могу отблагодарить вас. С утра и до вечера я корю себя, стыжусь своего бессилия. Да как же сметь мне еще и на такое надеяться?!

Тогда Юн послал человека договориться со свахой и помог Юю, как говорят, поднести невесте ягненка и гуся, справить все шесть церемоний — и эти двое соединились. В тот счастливый вечер радости Юя не был предела, а на утро он увидел, что у госпожи Хань великое множество нарядов, и красоты она необычайной — ни о чем подобном Юй и мечтать не осмеливался! [Он] решил, что по ошибке оказался, что называется, у источника бессмертных, а душа его вылетела за пределы сущего!

Однажды госпожа Хань увидела у Юя в шкатулке для писем красный лист и в большом испуге сказала:

— Это ведь я написала! Как мои стихи у вас, господин, оказались?!

Юй обо всем ей откровенно рассказал.

— А я тоже выловила из воды красный лист, но кто написал на нем — не знаю! — сказала тогда госпожа Хань, открыла шкатулку, достала: а это надпись, сделанная Юэм. Глядя друг на друга, [они] в удивлении долго вздыхали, лили слёзы.

— Неужели все это случайность! Наверняка все было predetermined заранее, — сказал [Юй].

Госпожа Хань отвечала:

— Когда я нашла лист, то тоже написала стихотворение. Оно и сейчас хранится в моей шкатулке, — достала и показала Юю.

Одиноко брела я по берегу канала,
Когда вода листок мне принесла.
Ах, кто достоин вот таких-то чувств!
Две строчки душу мне перевернули.

Никто из слышавших [эту историю] не мог удержаться от вздоха удивления.

Однажды Хань Юн устроил пир и пригласил Юя с госпожой Хань.

— Надо бы вам теперь и сваху поблагодарить, — сказал Юн.

— Это Небо соединило нас с господином Ю, — смеясь, отвечала госпожа Хань, — а совсем не усилия свахи!

— Почему вы так говорите? — спросил Юн.

Госпожа Хань взяла кисть и написала такое стихотворение:

Пару изящных строк водный поток подхватил.
Десятилетняя тоска мою переполнила грудь.
Ну а сегодня сошлись феникс с луанем навек.
Это все красный лист, лучшая сваха моя.

— Теперь я вижу, что в Поднебесной не бывает случайностей! — сказал Юн.

Когда Си-цзун осчастливил Шу, Хань Юн отправил Юя во главе сотни домашних слуг в помощь [прибывающим], а Хань,

как дворцовая служанка, предстала перед императором и рассказала их с Юем историю.

— Да, я что-то слышал об этом, — молвил император. Призвал Юя, улыбнулся и сказал:

— Так вы, оказывается, давний гость Нашего дома!

Юй простерся ниц, прося извинить его проступок. Когда император вернулся в западную столицу, [он] назначил Юя в свою свиту и дал пост в дворцовой гвардии.

Госпожа Хань родила пять сыновей и три дочери. Сыновья старательно учились и все стали чиновниками, а дочери вышли замуж в прославленные семейства. Госпожа Хань управляла домом со всей строгостью и всю жизнь слыла примерной женой.

Первый министр Чжан Цзюнь сложил [Юю] такие стихи:

В Чанъани множество великое домов.
И день за днем вода канала на восток течет.
Но по волнам плывущий красный лист —
Лишь вам достались те прекрасные стихи!
Вы тоже написали строки, отпустили лист —
Вода внесла его с собой во глубь дворцов.
В покоях множество великое людей —
Но лист вернулся прямо в руки к Хань!
Изгнали из дворцов три тысячи человек
И госпожа Хань тоже в их число вошла.
Благодарила императора за милости,
А слезы сплошь текли как сильный дождь.
И в знатном доме обретя приют,
Она как раз тут и повстречала вас!
Позвали сваху, справили сполна обряд —
Теперь навеки вы стали муж с женой.
Детишек множество родилось у вас,
И знатное богатство тут вошло в ваш дом.
Такой истории и в древности не бывало —
Достоинно, чтоб в веках передавать!

А мое мнение таково. У текучей воды нет чувств. У красного листа нет чувств. Одно бесчувственное, встретив другое бесчувственное, отправилось на поиск обладающего чувствами — и в результате умеющий чувствовать [лист] подобрал и воссоединился с другой, тоже имеющей чувства. Можно верить, что о подобном раньше и не слышали! Ведь если по небесным законам положено быть вместе, то хоть [вы и] далеки [друг от друга], как Ху от Юэ — все равно соединитесь! А уж если по небесным за-

конам этого нельзя, то хоть живите в соседних комнатах — соединения не будет. Тем, кто тверд в упорстве и упорен в настойчивости, чтение этой [истории] должно стать поучением.

Примеч. Во времена... танского Си-цзуна — то есть с 874 по 888 г.

Ню Сянь-кэ... У-шуан... — Речь идет о новелле чуаньци танского Сюэ Дяо 薛調 «У-шуан чжуань» (無雙傳 «История У-шуан»), главные герои которой, книжник Ван Сянь-кэ 王仙客 (а не Ню 牛; видимо, в тексте Лю Фу ошибка) и девица У-шуан, помолвленные сызмала и любящие друг друга, оказались разлучены благодаря тому, что У-шуан взяли во дворцовые покои. Тогда Ван при содействии члена дворцовой гвардии Гу составил план похищения девушки, план оказался удачным и влюбленные в конце концов счастливо соединились.

Хэчжун — танское воеводство, располагалось на территории совр. пров. Шаньси.

Справили все шесть церемоний... — Свадьба и сопутствующие ей обряды в Китае издавна считались одними из наиважнейших. Указанные шесть церемоний включали в себя а) посылку записки с предложением брака, что осуществлялось через сваху, и получение ответной записки; б) запрос, опять же через сваху, имени жениха (невесты), а также точные даты рождения, ибо чрезвычайно важным была совместимость молодых по гороскопу; в) определение счастливого дня для бракосочетания, для чего приглашался специальный геомант; г) отсылка подарков в дом невесты (шелк, украшения, утварь, два ягненка, вино, чай, пр.); д) сообщение даты предполагаемого бракосочетания семье невесты и получение от нее согласия; е) прибытие жениха в дом невесты, дабы забрать ее в свой дом. Конечно, сами церемонии были еще более изощренными и включали в себя подарки со стороны невесты, выставление приданого невесты в доме жениха за день до свадьбы, «подкуп» носильщиков паланкина невесты, целая серия мелких обрядов, сопровождавшая прибытие невесты в дом жениха, подарки молодоженам от гостей, представление невесты свекрови, и пр. Правильное, должное отправление такого сложного свадебного комплекса требовало, конечно, изрядных средств.

Си-цзун ошастливил Шу... — То есть императорский двор, попросту говоря, бежал в Сычуань, спасаясь от восставших под предводительством Хуан Чао (黃巢 ум. 884), которые захватили столицу империи, Чанъань (ниже названную западной столицей).

Сошлись феникс с луанем — здесь: образно о счастливом воссоединении влюбленных. Феникс — мифическая, как правило, пятицветная птица невозможной красоты, с большим пышным хвостом, главная среди всех птиц, гнездящаяся исключительно на утуне (род платана), предвестник счастья и благополучия. Луань — еще более мифическая птица, поскольку регулярные ее описания, вроде бы, отсутствуют; известно, что

бытовало поверье, будто бы стареющий феникс превращается в луаня. В любом случае, определенно известно, что феникс и луань — суть неразлучная пара.

Чжан Цзюнь (張濬 ?—904) — танский сановник и литератор. Человек обширных знаний и широкого круга знакомств. Сдать экзамены с первой попытки Чжану не повезло, и тогда он поселился уединенно, все время посвящая учению. Это принесло свои плоды: в 881 г. Чжан Цзюнь был уже ланчжуном в Военном департаменте и вошел в состав цензората. В 891 г. последовала отставка и высылка в провинции — Чжан служил начальником области до 895 г., когда его возвратили ко двору и назначили главой Военного департамента. Самым высоким постом, который Чжану удалось занять был *шаншу цзо пуе* (первый помощник начальника Шаншуня), пост министерского ранга. Сведениями о том, что Чжан Цзюнь был первым министром, мы не располагаем. Был убит по приказанию Чжу Цюань-чжуна (朱全忠 852—912) в собственном доме. До наших дней дошло всего два стихотворения Чжан Цзюня.

Данный сюжет о красном листе, который послала плыть по воде тоскующая в дворцовых покоях красавица, и последовавшей за этим красивой любовной истории, неоднократно встречается в старых китайских текстах. Впервые в истории китайской литературы история о красном листе возникает в десятой цзюани сборника «Юнь си ю и» (雲溪友議 «Дружеские суждения из Юньси»); в наши дни известен список этого сборника объемом в три цзюани танского Фань Шу (范攄 IX в.). Однако же новелла из сборника Лю Фу не в пример объемнее, красочнее и художественнее и, по утверждению современного китайского исследователя Чэн И-чжуна 程毅中, именно эта новелла Чжан Ши и стала тем самым классическим образцом, на котором основывались литераторы последующих эпох, создававшие собственные сочинения (новеллы, пьесы, рассказы) на данный сюжет (Чэн И-чжун. Сун Юань сяошо яньцзю. С. 76).

Записки о наставнике Люе Отшельник Хуэй шлифует зеркало и пишет стихи

Ланчжун Цзя Ши-жун 賈師容 в годы под девизом правления Чжи-пин был назначен на должность тунпаня в Шаочжоу. Некогда к нему попало древнее металлическое зеркало, размером очень большое, вещь необычайная. Очень дорожил им Цзя и давно уже хотел отшлифовать, да все не мог найти шлифовальщика.

— Тут поблизости живет ученый-отшельник [по фамилии] Хуэй, так он сам говорил, что искусен в шлифовке! — доложили приближенные.

Цзя приказал привести его.

Отшельник явился. Уселся вольно, вид у него был весьма напыщенный. Цзя весьма удивился, но потом решил, что это человек особый, и вынул зеркало, чтобы показать Хуэю.

— И такое зеркало можно отшлифовать! — сказал тот.

Тогда Цзя приказал приближенным принести серебряный кувшин с молодым вином — в дар отшельнику. Хуэй, усевшись на ступеньках, осушил кувшин единым духом. Затем достал из бамбукового короба пилюлю и положил на зеркало.

— Снадобья мало, надо сходить домой, еще принести! — сказал он и ушел.

Долго не возвращался. Цзя послал выяснить, где тот живет. Оказалось — в квартале Тайпин.

На воротах нашли стихотворение:

Зеленая змея с руки средь бела дня слетела.

В пещере персики бессмертных
пророчат вечную весну.

Так знайте: из-за предела дымки радужной я гость,
А вовсе не шлифую в брэнном мире зеркала!

Цзя, увидав стихи, ахнул в изумлении. А пилюля, лежавшая на зеркале, — исчезла, и только с того места, где она лежала, исходило сияние: словно ледяной нефрит пробил весенний ледок! Все прочее было как прежде.

Цзя хранил это зеркало бережно, как драгоценность, и очень сожалел, что ему не удалось еще раз увидеть отшельника.

Фамилия наставнику была Хуэй — это для того, чтобы скрыть следы, дабы люди не узнали. В иероглифе же «хуэй» — два «рта», а два «рта» значат — «люй».

Примеч. Годы.. Ч жи - пин — 1063—1067.

В иероглифе же «хуэй» — два «рта», а два «рта» значат — «люй». — Иными словами, ланчжун Цзя Ши-чжун имел дело не с кем-нибудь, а с одним из легендарных «восьми бессмертных» (八仙 *ба сянь*) Люй Дун-бинем 呂洞賓. Его фамилия действительно состоит из двух иероглифов «рот» 口, один над другим: 呂. А замаскировался бессмертный фамилией Хуэй, также состоящей из двух «ртов», только один в другом: 回. Про Люй Дун-биня известно, что родился он во время правления танского

императора Дэ-цзуна, в 797 г., и рождение сопровождалось благовещными знамениями (комната наполнилась удивительным ароматом, небо покрылось пурпурными облаками, с небес спустился на журавле бессмертный). Свидетельствуют, что в юные годы Люй Дун-бинь превосходил умом сверстников, умел в день прочитать и выучить до десяти тысяч слов. Повзрослев, Люй Дун-бинь женился на девице Цзинь, которая родила ему четырех сыновей. Известно также, что в годы правления под девизом Хуэй-чан (841—846) он дважды ездил в столицу сдавать экзамены, но оба раза — неуспешно (а согласно другой легенде, попытки сдать экзамены заняли у Люя двадцать лет). После второй неудачи он познакомился в кабаке с бессмертным, который велел ему прилечь на волшебное изголовье, и Люй Дун-бинь увидел удивительный сон, навсегда отвративший его от мирской карьеры и того, что китайцы называют «погоней за выгодой и славой». Став учеником другого бессмертного, Чжунли Цюаня 種離權, Люй Дун-бинь познал искусство бессмертных. Несколько лет, самосовершенствуясь, он прожил в пещере; тогда и сменил имя на Янь (岩 «Обрывистый»), а второе имя — на Дун-бинь («Пещерный гость»; имеются в виду так называемые «пещерные небеса» 洞天 дун тянь, одна из земных обителей бессмертных). Согласно легендам, став бессмертным, Люй Дун-бинь полвека странствовал по Китаю, сокрушая волшебным мечом разную нечисть. В 1111 г. был канонизирован. Храмы в его честь строились в Китае повсеместно.

Продолжение Святой старец Люй пишет «Весну в Циньских садах»

Цзуй Чжун 崔中, намереваясь сдавать экзамены на цзиньши, в поисках знаний весной отправился вниз по Бяньшую на восток и вскоре достиг Хубэя. Путешествуя по Юэяну, он решил нанести визит своему земляку, ланчжуну Ли (а в то время Ли управлял этой областью).

Только приехав и еще не успев посетить начальника области [Ли], Чжун на ночь остановился на постоялом дворе и тут услышал, как приехавший до него путник напевает в винной лавке «Весну в Циньских садах». Там сидел еще человек в заплатанных туфлях — он очень долго слушал, а потом обернулся к Чжуну и спросил:

- Что это за мелодия? Звуки ее столь чисты и прекрасны!
- Это новая столичная мелодия, — отвечал Чжун.

— Сам я грамоте не знаю, не могли бы вы за меня записать слова, которые я сочиню на этот мотив?

Чжун изумился — ведь глаза и брови незнакомца были изящны и прекрасны, — но достал бумагу и кисть, приготовившись писать. А человек, совсем немного подумав, тут же напел мелодию, одновременно легко подбирая слова, будто давно уже были готовы. Вдумавшись в смысл, Чжун нашел его глубоким и совершенным. И в восхищении пригласил незнакомца выпить с ним вина.

— Что-то я устал сегодня, не хочу пить! — ответил тот и стал прощаться. — Мы с вами живем рядом, завтра увидимся.

Но Чжун ухватил его за одежду:

— А не скажет ли отшельник мне свою фамилию? Про имя-то я и спрашивать не осмеливаюсь!

— Я родился в устье реки, вырос у горного пролома, и теперь я — гость из охраняемого ущелья, а имени и фамилии не знаю! — отвечал незнакомец и добавил. — Пойду спать. А как солнце встанет, тогда и поговорим. — Ушел и затворил дверь.

Ближе к вечеру [Чжун] встретился с начальником округа Ли и рассказал про этот случай, показав стихи.

— Это великий муж, удалившийся от мира! — сказал начальник и послал за ним человека.

Посыльный постучал в дверь и объявил волю начальника округа.

— Вы подождите, а я сейчас. Вот оденусь и выйду! — слышался ответ.

Долго никто не появлялся, но голос шел как будто уже издалека. Посыльный снова окликнул, и услышал еще более тихий, далекий ответ. Вновь крикнул — уже вообще ничего не было слышно! Тут посыльный толкнул дверь, вошел, но никого не увидел — лишь на стене какая-то надпись. Посыльный скопировал иероглифы и принес начальнику области. Оказалось — стихотворение:

Хоть уже в утробе плод и созрел давно,
Но в торговых рядах, теша сердце, жил.
Голодранец-книжник мне разомкнул уста,
И теперь сокроюсь я в сердце белых туч.

Ли и Чжун сожалели, что бессмертный порвал связи с суетным миром, и это помешало им встретиться с ним.

— Я спросил его имя и фамилию, и он ответил, что родился в устье реки, а вырос у горного пролома, теперь же — гость из охраняемого ущелья, — рассказывал Чжун. — Что бы это значило?

Ли погрузился в раздумья и вскоре сказал:

— Я понял! «Родился в устье реки 河口, вырос у горного пролома 山口» — здесь два «рта» 口, значит, иероглиф «люй» 呂. А «охраняемое ущелье 守谷» — это «дун» 洞, «пещера». «Гость» 客 же означает «бинь» 賓. Теперь ясны имя и фамилия святого!

Ли с Чжуном снова вздохнули в досаде. А сочиненное святым старцем стихотворение — его нынче передают под названием «Весна в Циньских садах».

Примеч. Хоть уже в утробе плод и созрел давно — речь идет о конечной цели так называемой «внутренней даосской алхимии»: к созданию эликсира бессмертия в самом теле адепта из его соков, секретов и энергий с последующим преобразованием полученного «бессмертного зародыша» в новое, бессмертное, наделенное чудесными свойствами тело.

Цаньчжэн Оуян Путешествуя по Суншани, видит Пещеру святой чистоты

Оуян Юн-шу успешно выдержал экзамены и был назначен *туйгуанем* в управу *люшоу* Сило. А в то время Мэй Шэн-юй служил в Лояне уездным секретарем — они встретились и завязали дружбу.

Однажды они вместе отправились на Суншань, и Юн-шу всякий раз, как видел красивый вид, декламировал стихи. Ближе к вечеру [он] заметил вдалеке, на обрывистой круче западной вершины, алеющие киноварью четыре знака — «Пещера святой чистоты». Указав на знаки рукой, Юн-шу спросил Шэн-юя:

— А видите вон ту надпись?

Проследив взглядом за рукою Юн-шу, Шэн-юй всмотрелся, но ничего не увидел, а Юн-шу ничего ему не стал объяснять.

Когда же [Юн-шу], что называется, подал доклад о старости и, как говорится, в покое возлег высоко у Иншуя, он, вспоминая о тех иероглифах, сложил такие строки:

Четыре знака киновари красной
на высоте во много *жэней*.
В пещере чистоты святой
сокрылись башни и террасы.
Густой туман росистый застит взор —
людей здесь нет,
Лишь обезьяны с журавлями
дожидаются прихода моего.

Продекламировал стихи — и через несколько дней опочил.

Коли судить по талантливой учености, то господин [Юн-шу] определенно был человек из числа святых-бессмертных, но за всю жизнь он и словом об их делах не обмолвился — неужели же и сам не знал? Верно, потому, что господин был патриарх последователей учения Кун-цзы, и таков же наш путь.

Примеч. *Цаньчжэн* Оуян — то есть сунский чиновник, политик, историк, литератор и поэт, один из «тан сун ба да цзя», «восьми великих литераторов эпох Тан и Сун» Оуян Сю (歐陽修 1007—1072, второе имя Юн-шу 永叔). Рано осиротел, семья бедствовала, однако Оуян Сю, с самых юных лет отличавшийся большими способностями и тягой к знаниям, под руководством матери, женщины умной и образованной, выучился грамоте, выводил иероглифы палочкой на песке (в доме не было достаточно средств, чтобы в нужном количестве купить бумагу, тушь и кисти). Благодаря этому в 1030 г. Оуян Сю успешно выдержал высшие государственные экзамены и стал служить. Первой его должностью стала должность *туйгуаня* (помощника начальника) в аппарате управления наместника западной сунской столицы, г. Лояна (здесь названного Сило). Оказавшись в 1034 г. при дворе, Оуян Сю тут же с увлечением включился в политическую жизнь — благодаря чему вскоре оказался в ссылке в Илине (в совр. пров. Хубэй). Проведя несколько лет вне столицы и на собственном опыте узнав, чем живет страна, возвращенный в 1043 г. ко двору Оуян Сю развил энергичную деятельность — убежденный в том, что может и должен помогать осуществлять разумное правление, он деятельно помогал реформаторам, в результате чего по сфабрикованному обвинению вновь был выслан, на сей раз в Чучжоу (пров. Аньхой), где взял литературный псевдоним Цзуй-вэн (醉翁 «Пьяный старец»). Карьера Оуян Сю и дальше изобиловала взлетами и падениями: он был членом придворной академии Ханьлиньюань, составлял танскую династийную историю, ездил посольством к киданям, был главным экзаменатором, а также управлял областями в провинциях. На пост

цаньчжи чжэньши (помощник первого министра, здесь данный в сокращении — *цаньчжэнь*) Оуян Сю был назначен в 1061 г.

Мэй Шэн-юй — то есть сунский поэт и чиновник Мэй Яо-чэнь (梅堯臣 1002—1060), второе имя которого было Шэн-юй 聖俞. Довольно рано прославился своими стихами, но экзамены, несмотря на несколько попыток, сдать не сумел и попал на службу благодаря заслугам дяди — собственно, это и была должность уездного секретаря в Лояне, о которой идет речь в данном фрагменте. В Лояне Мэй Яо-чэнь познакомился и подружился с Оуян Сю, а также с некоторыми другими известными поэтами и литераторами. Однако же высоко подняться по службе Мэй Яо-чэню было не суждено: он служил на мелких провинциальных должностях и лишь в 1051 г. был удостоен звания цзиньши, а в 1056 г. получил, благодаря протекции Оуян Сю, назначение лектором в столичное училище.

Суншань — одна из пяти священных гор Китая, расположена в северной части уезда Дэньфэнсянь в пров. Хэнань, неподалеку от Лояна. В течение многих веков — место паломничества как буддистов и приверженцев даосизма, так и поэтов и литераторов. С Суншани открываются потрясающие виды на Хуанхэ, на ее склонах — множество исторических памятников и храмов. Среди прочих достопримечательностей этой горы — знаменитый монастырь Шаолиньсы, основанный здесь в 495 г.; именно здесь в свое время проповедовал Бодхидхарма.

Алеющие киноарью четыре знака. — Дабы разрешить сомнения внимательного читателя, замечу, что в оригинале употреблено именно четыре иероглифа: 神清之洞 *шэнь цин чжи дун*, «Пещера святой чистоты».

Иншуй — как известно, выйдя в отставку («подав доклад о старости»), Оуян Сю поселился («в покое возлег высоко») в загодя построенной усадьбе на берегу реки Жухэ в Инчжоу (совр. пров. Аньхой); здесь, видимо, — иносказательно о Жухэ.

Жэнь — мера длины, около двух с половиной метров.

Дополнения о Хэ Сянь-гу Возмездие жене Ли Чжэн-чэня, убившей служанку

Начальник области Даочжоу Чжоу Лянь-фу 周廉夫 возвращался в свою резиденцию и проезжал через Линлин. Видит — в покоях Хэ Сянь-гу гость. Вида весьма сурового, по сторонам смотрит высокомерно, [Чжоу] даже не поклонился! Вид у Лянь-фу был недовольный, и тот человек ушел.

— Да кто он такой, что так пренебрежительно себя ведет?! — спросил Чжоу.

— Да это же святой старец Люй! — отвечала Сянь-гу.

Тут же Чжоу поспешно послал человека догнать [Люя], но тот уже исчез.

— Святой старец собирался [в одно место], так он уже там, — сказала Сянь-гу. — И секунды не пройдет, а он уже за тысячу ли!

— А куда сегодня направился святой старец? — поинтересовался Лянь-фу. Сянь-гу огляделась и увидела старца в Наньяне. Лянь-фу только и оставалось, что досадовать.

[И еще:]

Ли Чжэн-чэнь 李正臣 из Таньчжоу много путешествовал по рекам и озерам с торговыми целями. Жена его заболела — в животе будто огромный ком появился. Временами [тот ком] шевелился в животе — боль была нестерпимая! Никакие снадобья облегчения не приносили.

Тогда Чжэн-чэнь пошел к Сянь-гу, и та объяснила:

— Ваша жена когда-то погубила беременную служанку. Нынешняя боль в животе — возмездие за ту обиду.

Чжэн-чэнь попросил ее излечить болезнь.

— Все происходит по воле небесной! — отвечала Сянь-гу. — Сегодня настало возмездие на обиду. От этого нельзя спастись.

Ком в животе жены Ли становился все больше и больше, боль все сильнее, мученья — нестерпимее. Живот лопнул, и женщина умерла.

Чжэн-чэнь посмотрел в живот — глядь, а там мертвая девочка! И на теле будто еще сохранились болезненные следы от ударов плетью.

Удивительно!

Примеч. Хэ Сянь-гу 何仙姑 — еще одна из так называемых «восьми бессмертных». Согласно легендам, она родилась при династии Тан, в возрасте пятнадцати лет увидела во сне божество, посоветовавшее ей, дабы обрести долголетие, есть слюду, которой изобиловали близлежащие горы. По другой версии, некий небожитель вручил ей персик бессмертия, который девочка и съела. Сунский Цзэн Минь-син (曾敏行 1118—1175) в своем сборнике бицзи «Ду син цза чжи» (獨醒雜誌 «Разные записи Ду-сина») пишет: «Хэ Сянь-гу — дочь простолюдина из области Юнчжоу. [Однажды, когда] она пасла скот в поле, ей повстречался человек, который дал ей финик. После этого [Сянь-гу] перестала принимать мирскую пищу и обрела способность предвидения. Она затворилась в тереме, и оказывавшиеся в тех

местах ученые мужи выказывали ей свое крайнее почтение» (*Цзэн Минь-син*. Ду син цза чжи. С. 36). Так или иначе Хэ Сянь-гу стала вести уединенный образ жизни и на все попытки родителей выдать ее замуж отвечала решительным отказом. Потом, повстречав бессмертных Ли Тэ-гуая 李鐵拐 и Лань Цай-хэ 藍采和, она узнала от них секреты бессмертных. Вера в ее сверхъестественные способности — главным образом, предсказание будущего — широко распространилась в танское и сунское время; в честь ее стали сооружать храмы. В сунское же время возникло поверье, согласно которому Хэ Сянь-гу родилась при Сун (а не при Тан) и была родом из области Юнчжоу (располагалась на территории совр. пров. Хунань) и в частности из Линлина.

Святой старец Люй — то есть Люй Дун-бинь.

Нань янь — уезд, располагался на территории совр. пров. Хэнань.

Таньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Хэнань.

Записки о Великой матушке Из-за съеденного драконьего мяса образовалось озеро Чаоху

Исследуя географию, [я обнаружил,] что нынешнее озеро Чаоху в древности называлось Чаочжоу. Позднее его переименовали в Чаои. Однажды воды реки разлились без удержу, еще немного — и затопили бы город. Когда же вода снова вошла в русло, в городском рве обнаружили огромную рыбу: длиною в несколько десятков чжанов, с кроваво-красными плавниками и золотой чешуей, глаза мечут молнии, вздымается багряный хвост! Рыба лежала не мелководье, и вся округа до одного человека сбегалась на нее посмотреть. Три дня спустя рыба уснула. Тогда люди порезали ее мясо на ломти, и, вернувшись домой, стали продавать это мясо на рынке. И все то мясо ели.

А один рыбак — он жил в переулке вместе с матерью — несколько цзиней мяса принес ей, но мать есть не стала, а подвесила мясо на ворота.

Однажды появился старец, — как говорится, иней на висках, словно снег борода, он шел и бормотал что-то странное.

— Все люди ели мясо. Почему же ты одна не ела? Почему подвесила на ворота? — спросил старец мать.

— Я слышала, что те рыбы, что весят несколько сотен цзиней, — существа необычайные, — отвечала та. — А эта рыба ве-

сила десять тысяч цзиней, вот я и боюсь, не дракон ли это был? Потому и есть не посмела!

— А ведь это мясо моего сына! — молвил старец. — К несчастью случилось великое горе! Стал он усладой для людских ртов и желудков! Страдал и мучился! Я поклялся не давать пощады тем, кто ел мясо моего сына. Ты одна не ела, и я щедро тебя отблагодарю. Я знаю, что ты всегда по мере своих сил помогаешь людям в нужде и голоде, поэтому — когда у каменной черепахи, что у ворот восточного храма, покраснеют глаза, знай: скоро этот город скроется под водой. Когда ты увидишь это, скорее беги, не оставайся здесь! — сказал старец и ушел.

День за днем ходила мать смотреть [на черепаху]. Один юнец удивился [этому], стал расспрашивать, и женщина ему рассказала правду. Юнец решил подурчиться: покрасил глаза черепахе красным цветом. А мать увидела это и спешно покинула город.

Вдруг появился маленький мальчик в синем и говорит:
— Я — младший сын дракона! — И повел мать в горы.

Она оглянулась, а весь город уже скрылся в гигантских бурлящих волнах, и среди волн показались рыбы и драконы!

Дамумяо — Кумирня Великой матушки — и поныне сохранилась на берегу. И до наших дней все еще не смеют рыбаки ловить рыбу в озерных водах, не смеют играть здесь на флейтах и барабанах. Когда погода стоит ясная и солнечная, то можно услышать доносящиеся из-под воды звуки песен и голоса людей. А осенью, когда высокая вода спадает и озеро делается прозрачным, можно разглядеть на дне дома и улицы.

Все те, кто живет там, носят фамилию рода Лун («Дракон»), а прочим жить там нельзя. Вот удивительно!

Примеч. Ч а о х у — озеро в пров. Аньхой, на месте которого был уездный город Чаосянь области Лучжоу (первое известное поселение на этом месте называлось Наньчао, до Тан называлось Чаочжоу, а с 620 г. — Чаосянь). Город затопило и на его месте образовалось озеро. В этой же области расположены горы Дасяошань и Сяошань, куда, видимо, и отправились мать с сыном дракона, а что до вод, которые «разлились без удержу», то это могли быть воды реки Лошуй, берущей начало в горах Дасяошань — река, протекая на юго-восток, впадает в Хуайхэ.

Продолжение записок Разбойники и злодеи не смеют пересекать Чаоху

В годы под девизом правления Чжи-пин некий Ван Цянь 王潛, нанявши лодку, переправлялся через то озеро. Цянь, полупьяный, стал наигрывать к своему удовольствию на маленькой флейте. Над озером дул легкий ветерок, и мелодия разносилась на несколько ли окрест. Все прочие лодки уже пристали к берегам и лишь лодка Вана носилась по волнам, никак не приставая. Цянь испугался, бросил флейту и вместе с лодочником, обратившись лицом к храму, стал класть поклоны и творить молитвы, прося прощения за свой проступок. И с других лодок тоже стали молиться за Цяня. Только тогда удалось ему достичь берега.

Но не прошло и месяца, как у Цяня умерла жена, а самого его за провинность сослали в далекие края.

Пословица гласит: «Три шэна риса через озеро переплывут, но пересечь его пять ши зерна не в силах!» Пословица указывает на то, что прелестные девы и благородные мужи, верные государю, долгу, своему слову и гуманности, могут заслужить покровительство духов чистотою душевных качеств и в один день переправиться через озеро. Если же путник — обманщик, или в душе своей непочтителен к духам, то ему никогда не будет сопутствовать ветер, и лодка его несколько дней пристать не сможет. В этом смысл «пяти ши зерна».

Древние говорили: «Если ты разбойник стал — не селись тогда на Чаоху!» Ведь разбойникам и злодеям ой как непросто пересечь границу, установленную духами. Так и в наши дни: будь то хоть мышь, хоть собака — но даже и тайком, по-воровски, не смеют они появляться у этого озера.

Сяньчи За убийство дракона Цао Эня постигает небесная кара

В описании области Чэньчжоу сказано: «В двух тысячах ли от областного города есть озеро Сяньчи. Некогда в старину там в одной семье убили сына дракона. И вот, вечером поднялся ветер, загредел гром, и всю эту семью затопило». А вот что говорят в

народе: «Цао Энь 曹恩 из Чэньчжоу однажды ловил рыбу и поймал одну — три-четыре чи длиной. Решил сварить. Положил в котел, а котел тут же звонко лопнул, и все вывалилось на землю. Снова положил в другой котел, но и тот взорвался. Не усмотрев в этом ничего необычного, Энь тогда приготовил из рыбы фарш, сварил и съел. Вдруг тут появились странные облака — черные, словно густая тушь, они окутали вершины гор, и загрохотал гром. Вслед за этим пылающий огонь обрушился на дом Эня. Энь стремглав пустился бежать, а дом его затопило. Соседи видели чиновника, схватившего Эня и поволокшего его назад. А другой чиновник огласил указ: "Цао Энь по своей сущности оказался лютым волком, и сердце у него как у кровожадного тигра. Он не удивился тому, что испортились котлы, он уподобил душу святого душе человеческой и спокойно пустил в дело бесчеловечный и кровожадный нож! Никак нельзя его простить!" — И тут чиновники поволокли Эня в озеро Сяньчи, и все соседи это видели».

Озеро Сяньчи не превышает одного му, но пучина его черна, и неослабевающие ключи бьют в глубине. Бывало, рыбаки спускали шелковую леску длиной в тысячу чжанов, но дна достать так и не могли. И до наших дней, когда стоит ясная погода, по-прежнему в озере слышится людской говор, кричат петухи и лают собаки. А в засушливые годы народ приносит у озера быка в жертву и вскоре после этого бывает большая гроза. В народе ее называют: «Дождь, омывающий озеро».

Примеч. Чэньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Хунань.

Суждения о живописи Об изображении камней, бамбука, деревьев, цветов и трав

В изображеньи гор и вод всего драгоценней — древние влажные камни, вода светлая чистая, ключи, с высоты между скал струящиеся ниц, реки горные вблизи и далеко, извивы тропок горных, мимолетные облака в туманной дымке, когда на тысячу ли окрест реки и горы как перед глазами стоят — вот мастерство!

В изображеньи сосен и бамбука всего драгоценней — прекрасный туманный закат, в холодном воздухе иней и снег, побег бамбука, сухие лианы, прямых лес стволов, к небесам устремленных, изгибы причудливые драконам подобных ветвей, под тяжестью согнутых снега, будто хранящих ветры и дожди — вот мастерство!

В изображеньи драконов всего драгоценней — глаза, горящие силою грозной, красная грива в брызгах воды, чешуйчатый панцирь, таящий туманы, стремительно острые зубы и когти, в зрачках полета стремленье: вырвется лишь дракон из воды и тут же кипучая буря — вот мастерство!

В изображеньи теремов и палат всего драгоценней — из множества бревен строения высоки, бесчисленность крыш, блистающая черепицы чешуя, перила, дом взявшие в обхват, такие строения, что искуснейший мастер, не смея и рукой коснуться, лишь смотрит издали — вот мастерство!

В изображеньи трав и цветов всего драгоценней — природная прелесть небесных творений, как если четыре все времени года вдруг обратились бы в одну весну лишь у флигеля в полной тиши, которую и Дух весенний не смог бы воссоздать — вот мастерство!

Лишь бес — вид его всеразличен, неясен, никто его не видел, и потому нарисовать его легко; а птицы и цветы да и деревья весь век перед глазами, пойдика правильно суть ухвати!

Вот почему слоев все высших люди, и старые, и новые кисти мастера так были хороши, а я — в общих чертах да кратко — всего-то изложил тут суть.

Ди Фан

Владыка Ли посылает беса забрать знаменитую картину

Ди Фан 狄方 был из Сило. Очень ревностно он коллекционировал древности. У Фана была одна картина, с изображением быка, неизвестно какого века: пастушок, бык, сбоку травяной шалаш — ну совершенно ничего необычайного.

Как-то Фан повесил картину на стену, ночью же, держа свечу в руке, проходил мимо, осветил — а мальчик спит в хижине!

Фан испугался.

Днем осмотрел картину: мальчик стоит рядом с быком. Снова взглянул ночью: он опять в шалаше!

После этого-то Фан и стал дорожить картиной. Коли мимо его дома проезжали знатоки живописи, он встречал их и показывал картину:

— В ней живет дух. Он не имеет себе равных.

В один прекрасный день к Фану постучался гость.

— Знаю, что у вас есть диковинная картина. Нельзя ли взглянуть? — попросил незнакомец.

Фан показал.

— Хочу предложить вам за нее сто золотых, — предложил гость.

— Да хоть десять тысяч давайте — не продам! Это чудесное сокровище моего дома. — отказался Фан.

— Она из кладовых цзяннаньского владыки Ли. Когда государство пало, картина исчезла неизвестно куда, и владыка послал меня найти эту картину. Вот уже несколько лет провел я в безрезультатных поисках, — сказал тогда гость. — И хоть вы и не соглашаетесь, впоследствии непременно эту картину потеряете!

Из-за этого случая Фан запер картину в ларец, и всех посещавших его провожал по дому лично, никому не позволяя взглянуть на картину — даже родственникам и друзьям.

Однажды Цянь Чунь 錢淳, приятель Фана, с которым они не виделись уже несколько лет, внезапно явился к Фану с визитом. Они долго сидели, а потом Цянь обратился к Фану с вопросом:

— Знаю, к вам попала исключительная картина, а я-то очень хорошо разбираюсь в живописи!

Фан тогда достал картину и показал Чуню. Тот осмотрел — и сунул за пазуху. Бросил на землю десяток золотых монет.

— Беру картину для владыки Ли, а золото — в уплату за нее! — Вышел за ворота и исчез.

Очень испугавшись, Фан долгое время лежал больной пока ему не стало лучше.

Позже Фану рассказали, что Чунь давно уже умер.

Примеч. Владыка Ли — Ли Сы-юань (李嗣源 867—933), второй позднетанский император (на троне 926—933), храмовое имя Мин-цзун. Приемный сын Ли Кэ-юна (李克用 856—908), который и дал ему имя Сы-

юань. После того, как во время солдатского мятежа в Лояне погиб основатель позднетанской династии, воцарился на троне. Многие сделал для укрепления Поздней Тан, однако, будучи простого происхождения, испытывал к знатым родам «классовую ненависть» и с легкостью казнил высокопоставленных чиновников (так, в 927 г. Мин-цзун повелел отрубить голову первому министру, то же случилось и в 931 г.), что привело к составлению придворного заговора и гибели Мин-цзуна. Был известен своей страстью ко всяким диковинкам и вообще к роскоши.

Танский Мин-хуан На охоте становится винным командиром у чиновников

В то время, когда танский Мин-хуан жил в восточных дворцах, однажды он выехал на охоту и погнался за зайцем. Лошадь понесла [императора] в чьи-то сады и свита не могла догнать [Мин-хуана].

Мин-хуан увидел неподалеку пещеру с галереей — из пещеры доносились голоса и смех. Он спешил, привязал лошадь к старой акации и отправился дальше пешком. Смотрит — в пещере пять или шесть человек в шапках и платье, примерно одного возраста, пьют вино. Они не знали, что подошедший — сам Мин-хуан, но поднялись и поприветствовали его.

Император уселся на хозяйское место. Собравшиеся обиделись, что он занял главное место, и перестали смеяться и шутить. Потом один встал и сказал:

— Я, неотесанная деревенщина, хотел бы произнести, что называется, застольный приказ. Кто выполнит, тот и пьет!

— А что за приказ? — спросил император.

— Тот, чьи предки занимали самые высокие посты, пьет первым!

Император тогда собрался выпить и потребовал себе вина. Тот человек возразил:

— Сначала назовите титулы предков!

— Сначала выпью, а потом уж назову! — ответил император. Он осушил огромный кубок и продолжал. — Прадед мой был Сын Неба, дед был Сын Неба, отец был Сын Неба, а нынче я — тоже Сын Неба!

Вышел и сел на лошадь. Собравшиеся последовали за ним — и увидели драгоценную сбрую, расшитый парой драконов чепрак. Лошадь помчалась как полетела.

Все очень испугались.

Примеч. Танский Мин-хуан... — Речь идет о знаменитом страстной любовью к своей наложнице Ян гуйфэй 楊貴妃 танском императоре Сюань-цзуне (玄宗, 明皇 685—762, на троне 712—756), царствование которого стало периодом наивысшего подъема страны — небывалого расцвета столиц и городской жизни, а также императорского двора, отличавшегося в это время особой роскошью, удивительного развития литературы и искусства. Будучи поклонником даосизма, Сюань-цзун учредил даосскую академию, почетные титулы для даосов, а также экзамены на знание «Дао-Дэ цзина». Одновременно Сюань-цзун провел и ряд важных государственных реформ — например, восстановил государственную монополию на соль, отдав тем самым в руки казны доходы от этой важнейшей отрасли; добился стабилизации цен на зерно и усилил надзор за транспортировкой налогов, для чего ввел институт особых цензоров, подчинявшихся императору напрямую; провел перестройку армии, поставив на границах профессиональные войска, а также учредил пограничные генерал-губернаторства, во главе которых стояли *цзедуши*. Последнее обстоятельство сыграло против Сюань-цзуна: один из таких цзедуши, Ань Лу-шань, в 755 г. во главе подчиненного ему 160-тысячного войска поднял восстание и легко овладел столицей (г. Чанъань, ныне Сиань); Сюань-цзун был вынужден бежать в Сычуань, а с восстанием окончательно совладал лишь следующий танский император, Су-цзун (на троне 756—762). В «Высоких суждениях...» Сюань-цзуну и его наложнице посвящен целый ряд произведений, сосредоточенных в шестой цзюани первой части.

Когда жил... в восточных дворцах — т. е. был наследником престола, поскольку дворец наследника находился в восточной части императорского города.

Ван Цзин-гун **Ученые при Цзин-гуне** **рассуждают об изящном слове**

Ван Цзин-гун, второе имя Цзе-фу, подав в отставку, поселился в Цзиньлине. Однажды он, повязав головную повязку, взял посох, обул сандалии и в одиночестве отправился в прогулку по горным буддийским храмам.

В одном увидел несколько человек, жарко спорящих о литературе и истории. Их речи были искусны и прекрасны. Господин сел промеж них, и никто не обратил на него внимания.

— Тоже понимаешь толк в книгах? — спросил один.

Господин лишь почтительно кивнул.

Снова спросили: как зовут.

— Фамилия Ань-ши — Ван! — сложивши руки в приветствии, отвечал господин.

Собравшиеся испугались и, склонив от стыда головы, поспешно разошлись.

Примеч. Цзиньлин — старое название совр. г. Нанкин.

Ван Цзингун — то есть сунский политик, министр, литератор, поэт, один из так называемых «тан сун ба да цзя», «восьми великих литераторов эпох Тан и Сун» Ван Ань-ши (王安石 1021—1086), которому двор за заслуги даровал почетный титул Цзинго-гуна 荆國公, здесь указанный в сокращении. Уже в возрасте двадцати двух лет (в 1042 г.) выдержал столичный экзамен на право занятия вакантной чиновничьей должности, получил степень цзиньши и начал карьеру. В первую очередь известен проведенными им реформами, которые в упрощенной форме суть следующие: усиление ирригационных работ в стране; предоставление крестьянам льготных ссуд под будущий урожай; освобождение от трудовых повинностей путем внесения за это особого налога; полная ревизия земельных наделов в целях равномерного сбора налогов; организация торговли под государственным наблюдением; государственное регулирование цен и денежного обращения; учреждение сил местной самообороны (баоцзя); установление для всех, охваченных баоцзя, конной повинности; установление постоянных должностей командующих местными войсками; создание военных арсеналов. В области изящного слова Ван Ань-ши оставил весьма заметный след: широко известны его прозаические произведения — эссе, рассуждения, письма, путевые заметки; Ван Ань-ши достиг высот и в поэзии — его стихи в разных жанрах оказали заметное влияние как на сунских поэтов, так и на развитие китайского стихосложения в целом. В 1080 г. вышел в отставку и поселился в Цзиньлине.

Ли Тай-бо

Сидя на осле, въезжает в уезд Хуайинь

У танского Ли Бо второе имя было Тай-бо. Покинув Сад кистей, он уехал далеко к горе Хуашань.

Когда Ли Бо проезжал через уезд Хуаиньсянь, начальник уезда как раз открыл присутствие и начал разбирать тяжбы и дела. Ли Бо, будучи пьян, въехал в уездный город верхом на осле, а начальник, не зная, кто он, разгневался и приказал солдатам привести Ли Бо пред его очи. Но, войдя в зал, Ли Бо не сказал ни слова.

— Кто ты такой и как смеешь быть непочтительным?! — закричал начальник.

— Позвольте дать письменные показания! — попросил Ли Бо.

Ни имени, ни фамилии своих он не указал, а написал вот что: «Некогда был удостоен я того, что драконовым платком мне вытерли слюну, а рука Владыки размешивала мне суп! Ли-ши встряхивал мои носки, а гуйфэй подавала тушечницу, и пока еще позволяется мне ездить на коне пред воротами Сына Неба! А в Хуаинь мне не разрешают ездить на осле!»

Прочитав это, начальник уезда очень перепугался и исполненный раскаяния, вскочил с поклоном:

— Я не знал, что вы, член Ханьлинь, прибыли сюда! Потому и не встретил вас должным образом!

Хотел оставить Ли Бо у себя, но тот не пожелал, снова сел на осла и уехал.

Примеч. Ли Бо (李白, Тай-бо 太白 701—762) — великий танский поэт, литературный псевдоним Цинлянь цзюйши 青蓮居士. С юных лет славился неутолимой тягой к знаниям, вспыльчивым характером и склонностью к военному делу. Много путешествовал по знаменитым местам и крупным городам Поднебесной, в результате чего свел знакомство со многими известными людьми своего времени, а также написал немало стихов. Наслышанный о поэте император Сюань-цзун призвал Ли Бо ко двору и удостоил места в придворной академии Ханьлиньюань (здесь иносказательно названной «С а д к и с т е й»), но вскоре Ли Бо за дерзкий язык и непреклонную прямоту суждений был оклеветан и выслан из столицы, после чего повел бродяжническую жизнь, ища удовольствий в прелести пейзажей и стремлении к постижению тайны бессмертия. Славился страстью к выпивке.

В своих «письменных показаниях» Ли Бо указывает на ряд обстоятельств своей жизни при дворе, где за великолепные стихи ему многое прощалось: так, император, желая скорее привести в чувство пьяного Ли Бо, якобы собственноручно помешивал отрезвляющий рыбный суп; могущественный евнух Гао Ли-ши (см. ниже) лично снимал с поэта обувь и встряхи-

вал его носки; а любимая наложница императора якобы держала его тушечницу.

История, описанная Лю Фу, в гораздо более подробной и красочной форме рассказана в одной из повестей сборника «Цзинь гу ци гуай» (今古奇怪 «Удивительные истории нашего времени и древности»); правда, там делается акцент на том, что Ли Бо устыдил жадного и мздоимного начальника уезда, чего нет у Лю Фу.

Хуашань — одна из пяти священных гор Китая, расположена в пров. Шэньси. Старое название — Западный пик. Название «Хуашань», то есть «Гора-Цветок», получила оттого, что считалось, будто издалека ее очертания напоминают бутон. Помимо собственно природных красот, на Хуашани много всяких достопримечательностей — храмов, беседок, кумирен.

Хуаньсянь — уезд, располагался в нижнем течении реки Вэйхэ, в восточной части совр. пров. Шэньси. В южной части уезда находится гора Хуашань.

Лиши — то есть Гао Ли-ши (高力士 684—762), придворный евнух. Настоящая фамилия Фэн 馮. Попал во дворец в 698 г., где умом и сообразительностью пришелся по сердцу императрице У Цзэ-тянь (吳則天 624—705) и был ею приближен. Потом за провинность был изгнан из дворца; его взял в воспитанники евнух Гао Янь-фу 高延福, и тогда Ли-ши сменил фамилию. Вскоре вернулся во дворец и попал в окружение будущего императора Сюань-цзуна. Пользовался его безграничным доверием и, когда Сюань-цзун взшел на трон, получил множество весьма важных должностей и стал ближайшим советником Сына Неба. Император говорил даже, что, пока Гао Ли-ши рядом, он спит спокойно, а наследник престола называл Гао Ли-ши «вторым старшим братом», не говоря уже о прочих императорских родственниках (императорские зятья называли Гао Ли-ши отцом). Многие высшие государственные должности невозможно было занять без протекции Гао Ли-ши. В 742—756 г. Гао Ли-ши занимал должность главнокомандующего. Это был один из самых богатых и влиятельных людей своего времени.

Гуйфэй — имеется в виду любимая наложница императора Сюань-цзуна Ян гуйфэй (楊貴妃 719—756). Детское имя Юй-хуань 玉環. Славилась редкой красотой, а также умением петь и танцевать. Изначально была наложницей сына Сюань-цзуна, но потом отец отобрал девушку у своего отпрыска. Юй-хуань совершенно очаровала императора и уже в 745 г., когда ей исполнилось 27 лет, наложнице был пожалован высокий титул гуйфэй, ставший девушку почти вровень с императрицей, ее сестры также получили титулы и богатые дары, а Ян Го-чжун (楊國忠 ?—756), двоюродный брат Ян гуйфэй, стал первым министром.

Шиду Ли
За способность к выпивке
его прозывают Ли Фан-хуэй

Шиду Ли Чжун-жун был дюжий мужчина и большой любитель выпить. В обеих столицах его прозвали Ли Фан-хуэй.

Среди приближенных [императора] Чжэнь-цзуну не было равного ему по способности пить вино, и если [император] хотел достойного соперника, то посылал за Ли — часто они беседовали, совсем не помня, о чем: под воздействием вина вопросы и ответы текли свободно.

Однажды вечером Чжэнь-цзун приказал принести огромный рог для вина и заставил Ли его осушить, желая проверить его способности. Уже сильно пьяный, Ли поднялся:

— Прошу и правителя-наследника принять большой кубок!

— А почему ты меня, Сына Неба, зовешь правителем-наследником? — спросил охмелевший Владыка.

— Ваш подданный читал, что у Цзян Цзи в «Вань цзи лунь» сказано: три владыки правили Поднебесной, а пять императоров наследовали Поднебесную друг другу, — тут же отвечал Ли. — Поскольку вы объединяете в себе все их добродетели, я и назвал вас правителем-наследником!

Владыка очень обрадовался и пожаловал Ли еще несколько чаш вина.

— Верно говорят, что государь и подданный встречаются раз в тысячу лет! — сказал император.

— В моем сердце живет лишь верность государю и сыновняя почтительность! — тут же ответил Ли.

Мало что сравнится с этим случаем.

Примеч. Ли Чжун-жун (李仲容 XI в.) — сунский придворный, одно время служивший на посту *шиду сюэши* в придворной академии Хань-линьюань. Был известен исключительно способностью в больших количествах пить вино. Прозвище же его — Ли Фан-хуэй 李方回 — должно отсылать просвещенного читателя как минимум к двум персонажам китайской древности: жившему при легендарном древнем правителе Яо прославленному даосу Ли Фан-хуэю, который врачевал болезни с помощью пищи, куда добавлял измельченную слюду; а также к цзиньскому даосскому алхимику с таким же именем, добавлявшем в свою пищу киноварь.

Цзян Цзи (蔣濟 ?—249) — сановник времен Троецарствия. Известен в частности тем, что подал вэйскому императору Вэнь-ди (на троне 220—226) доклад «Вань цзи лунь» (萬機論 «Многообразные вопросы управления»).

Несгибаемая кисть Не меняет надпись на стеле из-за странного сновидения

Когда господин Вэнь-чжэн управлял Цинчжоу, некто попросил его составить эпитафию для стелы. Господин сочинил требуемое, говоря в эпитафии, как [тот] богач всеми средствами добивался продвижения, и о других его темных делах. Однажды ночью во сне к нему явился богач и сказал:

— В вашей эпитафии подробно расписаны мои дела. Раньше о них никто ничего не знал, а теперь вы написали эпитафию, и все выплывает наружу. Я хочу, чтобы вы внесли изменения!

— Но если я скрою ваши дела, — отвечал Вэнь-чжэн, — то кто-то другой обретет дурное имя, и вам это хорошо известно! Я не угодничаю и ничего менять не стану.

— Ну, раз не хотите внести изменения, то непременно лишитесь своего старшего сына! — стал пугать Вэнь-чжэна богач.

Не прошло и года, как старший сын [Вэнь-чжэна] действительно заболел и умер. Во сне Вэнь-чжэну явился богач и спросил:

— Ну, так вы все еще не согласны переделать эпитафию? Если нет, то теперь потеряете и второго сына!

— Смерть и жизнь — это судьба! — отвечал Вэнь-чжэн.

Вдруг и последний его сын, Чунь-жэнь, тоже заболел. У богача же во сне был очень заносчивый вид. Но тут он пришел и откровенно признался:

— Дни вашего старшего сына были сочтены, неужто же я мог лишить вас его? Но теперь-то внесите изменения в эпитафию: через несколько дней ваш второй сын поправится.

Но Вэнь-чжэн готов был скорее умереть, чем переписать эпитафию. Через несколько дней [Фань] Чунь-жэнь действительно поправился, а впоследствии стал министром. Вот какой прямой и твердый человек был Вэнь-чжэн.

Примеч. Вэнь-чжэн — посмертное имя сунского сановника Фань Чжун-яня. Получить эпитафию, написанную знаменитым человеком или прославленным литератором считалось весьма редкой удачей. Такой текст — а некоторые за составление эпитафии брали немалые деньги, — потом выбивался на стеле, устанавливавшейся у могилы усопшего.

Цинчжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Ганьсу.

Фань Чунь-жэнь (范純仁 1027—1110) — второй сын Фань Чжун-яня. Стал цзиньши в 1049 г., но на службу поступать не стал — из родственных соображений, боясь скомпрометировать отца, и сделался чиновником только после того, как Фань Чжун-янь вышел в отставку. Начинал с провинциальных должностей, потом был приближен ко двору. Читал лекции в столичном училище, был начальником Департамента чинов. Министерские должности занимал в 1088 г. и в 1093 г. К концу жизни ослеп, но продолжал служить.

Ван Цзин-гун

Не позволяет жене военачальника стать наложницей

Когда Ван Цзин-гун (его имя Цзе-фу) был на посту чжичжигао, некая госпожа У продавала себя в наложницы. Увидев ее, Ван Цзин-гун спросил:

— Что это за девушка?

— Муж велел продать ее.

— Чья ты? — спросил женщину Ван.

— Я, ничтожная, — супруга военачальника. У нас пропали лодки с казенным рисом, все домашнее имущество уже распродано, но все еще не хватает, потому я продаю себя в наложницы, надо восполнить недостачу.

— И сколько же хочешь за тебя супруг? — с жалостью спросил Ван.

— Девятьсот тысяч монет.

Господин позвал ее мужа и велел взять жену в дом как прежде, а те деньги сполна подарил им.

Примеч. Ван Цзин-гун. — Ван Ань-ши был назначен на пост чжичжигао (чиновник, ведающий составлением черновиков императорских бумаг) в 1058 г., но вскоре оставил эту должность из-за траура по матери.

Сыма Вэнь-гун
Не желает наложницы,
купленной женой начальника

Когда Сыма Вэнь-гун, сопровождая Ин-гуна, приехал в Тайюань и стал там *тунпанем*, у него еще не было детей. Супруга Ин-гуна стала говорить с Вэнь-гуном об этом, и даже купила для него наложницу, но господин решительно ее отверг. Супруга Ин-гуна удивилась, не понимая, в чем причина такого воздержания. Однажды она сказала одной наложнице:

— Я уйду, а ты нарумянься, надень украшения и ступай в библиотеку! — Она надеялась пробудить в господине желание.

Наложница сделала так, как ей было велено.

— Хозяйка ушла, как же ты посмела прийти сюда?! — стал ругать ее господин. И тут же отослал наложницу во внутренние покои.

Мое мнение таково. Так и в древности гуманные люди и благородные мужи держались подальше от развратной красоты, черпая силы в совершенном знании. О! Не посягнул на тайные покои, не посрамил даже заброшенного уголка дома — вот что говорят о Вэнь-гуне!

Примеч. Сыма Вэнь-гун — крупный государственный деятель, литератор и выдающийся историк Сыма Гуан (司馬光 1019—1086), названный здесь по почетному титулу, дарованному ему двором — Вэньго-гун 溫國公. Экзамен на степень цзиньши благополучно выдержал в 1038 г. и службу начал с должности областного судьи (*тунпаня*). Вскоре Сыма Гуан получил назначение в столицу, на пост лектора в Гоцзыцзянь, а в 1046 г. его назначили сверщиком текстов в императорское книгохранилище. Сыма Гуан много и успешно служил, занимал высокие посты (в частности, был чжичжигао, директором цензората), был членом придворной академии (1068). Выступил против реформ Ван Ань-ши и в 1070 г. попросился на службу за пределами столицы, в провинции. Будучи в Лояне, взялся за составление капитального исторического труда «Цзы чжи тун цзянь» (資治通鑑 «Зерцало всеобщее, управлению помогающее»). С приходом к власти императора Чжэ-цзуна, в 1086 г., стал первым министром и положил конец реформам Ван Ань-ши. Император пожаловал ему посты *шаншу цзотуе* (первый заместитель начальника Шаншушэна) и *мэнься шилана* (помощник начальника Мэньсяшэна, Императорской канцелярии), но в том же году Сыма Гуан умер. Посмертно ему был дарован пост *тайши* (наставник императора).

И н - г у н — по всей видимости, Пан Цзи (龐籍 988—1063), сунский чиновник, за заслуги перед двором пожалованный титулом Инго-гуна 穎國公, здесь данный в сокращении.

Чжан Гуай-яй
Выдает замуж служанок,
а они оказываются девственницами

После того, как Ван Юнь и Ли Шунь устроили мятеж в Шу, многие из посланных туда служить чиновников не брали с собою семей, и даже в области, где главным городом был Чэнду, это правило соблюдалось. Чжан Юн был назначен управлять Ичжоу и поехал один к месту службы. Чиновники же подвластного Чжану управления, зная его суровый нрав, не осмеливались держать служанок и рабынь. Но Чжан, не желая вредить человеческим чувствам, тут же сам завел себе служанок, чтобы, как говорится, помогали при надевании шапки, и потому подчиненные его тоже понемногу стали заводить себе служанок и наложниц.

Чжан Юн пробыл в Сычуани четыре года и был отозван обратно ко двору. Он вызвал родителей своих служанок и дал им денег, чтоб выдали дочерей замуж. Все девушки оказались девственницами!

Примеч. Ч ж а н Г у а й - я й — второе имя сунского чиновника и литератора Чжан Юна, действительно дважды назначавшегося управлять Ичжоу.

В а н Ц з ю н ь 王筠 и Л и Ш у н ь 李順 — руководители восстания в Сычуани (Шу) в 993—997 гг. Во время правления императора Тайцзуна в Сычуани после введения монополии на торговлю чаем и тканями сложилось очень тяжелое положение, в результате чего в 993 г. в местечке Циншэнь вспыхнуло восстание под предводительством торговца чаем Ван Сяо-бо. Ван Сяо-бо погиб в сражении в двенадцатую луну того же года, и ему наследовал Ли Шунь, упоминаемый Лю Фу. В 994 г. Ли Шунь взял Чэнду и провозгласил себя шуским ваном, он даже начал чеканить собственную монету, но в том же году был пленен и убит. Войска его (несколько сот человек) были рассеяны. После этого происходили мелкие столкновения правительственных войск и остатков повстанцев, пока наконец в 1000 г. в Ичжоу не поднял мятеж Ван Цзюнь. Он также взял Чэнду, но в девятую луну того же года был разгромлен и убит.

Таньиньсянь
Не сдав экзамены, проявляет мужество и
убивает разбойников

Чжан Гуай-яй, [в те времена, когда он] еще не сдал экзаменов, проезжал однажды через уезд Таньиньсянь, и уездный начальник одарил его штукой шелка и десятью тысячами монет. Чжан тут же погрузил все это на осла и вместе со слугой-подростком отправился домой.

Ему сказали:

— В таком путешествии ночи нужно проводить на постоялом дворе — впереди опасные топи, страшная глушь, там и дыма жилья человеческого не сыщешь. А лучше всего подождать попутчиков.

— Осенью холодно, а у моих старых родителей нечего надеть! — отвечал Чжан. — Как могу я промедлить даже самую малость?!

И, наточив короткий меч, он двинулся в путь.

Преодолея более тридцати ли, и солнце стало клониться к закату. Чжан остановился на одиноком постоялом дворе — там были лишь старик-хозяин да два его сына.

Увидев Чжана, старец обрадовался и шепнул сыновьям:

— Ну, сегодняшней ночью добудем себе пропитание!

Случайно услышав эти слова, Чжан пришел в волнение. Нарубил охапку ивовых ветвей, втащил в свою комнату и сложил грудой.

— Это вам зачем? — поинтересовался хозяин.

— Да вот, завтра утром рано тронусь в путь, а пока что займусь кое-какими приготовлениями, — отвечал Чжан.

Едва настала полночь, как старец велел сыновьям кричать:

— Петух уже пропел, сюцай может ехать!

Чжан не подавал голоса. Тогда сын хозяина толкнул его дверь, но Чжан заранее подпер скамейкой левую створку дверей, а правую держал руками. Не получив ответа, молодой человек еще раз три налег на дверь, и тут Чжан вдруг отступил назад. Парень кубарем влетел в комнату, и Чжан отрубил ему голову. Убив его, Чжан утащил тело в боковую дверь. Вскоре пришел и другой сын, и Чжан убил его так же, как и предыдущего.

Сжав в руке меч, Чжан пошел искать старца, а тот как раз в нетерпении разжигал огонь — тут Чжан и ему отсек голову. Так старик и его сыновья закончили жизнь в собственном доме.

Чжан кликнул слугу, тот навьючил осла и вывел за ворота. Тут Чжан зажег ивовые прутья и запалил постоялый двор.

Проехали двадцать ли, и занялась заря.

А люди потом говорили:

— У прежнего хозяина случился пожар.

Примеч. Танъиньсянь — уезд, располагался на территории совр. пров. Хэнань.

Чжан Ци-сянь **Вместе с бандой пьет вино и ест мясо**

Когда Чжан Ци-сянь, как говорится, ходил еще в простом платье, то уже выделялся как человек незаурядный и великодушный.

Одиноким и бедным, скитался Чжан по белу свету без крова и часто ночевал у дороги.

Однажды вдруг видит — на постоялом дворе устроили пир десятка полтора разбойников, а постояльцы все в страхе разбежались. Ци-сянь подошел прямо к ним и, сложа руки в приветствии, сказал:

— Я, ничтожный, нищ и убог. Хочу просить вас, господа, покормить и напоить меня. Позволите ли?

— Вы, сюцай, как говорится, сами вырыли себе нору — почему же нельзя? Да только мои товарищи люди грубые, боюсь, вы будете смеяться! — обрадованно отвечал Чжану главарь и пригласил садиться.

— Разбойники могут такое, на что не способны простые люди, разбойники — герои этого мира! — сказал тогда Ци-сянь. — Я, ваш слуга, тоже великодушный и щедрый муж, но куда мне с вами, господа, равняться!

И тут Ци-сянь взял большую чашу, наполнил вином, осушил одним глотком — и так проделал три раза. Потом ухватил свиную лопатку, руками разорвал ее на несколько кусков и мигом проглотил — прямо волк или тигр!

Разбойники, увидав это, изумились и вскричали в восхищении:

— Ухватки настоящего министра! Иначе откуда бы взяться такому размаху? Когда-нибудь вы непременно будете полновластно управлять Поднебесной — так не забудьте нашу компанию, которая была вынуждена стать разбойной. Мы хотели бы заранее завести с вами дружбу.

Разбойники поднесли Ци-сяню в подарок шелк и золото, но Ци-сянь не принял, поскольку ему было бы тяжело все это нести, и ушел.

Примеч. Чжан Ци-сянь (張齊賢 943—1014) — сунский министр и книжник. Когда Чжану было три года, его семья, спасаясь от военных волнений, переехала в Лоян. Известен тем, что, еще не будучи на службе, остановил проезжавший через Лоян императорский выезд и коленопреклоненно поднес владыке проект реформ в десяти пунктах. Так Чжан был замечен при дворе: вернувшись в Кайфэн, Тай-цзу рассказал наследнику об этом происшествии и порекомендовал в будущем привлечь Чжана на службу. В 977 г. Чжан Ци-сянь успешно выдержал экзамен на степень цзиньши и был назначен начальником области Хэнчжоу, а в 981 г. стал эмиссаром по налоговым перевозкам на всех землях южнее Янцзы. В 986 г. начальствовал в Дайчжоу, а в 989 г. стал заместителем начальника Шумишэна. Неоднократно занимал посты министерского ранга, в том числе был *луе*, первым заместителем начальника Шаншушэна (но с последнего поста был удален за грубое нарушение этикета в присутствии августейшей особы: явился на аудиенцию пьяный). Конец жизни провел в Лояне.

Хань Вэй-гун Не винит разбившего чаши и подпалившего бороду

В те дни, когда Хань Вэй-гун жил в Дамине, некто преподнес ему две нефритовые чаши, сказав:

— Пахарь нашел — могилу разрушил. На чашах нет ни малейшего изъяна, это старинная драгоценность!

В знак благодарности господин Хань дал человеку сто золотых, а чаши стал очень ценить. Каждый раз, созывая гостей, он приготавливал особый столик, накрытый парчовой скатертью, и на него ставил нефритовые чаши.

Однажды он позвал к себе начальника области и собрался было и те чаши тоже наполнить вином, как вдруг какой-то чиновник нечаянно опрокинул их наземь, и чаши разбились. Все гости замерли в испуге, а чиновник пал ниц в ожидании кары. Выражение лица Ханя не изменилось, и он обратился к гостям:

— Всему существу положен свой срок! — Потом повернулся к чиновнику. — Ты ведь сделал это нечаянно, неумышленно, в чем же твоя вина?

Все гости были покорены великодушием хозяина.

Когда же господин был военачальником в Динъю, однажды ночью случилось ему писать письмо, и он приказал солдату взять свечу и встать с ним рядом, [светить]. Солдат же засмотрелся на что-то, и огонь свечи запалил бороду Ханя. Хань тут же рукавом халата сбил пламя с бороды, и продолжал писать как ни в чем ни бывало. Потом огляделся: а солдата нет. Испугавшись, что чиновники его накажут, Хань позвал солдата:

— Не уходи! Разве я уже освободил тебя от обязанности светить?

В войсках все восхищались великодушием Ханя.

Примеч. Да м и н — северная сунская столица. Здесь Хань Ци служил после 1067 г.

Д и н њ у — танская область Динчжоу, располагалась на территории совр. пров. Хэбэй.

Ши Бан-мэй

В вознаграждение за тайные добродетели у отца рождается сын

Ши Бан-мэй был родом из Янью. Отец его был военным чиновником в Чжэнчжоу, когда его назначили на генеральскую должность, и из Департамента чинов пришел указ ехать в Чэнду. В то время [будущему] отцу [Бан-мэя] исполнилось шестьдесят четыре года, да и матери перевалило за сорок, а сыновей у них все еще не было.

— У меня есть сотня белым золотом. Возьмите их с собой и поезжайте в Шу, — сказала мать отцу. — Купите там наложницу и возвращайтесь. Надеюсь, что будет сын, чтобы продолжить наш род!

Отец так и поступил.

Добрался до Шу, нашел посредника и растолковал, чего хочет. Посредник привел девушку, очень красивую и изящную. [Отец Бан-мэя] спросил, из какой она семьи, но девушка с безразличным лицом хранила молчание. Посредник ушел, а девушка стала причесываться, и он увидал, что прическа-то у нее детская! Очень удивившись, он стал спрашивать, а девушка безудержно разрыдалась и, наконец, сказала:

— Я из столицы. Отец мой был чиновником в Ячжоу и умер на своем посту. Мать и я до сих пор сохраняем гроб с его телом, но у нас нет средств, вот мы и решили продать меня, чтоб закончить похороны.

Отец [Бан-мэя] очень огорчился и пожалел ее, а потом, взяв деньги и девушку, явился к ее матери и сказал ей:

— Не надо мне этой девушки! И возьмите, пожалуйста, деньги, чтоб справить дело.

Жена чиновника громко зарыдала и стала кланяться в благодарности. А отец [Бан-мэя] составил план, как все устроить. Назавтра он отправился в дорогу, надев траур, будто родственник, и взял с собой жену чиновника в качестве служанки. Приехали в Чэнду, там отец Ши поселился в наемном доме, закончил дело с захоронением, а потом вернулся назад, в Янью.

Жена его спросила, привез ли он наложницу, и отец все рассказал ей без утайки.

Вскоре будущая мать Ши забеременела, и однажды ночью ей во сне явился человек в [шитом золотом] пурпурном платье в сопровождении нескольких людей в простой одежде. Они прошли за дом, а человек в пурпурном остался в зале.

Наутро родился Бан-мэй. А за домом — сука оценилась девятью щенками. Потому-то детское имя Бан-мэя и было Ши-гоу 十狗 — «Десятая собака».

Впоследствии Бан-мэй первым выдержал экзамен на степень цзиньши, а дослужился до должности начальника Военного департамента.

Это — убедительное свидетельство скрытых добродетелей его отца.

Примеч. Ши Бан-мэй — то есть сунский чиновник Ши Янь (時彦 вт. пол XI в.—нач. XII в.), второе имя которого было Бан-мэй 邦美. В 1079 г. блестяще сдал экзамены на степень цзиньши и по списку выдер-

жавших прошел первым. Был губернатором Кайфэна, а наивысшим служебным достижением Ши стал пост начальника Военного департамента. Умер в годы под девизом правления Да-гуань (1107—1110).

Я н ь у — уезд, располагался на территории совр. пров. Хэнань.

Ч ж э н ч ж о у — область, располагалась на территории совр. пров. Хэнань.

Записки о Сяо-лянь

Лиса-оборотень Сяо-лянь пленяет ланчжуна

Ланчжун Ли — имя его я не помню — был столичным жителем и происходил из влиятельной семьи, из которой вышло несколько правителей областей. Ли был человеком редких достоинств и большую заботу проявлял о благосостоянии своей семьи.

В середине годов под девизом правления Цзя-ю ему посчастливилось приобрести служанку. Звали ее Сяо-лянь, а лет ей было как раз тринадцать. Ли обучал ее игре на музыкальных инструментах, но у нее ничего не выходило, поручал ей разные домашние дела, но Сяо-лянь выполняла их с неохотой. Прошло несколько дней, и Ли захотел было вернуть ее старой хозяйке, но Сяо-лянь, рыдая, сказала ему:

— Ах, если вы окажете мне покровительство сейчас и будете наставлять меня, то я обязательно отблагодарю вас в будущем!

Ли очень удивился ее словам.

Прошло много времени, и она мало-помалу научилась петь и танцевать, а лицо ее день ото дня становилось все краше и краше. Ли охватило желание обладать ею, но Сяо-лянь противилась.

Однажды под предлогом тайного разговора Ли завлек ее во внутренние покои, но Сяо-лянь приняла неприступный вид и решительно воспротивилась его намереньям обесчестить ее. Тогда Ли еще более возжелал добиться своего и однажды вечером, напив ее допьяна, достиг своей цели.

На другой день Сяо-лянь, извиняясь, благодарила Ли:

— Ничтожная наложница, как осмеливалась я беречь себя?! Просто мне казалось, что я не смогу вполне угодить господину, — сказала и поклонилась.

С этого времени Ли очень полюбил ее. Жена же Ли, урожденная Сунь, была женщина мудрая и не препятствовала желаниям мужа.

Вечером, в последний день луны, Сяо-лянь прислуживала Ли в спальне, как вдруг в полночь пропала. Ли испугался, взял свечу и пошел искать Сяо-лянь. Но ни в кухне, ни в уборной, ни у колодца ее не было. Тогда Ли подумал, что у нее с кем-то тайная любовная связь и очень разгневался. Когда же она, наконец, появилась — уже светало. Гнев Ли стал еще сильнее. Он собрался было выпороть ее кнутом, чтобы выяснить, куда она ходила, но Сяо-лянь сказала:

— Хотела поспеть вовремя, да, видно, придется открыть вам то, что раньше скрывала!

Ли повел ее в уединенный кабинет и стал расспрашивать.

— Сегодня, к несчастью, вы узнали мою тайну. Теперь я уж не посмею скрывать, раз уж, как говорится, торчат руки и ноги! Я — не человек и не черт. Непросто поведать обо всех превратностях моей судьбы. Должно быть, вы меня прогоните, но если вы будете милосердны и не станете допытываться, то я сделаюсь вам верной опорой и вознагражу со всей искренностью, — сказала Сяо-лянь.

— Все я могу простить, но вот как ты могла уйти, не предупредив меня! — сердился Ли.

— Да я не посмела бы уйти далеко! — рыдая, отвечала Сяо-лянь. — Но только в последний день каждого месяца я должна предстать перед чиновником местного бога! А если я не явлюсь, то навлеку этим несчастье на вас и на вашу родню тоже. Это подобно тому, как если бы я была в списках крестьян — такая уж у меня судьба!

Но Ли не мог поверить в это до конца. Когда снова настал последний день месяца, он устроил пир и напоил Сяо-лянь допьяна крепким вином. Когда же она сладко заснула, Ли при ярко горящих свечах самолично сел ее стеречь. Перед рассветом она проснулась:

— Я-то думала, что вы меня искренне любите, а вы — не позволили мне уйти, и я совершила проступок!

На следующую ночь она опять исчезла и вернулась только к рассвету. Ли спросил ее об этом. Сяо-лянь сняла платье, и Ли увидал, что у нее вся спина в синих рубцах. Тогда он понял, что действительно виноват. И больше Ли не удивлялся исчезновению Сяо-лянь в последний день каждого месяца.

Однажды Ли заболел, но Сяо-лянь сказала:

— Врач не нужен! Вы любите есть перченое, и потому у диафрагмы скопилась мокрота. Но высушить ее может лекарство из рога носорога, жэньшэня, румян, пудры и белых квасцов. Примите — и поправитесь.

И действительно, когда кто-то из домашних Ли заболел, все ее слова о лечении в точности сбывались. То же было и тогда, когда Сяо-лянь предсказывала счастье или несчастье. И не было таких людей, которые не убедились бы в правильности ее слов на собственном опыте.

Ли еще сильнее полюбил ее и стал доверять еще больше. Если она говорила, что в такой-то день кто-то из родственников умрет, то так и случилось. А однажды она сказала Ли:

— В такой-то день вас назначат управлять такой-то областью!

Случилось так, как она говорила.

Когда же Ли собрался ехать, Сяо-лянь подошла к нему и, рыдая, сказала:

— Я не вольна распоряжаться собою и поэтому не могу вас сопровождать. Я помню ваше добро и ваши сильные ко мне чувства, поэтому мне стыдно, что я не могу поехать с вами! Вы, господин, не забывайте нашу старую связь и время от времени вспоминайте меня.

Ли настойчиво уговаривал ее поехать вместе с ним, но Сяо-лянь сказала:

— Если в нужный вечер меня не будет, то я понесу тяжкое наказание, а уж если уеду и пропущу месяцы и даже годы, то тогда смертной казни точно не избежать!

Ли понял, что нельзя ее заставлять.

В тот же день, когда Ли уезжал, Сяо-лянь вышла его провожать, взяла за руку и сказала:

— Как вступите в должность, пройдет год, и умрет ваша жена. Потом у вас выйдут разногласия с податным инспектором, и вы, пав духом, решите вернуться назад, домой. Тут-то мы с вами и встретимся. Но только храните все в тайне!

Ли уехал к месту службы, прошел год, и у него умерла жена. Потом приехал инспектор и обвинил Ли в утаивании земельного налога и казенных денег, а также в затягивании казенных дел. Ли решительно оправдывался, но его и слушать не стали, а

отстранили от службы. Так и кончилась его карьера правителя области.

Ли стал носить траур по жене, а мысли о чиновничьей службе вовсе отбросил. Целыми днями, затворив окна и двери, сидел он в своем доме с потерянными видом.

Вдруг, однажды слышит — стук в дверь. Ли вышел, глядь — а это Сяо-лянь! Ли обрадовался, усадил ее и со слезами сказал:

— После нашей разлуки все случилось именно так, как ты и говорила!

Тут он приготовил вино и закуски, велел Сяо-лянь танцевать — буйное веселье продолжалось до конца дня. И с той ночи Сяо-лянь осталась в доме Ли.

Через месяц она, плача и отбивая поклоны, обратилась к Ли:

— У ничтожной вашей наложницы есть тайная просьба — хочу умереть в этом облике!

— Почему вдруг такие речи? — удивился Ли.

— На самом-то деле я не человек, а лиса с городской стены. Когда-то в прошлом рождении я была второю женою одного человека, вмешивалась во все домашние дела, клеветала на старшую жену, и моя клевета дошла до ушей мужа. С того времени он полюбил меня одну, а старшая жена тосковала и в конце концов умерла от горя. Она рассказала все чиновникам из мира мрака, и меня подвергли такому вот наказанию. Прошли годы и месяцы — и когда я должна буду принять свой истинный облик, меня растерзают охотничьи собаки и соколы! Но если тело мое бросят в жертвенный треножник или жирное мое мясо станет усладой для людских желудков, то я останусь в них и не смогу снова возродиться. Поэтому вы, господин, в такой-то день выйдите за ворота столицы, там вы встретите охотника на лис. Дайте ему денег и скажите: «Хочу купить лису на лекарство». И та лиса, у которой в ухе вы увидите бордовый волосок в несколько цуней длиной, и будет ваша наложница. Тогда вы сделайте платье из бумаги, гробик из коры дерева и похороните меня на высоком холме, за это я потом очень щедро вас отблагодарю! — сказала Сяо-лянь, поклонилась и заплакала.

Потом вынула два слитка желтого золота, чтоб «как-нибудь похоронить, чтоб не думали, что у оборотней нет чувств». Ли ей

все это обещал. Потом пригласил ее переночевать, но Сяо-лянь вскричала:

— Ах, теперь вы, господин, знаете о моих дурных поступках, и вы должны возненавидеть меня!

Ли настаивал на том, чтоб она осталась.

На следующий день Сяо-лянь поклонилась Ли и попрощалась с ним.

— Наступил предел срокам загробного мира. Будет день, и я получу перерождение. Только это не так просто! — сказала она и ушла в большой печали.

В назначенный день Ли вышел за ворота столицы, прошел несколько шагов на север и действительно увидел несущего убитых лис охотника. Ли выбрал из них ту, у которой в ухе был бордовый волосок, купил и вернулся домой. В благоприятный день он похоронил ее. Ли собственноручно написал поминальную табличку и захоронил лису по всем правилам — к югу от городской стены. И до сих пор люди зовут то место Могилей Лисы.

Примеч. Годы... Цзя-ю — 1056—1063.

Оуян Цзянь справедливо полагает, что данная новелла написана под непосредственным влиянием «Жэнь ши чжуань» (任氏傳 «История Жэнь») танского Шэнь Цзи-цзи (沈既濟 750—800?): «Произведения, описывающие романы между человеком и лисой, появились еще среди древней прозы, но наиболее выразительной является танская новелла "История Жэнь", и ее влияние отчетливо прослеживается в "Весенней прогулке по Западному пруду" и в "Записках о Сяо-лянь"» (Оуян Цзянь. Указ. соч. С. 58).

Записки об огромной рыбе Убить огромную рыбу — плохой знак

В годы под девизом правления Цзя-ю мой отец был назначен тюремным смотрителем в Тунчжоу и я отправился вместе с ним.

Стояла осень — семнадцатый день восьмой луны — и вдруг небо помрачнело, с моря налетел сильный ветер и вслед за этим хлынул дождь. В эту ночь прибой гремел словно десять тысяч барабанов, с силою, подобной грому. Прилив захлестнул дамбы, а когда все кончилось — сквозь завывания се-

верного ветра и плеск волн доносились будто рыдания тысяч людей.

Рассвело, и у дамбы нашли огромную рыбу длиною больше чем в сто чжанов, и она издали вздымалась как поперечная дамбе плотина. Поскольку рыба лежала в песке, она задыхалась и вот-вот должна была уснуть. Временами рыба изгибалась, и в результате образовалось болотце; или же фыркала, и тогда вода лилась потоками, а песок летел градом.

Прошло три дня, и рыба наконец издохла.

На лбу у нее проступили написанные красным знаки.

Никто их местных жителей не знал, что это за рыба. Мяса в ней было на несколько десятков тысяч циней, но никто не решался его есть, а вот жир использовали ночью в светильниках.

В тот год среди жителей Тунчжоу случился большой мор, и из каждых десяти человек умерло четверо-пятеро.

То, что издохла огромная рыба — несчастливое знамение!

Примеч. Годы... Цзя-ю — 1056—1063.

Тунчжоу — область и областной центр, располагавшиеся на территории совр. пров. Цзянсу. Областной город стоял на реке, которая, видимо, и разлилась под воздействием непогоды.

Записки об удивительной рыбе Дочь дракона преподносит Цзян Цину жемчуг в благодарность

В годы под девизом правления Цзя-ю в Гуанчжоу одному рыбаку ночью в сети попала рыба весом в сто цзиней. Рыбак втащил ее в лодку и привез на берег.

Когда рассвело, рассмотрел ее: человеческое лицо, а тело черепашьё, на брюхе несколько десятков ног, а у шеи две руки — совсем как у людей! На спине у рыбы было что-то вроде панциря, и если внимательно присмотреться, то можно было увидеть на затылке короткую, но очень густую шерсть, и — еще один глаз. Грудь и живот у рыбы были пестрые, а остальное — красивого черного с зеленоватым отливом цвета.

Поглазеть сбежалась толпа, встала кругом, но никто не знал, как такая рыба называется. Спрашивали рыбаков, но и те не знали.

Люди говорили, что рыбу надо убить, потому что она, мол, является дурным предзнаменованием. Но рыбак взвалил рыбу на плечо и отнес домой, думал найти все же сведущего человека. Положил ее во дворе и прикрыл рваной циновкой.

Вдруг среди ночи послышался жалобный звук. Рыбак поднялся с постели, стал искать: что такое? Оказалось, звук идет из-под циновки, едва слышен, но вполне различим: рыба! Рыбак подкрался ближе и прислушался. Вот что он услышал:

— Из-за ссоры пустяковой
распрощалась я с небесной сферой.
Угодила к рыбаку я в сети,
и рыбак сюда меня принес!

Рыбак от неожиданности вскрикнул, и рыба замолчала.

Поразившись услышанному, рыбак задумал выбросить рыбу, но перед этим рассказал людям [о ночном происшествии].

Городской воевода Цзян Цин 蔣慶 узнал об этом и попросил у рыбака диковину. Рыбак отдал. Цин положил ее в большую бамбуковую корзину, принес домой и поставил возле перил галереи, так же как рыбак, прикрыв циновкой. Ночью же тихонько подкрался и стал слушать. Рыба сказала:

— Не сдержавшись, праздные слова болтала.
Вот теперь и угодила в дом другой!

И до самого рассвета — больше ни слова.

На следующий день Цин вынес корзину во двор, и его домочадцы окружили рыбу и принялись разглядывать. А рыба вдруг сказала:

— Жажда убьет меня!

Домашние прыснули в стороны, поспешили к Цину и рассказали ему [об этом]. А Цин ответил:

— Я положу ее в большой таз, а вы зачерпните воды из колодца!

Ближе к вечеру рыба снова сказала:

— Это мне не подходит!

Цин обратился к рыбакам за разъяснениями.

Оказалось, что рыба была поймана в море, а вода в море очень соленая. И Цин послал слугу за морской водой.

В эту ночь Цин с женой снова пришли слушать рыбу, и рыба сказала:

— Кто меня отпустит — будет жить.

Кто себе оставит — тот умрет.

— Выпусти ее поскорее, как бы не накликать беды! — сказала жена Цину.

— Я — не то что другие. Чего бояться! — отвечал Цин.

И не отпустил.

Через два дня после этого Цин, будучи пьян, схватил нож и подошел к рыбе. Ругаясь, он сказал:

— Ты можешь говорить, значит — необыкновенная рыба. И если ты мне все внятно объяснишь, то я тебя сразу отпущу обратно в море, а будешь молчать — вот этим ножом зарежу!

Тогда рыба заговорила:

— Я молодая жена дракона. Мы с ним поссорились, я рассердилась и в гневе заплыла далеко от нашего жилища — почти к самому берегу. Я и не думала, что попаду в рыбацкие сети! Если ты меня убьешь, то тебе от этого пользы никакой не будет, а коли отпустишь — я щедро тебя отблагодарю.

Тогда Цин погрузил ее в лодку, вышел в море и в глубоком месте отпустил.

После этого прошло полгода.

Однажды Цин шел по рынку, и навстречу ему попался бродячий торговец с прекрасным жемчугом в руках. Цину жемчуг понравился, и он спросил торговца о цене. А тот сказал:

— Пять сотен связок монет.

Цин решил, что это дешево, но с собой у него была только половина [суммы]. Торговец сказал ему:

— Я вас, господин, знаю, поэтому вы сейчас забирайте весь жемчуг и несите его домой, а завтра я приду в ваши покои за платой.

Сказал и ушел.

В назначенный срок торговец не явился.

Цин подумал: «За этот жемчуг можно дать тысячи золотом, я же приобрел его так дешево, да еще и продавец не пришел за деньгами! Почему бы все это?»

На другой день он снова увидел того торговца и пригласил зайти, но торговец ответил:

— Меня послала молодая жена дракона, чтоб отблагодарить вас этим жемчугом за милость, которую вы явили, не убив ее!

Сказал и скрылся.

Эта история передается из поколения в поколение, я сам видел сына Цина, он мне обо всем подробно поведал, а я записал.

Записки о превращении в обезьяну Отец Цао Шана за убийство обезьян несет наказание

В годы под девизом правления Тянь-шэн в уезде Ланьшань, что в Гуйяне, жил простолюдин Цао Шан 曹尚, и был у него отец семидесяти лет. В один прекрасный день отец вышел из дому — и не вернулся. А уж сколько за воротами было высоких гор, непроходимых лесов, ключей, пещер, круч, пропастей — не счесть! Но Шан обшарил все камни, вскарабкался на горы и добрался до покрытых туманом мхов. Несколько дней он искал — но все безуспешно.

Однажды сын Шана вышел в горы набрать хворосту и увидел старую обезьяну, пившую из ручья. Он кинул в обезьяну камнем, та стремительно вскарабкалась на скалу и превратилась в человека.

— Ты ведь мой внук, — сказал человек. — Как же ты смеешь кидать в меня камни?!

Сын Шана узнал голос деда.

— Уже давно отец вас ищет, дедушка! — сказал внук, кланяясь. — Как вы здесь оказались?

— Мне очень стыдно! — лия слезы, отвечал дед. — Но я стал существом необыкновенным и не смею попадаться на глаза домашним. Скажи Шану про меня. Завтра здесь снова увидимся.

Дождавшись срока, Шан пошел к отцу и был не в состоянии сдержать свое горе.

— Эту жизнь жил я без печали, а в прошлом-то рождении частенько убивал обезьян! Это возмездие, — сказала Шану обезьяна. — Ты снова приходи. Я хочу знать, все ли дома в порядке.

Три года спустя обезьяна перестала появляться. Начальник Ланьшани самолично ходил в дом Шана и узнал это все в подробностях.

Примеч. Годы... Тянь-шэн — 1023—1031.

Г у й я н — в сунское время воеводство, располагалось на территории совр. пров. Гуандун.

Воздаяние за гибель кур Ма Цзи заболевает в наказание за убийство кур

В годы под девизом правления Цин-ли в окрестностях столицы жил Ма Цзи 馬吉 — он промышлял забоем кур. За каждую убитую курицу [Цзи] получал по десять медяков и так в день зарабатывал по несколько сотен монет. За свою жизнь он забил великое множество кур. Забивая курицу, [Цзи] сначала кулаком оглушал ее, потом загибал ей шею назад, и курица в муках издыхала.

Однажды его поразил недуг — голова [Цзи] загнулась к спине, и он стал дергаться как курица перед смертью. Тогда [Цзи] взял в рот веревку — на манер узды, и изо всех сил пытался удерживать ее обеими руками, но веревка все равно вырывалась, получалось только если тянул кто-то другой.

После этого [Цзи] сделался бродягой, выпрашивал подаяние, а через год с небольшим умер.

Примеч. Г о д ы... Ц и н - л и — 1041—1048.

Записки о возмездии за кошек Убивал кошек, и родился сын без ног и рук

На третий год под девизом правления Чжи-пин в Сяньпине жил Чжу Пэй 朱沛. Семья его была из простых, но богатая. [Чжу] нравилось разводить голубей — он держал их в бамбуковых плетенках, и было [голубей у Чжу] несколько сотен.

Однажды кошка сожрала голубя, и Пэй отрубил ей все четыре лапы. Кошка [в муках] ползала по комнатам и издохла лишь через несколько дней.

На следующий день [другая] кошка тоже сожрала голубя. [Пэй] и ей отрубил лапы — и так он убил более десятка кошек.

Впоследствии жена Пэя родила сразу двух мальчиков, и оба оказались без рук и без ног. Все чурались этих детей, а Пэй так ничего и не понял.

А жаль!

Примеч. Третий год... Чжи-пин — 1065.

Сяньпин — уезд, располагался на территории совр. пров. Хэнань.

Ли Юнь-нян

Цзе Пу за убийство девицы несет наказание

В первый год под девизом правления Цин-ли была в столице певичка по имени Ли Юнь-нян 李雲娘. Семья ее жила у большой дамбы, что на Суйхэ, и в доме было полным-полно золота и шелка. У Юнь-нян была старая связь с неким Цзе Пу 解普, а Пу в то время ждал при дворце назначения на должность. Он прожил в столице целый год, в кошеле его не было уже ни кусочка золота, и он много денег занял у Юнь-нян на расходы.

— Вот получу назначение и затем вернусь, возьму тебя в жены! — говорил он Юнь-нян. И чтобы поддержать Пу, девушка полностью истратила все, что было у нее в сундуках.

«Дома-то у меня уже есть жена, — думал Пу. — И по отношению к Юнь-нян ничего быть не может!»

В один прекрасный день Пу пригласил Юнь-нян с матерью в винную лавку в городе. Ночью они возвращались домой по берегу Бяньхэ. Юнь-нян была сильно пьяна, и Пу столкнул ее в воду, а сам с притворным испугом стал кричать, лил без конца слезы. А утром он ловкими речами запутал мать Юнь-нян.

Тут как раз Пу получил письмо из дома, и к письму было приложено пятьдесят связок монет. Пу еще и десять связок передал матери Юнь-нян. А очень скоро его назначили служить в город Цинлун, что в Сючжоу, и Пу отправился с семьей к месту службы.

Однажды Пу сидел в кругу домашних, как вдруг поднялся полог, и кто-то вошел. Пу внимательно взгляделся — а это Юнь-нян!

— Я вам все отдала, чтобы помочь! — стала она укорять Пу. — Но вы не пошли по пути добродетели. Да еще при помощи тайной хитрости лишили меня жизни! Теперь ясно, что вы — негуманный человек. Но я уже добилась того, чтобы вы получили по заслугам!

— Да что ты за оборотень?! — закричал на нее Пу. — И как смеешь являться сюда и трещать без умолку?!

Тут он выхватил меч и ударил Юнь-нян. Она вдруг исчезла из глаз, и в лицо Пу ударил сильный порыв ледяного ветра — все домашние пришли в ужас.

Спустя несколько дней пришло сообщение, что объявились разбойники, и Пу, желая лично изловить их, сел в лодку. Они плыли уже полдня, как вдруг Пу плюнул на воду и сказал:

— А, ты опять пришла!

И тут из воды высунулась рука, ухватила Пу и потянула в воду — все сидевшие в лодках это видели. Присутствовавшие при этом чиновники бросились в воду, желая спасти Пу, но безуспешно. А на другой день нашли труп. Все тело и лицо Пу были покрыты ранами.

Мое мнение таково. Если нельзя безнаказанно присвоить состояние человека, так что же говорить о тайном нанесении вреда его жизни? Это ясно из того, как Юнь-нян отомстила Пу. Имеющие чувства должны этого остерегаться,

Примеч. Годы... Цин-ли — 1041—1048.

Суй хэ — приток р. Бяньхэ, протекавшей через сунскую столицу, г. Бяньцзин (совр. Кайфэн)..

Сю чжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Хэнань.

Записки о пастушке Мальчик является, чтобы отомстить злодею, погубившему невинного

Однажды, когда малолетний сын из семьи У Дэ 吳德, что жил в селе Фусунь на востоке уезда Фэнцзю, пас в поле овец, его кто-то убил и забрал одежду — [убийцу] никто не видел.

Семья убитого стала справлять положенные траурные церемонии, как вдруг появился маленький мальчик — уселся на алтаре и стал есть жертвенные продукты. Домашние испуганно стали его расспрашивать, и тот ответил:

— Мальчик из вашей семьи часто играл со мною. «Сегодня все мои домашние собрались дома, пойдем вместе!» — предложил он мне, мы пришли, и только начали есть, как снаружи раз-

дались рыдания, и кто-то вошел. Ваш мальчик указал на вошедшего и сказал: «Это он меня убил. Я его боюсь, не хочу, чтоб он меня увидел!» — и исчез.

Стали спрашивать, на кого он указал, и выяснилось, что это дядя убитого.

Тогда У Дэ подал жалобу властям с просьбой устроить убийце дознание, и преступник был покаран.

Примеч. Фэнцю — уезд, располагался на территории совр. пров. Хэнань.

Чэнь Шу-вэнь **Шу-вэнь сталкивает в воду Лань-ин**

Чэнь Шу-вэнь 陳叔文 был родом из столицы. Изучив канонические книги, он принял участие в экзаменах, выдержал их и получил назначение секретарем в город Исин, что в области Чанжоу. Семья Шу-вэня очень нуждалась: не хватало денег даже на нужды ближайших нескольких дней, и Шу-вэню не на что было выехать к месту службы.

А Чэнь Шу-вэнь был прекрасно сложен, красив и изящен. Однажды, в сильной тоске он зашел в дом певички Цуй Лань-ин 崔蘭英 и рассказал ей, что получил назначение, но по бедности не может вступить в должность.

— Хоть между нами и нет ничего серьезного, — начала Лань-ин, — но я давно уже думаю о замужестве. И в мошне своей наберу около тысячи связок монет, — если у вас еще нет жены, то я согласна выйти замуж за вас!

— Я не женат, — лукавил Шу-вэнь. — И коли так, то и прекрасно!

И они тут же составили договор.

Вернувшись домой, Шу-вэнь обманул жену:

— По бедности я не могу оплатить дорожные расходы, и обстоятельства таковы, что вместе нам ехать нельзя. Поэтому я один отправлюсь к месту службы, а как поднакоплю денег — и ты приедешь.

Жена согласилась.

И Шу-вэнь с Лань-ин поехали вниз по Бяньхэ. Они очень полюбили друг друга. Временами Шу-вэнь посылал кое-что жене.

Прошло три года.

Шу-вэня сменили в должности, он нанял лодку и поплыл назад.

«В сундуках у Лань-ин уж не наберется тысячи связок монет, — думал про себя Шу-вэнь. — Но она так добра ко мне! Однако она не знает, что я уже женат, а жена моя не знает про Лань-ин. Они не подозревают друг о друге. Я вернусь, и они встретятся — этого нельзя допустить! Так можно и под суд попасть!»

Днем и ночью Шу-вэнь измышлял хитрости и составлял замыслы, как избавиться от напасти, но никакого выхода не мог найти: коли не убить Лань-ин, то все может кончиться плохо. И тогда он с Лань-ин устроил пир. Они много выпили, а после первой стражи Шу-вэнь столкнул Лань-ин в воду. И тут же за нею бросил ее служанку.

— Ах, моя жена случайно упала в Бяньшуй! — стал кричать, рыдая, Шу-вэнь. — А служанка, желая ей помочь, кинулась в воду следом!

Как раз стемнело, и Бяньшуй тек стремительно как стрела. Плывшие на лодках пристали к берегу, чтоб помочь вытащить женщин, но они канули в воду бесследно...

Шу-вэнь же добрался до столицы, встретился с женой, и они стали обсуждать свои дела.

— Хоть в доме нашем и крайняя нужда, — сказал жене Шу-вэнь, — но, к счастью, в сундуках моих есть две-три тысячи связок монет, так что пока не надо ехать в путь за должностью!

Он устроил кладовые, чтоб брать вещи в залог. Прошел год, и в доме их сделался большой достаток.

В день зимнего солнцестояния Шу-вэнь с женой отправились в храм и дошли до Сянгосы. В храме среди людей были две женщины — они шли за Шу-вэнем следом. Шу-вэнь оглянулся: как будто Лань-ин со служанкой! Тут Лань-ин сделала Шу-вэню знак пройти вперед, тот придумал какую-то причину и оставил жену. Шу-вэнь и Лань-ин уселись на ступени террасы, и он спросил:

— Так ты жива?!

— Когда в то время вы задумали свою хитрость и сбросили нас в воду, — отвечала Лань-ин, — мы, держась друг за друга, проплыли ли или два, и ухватились за ствол дерева — только потому не пошли ко дну. Потом мы стали кричать, и нас спасли: так мы и остались живы!

— Ты была очень пьяна, стояла на носу лодки, как вдруг ноги у тебя подкосились, и ты упала в воду, а твоя служанка бросилась следом тебе на помощь! — покраснев от стыда, стал плакать Шу-вэнь.

— Не стоит снова о минувшем! — отвечала Лань-ин. — Это заставляет вас испытывать стыд. Но я не умерла, — и вовсе не держу на вас зла, господин! Уже давно я живу здесь — в переулке рыбаков у стен города. Не откладывая, завтра непременно вы должны нанести мне визит. А коли не придете, я подам жалобу властям, и вам уж точно присудят строжайшее наказание и сотрут в порошок!

Шу-вэнь сделал вид, что согласен, и они расстались.

Шу-вэнь вернулся домой в сильном испуге. А в начале их переулка жил некий Вэн Чжэнь-чэнь 王震臣, учил детишек грамоте. Шу-вэнь рассказал ему свою историю и спросил совета.

— Если вы не пойдете, — сказал ему Чжэнь-жэнь, — то будет судебное разбирательство, и оно плохо для вас кончится!

Тогда Шу-вэнь купил на рынке баранины, фруктов, чайник вина и, опасаясь, как бы домашние ничего не узнали, нанял в соседнем переулке мальчика, чтоб нес за ним все это.

Дошли до переулка рыбаков, — а девушка со служанкой уже стоят перед воротами дома, встречая Шу-вэня. Он вошел в дом, и до самого захода солнца не показывался. Его носильщик, не получив никаких распоряжений, все стоял у ворот, и кто-то спросил его:

— Что вы так долго тут стоите? Ведь уже вечер. Что же не уходите?

— Да меня нанял один человек, а его знакомые живут здесь, — отвечал тот. — Господин до сих пор не выходил, вот я его и ожидаю!

— Это же пустой дом! — сказал сосед.

И, взявши свечу, вместе с носильщиком вошел внутрь. На земле были расставлены кубки и тарелки, а сам Шу-вэнь лежал

навзничь с руками, связанными за спиной, и вид у него был такой, какой бывает у только что казненного человека.

Разбирая это дело, чиновники призвали жену Шу-вэня опознать тело и, не тратя более времени, приказали отвезти покойного на родину и похоронить.

Мое мнение таково. Все столичные жители слышали эту историю. Несправедливая обида, нанесенная человеком, не была наказана законом, зато была покарана духом! Это понятно, но и удивительно.

Примеч. Ч а н ч ж о у — область, располагалась на территории совр. пров. Цзянсу.

Шу-вэня сменили в должности... — Обычно чиновник получал должность сроком на три года, после чего мог получить продление полномочий, но, как правило, возвращался за новым назначением в столицу и переходил в разряд ожидающих должность.

С я н г о с ы — буддийский храм в Кайфэне, один из самых крупных в сунском Китае. В период Борющихся царств (475—221 до н. э.) тут была княжеская резиденция, а в 555 г. на ее месте начали возводить храм, который получил название «Сянгосы» в 712 г. по распоряжению танского двора. Храмовый комплекс предназначался для проведения ритуалов императорской семьи и высшей знати, в XI в. в своем составе насчитывал шестьдесят четыре строения, в том числе постоянные дворы для приезжих купцов, он был одним из самых крупных и пышных торговых центров Кайфэна, где несколько раз в месяц с большим размахом проводились торги, а также народные праздники и гуляния. Сянгосы полностью разрушен в конце династии Мин (1368—1644) — из-за разлива Хуанхэ, затопившей Кайфэн, и к 1766 г. отстроен заново. Территория нынешнего храма — более 380 гектаров. Среди его главных достопримечательностей — семиметровая статуя тысячерукой и тысячеликой бодхисаттвы Гуаньинь, вырезанная, согласно преданию, из цельного ствола старого абрикосового дерева; а также огромный цинский колокол на колокольной башне, высотой более четырех метров, одна из восьми главных диковинок Кайфэна.

История Бу Ци

**Замыслив завладеть женой брата,
младший брат убивает Бу Ци**

Бу Ци 卜起, житель восточной столицы, снискав покровительство власть предержащих и не останавливаясь перед трудностями, годами трудов пробил себе дорогу к службе, выдержал эк-

замен и получил, наконец, назначение *взем* в Гаоань, что в области Дуаньчжоу.

Исполняясь сочувствия к своему сводному младшему брату Дэ-чэну 德成, у которого и дома-то не было, Ци пригласил его ехать с собой. Они побывали в Цзи и Цянь, переехали через Даюйлин, пересекли Шаочжоу и поплыли вниз по реке Ицзян.

Дэ-чэн стал испытывать влечение к жене Ци, госпоже Бо, изящной красавице. Дни и ночи он думал о Бо, но не мог найти способа ее добиться. «Лодка ведь плывет по реке. Так что можно убить Ци», — решил про себя Дэ-чэн.

Однажды вечером Дэ-чэн и Ци стояли вместе на носу лодки и болтали. Дэ-чэн улучил момент и, когда Ци не ожидал того, столкнул его в воду. А сам принялся испуганно звать на помощь.

Когда рассвело, нашли труп Ци.

— Не надо убиваться! — сказал Дэ-чэн госпоже Бо. — Ныне уже мы уплыли за десять тысяч ли, и старший брат утонул. Прибавить к тому путевые издержки... Не стоит, чтоб люди знали. Я воспользуюсь именем брата, вступлю в должность и буду получать содержание, а когда срок службы кончится — можно будет и вернуться.

Госпожа Бо громко зарыдала. Тогда Дэ-чэн достал меч, показал его госпоже и прибавил:

— Если вы не подчинитесь, придется мне загубить вашу душу!

Госпожа Бо затаила неприязнь и лишь по ночам тихонько плакала. Вскоре Дэ-чэн сделал ее своею женою, и госпожа Бо не осмелилась дать ему отпор. Она лелеяла мысль о мести Дэ-чэну, но не знала как ее осуществить. А в то время сыну Ци как раз исполнилось семь лет, и Дэ-чэн полюбил его, как родного.

Вскоре кончился срок службы, и Дэ-чэн захотел взять госпожу Бо с собою в столицу, а семью оставил на Даюйлине. Он получил новое назначение — на пост секретаря в Шаньяне, что в области Чучжоу, и, взяв с собою госпожу, отправился через Даюйлин. Дэ-чэн просил госпожу Бо не вспоминать о том, что было, а сыну ее помог поступить в государственное училище.

Получив новый пост, Дэ-чэн перевез домашних в Чучжоу.

Потом он уехал в столицу, долго не возвращался.

Однажды сын внезапно спросил о своем отце, и госпожа Бо, роняя слезы, ответила:

— Он не твой отец!

— Что это вы говорите?! — в испуге воскликнул юноша.

— Этот Дэ-чэн — твой враг, именно он убил твоего отца! А твой отец, Ци, был чиновник за хребтом Даюйлин. Они ехали вниз по стремительным водам, и Дэ-чэн столкнул, и Ци утонул. Обманом занял Дэ-чэн пост твоего отца, ныне уж семь или восемь лет прошло! Вся душа моя наполнена страданием! Все это время я хотела отплатить Дэ-чэну, но поскольку я его жена, могла лишь думать о подобном: ведь дело может легко получить огласку, а результата не даст — и не удастся отомстить врагу твоего отца! Но теперь тебе уже пятнадцать, и ты можешь сам вершить большие дела. Ты сможешь отомстить ему, и я умру без сожаления!

И сын вместе с матерью отправились в присутствие, а там от начала до конца рассказали о своей обиде. Чиновники устремились по следам Дэ-чэна в столицу и, арестовав его, вернулись. Дэ-чэн во всем признался. Дело завершилось, и был подан доклад владыке. Тай-цзун издал повеление, и Дэ-чэна казнили в Чучжоу, а сына Ци назначили на его должность. Мать же была привлечена к ответственности за то, что не доложила сразу, но дело разобрал ее сын, и она была оправдана.

Примеч. *Вэй* — мелкий военно-полицейский чиновник, что-то вроде пристава.

Дуаньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Гуандун.

Цзи и *Цянь* — то есть области Цзичжоу и Цяньчжоу, располагавшиеся на территории совр. пров. Цзянси.

Даюйлин — горный хребет, расположенный на юге уезда Даюйсянь пров. Цзянси. Горы эти выходят также на территорию Гуандуна, в уезд Наньсюнсянь. Другие названия — Тайлин, Юйлин, Мэйлин (за обилие мэйхуа, растущих у подножья и на склонах). В танское время через хребет был проложен путь и сооружены почтовые станции, а при Сун на перевале построили заставу Мэйгуань, и те, кто ехал из Гуандуна в Цзянси и обратно, обычно пользовались этой дорогой.

Шачжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Гуандун.

Чучжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Цзянсу, а Шаньян был ее административным центром.

Записки о Гун Цю Украв золото, Гун Цю умирает от болезни

Гун Цю 龔球 был родом из столицы. Отец его получил чиновничий пост за пределами хребта, но заразился лихорадкой и умер, потому Цю долго носился, так сказать, по воле волн и скитался по югу.

В годы под девизом правления Чжи-пин Цю наконец вернулся в столицу. Он носил грубую одежду, страдал от холода, и ему не на кого было опереться. Нищенствуя, коротал Цю свои дни.

Однажды — время близилось к закату — какой-то родственник Цю по материнской линии встретил его на дороге, пожалел, подарил десять тысяч монет, помог одеждой и утварью. И Цю стал жить не нуждаясь.

А тут как раз настал праздник фонарей, запылали огни светильников, заскрипели телеги, загрохотали барабаны. Цю празднично шел следом за повозкой, крытой синим войлоком. В повозке была женщина. Вдруг она спустилась и поспешно куда-то пошла, а в руках у нее был синий кошель. Цю последовал за нею и они оказались в уединенном месте.

— Я служанка из дома императорского попечителя Ли. Срок, на который я себя продала, уже истек, но Ли не хочет меня отпускать. Поэтому я сегодня вечером улучила момент и просто убежала. И если вы позволите мне войти в ваш дом, то я хотела бы стать вашей наложницей! — сказала Цю дева.

Цю обрадовался и согласился. Они взялись за руки, дева подала Цю синий кошель, и дальше они пошли вместе.

Но Цю выдумал хитрость, чтоб ее обмануть. Он наугад указал на какой-то переулок и сказал деве:

— Там рынок, и на рынке мой дом. Ты посиди здесь, у входа в переулок, я же пойду сказать домашним, а потом и тебя позову в дом!

Дева не знала, что он замыслил обман.

Цю вошел в переулок и вышел совсем в другом месте. Потихоньку заглянул он в кошелек, а там — сплошь драгоценные жемчужины! Не смея продавать их в столице, Цю уехал в район Цзяна и Хуая, и продав одну жемчужину, получил тысячу связок монет.

Путешествуя с бродячими торговцами, Цю день ото дня богател все больше и больше. Он женился и взял служанку.

Однажды вечером Цю причалил к берегу в Чучжоу у дамбы Бэйшэнь. Стояла яркая прекрасная луна, и Цю с домашними сел пировать в лодке. Вдруг появилась маленькая лодочка — причалила рядом с лодкой Цю. Цю окликнул, не рыбаки ли, потом вгляделся — а в лодке женщина. Лицо ее Цю, вроде, когда-то видел, да где — никак не вспомнить.

— Я побывала на краю небес, во всех уголках земли, опустилась к девяти источникам, и нигде не могла найти вас — а вы тут! — сказала женщина.

«Чего это она меня искала и зачем нашла?» — подумал Цю, а женщина продолжала.

— Я та наложница, которая бежала из повозки. Вы забрали из моего синего кошелька жемчужины и скрылись, а я до самого вечера сидела и ждала вас! А потом меня забрал начальник рынка. В доме хозяина обо всем узнали и подали жалобу в присутствие. Чиновники стали расследовать, где же жемчуг, что лежал в синем кошельке, а я не знала, что и сказать. Меня заковали в колодки, били плетьюми и батогами с утра до вечера так, что мясо летело клочьями, а руки и ноги висели как плети! Не выдержав страданий, я в конце концов умерла в тюрьме. Обо всем я доложила в загробном судилище, а сегодня явилась, чтоб вы держали ответ!

— Может, ты отпустишь меня? — попросил Цю.

— Когда я вспоминаю о страданиях в тюрьме, то готова от ненависти разрубить вас на десять тысяч кусков! — отвечала ему дева.

Цю пытался смягчить ее и упросить. Но дева в гневе поднялась на лодку и плюнула в Цю. Домашние в испуге вскрикнули, дева же исчезла. Цю свалился ничком словно пьяный, а в середине ночи вдруг очнулся и сказал жене:

— Ах, как же могут люди совершать некрасивые поступки! Ведь загробное возмездие так очевидно! ... Чиновник приволок меня в загробное судилище, и я увидел князя, сидевшего в огромном зале. Он был одет в пурпурные одежды и просматривал дела. «Почему ты украл у женщины по фамилии Ван золотые жемчужины? — спросил князь. — Ты сейчас же должен признать свою вину!» И он кликнул чиновника: «Срок жизни Цю уже за-

кончился, но поскольку госпожа Ван претерпела жестокие муки, необходимо ему за них ответить. Приказываю вернуть его в мир людей, пусть ответит за страдания!» И князь приказал чиновнику отвести меня обратно...

И вот все туловище Цю покрылось нарывами, а мало-помалу нарывы покрыли руки и ноги. Кровавая жижа из нарывов залила тюфяки и циновки. А стоял разгар лета — и вонь сделалась такая, что приблизиться было нельзя! Жена и служанка чурались Цю, муки его были нестерпимы, день и ночь Цю кричал. Наконец, руки и ноги у него повисли как плети, и Цю умер.

Мое же мнение таково. Нельзя наносить обиду — ведь вот каково загробное возмездие. Прочитавшие должны остерегаться вести себя так!

Примеч. За пределами хребта — то есть на юге сунского Китая, традиционно считавшемся гиблым местом с нездоровым климатом. Годы... Ч жи - пин — 1064—1067. Девять источников — иносказательно о царстве мертвых.

Чэнь Гуй убивает быков За убийство быков Чэнь Гуй получает в наказание бычий облик

В местечке Таньдянь, что в уезде Фэнцю, жил некто Чэнь Гуй 陳貴, по профессии коновал. Он забил великое множество быков.

Однажды его поразил недуг. Несколько дней Гуй, точно взбесившись, выходил в поле и ел там траву. Домашние силой уводили его домой. Но с тех пор Чэнь ел только сено. Прошел месяц, и он умер.

А перед смертью несколько дней подряд Гуй ревел по-коровьему, и когда умирал, у него вырос хвост.

После этого прошел год, и в доме у соседа Гуя, некоего Чжана, отелилась корова. У теленка на брюхе были тонкие-тонкие белые волоски, образующие знаки «Чэнь Гуй». Все были очень удивлены. Жена Гуя хотела было выкупить того теленка и привести домой, но ночью во сне к ней явился чиновник и сказал:

— Если ты купишь того теленка, то примешь страдания от того, что придется стегать его плетью. Да и как ты смеешь перечить воле духов?! Ты будешь убита!

Жена тогда отбросила всякую мысль об этом.

Фэньян-ван Го Цзы-и
Два черта под кроватью
охраняют коня господина Го

Когда Фэньян-ван еще не был знатен, он однажды отправился по делам и заночевал в предместье столицы, на крестьянском дворе.

Луна неясно мелькала в тумане, бамбуковая изгородь у дома старика-крестьянина была редкая, да и поломанная к тому же, поэтому господин [Го] стреножил коня перед хижиной.

Он одиноко лежал, не будучи в силах уснуть, как вдруг слышит: подле лампы кто-то кашлянул, но кто — не видно. Тут из-под лежанки кто-то окликнул того, что под кроватью:

— Мы вдвоем дежури́м каждый по страже!

На исходе ночи вор украл лошадь [господина Го] — повел ее в пролом стены, и господин хотел было кликнуть хозяина [дома], как вдруг выползли те двое — из-под лежанки и от лампы, — и схватили злодея:

— Кто ты такой и как посмел украсть лошадь у Фэньяна! — И отвели лошадь обратно.

Всю ночь господин [Го] не сомкнул глаз и, едва рассвело, уехал.

Впоследствии господин покрыл себя славой, по службе дошел до высших постов, дочери его все повыходили замуж в знатные семьи, сыновья же женились на принцессах. У ворот [Го] среди чиновников были только вельможи, семья его насчитывала три сотни человек, и двадцать лет [Го] не приходилось одевать траур.

При династии Тан [Го] был первейшим человеком.

Примеч. Го Цзы-и 郭子儀 (697—781) — прославленный танский военачальник. Происходил из семьи военных. Принял решающее участие в подавлении мятежа Ань Лу-шаня, был губернатором обеих танских столиц — Лояна и Чанъани, а также занимал другие высокие придворные

должности. За заслуги перед тронем ему был пожалован титул Фэньян-вана 汾陽王, и в Фэньяне (Шэньси) полководец выстроил себе усадьбу. Из Фэньяна, кстати, происходили предки Го Цзы-и.

Два министра одного ведомства Люй и Цзя — два министра одного ведомства

Первый министр нынешней династии, покойный господин Люй Мэн-чжэн и первый министр [Люй] И-цзянь двадцать лет находились у кормила власти в одном министерстве, сплотили вокруг себя подчиненных, сменяя друг друга, управляли народом, привели в боязливое подчинение всех варваров, и в Поднебесной воцарилось единение и вечный праздник, а нравственность была непоколебима. У ворот домов министров сновали люди в синих и пурпурных одеждах. О, сколь славно!

Министр нынешней династии Цзя Хуан-чжун и министр [Цзя] Чан-чао последовательно занимали пост в одном и том же ведомстве, и, лишь оказавшись у власти, сразу привели в порядок все запущенные дела, а сановники и служилые люди из высших слоев общества исправно исполняли свои обязанности. В Поднебесной этих министров звали мудрыми. Прекрасно!

Примеч. Люй Мэн-чжэн (呂蒙正 944/946—1011) — сунский сановник. Успешно сдал в 977 г. экзамены на степень цзиньши (он был первым в списке выдержавших), Люй сразу получил назначение на пост тунпая в Шэнчжоу. В 980 г. стал императорским секретарем, занял пост в придворной академии Ханьлиньюань, а в 982 г. стал каньчжи чжэнши. Высокие посты при дворе, в том числе министерского ранга, занимал неоднократно: в 988 г., в 993 г., а также в 1001 г. По отзывам современников, прекрасно разбирался в людях.

Цзя Хуан-чжун (賈黃中 941—996) — сунский сановник и литератор. В возрасте шести лет выдержал экзамен для способных мальчиков. Экзамен на цзиньши сдал в пятнадцатилетнем возрасте, при правлении династии Поздняя Чжоу. Служил по исторической части, в начале сунского времени управлял областью Сюаньчжоу, был чжичжигао, вошел в число членов академии Ханьлиньюань, управлял Департаментом чинов, был главным экзаменатором на столичных экзаменах. В 991 г. был назначен каньчжи чжэнши. Всегда проявлял внимание к талантливым людям и всячески их поддерживал.

Цзя Чан-чао (賈昌朝 998—1065) — сунский сановник и эрудит, второе имя Цзы-мин 子明. В 1017 г. получил звание цзиньши без экзаменов,

за заслуги отца. Преподавал в Гоцзыцзянь, считался превосходным лектором. В 1043 г. был назначен на пост цаньчжи чжэнши, а на следующий год — начальником Шумиюаня (высший военный орган страны). Славился знаниями и острым умом.

Новое слово о крокодиле **Господин Хань пишет послание крокодилу**

Как-то читал я жизнеописание Хань Вэнь-гуна в «Танской истории». Вот что там говорилось: «На четырнадцатый год под девизом правления Юань-хэ господин был переведен на должность начальника области Чаочжоу. Прибыв на место, он обнаружил, что там крокодилы причиняют вред людям. Господин написал бумагу и вместе с жертвенным животным бросил в воды Эси, Злобного затона. На другой день вся стая крокодилов уплыла в море и остановилась, лишь преодолев тридцать ли».

Я этому очень удивлялся. В древности совершенные правители управляли так, что, бывало, тигры покидали их области да и саранча не пересекала границ. Из бумаг господина Ханя по делам управления ясно, что он прогнал крокодилов прочь, но вот в том, что он отогнал их за предел в тридцать ли, и крокодилы так и не смогли вернуться в пределы тридцати ли, — я сомневался.

На второй год под девизом правления Си-нин я по делам отправился к морю и стал наводить справки об этой истории: хотел знать, как выглядели те крокодилы. И один старый рыбак подробно рассказал мне всю правду:

— Крокодилы были и огромные, весом в несколько тысяч цзиней, и маленькие — но тоже не легче нескольких сотен цзиней. Плавали в воде, на суше спаривались и вылуплялись из яиц. Вид их — крабьи глаза, драконьи рога и тела, черепашии ноги! Хвостом могли хватать, а из носа, как слоны, выбрасывали фонтаны воды. Цвета были самого разного — от буро-желтого до темно-фиолетового. А маленькие крокодильчики жили в лабиринтах скал на склонах гор; яиц же крокодилы откладывали более сотни, больших и маленьких, но крокодилов из них вылуплялось два-три, а прочие — большие и малые черепахи. В воде, где обитали крокодилы, рыба не показывалась, и вниз по течению, кроме них, никого другого не было. Если же овцы, свиньи или со-

баки появлялись на берегу, крокодилы под водой подкрадывались к ним, хвостом сбивали в воду и пожирали. Люди очень от них страдали!

Я снова спросил старика:

— Когда господин Хань прогнал крокодилов, они уплыли, но правда ли то, что они остановились только через тридцать ли?

— Вот что я точно слышал от деда, — отвечал старец. — Господин Хань собственноручно написал бумагу и послал служащего управы [по фамилии] Ци подойти к берегу Эси, принести жертву и зачитать бумагу. Вскоре у берега появился огромный крокодил. Ци испугался и столкнул жертвенное животное вместе с бумагой в воду, а сам поспешно ушел. Оглянувшись на крокодила — а тот взял бумагу в пасть и поплыл прочь! В ту ночь был сильный гром, и фиолетовые облака окутали Эси. Жители после того дня больше не терпели бед. И если истории сказано, что крокодилы проплыли тридцать ли, значит, были сведения об этом!

Однажды рыбаки поймали на морском берегу самку крокодила — длиной не больше трех чи, и вид у нее был как раз такой, как рассказывал старец. Между чешуйками у нее торчали колючки — не дотронешься. Вида крокодилихи действительно можно было испугаться — каковы же тогда крупные [крокодилы]?!

Примеч. Вот что там сказано... — Оставив в стороне необычный внешний вид и повадки описанной Лю Фу популяции крокодилов, отметим, что в 819 г. Хань Юя за дерзкий доклад, в котором он порицал намерение императора везти в столицу мощи Будды и заодно проходил по буддизму как таковому, объявляя его крайне вредным, сослал на крайний юг тогдашнего Китая, в Чаочжоу (совр. Гуандун), заменив этой ссылкой смертную казнь. И вот что сказано по этому поводу в «Новой истории [династии] Тан»: «Только прибыв в Чао[чжоу], Юй спросил народ о бедах и несчастьях, и ему отвечали: "В Эси водятся крокодилы, они без остатка пожрали выращенный нами скот и мы, люди, через это очень страдаем". Через несколько дней Юй лично отправился взглянуть [на крокодилов] и приказал своему подчиненному Цинь Ци бросить в воду в качестве жертвы барана и свинью и зачитать молитвенный текст <...> (Далее приводится обращение Хань Юя к крокодилам, см. ниже. — *И. А.*) В вечер после этого лютый ветер и ослепительные молнии бесновались в затоне, а когда спустя несколько дней вода успокоилась, [оказалось, что крокодилы] бежали на шестьдесят ли на запад, и с той поры в Чао[чжоу] нет больше крокодилий напасти» (Синь Тан шу. Т. 17. С. 5262—5263).

Господин написал бумагу... — Читателю будет любопытно узнать, что же такое написал Хань Юй, вызвав подобную реакцию у так

называемых крокодилов. А написал он следующее (привожу с сокращениями перевод акад. В. М. Алексеева): «...Я, губернатор, получил веление от Сына Неба хранить и лично опекать вот эту землю, управлять живущим здесь ее народом. А ты, о рыба-крокодил! Глаза свои выпуча, ты сидеть не умеешь спокойно в этом водном затоне и вот захватил все эти места и тут пребываешь, поедая у жителей местных их скот и дальше медведей, кабанов, оленей и ланей, чтоб на этом жиреть, чтоб на этом плодить и детей, и внучат. Ты вздумал губернатору сих мест сопротивляться, оспаривать его значение и силу. Я, губернатор, хоть и слаб и даже немощен кажусь, но как могу я согласиться пред тобою, рыбой-крокодилом, поникнув головой, с упавшей вниз душой, весь в страхе, с зрачком, остановившимся внезапно, конфузом стать для всех — и для чинов, и для народа, и вообще, чтоб кое-как снискать себе здесь жизнь и хлеб?! Притом же я, приняв от Сына Неба повеленье, пришел сюда как губернатор, и ясно, что уже по положенью я не могу не спорить здесь с тобой, о рыба-крокодил! И если ты, о крокодил, способен что-либо понять, ты слушайся тех слов, что губернатор говорит. Смотри, вот область Чаочжоу: большой океан расположен на юге, большие киты и чудовища-грифы, и мелочь ракушек, креветок — все это вмещает в себя океан, не исключая ничего. Всему дает он жизнь и пропитанье. Ты, рыба-крокодил, отправишься туда поутру рано, а к вечеру, гляди, и доплывешь. И вот теперь с тобой я, рыба-крокодил, здесь заключу условие такое: к концу трех дней ты забирай с собой свое поганое отродье и убирайся в океан, на юг, чтоб с глаз долой от мандарина, здесь правящего именем царя и Сына Неба. Но если ты в три дня не сможешь, дойдем и до пяти. А ежели и в пять не сможешь дней, пойду и до семи. А ежели и в семь ты не сумеешь, то это будет означать, что ты не собираешься уйти. И будет означать, что для тебя совсем не существует губернатор, к словам которого прислушиваться должно. <...> Тогда я, губернатор этих мест, сейчас же наберу искуснейших людей из служащих моих или народа, которые возьмут по луку в руки, а с ним отравленные стрелы и с крокодилом таким расправятся, да так, что останутся не раньше, чем тебя и все отродье истребят. Тогда не кайся, не пеняй!» (цит. по: *Алексеев В. М. Труды по китайской литературе*. М., 2006. Кн. 2. С. 118).

Второй год... Си-нин — 1069.

Записки о красной змейке Ли Бо-шэн спасает змейку и сдает экзамены

Живший при Великой Сун Ли Юань 李元, второе имя Байшань 百善, был из Гуаньчэна, что в области Чжэньчжоу. В годы под девизом правления Цин-ли его отец был назначен чиновником в уезд Цяньтансянь, и Юань поехал вместе с ним.

После праздника фонарей [Юань] отправился на экзамены: [присоединился к] плывущим на лодке по Уцзяну.

[Однажды] он одиноко прогуливался пешком по берегу, как вдруг увидел маленькую красную змейку — длиной не более чи, с багряной чешуей, узорчатым брюшком, медного цвета спинкой и пурпурным хвостом. Издали она прелестно сверкала в лучах солнца. Змейку мучил пастушок, и Юань, исполнившись жалости, купил ее за сто монет. Завернул змейку в полу халата, вернулся домой, окунул ее в ароматную воду и смыл с ран кровь, а поздно ночью отпустил в заросли травы. Сам же на следующий день продолжил путь.

На другой год Юань опять ехал на восток по Великому каналу и миновал Уцзян. Он прогуливался по длинному мосту, и тут какой-то мальчик в темном платье, подойдя к нему с поклоном, доложил:

— Сюцай Чжу желает нанести вам визит!

Юань взглянул на визитную карточку, а там написано: «Цзиньши Чжу Цюань». Тогда он поступил как полагается: надел шапку, пояс, вышел навстречу, смотрит — молодой человек, манера держаться чистая и возвышенная, походка быстрая, свободная и изящная.

— Отец велел мне пригласить вас, благородный муж, для беседы! — молвил юноша. — Наш дом всего-то в нескольких сотнях шагов от моста.

— Да, но с вашим уважаемым отцом мы раньше не были знакомы, так отчего же он зовет меня? — удивился Юань.

— Отец так сказал: «У меня старая дружба с вашим дедом». Потому и послал за вами. Отец мой уже стар и давно не выходит из дома, надеюсь, вы извините, что он сидит сиднем!

Тон приглашения был очень любезен, и Юань никак не мог отказать юноше. Они вместе перешли мост, а там у берега уже стояла расписная лодка. Сели в лодку, поднялась пара весел из коричневого дерева, и лодка заскользила по волнам — как полетела. Подплыли к горе. На берегу ожидало несколько десятков людей, похожих на государственных служащих. Юань сел в паланкин и скоро оказался у красочных створчатых ворот, высоких палат, которые охраняла очень свирепого вида стража. Тянулись прямые галереи, огромные дворцы достигали облаков, пурпурные терема высились в пустоте, у самой воды стояли беседки, драго-

ценные украшения заполняли пространство потолочных балок, ступени были выложены ледяным нефритом, ниспадающие пологи унизаны жемчужинами, окна выложены плитками шлифованной яшмы — в мире людей даже у самых знатных такого не найдется!

Вдруг видит Юань: в зале сидит старик в высокой шапке и даосском платье, а вокруг него — красавицы.

— Это наш господин, — сказали Юаню.

Юноша ввел Юаня в зал, Юань поклонился старику, старик поклонился ему в ответ, усадил и сказал:

— Давно уже я оставил мирские дела и потому не мог нанести вам визит лично. Я остался дома, а за вами прислал лодку — надеюсь, вы не сочли мой поступок слишком дерзким. Теперь сын привел вас, и теперь мы можем поговорить с глазу на глаз... Когда сын мой был еще маленьким, однажды гулял он по берегу Уцзяна, и с ним случилось несчастье: его оскорбил невежественный мальчишка, и если бы вы, благородный муж, не обладали гуманной, исполненной чувства долга душой и, заплатив сто монет, не спасли ничтожную жизнь моего сына, сейчас останки его покоились бы в земле на берегу реки!

Тут Юань вспомнил, что однажды спас красную змейку.

— Этот господин, — обернулся старик к юноше, — тот человек, который вернул тебя к жизни. Ты сто раз должен ему поклониться!

Юань вскочил, желая отдать ответные поклоны, но старик самолично поднялся и удержал его.

— Вы должны сидя принимать его изъявления вежливости! Да и этого недостаточно, чтобы отблагодарить вас за щедрую милость!

Тут он приказал внести вино и устроил большой пир. Утварь там была вся из золота и нефрита. И — всевозможные изысканнейшие яства. Потом вошли девушки, певшие изумительные песни и чудесно танцевавшие, заиграла небесная музыка бессмертных — все такое, чего не бывает в мире людей!

Вино обошло несколько кругов, Юань поднялся и сказал:

— Я — ничтожный книжник, и никаких особых талантов у меня нет, но я удостоился такой щедрой милости хозяев, что не могу сдержать огромной радости. Только вот я опасаюсь как бы

лодка, на которой я еду, из-за моего отсутствия не задержалась. К тому же я хотел бы поскорее увидеться с отцом и матерью!

— Вы оказали моей семье такое благодеяние! — сказал старик. — И я надеюсь, что вы не покинете нас столь быстро, не закончив еще нашей любезной беседы.

— Тогда я хотел бы узнать поподробнее о том, как вы, князь, здесь живете, — спросил Юань.

— Вообще-то, я — дракон южного моря. А в мире людей у меня были незначительные заслуги, вот Небесный владыка и послал меня жить сюда, да еще пожаловал титулом Аньлювана — Князя-усмирителя потоков. К счастью, тут реки широкие и озера глубокие, так что можно найти приют. Вода благодатная, и ключи чистые — достаточно, чтобы поддержать мою старость!.. Знаю я, что вы ищете выгод от службы, чтобы покрыть почетом своих родителей и хочу потому воздать вам ничтожной благодарностью за щедрую милость. Позвольте ли?

— Дважды уже ходил я на экзамены, но еще не был облагодетельствован высочайшим благоволением, — отвечал Юань. — Если бы я удостоился покровительства, то живой или мертвый, но добился бы славы!

— У меня есть дочь, — сказал тогда ему старик. — Лет ей еще не столько, чтобы укладывать волосы в прическу, но я хотел бы подарить вам ее, как говорится, в услужение с совком и метлою. Возьмите ее, и она поможет вам.

Еще он дал Юаню в подарок сто цзиней серебра.

— На вещи вроде жемчуга я не смею скупиться, но ведь серебро легче продать! — объяснил старик.

Тут они с Юанем распрощались, Юань вышел за ворота и снова сел в лодку, а вместе с ним села девушка, и они поплыли вместе. Вскоре пристали к берегу, чиновник донес серебро до лодки Юаня и удалился.

Юань взгляделся внимательнее в девушку — изысканно-нежная, лицо чисто-прекрасное. Спросил ее о возрасте, и она отвечала:

— Тринадцать! — И сама уже назвала свое детское имя: Юнь-цзе. Говорила и улыбалась умно, и Юань всей душою ее любил.

Три года спустя огласили указ об очередных экзаменах.

— Я тайком проберусь в экзаменационный двор и подсморою, какие темы будут на экзамене, — предложила девушка.

Юань обрадовался.

Юнь-цзе вышла за ворота и вскоре вернулась, уже зная темы. Юань проверил, как говорится, легкость пера.

А на другой день, явившись на экзаменационный двор, Юань блистательно добился цели и одержал победу, заранее зная свою тему. После того, как его рекомендовали, на провинциальных экзаменах Юнь-цзе проделала то же самое — и Юань не менее блистательно сдал экзамен. Он был назначен на должность секретаря в Даньту, что в области Жуньчжоу.

Однажды Юнь-цзе сказала, что ей пора уходить. Юань, плача, пытался задержать ее. Но та не соглашалась.

— Я получила веление князя, как же можно медлить!

Тогда Юань устроил прощальный пир, провожая ее, и Юнь-цзе сочинила стихи:

Шесть лет я здесь была в благодарность за щедрую милость,
Но в водное царство, на родину рыб пришел возвратиться мне срок.
Кто мог знать, что, поженившись, нам расстаться придется?
Но продолжится ваша старая любовь скоро с новой женой.

(Вскоре Юань женился. Но когда глядел на это стихотворение, то не мог сдержать слез.)

Юнь-цзе, плача, снова поклонилась, встала с циновки — глядь, а ее уже нет! Много раз Юань рассказывал об этом своим родственникам. Он и сейчас еще жив.

Мое мнение таково. Рыбы и змеи существа волшебные. Если увидишь их — убивать нельзя. А уж если спасешь, непременно отблагодарят. Полностью ясны рассказы о том, как в древности змеи и черепахи воздавали благодарность людям, обладавшим чувством долга, и не стоит снова пересказывать их. Но они не похожи на происшествие с Юанем — оно современно и подробно, поэтому я и сделал из него рассказ.

Примеч. Чжэньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Хэнань.

Цяньтансянь — уезд, получивший название от реки, которая здесь протекает и на которой стоит г. Ханчжоу. В пров. Чжэцзян.

Уцзян — река в пров. Чжэцзян. Берет начало рядом с г. Сучжоу в озере Тайху.

Великий канал — строительство его было начато в 605, а закончено в 611 г. при династии Суй (581—618) и оттого канал еще называют Суйским. Канал связывал север и юг страны: на севере он был доведен до совр. Пекина, а на юге — до Ханчжоу.

Мальчик в темном платье — то есть слуга.

Услужение с совком и метлою — иносказательно о жене, наложнице.

Жуньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Цзянсу.

Юань Юань

Бессмертный старец, одушевляя мертвое тело, спасает Ли

Наставник Юань Юань 袁元 — откуда он родом, неизвестно — в грубом халате и соломенных туфлях обошел всю Поднебесную. И всегда, повсюду был сильно пьян.

В один прекрасный день он появился в уезде Чанцин, что в области Цичжоу. А в городе жил некий Ли, превосходивший всех своим достоинством. Проходя мимо его ворот, наставник указал пальцем на Ли и молвил:

— Подари мне на вино сотню золотом!

Ли не отказал ему в просьбе и даже на время оставил у себя. С того дня минул целый год, но Ли не выказывал ни малейшего неудовольствия.

— Уже давно я стесняю вас! — в один прекрасный день Юань стал прощаться с Ли. — Теперь собираюсь в дальний путь и, если вы на прощание угостите меня вином, то это будет верхом хозяйского гостеприимства! А я тоже вас кое-чему научу.

— Ладно! — отвечал Ли и вместе с наставником направился в винную лавку. Когда пир был в самом разгаре, наставник сказал:

— Вас ожидает большая беда. Сможете быть осмотрительны, тогда избежите ее, а если нет — стороной не обойдет.

— Как посмею я послушаться драгоценного наставления вашего! — отвечал Ли.

Тогда наставник достал кисть, на ладони Ли написал иероглиф «осмотрительность».

— Остерегайтесь вступать в драку. Если станете биться, противник умрет. Месяц не выходите за ворота — тогда все будет в порядке.

Вернувшись домой, Ли неотступно день и ночь соблюдал слова наставника и не смел перешагнуть порог.

Минуло полных десять дней, и однажды Ли услышал за воротами громкие крики. Забыв про наставника, Ли вышел взглянуть, в чем дело. Смотрит — какой-то хромой нищий, стоя перед закладной лавкой Ли, поливает ее хозяина непристойной руганью. Ли пришел в гнев и ударил его. Хромой упал на землю и головой ударился о дверной порог — замер, не дышит! Прошло уже много времени, а нищий все не подавал признаков жизни.

В великом горе зарыдал Ли.

— Не послушался я совета наставника, — сказал он матери. — Вот и случилась большая беда! И бежать мне нельзя — как покинуть вас, матушка?!

Ли очень переживал: ведь по характеру своему он был в высшей степени почтителен к родителям.

— Если сейчас бежать, то еще можно спастись! — возразила мать. — Не сиди и не жди, пока свяжут!

Тогда Ли вышел из дома через заднюю дверь и бросился прочь. Глядь — наставник! Ли, рыдая, стал кланяться.

— После того, как мы расстались, прошло десять дней, я беспечно отнесся к вашим советам, и сегодня все случилось так, как вы говорили, наставник! Что же теперь делать?

— Возвращайтесь, я что-нибудь придумаю! — был ответ.

Уединившись с Ли в тихой комнате, наставник сказал:

— Выйдите и дайте себя схватить, а я что-нибудь придумаю!

Наставник закрыл двери и смежил веки.

Ли вышел из ворот — любопытные запрудили всю улицу, и чиновники тут же связали его.

Вдруг хромой поднялся и сел, а вскоре пошел и стремительно скрылся из глаз. Тогда чиновники отпустили Ли и велели ему возвращаться домой.

Войдя в комнату, Ли увидел, что наставник все также чинно сидит с закрытыми глазами — будто погруженный в созерцание.

Только на другой день наставник, наконец, открыл глаза и сказал:

— Поскольку хромой, конечно же, умер, я ввел свой дух в его тело и заставил идти. Я отогнал его прямо на берег ручья в пещеру на горе Линъяньшань, в место, куда еще не ступала нога человека... Вы очень почтительный сын, за это вам полагалось хорошее воздаяние — срок вашей жизни составлял семьдесят четыре года. Но сегодня, убив хромого, вы на четыре года сократили его!

И наставник собрался уходить.

— В благодарность за ваше благодеяние — возрождение мертвого к жизни — недостаточно всего того, что есть в моем доме! — воскликнул Ли. — Представить даже не могу, чего вы желаете, наставник?

— Да ведь я то исчезаю, то появляюсь вместе со звездами, я долговечен, как небо и земля, — улыбаясь, отвечал Юань. — На что же мне земные ценности?

И ушел.

Примеч. Ци ч ж о у — область, располагалась на территории совр. пров. Хубэй.

Линъяньшань — гора в провинции Цзянсу, недалеко от г. Сучжоу. Наивысшая ее точка находится на высоте 182 м над уровнем моря. Гора славится камнями причудливой формы, среди которых наибольшей известностью пользуется так называемый «камень-личжи» (легендарный гриб бессмертия), стоящий перед пагодой Линъяньта. На самой горе и в ее окрестностях расположено несколько буддийских храмов. По преданию, здесь Су Ши встречался со своими друзьями-буддистами.

Записки о встрече с мертвым После смерти Шэн-цзинь выходит замуж за Сун Лана

Ху Фу 胡輔 был родом из столицы. И дед, и отец, и братья его — все, как говорится, заполнили имена в управлениях и министерствах, и в свое время [Фу] весьма успешно последовал их примеру.

Жена Фу родила девочку, и ее назвали Шэн-цзинь 勝金.

Девочке исполнилось четырнадцать, и она была очаровательна и привлекательна, а поведения — строгого и добропорядочного.

дочного. Родители Шэн-цзинь души в ней не чаяли и выделяли ее среди прочих детей.

Однажды дети и мать сидели за едой, и вдруг Шэн-цзинь ушла в комнаты — было слышно, как она там с кем-то разговаривает. Мать окликнула ее и спросила, в чем дело, но Шэн-цзинь не отвечала, лишь улыбалась. У матери зародились подозрения.

В эту ночь Шэн-цзинь заболела, а в полночь вновь с кем-то заговорила! Мать подкралась потихоньку, стала подслушивать, но слов так и не разобрала.

Днем дочери стало лучше. Мать пристала с расспросами.

Шэн-цзинь, покраснев от стыда, отвечала:

— Прошлой ночью приходила Пятая госпожа, корила меня, приказывала выйти замуж за Сун Эр-лана!

(А Пятая госпожа была кормилицей Шэн-цзинь и уже несколько лет как умерла. Эр-лан же был годовик Шэн-цзинь, умер маленьким.)

Мать очень перепугалась.

На другой день Шэн-цзинь вышивала по шелку, как вдруг быстро встала и ушла в дом. Мать окликнула ее несколько раз, и Шэн-цзинь отвечала:

— Пятая госпожа уже привела Сун Эр-лана!

Шэн-цзинь снова слегла.

Позвали мага-шамана совладать с нечистью, тот перепробовал множество способов, но облегчения все не было.

Долго Шэн-цзинь лежала ничком на подушке, днем и ночью живая еле-еле — будто спит, и, кажется, слышно, как про себя что-то бормочет. Она вовсе не ела, лишь пила бульон — остались кожа да кости, — и все это вызывало большое беспокойство у родных.

Однажды Шэн-цзинь поднялась и села. Позвала мать и сказала:

— На рассвете Сун Эр-лан встретит меня, пришел срок взойти в паланкин. Я очень приглянулась Сун Эр-лану!

Домашние сделали ей прическу. Шэн-цзинь потребовала себе новую одежду, потом повалилась на спину и — умерла!

Вся семья лила слезы, а пуще всех — отец с матерью. Отец похоронил тело Шэн-цзинь за городской стеною. Множество могил высилось там — никто не знал им числа — и одна была непо-

далеку от Шэн-цзинь. Пошли посмотреть — а это захоронение семьи Сун!

Все дивились этому.

Мое мнение таково. Вот уж воистину видно здесь, на что способны призраки! Что же удивительного в том, что днем они пугают людей и в конце концов могут довести человека до этакого? Прочитав историю про Цзян Дао, про останки девы из Юэ и про Шэн-цзинь, благородные мужи все без исключения вздыхают в изумлении — потому-то такие истории и сохраняются.

Примеч. История про Цзян Дао... — Речь идет о рассказе «История Цзян Дао» 蔣道傳, предшествующем в «Цин со гао и» данному фрагменту (с. 231—233), сюжет которого пересказан мною в предисловии к этим переводам. Что же до истории про останки девы из Юэ, то это довольно обширная новелла чуаньци, она также содержится в сборнике Лю Фу и называется «Записки о деве из Юэ» 越娘記 (с. 218—223). Содержание ее сводится к следующему. Путешествуя, книжник по имени Ян Шунь-юй однажды ночью в хмельной отваге заехал в места, о которых шли дурные слухи, и, потеряв в темноте дорогу, попросился на ночлег в единственную попавшуюся ему на пути хижину, чрезвычайно бедную, где одиноко жила женщина. Ян пристал к ней с расспросами и она призналась: «Я не человек, я жила во времена молодого государя Поздней Тан. Мой муж получил приказ отправиться в Юэ и там взяться, что называется, за лук и стрелы. А я должна была возвращаться домой. Но муж мой был груб с подчиненными, и его убили взбунтовавшиеся солдаты. В то время в Поднебесной случилась большая смута. Один солдат захватил меня и сделал своей женой. Но его тоже убили. Я остригла волосы и испачкала лицо грязью, чтобы скрыть свою красоту. Решила я потихоньку бежать на родину. Днем я пряталась, а ночью шла. Дошла сюда, но здесь меня схватили разбойники и силой затащили в леса, чтобы я готовила им еду и чинила одежду. Не стерпев издевательств разбойников, я через несколько дней повесилась на древнем дереве». После некоторого разговора Ян, разглядев, что, несмотря на лохмотья, женщина весьма красива, предложил ей не ограничиваться беседой, а развить отношения гораздо более близкого характера, что женщина отвергла, в свою очередь обратившись с просьбой: «Мои кости похоронены в неизвестности, и никто не знает, когда и где. Но если вы, господин, однажды вернетесь сюда и как полагается захороните мои останки, то успокоенная моя душа будет вечно перед вами в долгу». Ян выполнил просимое, и женщина ответила ему взаимностью, однако же через несколько месяцев Ян слег в болезни — поскольку сексуальное взаимодействие с душой умершей сводило на нет его жизненные силы. Женщина, любя его, ушла, прервав связь, а Ян обратился к даосу — чтобы вернуть ее. Вышло плохо: оказалось, что, узнав о том уроне, который она причинила Яну, женщину подвергли за-

гробному наказанию. Мораль Лю Фу: «О, как глуп Шунь-юй! Сначала он совершил доброе дело, перезахоронив брошенные кости, даже не думая о разврате — ну разве не прекрасно? Но потом, сблизившись с девой, Шунь-юй изменил своей добродетели, он мог и умереть — столь велико было его сладкое омрачение! Так умирали многие, кто столкнулся со сладким омрачением, и живым надо бы об этом помнить. Потомки его должны остерегаться таких вещей».

Как видно, все три рассказа повествуют о взаимодействии с душами умерших и о важнейшем для этих душ деле: правильном захоронении их бренных останков.

Дун Гоу Ночью проезжает через горный храм и слышит лис-оборотней

Дун Гоу 董邁, второе имя Ци-дао 濟道, был из Сило. Он хорошо учился и был талантлив.

Однажды, направляясь в Ичжоу, Дун остановился на ночь в горном буддийском храме на границе области. В храме жил только один монах.

Ночь выдалась глухая и темная. Дун зажег свечу и уселся. Вдруг слышит — за окном смех, шаги в галерее, кто-то переключается и разговаривает, кто-то дерется и плачет! Тут в окно просунулась чья-то рука, а в ворота принялись колотить камнем. На кухне бесы дрались за еду, в лесу злобно ухали филины, но вот прокричал петух, и все затихло. Гоу за всю ночь так и не сомкнул глаз.

Когда же рассвело, он принялся расспрашивать монаха, и тот отвечал:

— Очень много тут оборотней, бесов и удивительных тварей! Другие монахи, бывает, забредают сюда, но оставаться боятся, было даже — умирали [от страха]. Лишь я, старый монах, уже несколько лет живу здесь один. Сначала мне тоже было очень страшно, но шли дни, а вреда мне никто не причинял... Недавно тут останавливался один путник на ночь, так он отворил дверь, решив сходить по малой нужде — тут его нечисть и уволокла!

— Ну, а вы, учитель, наверное знаете какие-то заклинания, раз можете жить тут? — спросил тогда Дун.

— Ничего такого, — отвечал монах. — Просто днем я читаю по несколько цзюаней из «Алмазной сутры». И все. Тому, у кого на сердце нет страха, нечисть ничего не сможет сделать!

Тогда Дун написал на стене в храме стихи. Вот они:

Терновник в храмовом дворе вонзил колючки в облака.
 Поблизости здесь нет жилья — лишь дикий и дремучий лес.
 Среди бела дня в глухой степи спуют лисицы взад-вперед.
 И призраки встают во тьме поблизости от мрачных вод.
 И бесы гор друг друга кличут — мрак ложится на луну.
 И ветер мутный длит все злобный крик диких зверей.
 С зажженной свечой рассвета жду, ну разве можно спать?
 Я крепко-накрепко все двери запер, всю ночь от страха я дрожу!

Мое мнение таково. В глухих горах, в глубоких ущельях, в густых лесах, среди спутанных трав необычайные таятся существа. Что же удивляться, коли Гоу заночевал в горном храме и был столь напуган, что всю ночь не сомкнул глаз!

Примеч. Ичжоу — область, располагалась на территории совр. Пров. Сычуань.

«Алмазная сутра» (金剛經 «Цзинь ган цзин») — один из самых популярных в старом Китае сутр махаянского буддизма, «Ваджраччхедика Праджня-парамита сутра» («Сутра о запредельной премудрости, отсекающей заблуждения алмазным скипетром»), кратко излагающая суть доктрины *праджняпарамиты* (великого просветления). Была переведена на китайский язык Кумарадживой на рубеже IV и V вв.

Господин министр Чжан Хуа С помощью резного столба разоблачает лиса-оборотня

Во времена Цзинь некий путник, проплывая по императорскому каналу, причалил к берегу. Дело шло к полуночи, как вдруг путник услышал звуки тихой беседы. Вгляделся — а это лис сидит у резного столба!

— Мне ныне уже сто лет отроду! — говорил лис. — Я много слышал и видел. Пойду-ка нанесу визит господину министру Чжану.

— Господин министр Чжан Хуа — человек обширнейших познаний, тебе вовсе не следует к нему ходить! — вдруг раздался голос из столба.

— Нет, я уже решил! — отвечал лис.

— Иди, только потом не впутывай своего старшего брата! — отвечал столб.

И лис ушел. А путник не разобрался и подумал, что этот «господин министр» — какая-то родня [резного] столба.

В один прекрасный день путник стал свидетелем того, как какой-то человек, с виду ученый муж, явился с визитом к господину Чжану. Они уселись, завязалась оживленная беседа. Гость часто произносил разные удивительные слова, что называется, выходившие за пределы смысла.

Министр пришел в восторг, но про себя подумал: «Какой одаренный человек! Но как же я никогда не слышал его имени, коли он живет в пределах Поднебесной? Наверняка оборотень!»

И позвал чиновника.

— Приказываю доставить сюда, ко мне, недостойному, резной столб сухого дерева, что находится к юго-востоку от переправы.

При этих словах ученый изменился в лице.

Вскоре столб принесли. Господин Чжан приказал его [зажечь] и осветить ученого. Ученый в ужасе поскакал вниз по ступеням, превратился в старого лиса и удрал прочь.

Тут путник вышел вперед и доложил:

— Однажды ночью я ночевал у моста и слышал, как этот лис <...>¹ но почему, когда подожгли столб, лис принял [свой истинный] облик и сбежал?

— Только духи знают духов, и только оборотни знают оборотней, а этому уже сто лет! Когда же зажгли столб, то лис <...>² его слова, устыдился и бежал, — отвечал министр.

Известно, что лисы могут быть оборотнями, так же бывает и в наши дни.

Мое же мнение таково. Уже одних подобных разговоров о превращениях оборотней вполне достаточно, чтобы расстроить человека. И если бы не благородный муж обширных познаний, то как тогда распознали бы лиса?!

Примеч. Цз и н ь — государственное образование, существовавшее в период с 265 по 420 г.

¹ В китайском тексте утрачено пять иероглифов.

² В китайском тексте утрачен один иероглиф.

Резной столб — в данном случае речь идет о столбе, устанавливавшемся у почтовой станции с целью, с одной стороны, обозначить наличие и статус этой самой станции, а с другой, — для разных записей и объявлений.

Чжан Хуа (張華 232—300) — эрудит, литератор и государственный деятель при цзиньском дворе. Рано осиротел и очень нуждался., потом выдвинулся и принял участие в покорении царства У, за что двор пожаловал ему титул Гуаньфу-хоу 廣武侯. Был наставником наследника трона, министром. Славился изяществом и легкостью литературного слога, а также мудрой прозорливостью. Талантливый полководец. До нас дошли некоторые его произведения, в том числе «Бо у чжи» (博物志 «Обширное описание вещей»), а также 32 стихотворения. Легендарная личность, с именем которой связано множество рассказов.

Данный текст представляет собой вариант более обширного и, надо признать, гораздо более вразумительного рассказа, содержащегося в сборнике «Соу шэнь цзи» (搜神記 «Записки о поисках духов», цз. 18, № 421) Гань Бао (干寶 VI в.). У Гань Бао мотивация визита лиса-оборотня (кстати, не столетнего, а тысячелетнего) к Чжан Хуа состоит в том, что лис хочет испытать обретенные им волшебные возможности на мудром человеке, видящем суть вещей, и уверен, что разоблачить его подлинную сущность тому не удастся; резной столб же (тоже тысячелетний, оттого-то в нем и обитает дух) предостерегает его от опрометчивого поступка; лис не слушает, идет к прославленному министру и вступает с ним в беседу. Чжан Хуа видит, что перед ним существо необычайное, и не дает ему уйти, а напротив, решает испытать собаками; лис этого не боится — и министр утверждает во мнении, что перед ним нечисть матерая: «Если осветить его огнем тысячелетнего дерева, да еще сухого, он вмиг предстанет в своем истинном облике!» Отправляют людей срубить резной столб, у столба посланцам является мальчик в синем: «Этот старый лис лишился ума, он не послушался совета, и вот сегодня до меня дошла беда, и мне от нее никуда не убежать». Столб срубили, подожгли, осветили гостя: и правда, пестрый лис. «Эти две твари недооценили меня, — заявил Хуа, — больше таких тысячелетних оборотней не будет» (в русском переводе Л. Н. Меньшикова этот рассказ см. в кн.: *Гань Бао. Записки о поисках духов. С. 418—421*). Вообще же мотив обретения волшебных свойств древним предметом (камнем, зеркалом, пр.) в старой китайской прозе — и в сознании китайцев — был довольно распространён.

Записки о шаншу Сюэ

Записки об оборотнях-обезьянках в очаге

Шаншу Сюэ Фан 薛放 был назначен начальником области в Хэнань, а выйдя в отставку, поселился в столице. Сюэ весьма внимательно относился к домашнему хозяйству и утром и вечером, опираясь на посох, непременно обходил весь дом с проверкой.

Поднявшись однажды утром, он пришел в кухню и заметил в очаге какое-то подозрительное свечение. Сюэ разгневался на кухарку — почему она не погасила лампу и зачем поставила в очаг?

Подошел поближе, пригляделся. Видит — маленькая обезьянка, ростом шесть-семь цуней! Перед обезьянкой — крошечный стол, в окружности чи с небольшим, [на столе] еда в блюдах, совсем мелкая, но искусно приготовленная. Тут вдруг появилась еще одна лампа, а с ней — вторая обезьянка! Уселась есть напротив первой.

Сюэ очень удивился и ткнул в обезьянок посохом, но конец посоха до обезьянок не достал, хотя очаг был и неглубокий. Тогда шаншу позвал жену, детей и слуг. Все были в недоумении.

Вдруг обезьянки поставили лампы в блюда, блюда себе на макушки и, неся их на голове, совсем как люди, вышли из очага. Дойдя до ступеней в зала, они снова поставили лампы и тарелки и стали есть — будто рядом никого не было!

Сюэ в ужасе послал детей на поиски мага, чтоб тот отвел беду. Только вышли за ворота, как лицом к лицу столкнулись с ехавшим на лошади даосом. Даос спросил сына Сюэ:

— Вы, молодой господин, в явном замешательстве — верно, что-то случилось? Тот-то я смотрю: в этом доме очень-очень силен нечистый дух! всю жизнь я посвятил даосскому искусству, и, хотя отвести грозящую беду бывает трудно, если у вас действительно что-то случилось, то я вам, молодой господин, помогу!

Обрадовавшись, сын Сюэ пригласил даоса в дом. Сюэ вышел его встречать в парадном облачении, а домашние кланялись даосу в ноги. Усадили гостя в главном зале.

Обезьянки при виде даоса ни малейшего страха не выказали.

— <...>¹ несколько поколений, нанесших глубокие несправедливые обиды, — сказал даос. — То, что они сюда сегодня явились — малая беда!

Сюэ с женой и детьми рыдали от горя, долго просили даоса помочь.

— Вам повезло, что мы встретились. Я спасу вас от напасти. И хотя эти существа и были когда-то несправедливо замучены, но вы можете от них избавиться! — ответил наконец даос.

— Явите милость! <...>² только бы отделаться от них! — взмолился Сюэ.

— Обезьянки должны поставить свои блюда вам <...>³ на голову и там поесть. Тогда уйдут. Вы согласны? — спросил даос.

Сюэ боялся решиться на подобное. А домашние сказали:

— Да это же оборотни! Как можно, чтобы они залезли на голову?! Просим, придумайте, наставник, какой-нибудь другой способ!

— Ну, а что вы скажете, если они сначала поставят вам блюдо на голову, а потом залезут в него и так поедят? — спросил даос.

— Нет, нет, и это невозможно! — ответили домашние.

— Увы, другого способа нет! — сказал даос.

Сюэ снова долго слезно его умолял.

— В вашем доме есть кухонный сундук? Тогда вы, господин, войдите в него, а обезьянки поедят сверху. Как вы на такое посмотрите?

Все согласились. Тут же принесли деревянный сундук, постелили внутрь одеяло, Сюэ влез в него, и дверцы закрыли. Обезьянки забрались на сундук, расставили блюда и лампы. Домашние <...>⁴ со слезами окружили сундук. А тут и даос исчез неведомо куда. <...>⁵ испугались <...>⁶ искали повсюду. Тут и

¹ В китайском тексте утрачено три иероглифа.

² В китайском тексте утрачен один иероглиф.

³ В китайском тексте утрачен один иероглиф.

⁴ В китайском тексте утрачен один иероглиф.

⁵ В китайском тексте утрачен один иероглиф.

⁶ В китайском тексте утрачено два иероглифа.

обезьянки вместе с едой и лампами пропали. <...>¹ открыли сундук, а там — никого! Второпях бросились искать — ни следа!

Тогда [домашние Сюэ] облачились в траурное платье, выбрали благоприятный день и похоронили тот сундук.

Примеч. Сундук. — Как известно, в X—XI вв. китайцы еще не знали мебели с вертикально расположенными створками; до широкого проникновения в их традиционный повседневный быт стульев и столов на высоких ножках вся домашняя жизнь была сосредоточена на полу, на который по мере необходимости выставлялись, а потом убирались предметы обихода (как это принято до наших дней в традиционном японском жилище); хранилища для вещей тогда представляли собой невысокие, сантиметров в пятьдесят, сундуки с открывающимся верхом; с течением времени и распространением мебели в нынешнем понимании этого слова подобные «хранилища» также стали выше — некоторые были даже выше человеческого роста, однако же открывались они по-прежнему сверху, так что иногда для проникновения внутрь приходилось даже вставать на невысокую скамеечку.

Ма Фу

Оседлав во сне дракона и змею, одерживает победу на экзаменах

В годы правления под девизом правления Тянь-шэн Ма Фу 馬輔, собираясь на императорские экзамены, увидел во сне себя летящим на драконе и счел это весьма дурным предзнаменованием.

В тот год он победил в округе и выдержал экзамены в провинции.

Ночью Фу во сне снова оседлал огромную змею и взмыл в небо, и полет был очень стремительный.

Фу испуганно сказал:

— Раньше во сне я сидел на драконе, а сидеть на драконе — очень плохо. Сегодня же я оседлал змею, теперь уж ясно — дело дрянь!

Когда же на императорском дворе стали выкликать победителей, то сначала назвали Лун Ци, следующим — Шэ Ци, а по-

¹ В китайском тексте утрачен один иероглиф.

том уж — Ма Фу. Эти три человека непрерывно следовали друг за другом.

Удивительно! Знатность свою он за несколько лет до этого видел во сне!

Примеч. Годы... Тянь-шэн — 1023—1031.

Лун Ци... — Здесь, собственно, и раскрывается пророчество сна: Лун Ци 龍起 — дословно «взмывает дракон», а Шэ Ци 蛇起 — «взмывает змея». То есть, если бы Ма Фу истолковал сны правильно, то ему нечего было бы волноваться, поскольку тогда он бы понял, что пройдет на экзаменах третьим, а первым будет человек по фамилии Лун («Дракон») и вторым Шэ («Змея»).

Белый дракон-старик Нэйхань Чжэн превращается в дракона

Когда Чжэн Се еще не был знатен, однажды охватила его болезнь и несколько дней подряд все не было улучшений. Се очень страдал. Вдруг во сне оказался в каком-то месте — будто дворцовые палаты! Некий чиновник очень почтительно его встретил.

— О, как утомил меня мой недуг, весь так и горю! Мечтаю только о прохладе! Остудить бы тело! — сказал ему Чжэн.

— Купальня для вас уже готова! — отвечал ему чиновник.

Он отвел Чжэна в какую-то комнату и там посреди был бассейн шириною в несколько чи, выложенный плитками из светлой яшмы. Вода блестела прелестно, и была на удивление чиста и холодна. Чжэн сел на плиты и омочил тело водою. Тут видит — на плечах у него появились белые чешуйки, и тень такая, будто на голове вырос рог! Испугавшись, Чжэн кинулся бежать.

— Это пруд нефритового дракона! — объяснил ему чиновник. — О, как жаль, что вы, господин, не вошли в воду. Ведь тогда вы непременно стали бы очень знатны! Но вы лишь омочили себя водою, и теперь я не знаю, будет ли высок ваш взлет. Но к счастью вашему сами вы — белый дракон. Значит, знатны будете, хотя наивысшей знатности и не достигнете.

Тут Чжэн очнулся, прошло самое малое время, и его прошиб пот.

Впоследствии он сдал экзамены и стал непервейшим в Поднебесной. Чжэн сочинил стихотворение и подарил его другу. Вот оно:

Бывал на экзаменационном я дворе, и стал наипервейшим.
Средь превращений знаю свой я прошлый вид.
Лишь грянет гром — вздымаюсь тут же ввысь!
Конечно, ясно — я белый дракон-старик.

Всю свою жизнь Чжэн славился как первый в Поднебесной по литературным талантам, и всегда выдвигал способных людей!

Примеч. Чжэн Се (鄭解 1022—1072) — сунский ученый, эрудит, сановник. Довольно рано снискал себе славу литературным талантом. Получив степень цзиньши в 1053 г., он много и успешно служил как при дворе, так и в провинциях. В 1068 г. Чжэн Се стал членом придворной академии Ханьлиньюань (здесь об этом сказано *нэйхань*), а также был назначен управлять столицей — Кайфэном. Но на следующий год, из-за несогласия с реформами Ван Ань-ши, он был услан из столицы служить в провинцию. В изящном слове Чжэн Се ориентировался на Хань Юя и Лю Цзунюаня, а в поэзии его звучат темы социальной несправедливости и народных бедствий. Известна и его пейзажная лирика.

Записки о глиняном ребенке

Стражник по имени Цянь Цянь 錢千 шел однажды по берегу реки. Вдруг видит — на поверхности воды глиняный ребенок! Блестит чистыми красками. Цянь [его] выловил и принес домой жене.

— Вы принесли мне это потому, наверное, что у нас нет детей! — сказала жена. Сшила [для глиняного ребеночка] шелковую одежду, днем не спускала с рук, а на ночь укладывала в спальне.

Однажды вечером глиняный мальчик обмочил циновки, и Цянь выбросил его в канаву.

Среди ночи мальчик вернулся — вошел в ворота и, рыдая, стал просить жену Цяня дать ему грудь, а потом забрался на кровать и спрятался под одеяло.

Цянь испугался и пошел к некоему Кану погадать, [что все это значит].

Раскинув гадальные бирки, Кан сказал:

— Дело имеет отношение к судьбе всех нас троих!
Цянь рассердился, потребовал применить заклинания.
— Как вернетесь домой, — отвечал Кан, — возьмите нож и рубите его. Должно помочь избавиться от наваждения.

Цянь наточил меч, подождал, пока морок появится, ударил — услышал крик. Взял свечу, смотрит — а оборотня нет! Его собственная жена лежит в луже крови...

Назавтра Цяня по приказу властей схватили, и он показал, что его подучил Кан. Послали за Каном, чтобы он дал показания, но оказалось, что Кан повесился. Так и не смог Цянь оправдаться, и его казнили в восточной столице.

Примеч. С этого места начинаются восстановленные Чэн И-чжуном фрагменты, данные в издании 1983 г. в приложении.

У Да меняет имя

У Да 吳大 — он торговал туфлями на мосту Хунфэйцяо. А сосед его Ван Эр-шу 王二叔 зарабатывал на жизнь шитьем обуви, и оба они трудились ко взаимной выгоде.

— У меня есть дочь, — сказал однажды Ван, — хочу с вами породниться.

— Согласен! — отвечал У.

Заклучили брак, а потом Ван умер.

Прошел год.

Как-то вечером У возвращался домой. Пройдя сотню шагов, он вдруг увидел приближающегося к нему с востока Вана. Они приветствовали друг друга, и Ван пригласил У в винную лавку.

— Да ведь вы уже умерли! — воскликнул У. — Отчего же явились мне?

— Правда ваша, — отвечал Ван. — Моя дочь удостоилась вашего милостивого расположения, и я в загробном мире испытываю глубокую благодарность. Поэтому сегодня я и пришел с вами повидаться. Ведь я теперь назначен управлять мостом [Хунфэйцяо]. Так вот: очень скоро под ним погибнут пятьдесят три человека, в том числе и вы, господин! Поменяйте имя и фамилию и в ближайшее время на мост не подымайтесь! Запомните! — Вышел за ворота и пропал.

Вскоре, когда У торговал рядом с мостом, аккурат после полудня мост обвалился, и задавленных действительно оказалось пятьдесят три человека. Ну не удивительно ли?

Примеч. Как мы видим, Ван Эр-шу, в загробном мире назначенный на должность управляющего мостом, использовал служебное положение, дабы уберечь У Да от беды. Правда, данная ситуация вступает в некоторое противоречие с идеей предопределенности срока жизни, весьма популярной в старом Китае: ведь если У Да уже попал в список тех, кому суждено было погибнуть под мостом, ничто не могло изменить его участи. С другой стороны, если У Да поменял имя, а под мостом все равно оказалось задавлено пятьдесят три человека, то кто заменил У Да и как в таком случае звали погибшего? Воистину — удивительно! Интересно сравнить эту историю с «Серебром сюцай Ли» (см. ниже), где Яо, который, в силу своего загробного статуса, легко мог бы помочь нуждающемуся приятелю, заявил, что не пойдет на злоупотребление. Очевидно то, на что может решиться простолудин, и в загробном мире неприемлемо для истинного цзюньцзы и ученого мужа.

Серебро сюцай Ли

Сюцай Ли был из Лянчжоу. Жил бедно и, [чтобы прокормиться], устроил начальную школу для ребятишек. В день к нему приходило не больше десятка подростков, и того, что они платили за учение, часто не хватало.

Однажды Ли свалила болезнь, и он в мучениях скончался, а на другой день вдруг ожил.

— После смерти под землей я встретил чжуаньюаня Яо, — рассказал он жене. — Он там ведает записями положенной живым одежды и пищи. В былые дни мы с Яо вместе служили и ладили. «Вы так бедны, а потому пока возвращайтесь! — сказал мне Яо. — Хотя в моем ведении одежда и пища, на злоупотребления я не пойду, однако дарую вам, сударь, еще десяток учеников и серебряную пластинку — вот все, что я могу для вас сделать».

После этого крестьяне вдруг стали присылать к Ли детей учиться — и по сравнению с прошлым, учеников действительно стало на десять человек больше! А когда Ли однажды стал убирать в комнате, нашел серебряную пластинку.

Увы! Если даже количество учеников — и то предопределено загробными властями, неужели имеет смысл загадывать, как

сложится карьера, сколько лет отпущено прожить на свете и каким будет жалованье на службе!

Примеч. Лянчжоу — район совр. Гуйчжоу.

Чжуаньюань — почетное звание для победителя на высших государственных экзаменах: дворцовых испытаниях в присутствии императора.

Министр Коу рушит храм

Когда министру Коу Чжуню было девятнадцать лет, чжуаньюань Су И-цзянь на экзаменах в столице прошел третьим и был назначен управлять уездом Бадунсянь.

В пределах уезда издревле был храм, как назывался — [никто] не знал.

Однажды к старому начальнику уезда во сне явился рыдающий дух и сказал: «Скоро придет первый министр, и я не смею тут оставаться! Хоть насильно оставляй — все равно прогонит!» «А кто этот министр?» — спросил у него [Су]. «Скоро сами узнаете, а я не смею открыть вам этого!» — отвечал дух. Тут Су проснулся и обо всем рассказал сослуживцам.

Вскоре прибыл правительственный вестник с указом о том, что Коу должен сменить [Су].

И поскольку у того храма не было названия и на плане уезда он обозначен не был, его разрушили.

Да! Действительно, дух заранее знал, что его храм снесут и что Коу станет впоследствии министром! Говоря же, что остаться здесь ему никак невозможно, дух, конечно, имел в виду прямоту и решительность Коу.

Примеч. Су И-цзянь (蘇易簡 958—997) — сунский сановник, в 980 г. действительно держал экзамены в столице, однако же по списку выдержавших прошел не третьим, а первым. Много служил в столице и провинциях.

Бадунсянь — уезд, располагался на территории совр. пров. Хубэй.

К старому начальнику уезда... — То есть к Су.

Красное сияние Чжан Ю

Цзиньши Чжан И приехал из Эчжоу в столицу сдавать экзамены. Испытания закончились, но списки выдержавших еще не были вывешены, и Чжан с компанией однокашников бродил по винным лавкам.

Вдруг навстречу — какой-то человек. Поклонился Чжану и говорит:

— Вы, сударь, непременно будете в списках, но вам следует держаться двух красных сияний. Пока они горят над вашей головой, беспокоиться не о чем, а померкнут — и вы не уберетесь. Опасайтесь!

Сказал и исчез.

Чжан действительно выдержал экзамен, был назначен на должность и приехал к месту службы. Его начальником оказался человек по имени Хэлянь Ли — те самые «два красных сияния».

Вскоре Хэлянь умер, и Чжану тоже дали отставку от должности. Видно, все предопределено заранее, и избежать этого даже мудрому нельзя!

Примеч. Чж а н И 張誼 — чиновник времен правления династии Поздняя Тан (923—936). В годы под девизом правления Чан-син (930—934) действительно выдержал экзамен на цзиньши.

Э ч ж о у — область, располагалась на территории совр. пров. Хубэй.

Х э л я н ь Л и. — Простая игра иероглифов: первый иероглиф фамилии «Хэлянь» пишется 赫, что составляет пару иероглифов *чи* 赤, «красный», т. е. — два «красных», на что и намекал Чжану незнакомец.

Цзиннаньский господин Чэнь

В год под девизом правления Цянь-син, когда Чжан Цзюньфан стал помощником правителя Цзянлина, начальник области Ли Тань 李坦 занемог, и дела в управе пришли в упадок. В столицу был послан чиновник, но никаких известий о замещении должности больного еще не поступило.

А в это время *либу* Чэнь Цун-и пожаловали должностью налогового эмиссара в провинции Цзинхунаньлу. Чэнь выехал из Хэн[чжоу] в Шао[чжоу] и там задержался, разбирая весьма запутанное дело. Покинув Шао[чжоу] и проделав два конных перехо-

да, он пересел на лодку. Заночевал в буддийском храме. Около полуночи проснулся: одна из служанок стала метаться во сне с криками, словно в бреду. [Чэнь] поднялся, окликнул ее, девушка очнулась и вот что рассказала:

— Только что во сне я видела человека в белых одеждах, в шапке, очень внушительного и грозного с виду. Почтительно прижав руки к груди, он сказал: «Господин сюэши получил в управление Цзиннань. Я, пятый господин из Цзиннани, пришел сообщить ему об этом. Надеюсь, он найдет время разобраться».

Чэнь очень удивился.

А после того, как он приехал к месту службы, действительно прибыл с курьером указ о его назначении [в Цзиннань] — все, как во сне!

Чэнь прибыл в [Цзянлинское] управление и направился с визитом вежливости в храм [духа местности].

Он рассказал [об этом происшествии Чжан] Цзюнь-фану, и оказалось, что некогда по вине [Ли] Тянь был разрушен храм Утунмяо. Тогда Чэнь восстановил храм — все, как было раньше.

Ну не удивительно ли?!

Примеч. Год... Цянь-син — 1022.

Чжан Цзюнь-фан (張君房 конец X—перв. пол. XI в.) — сунский эрудит, чиновник, последователь даосизма. В годы под девизом правления Цзин-дэ (1004—1007) стал цзиньши, в 1012—1019 гг. по высочайшему распоряжению трудился над составлением критического текста даосского канона «Дао цзан», для чего была проведена сверка трех самых авторитетных списков памятника; в результате двору был представлен «Да сун тянь гун бао цзан» (大宋天宮寶藏 «Драгоценная сокровищница Небесного Дворца, [законченная при] Великой Сун») в 4565 цзюанях. До наших дней этот вариант «Дао цзана» не дошел. Также Чжан Цзюнь-фан сделал компендиум этого собрания — самое лучшее и сокровенное, всего 122 цзюани, — назвав его «Юнь цзи ци цянь» (雲 «Семь грамот из облачного хранилища»).

Чэнь Цун-и (陳從易 XI в.) — сунский сановник и поэт, при императоре Жэнь-цзуне занимал высокие посты, в том числе был *чжуншю шэ-жэнь* (чиновник Чжуншюшэна, Государственной канцелярии, ведающий делопроизводством и составлением черновиков императорских бумаг).

Цзянлин — область, административный центр Цзиннани, военного округа, располагавшегося на северном берегу Янцзы.

Хэнчжоу, Шаочжоу — области, располагались на территории совр. пров. Шаньси.

Цзинхунаньлу — сунская провинция, занимала территорию южной части совр. пров. Хунань и Хэбэй.

Утунмяо — храм злого духа, духа блуда и разврата Утуна 五通, он же Усянь лингун 五顯靈公, Уланшэнь 五郎神, Дуцзяо утун 獨腳五通. Культ Утуна известен в Китае начиная с танского времени; по крайней мере, к концу Тан и началу Сун относятся упоминания имени Утуна в письменных памятниках — так, о кумирне Утуна в Лючжоу упоминает Лю Цзун-юань (в «Лун чэн лу» 龍城錄); у Хун Мая сказано: «К югу от Великой реки (Янцзыцзян. — *И. А.*) много гор, а в долинах полно злых духов. Их проявления чудесны и крайне удивительны, и многим устроены кумирни — среди подходящих камней и деревьев. В каждой деревне есть. В двух Чжэ, к востоку от реки (территория совр. пров. Чжэцзян. — *И. А.*) этих духов зовут *Утун*, а к западу от реки — *Муся саньлан* (Третий молодой господин из-под деревьев), еще — *Мужэ* (Гость из дерева). Одноногих зовут *Дуцзяо утун* (Одноногий Утун), и хотя названия разные — это все один и тот же дух». Подробнее см.: *Хун Май*. И-цзянь чжи. Т. 2. С. 695—697. Не следует путать этого духа с «Пятью проникшими» (пишутся так же: 五通, они же «Пять мудрых» 五聖 или «Пять прославленных божественных господ» 五顯靈公, культ был также распространен в Чжэцзяне и Цзянсу), упоминания о которых тоже встречаются начиная с танского времени, — на различие между такими духами и Утуном указывает Хун Май; в более позднее время эти божества в народных верованиях окончательно перемешались, сохранив, однако, общие признаки, то есть враждебность к живым и склонность насыпать мороки (благодарю А. Г. Сторожука за предоставленные материалы).

И-су выдерживает экзамен

Дугуань юаньвайлан Се И-су однажды рассказал следующее.

В свое время он был на столичных экзаменах, и когда они закончились, Се в одиночестве отправился в храм Сянгосы к гадателю с просьбой погадать о судьбе. Тот бросил гадательные бирки, посмотрел и сказал:

— Господин непременно выдержит экзамен!

— Вчера на дворцовых экзаменах, — возразил Се, — я в оде использовал всего лишь семь рифм, а про восьмую забыл! Непременно провалюсь.

— Судя по биркам, — отвечал гадатель, — годы вашей, господин, жизни связаны с успехом на экзаменах, а больше я вам ничего не могу сказать.

Потом и правда выяснилось, что Се выдержал экзамены вторым — после чжуаньюаня Цай Ци. Совершенно непонятно, как это могло случиться. Ну разве не судьба?

Примеч. Се И-су (謝頤素 XI в.) — сунский чиновник, о котором известно только, что он занимал должность *дугуань юаньвайлана* (что-то вроде внештатного помощника в Департаменте наказаний; реальной власти должность не давала).

Цай Ци (蔡齊 988—1039) — сунский чиновник, действительно выдержавший в 1008—1016 гг. экзамен на степень цзиньши и по списку прошедший первым. Занимал ряд крупных постов при дворе.

Люй Фан меняет имя

Люй Фан 呂防 некогда должен был ехать в столицу на экзамены.

Там он познакомился с Лю Шэнь-шанем 劉神善, на городском рынке [гадавшем по] «И [цзину]» и весьма с ним сдружился.

Однажды они сидели в винной лавке, и Люй спросил:

— Как сложится моя судьба в этом году?

— Сначала выпьем, а потом скажу, — ответил Лю.

Прошло много времени, и [Люй] продолжал:

— В списке выдержавших весенний экзамен будет только Люй Сянь, а Люй Фана не будет. Измените имя, господин!

Это было еще до экзаменов в цензorate.

Последовав [совету Люй], Люй Фан изменил имя на Сянь 憲, и действительно — в списке выдержавших это имя оказалось после имени Ли Ди.

Примеч. «И цзин» 易經 — «Книга перемен» («Чжоу и» 周易), самый древний памятник китайской философской мысли, восходящий непосредственно к древнейшей китайской гадательной практике (на костях и стеблях тысячелистника), основу которого составляют 64 гексаграммы, состоящие из шести расположенных друг над другом целых и прерванных линий во всех возможных комбинациях. Ю. К. Щуцкий, великий китаевед и переводчик «И цзина» на русский язык, характеризовал этот уникальный памятник и как гадательный текст, и как философский трактат, и как собрание поговорок, и как политическую энциклопедию, и даже как «фаллическую космогонию» — все эти определения позволяют представить себе масштабность «И цзина» и его значение для китайской культуры. Считается, что гексаграммы существуют на все случаи жизни, т. е. являют собой всю без остатка совокупность жизненных ситуаций, логично вытекают друг из друга и полностью объясняют как общественные процессы, так и индивидуальные человеческие судьбы. Необходимо только правильно понять смысл и значение гексаграмм. Такие попытки, собственно, и составляют основное содержание «И цзина». Сочинение состоит из канонической части,

включающей в себя два раздела и относящейся, по всей видимости, к VIII—VII вв. до н. э.; а также комментаторской части «И чжуань», куда входят так называемые «Десять крыльев» (VI—IV вв. до н. э.) — семь комментариев-чжуань, три из которых имеют по два раздела. Подробнее об этом памятнике см.: *Щуцкий Ю. К.* Китайская классическая «Книга перемен».

Ли Ди (李迪 971—1047) — сунский сановник, действительно выдержал экзамен первым в 1005 г. Занимал посты министерского ранга. В начале 1020 г. Ли Ди дали отставку с поста министра и выслали управлять областью в провинцию. Службу закончил на посту наставника наследника престола.

Цун-чжэн получает продление жизни

В начале годов под девизом правления Чжи-пин некий Хуан Цзин-го 黃靖國, секретарь управления уезда Басянь, что в области Юйчжоу, был пожалован назначением на пост военного инспектора в Хуайхуа.

Как-то один солдат из пограничных войск обругал своего начальника.

— Обругать начальника — преступник заслуживает смерти! — сказал Хуан *цзюньцзяо*. — Однако, если мы закуем его, как положено, в кандалы и будем производить дознание, выйдет очень много мороки. Поэтому примем к преступнику свои меры.

[Каждый солдат] гарнизона ударил [виноватого] палкой — забили до смерти.

А на пятый год под девизом правления Син-нин, когда Хуан служил в Ичжоу, пришел официальный вызов прибыть в столицу. В пути Хуан вдруг заболел и умер.

А через двадцать два дня он ожил.

Вот что Хуан рассказал близким:

— Сначала я увидел, что за мной явились двое в желтом платье. Вышли мы за западные ворота, и через десять с чем-то ли показался дворцовый город, а вокруг великое множество охраны. Меня повели на аудиенцию к вану. Я дважды поклонился. «Как ты смел безвинно убить человека!» — вскричал ван. Тут ввели какого-то человека, и тот громко завопил: «Немедленно верни мне мою жизнь!» Я взгляделся, а это тот самый солдат из Хуайхуа! Тогда я рассказал от начала и до конца, как все было. «Раз так, то разве эта казнь была незаслуженной?» — рассудил ван. Солдат

замолчал, и его увели. И тогда какой-то чиновник вывел меня за ворота. Там я увидел ровные ряды дверей, и у каждой — охрана. Я обратился к чиновнику с расспросами, и тот, указав на одну дверь, сказал: «Это узилище танской императрицы У-хоу». Указал на другую: «А тут — танские продажные чиновники». [И еще:] «Вот здесь — танские клеветники». «А долго ли подобные им пребывают здесь?» — спросил я. «После смерти такие люди обречены на бесчисленные страдания, для них не предусмотрено освобождения», — был ответ. Потом я снова предстал перед ваном. «Вы служили в Ичжоу, знаете ли лекаря Не Цун-чжэна 聶從政?» — спросил он. «Знаю». «Хочу, чтобы в мире кое чего опасались», — сказал князь, и тут ввезли женщину лет двадцати с чем-то. Воин вспорол ей живот и стал колоть внутренности ножом. Кровь залила весь пол, а стенания женщины были невыносимы! «Это — госпожа Ли, жена хуатинского уездного секретаря некоего Вана. Она возымела желание сблудить с Не [Цун-чжэном], но тот не посмел. Теперь женщина здесь принимает муки. Не [Цун-чжэну] же срок жизни продлен еще на двенадцать лет. В загробном управлении к подобным делам относятся с наибольшим вниманием. В мире живых слишком много соблазнов, ради которых можно пойти на всякие ухищрения, но в загробном царстве закон строг и уклониться [от кары] трудно! Таких проступков следует избегать, сообщите об этом, господин!» После князь меня отпустил.

Хуан навел справки о Не Цун-чжэне, и оказалось, что [с тех пор] прошло уже пятнадцать лет! [Об этой истории] давно забыли.

Как не трепетать перед загробным возмездием!

Примеч. Годы... Чжипин — 1064—1067.

Юйчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Сычуань.

Хуайхуа — военный округ, располагался на территории совр. пров. Хунань.

Цзюньцзяо — военный чин, что-то вроде капитана.

Пятый год... Синнин — 1072.

Ичжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Хэнань.

Ван — один из высших титулов знатности; здесь, по всей вероятности, имеется в виду владыка подземного царства Яньло-ван.

У-хоу — танская императрица У Цзэ-тянь (吳則天 624—705).

История второй дочери Чжана

Дочь Чжан Луаня 張鑾 из уезда Цзаньхуансянь области Чжаочжоу умерла на седьмой день второй луны четвертого года под девизом правления Чжи-пин. Прошло три дня — и она ожила! Выговор у [девушки] странно изменился — стал как у хэдунцев.

— Я — Ван Лянь-чжи 王璉姪 из уезда Лэпинсянь, семнадцати лет меня отдали за господина Куня. Муж оказался злым, жестоким человеком, и я повесилась. Два духа препроводили меня в большой город, и там были княжеские палаты, называвшиеся «[Палаты] Цинь-гуан-вана». Князь стал спрашивать, как вышло, что я умерла, приближенные внесли огромное, размером с колесо от телеги зеркало и велели мне взглянуть в него. «Когда-то эта женщина срезала кусок мяса с собственной ноги, чтобы вылечить мать, а потом — на собственном плече возжигала ароматные свечи, молясь об облегчении болезни свекрови. За эти два поступка ей можно продлить жизнь на двенадцать лет. Немедленно верните ее назад!» — приказал чиновнику князь и велел отправить меня домой. Но тело мое уже было безнадежно испорчено веревкой, и мы вернулись к князю. Тогда князь разрешил мне вселиться в какое-нибудь другое тело, и так я оказалась здесь!

И еще девушка рассказала, что в подземном аду все точно такое, как и в мире людей. Сделаешь хорошее или плохое — и воздаяние получишь соответствующее. Как не страшиться!

Примеч. Чжаочжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Хэбэй.

Четвертый год... Чжи-пин — 1067.

Хэдунцы — т. е. жители земель, расположенных к востоку от р. Хуанхэ.

Лэпинсянь — уезд, располагался на территории совр. пров. Шаньси.

Цинь-гуан-ван 秦廣王 — один из помощников владыки ада Яньло-вана, управляющий первым из десяти залов (адов) загробного мира, куда души совершивших самоубийство попадают сразу после смерти и где определяется первичная степень их вины (в первую очередь — с помощью упомянутого в тексте огромного зеркала, отражающего все дурные и хорошие дела, которые человек совершил при жизни), а также перспектива наказания. По китайским народным верованиям, в первом зале есть два отделения: Цзичан, Двор голода, и Кэчан, Двор жажды, где грешникам, соответст-

венно, не дают есть и пить. Помещенные в эти дворы грешники раз в месяц снова совершают самоубийство тем же способом, а через некоторое время души переправляют во второй зал, к Чу-цзя-вану, где проверяют, исправились они или нет, и в зависимости от этого или оставляют их в покое, или назначают новую порцию вразумляющих наказаний. День рождения Цинь-гуан-вана отмечался в первый день второй луны.

История Сянь Цзи-цзюня

Однажды Сянь Цзи-цзюнь 賢雞君, [второе имя] Лу-гань 魯敢, будучи в западной части города, встретил служанку в синем платье.

— В восточном кабинете господина давно ожидает гость! — доложила она.

Сянь направился домой, вошел во двор, видит — прекрасная дева, что называется, блистает красотой в тени цветов! Сянь подумал: лиса-оборотень! — и с неприступным лицом отошел подальше. Тогда дева медленными шагами ушла.

Прошел месяц с небольшим.

Вдруг дева прилетела к Сяню прямо по воздуху.

— Я, ничтожная, — дальняя родственница Сиванму, — сказала она. — Живу в тереме Сичжэньгэ, у пруда Яочи.

И вот, будто во сне, она подхватила Сяня, и они сели на блестящих красками цилиней-единорогов, понеслись в холодной сверкающей бирюзовой пустоте и скоро оказались рядом с отвесным обрывом высотой во много чжанов. Поднялись на гору, где росли персики бессмертия, и слева показался чудесный парк, сверкающий словно золото или серебро!

— Это Яочи! — объяснила дева.

Лазурные воды плескались в туманной дымке, далеко кругом поверхность воды сверкала мелкой рябью. Высились жемчужные башни, яшмовые чертоги, далеко окрест разносился нежный нефритовый звон. Среди красного сияния и изумрудных облаков словно повисла радуга, — и тут они коснулись земли ногами. Дева велела Сяню подниматься в терем Сичжэньгэ.

— Я слышала однажды, как Цзюнь-нян (Пурпурная дева) декламировала ваши стихи! — заметила дева.

Только сказала — и разлилось во все стороны красное сияние, зазвенели жемчужные украшения и появилась женщина: глаза как звезды, прекрасное лицо словно подкрашено киноварью, пурпурные одежды.

— Это и есть Сиванму! — сказала дева.

Прошло долгое время, и прибыла Цзыюнь-нян.

— А это — Сянь Цзи-цзюнь! — познакомила их дева.

Вскоре они подняли винные кубки, и прислужницы запели «Пением вторят друг другу феникс с луанем» и «Раньше времени празднуют дождик и тучка».

Потом вошли в пещеру, а там — бирюзовые персики, абрикосы, а аромат густой, как туман.

— Мы еще встретимся с вами в мире людей! — сказала дева. — А потом поселимся тут вместе.

Сянь распрощался и отправился домой.

Примеч. С и в а н м у 西王母 — «Владычица Запада», женское божество, хозяйка Запада и обладательница снадобья бессмертия. В древности Сиванму, по всей вероятности, была богиней царства мертвых, но с течением времени ее образ трансформировался. Считалось, что Сиванму со свитой обитает в горах Куньлунь, где растут персики бессмертия и где на берегу пруда Яочи стоит ее дворец, она — хозяйка своеобразного рая бессмертных (в распоряжении этого божества находятся списки всех бессмертных, и она может оказывать существенное влияние на их судьбы), для которых устраивает регулярные пиры.

Нищий из Лунхэюя

Ли У-цзин 李五經 отправился в столицу за новым назначением. Путь его лежал через местечко Чжутинчжэнь. Там Ли повстречал двух нищих-попрошаек, которые спорили у обочины дороги. Одна из двух, ветхая старуха, голосила:

— Я всю жизнь прошу милостыню и вот скопила несколько сотен золотом, ты взял у меня займы, а теперь и половины не возвращаешь!

У-цзин достал несколько связок монет и протянул задолжавшему, чтобы тот вернул.

— Я действительно должен ей деньги! — с благодарностью сказал нищий. — А вы, господин, просто прохожий, но все же нашли несколько монет, чтобы разрешить наш спор!.. Я живу в мес-

течке Лунхэцхой, и если вы, господин, соизволите посетить меня, то я непременно отблагодарю со всей щедростью.

У-цзин удивился его словам.

Впоследствии, когда он проезжал через Лунхэ, то действительно нашел там указанный дом. Вошел в ворота, видит — несколько нищих сидят рядом у огня земляного очага. Пройдя в дом, У-цзин увидел спящего на возвышении человека в официальной шапке и поясе — тот самый нищий-попрошайка!

Нищий пригласил У-цзина садиться и сказал:

— Выпейте, чтобы согреться, немного вина!

У-цзин с глубоким подозрением в душе молчал. Нищий принялся очень усердно за ним ухаживать, но У-цзин вежливо отказывался, и так ни глотка и не выпил, лишь коснулся вина губами. Стоял сильный мороз, но на тарелках были все летние фрукты. У-цзин украдкой сунул за пазуху три персика.

Тогда нищий сложил такие стихи:

Вы, господин, меня подозреваете, но как же вы неправы!

Нельзя прожить среди людей, так им не доверяя.

Понятен путь мой, прост — словно точильный камень.

Так отчего вы, господин, отказываетесь на него ступить?

Вернувшись домой, У-цзин сунул руку за пазуху, а там вместо персиков — три кусочка золота! У-цзин исполнился еще больших подозрений и на другой день снова направился к нищему с визитом, но даже дома его не нашел, и сколько бы ни спрашивал, никто про того нищего ничего не знал.

Из золота У-цзин распорядился отлить чашу для питья. Ему было уже больше семидесяти лет, а лицо у У-цзина оставалось как у юноши. Не действие ли это вина, которого У-цзин лишь коснулся губами?

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. «РАЗЫСКАНИЯ О ВОСТОЧНОЙ СУНСКОЙ СТОЛИЦЕ»: СВЕДЕНИЯ О ХРАМАХ И КУМИРНЯХ

Сунские кумирни (*мяо*) и храмы (*цы*), располагавшиеся в восточной столице империи (совр. г. Кайфэн, сунское название — Бяньцзин), известны нам по ряду исторических сочинений и одним из наиболее представительных в их ряду является книга цинского автора Чжоу Чэна 周城 «Сун дун цзин као» (宋東京考 «Разыскания о восточной сунской столице»). О самом Чжоу Чэне мы знаем крайне мало: годы его жизни пришлись на конец XVII — первую половину XVIII в., второе имя его было Ши-пао 石匏, а родом Чжоу происходил из провинции Чжэцзян. Его сочинение «Сун дун цзин као» (двадцать цзюаней) состоит из более чем пятисот фрагментов, объединенных в сорок два тематических раздела (目 目 *мэнь*). Тут собраны разнообразные сведения о Кайфэне за сто семьдесят лет, пока этот город был восточной столицей сунского Китая; при работе над книгой Чжоу Чэнь привлёк свыше трехсот разнообразных письменных источников, часть которых до наших дней не сохранилась; достоверность излагаемых им сведений не вызывает сомнений: вот что написал Ван Мэй (王澐 перв. пол. XVIII в.), автор одного из предисловий к «Сун дун цзин као» (датировано 1731 г.): «Чжоу Ши-пао бывал в Кайфэне трижды, он излазал все уголки в своих поисках. [Он], если находил что-то в книгах, непременно хотел увидеть это своими глазами; если увидеть было невозможно, наносил визиты старожилам, дабы услышать от них подтверждение [прочитанному]. Когда же не мог ни увидеть, ни услышать, то обращался к тому, что называется неофициальной историей чиновников

байгуань¹, и проверял их сведения тоже...»². Ценность сочинения Чжоу Чэна, пишет современный исследователь и текстолог Дань Юань-му, еще и в том, что книг, посвященных восточной сунской столице крайне мало: нам известно, что при Северной Сун неким Сун Минь-цю 宋敏求 были написаны «Дун цзин цзи» (東京記 «Записки о восточной столице»), но до наших дней эта книга не дошла; сочинение же южносунского Мэн Юань-лао 孟元老 «Дун цзин мэн хуа лу» (東京夢華錄 «Записки ярких сновидений о восточной столице»), при всей его уникальности, слишком беллетризировано, дабы дать полное и объективное представление о сунском Кайфэне³.

Религиозная жизнь китайского общества издавна отличалась разнообразием, особенно умножившимся в период правления династии Сун, когда, помимо буддизма и даосизма, пышным цветом расцвели многочисленные мелкие местные народные культы. Взаимодействуя с главными религиозно-философскими учениями (даосизмом, конфуцианством и буддизмом), приспособиваясь к ним и отчасти видоизменяя их, местные культы стали основой того, что принято называть китайским религиозным синкретизмом. Верования в многообразных духов вызвали к жизни многочисленные храмы, и храмы стали появляться повсеместно. Так, в южносунском городе Цзянькане в одно и то же время действовали 28 даосских святилищ (觀 *гуань*), 33 буддийских храмовых комплекса (寺 *сы*) и 42 храма и кумирни мелких божеств народного пантеона (廟 *мяо* и 祠 *цы*). В некоторых местностях народные храмы были особо многочисленны — например,

¹ Существовавшие в древности специальные чиновники, в задачу которых входило информировать императорский двор об умонастроениях простого народа, для чего эти чиновники предпринимали поездки в разные концы страны и записывали необходимую информацию. Через некоторое время слово «байгуань» стало нарицательным для обозначения неофициальных сведений о повседневных земных предметах.

² Чжоу Чэн. Сун дун цзин као. С. 2. Это издание осуществлено по уникальной рукописи, отпечатанной с досок в 1762 г. и хранящейся в библиотеке Пекинского университета. По этому изданию и осуществлен нижеследующий перевод.

³ Дань Юань-му. Предисловие редактора // Чжоу Чэн. Сун дун цзин као. С. 3—4.

на юге, в Фучжоу, где «в каждом уезде было до нескольких сотен штук»¹. Ряд не одобренных властями храмов и кумирен стал попадать в реестр принадлежностей «непристойных» культов (淫 *инь*) и централизованно уничтожаться: так, в первый год под девизом правления Чжэн-хэ (1111) только в Кайфэне, было уничтожено 1038 таких храмов. Распространение народных культов приняло такие формы, что в некоторых местностях определенному местному духу поклонялись буквально в каждом доме.

Современный китайский исследователь Чэн Минь-шэн 程民生 выделяет несколько типов распространенных при Сун народных храмов цы и мяо, а именно:

1) кумирни духов гор (岳廟 *юэмяо*). Прежде всего это духи пяти священных гор Китая: Тайшань, Хуашань, Хэншань, Чаншань и Суншань. Среди прочих особо выделялась Тайшань, и, если духам прочих гор было возможным приносить жертвы и возносить молитвы в одном храме, то для духа Тайшани сооружались специальные кумирни — Дунюэмяо, причем при сунской династии поклонение этому духу достигло своего расцвета. Двор специальными указами даровал духам всех пяти гор императорские титулы (帝 *ди*), и эти культы носили, таким образом, официальный характер². Выстраиваемые в честь духов священных гор

¹ См.: Чэн Минь-шэн. Шэньцюань юй сундай шэхуэй. С. 401.

² Интересный фрагмент, связанный с дарованием духам гор титулов, содержится в сборнике бицзи «Дун-по чжи линь» (東坡志林 «Лес записей Дун-по») великого сунского литератора Су Ши (蘇軾, 1037—1101): «Когда я служил в Фуфэне — давно — в один год навалилась страшная засуха, и я спросил одного старика, где в границах области можно совершить моления. "Гора Тайбайшань — она очень чудотворящая, с древности еще не было ни одного безответного моления, — отвечал тот. — Но вот недавно управлять областью был назначен Сян Чуань-ши и он пожаловал духу горы титул Цзиминь-хоу. С тех пор моления остаются без ответа, а в чем тут дело — никто не знает". Я задумался. Взялся листать "Тан хуэй яо", смотрю — а там сказано: "На четырнадцатый год под девизом правления Тянь-бао маг подал на высочайшее имя [доклад], говоря, что в пещере Цзиньсиндун, что на Тайбайшани, есть драгоценные амулеты и волшебные снадобья, и туда послали чиновников и добыли [все это], а духу горы даровали титул Линьин-гуна". После этого я и понял, что же вызвало неудовольствие духа. Доложил начальнику области: надобно послать чиновников для вознесения молитв и, если дух согласится, то следует восстановить титул гуна, и тогда-то в области появится вода, словно из откупоренной бутылки. Еще не успели ничего сделать, как поднялся свирепый ветер — знамена и пологи так и замелькали в воздухе, будто наяву явился людям Будда! А потом хлынул сильный дождь — лил три дня напролет, и в том году случился богатый урожай. И я изготовил бамбуковые таб-

кумирни находились под официальным надзором, специальные чиновники совершали инспекционные поездки для осмотра их состояния и докладывали о необходимости ремонта, который производился на казенный счет;

2) кумирни духов вод (瀆廟 *думяо*). В первую очередь это духи «четырёх потоков»: рек Чанцзян (Янцзы), Хуанхэ, Хуайхэ и Цзихэ. Предпочтение среди них отдавалось духу Чанцзяна, в случае засухи император обращался (письменно) к нему с просьбой о дожде. Особым почетом кумирни этих духов пользовались у жителей прибрежных деревень и городов, рыбаков, торговцев, т. е. у всех тех, кто по роду своих занятий или стилю жизни был связан с водой;

3) кумирни духов-покровителей городов (城隍廟 *чэнхуан-мяо*). Первые кумирни такого рода появились еще во времена правления династии Западная Хань (206 г. до н. э.—23 г.), но до сунской династии их было очень немного; культ чэнхуанов получил особое развитие именно при династии Сун¹. Стали появляться также кумирни духов-покровителей уездов (縣隍 *сяньхуан*). Кумирни чэнхуанов пользовались расположением властей: духам нередко даровались почетные титулы (не выше вана), за самими сооружениями осуществлялся надзор, и т. п. Очень часто в роли местных духов-чэнхуанов оказывались после смерти известные чиновники и ученые, по роду своей деятельности или службы связанные с данной местностью;

лички, на которых подробно описал эту историю и присвоил [духу горы] титул Миньин-гуна. Потом еще раз переписал — на бумаге, а бумагу сжег в кумирне [духа горы]. В день совершения жертвоприношений появилась белая мышь длинной в чи с лишним — пробежала по уставленному вином и фруктами алтарю, пискнула, но ничего не тронула. "Это дракон!" — сказал сведущий старик. А был тогда седьмой год под девизом правления Цзяю» (*Су Ши*. Дун-по чжи линь, С. 145). Дело в том, что в старом Китае существовало пять рангов знатности (*гун* 公, *хоу* 侯, *бо* 伯, *цзы* 子 и *нань* 男, в порядке убывания), и когда духу горы, после того, как ему давно, еще в танское время присвоили ранг гуна, недалековидный и, судя по всему, не очень эрудированный Сян Чуань-ши (向傳師 XI в.) вдруг даровал более низкий ранг хоу, указанный дух имел все основания затаить обиду за незаслуженное понижение в знатности.

¹ Можно, конечно, вслед за Чэн Минь-шэном, рассматривать расцвет культа чэнхуанов именно в сунское время в качестве побочного следствия бурного развития городов и городской жизни (*Чэн Минь-шэн*. Лунь Сундай шэньцы цзунцзяо. С. 61).

4) кумирни духов-покровителей местности (土地神 *туди-шэнь*). Духи-покровители местности были объектами поклонения, главным образом сельских жителей и их культ часто очень близко примыкал к культам духов-покровителей городов. В то же время храмы духов-покровителей существовали совершенно независимо ото всех прочих культовых сооружений и духов, которыми поклонялись в данной местности: и до наших дней на территории буддийского или даосского храма можно увидеть маленькую кумирню местного духа, покровительствующего данной местности, а значит, и храму, на территории которого находится¹;

5) храмы исторических лиц (人物祠 *жэньуцы*). Эти храмы сооружались в честь исторических лиц — от императоров и знати до простых чиновников: тех, что заботились о народе; тех, кто не пожалел самой жизни для дела, которому служили; тех, кто трудом своим укрепляли государство; тех, кто выказали верность долгу и преданность государю; тех, кто сумели совладать с стихийными бедствиями и болезнями. Многие сунские чиновники вскоре после смерти удостоились подобных храмов²;

б) «непристойные» храмы (淫祠 *иньцы*). Строительство таких сооружений проводилось местными жителями по собственной инициативе и безо всякого разрешения властей, а культы духов этих храмов не попадали в официальные реестры и были официально не признаны. Часто такие храмы имели отношение к издревле бытовавшим в данной местности примитивным верованиям, вере в злых духов и оборотней. Некоторым из этих духов приносили кровавые человеческие жертвы³.

¹ В сунское время культ духов-покровителей местности приобрел особый размах — стали появляться кумирни, посвященные покровителям гораздо более локального масштаба, нежели уезд или село, например, духам-покровителям конкретного родового поместья, даже лавки или постоянного двора (*Ван Цзэн-юй*. Сун Ляо Цзиньдайдэ тяньди шаньчуань гуйшэньдэн чунбай. С. 79).

² Среди храмов подобного рода были такие, которые строились вкладчину благодарными жителями конкретной местности, а были и такие, которые по тем же причинам возводились по приказу и на средства официальных властей — не только в местах, где данный чиновник прославился мудрым управлением, но также и на родине такого человека (см.: *Чэн Минь-шэн*. Лунь Сундай шэньцы цзунцзяо. С. 62—63)..

³ *Чэн минь-шэн*. Шэньцюань юй сундай шэхуэй. С. 402—405.

В упомянутой выше книге Чжоу Чэня в разделе «Цы» содержатся сведения об одиннадцати храмах, в разделе «Мяо» — о двадцати четырех кумирнях (цзюань пятнадцатая и шестнадцатая). После названия каждого храма или кумирни Чжоу Чэн приводит общие сведения о нем и о его расположении; далее следует сделанная Чжоу Чэном подборка фрагментов из разных сочинений, имеющих отношение к данному храму.

Ниже читатель найдет перевод сообщаемых Чжоу Чэном общих сведений обо всех этих кумирнях и храмах (узкий столбец текста), а также необходимые примечания, сделанные мной (цитируемые Чжоу Чэном дополнительные сведения из иных источников приводятся выборочно). Нумерация фрагментов в оригинале отсутствует.

Чжоу Чэн
Сун дун цзин као
Цз. 15—16:
Разделы «Цы» («Храмы») и
«Мяо» («Кумирни»)

(1) **Гуйсянцы** (桂香祠 Храм коричневого аромата). На территории [училища] Тайсюэ. [Тут] совершали жертвоприношения духу Вэньчан сылу хунжэнь дицзюнь 文昌司祿宏仁帝君, справа и слева [от его статуи] — два духачиновника, ведающих результатами экзаменов и назначением на должность. Впоследствии, когда [училище] Тайсюэ переехало, а храм остался, его переименовали в Цзытунмяо 梓潼廟. Держащие экзамен ученые возносят тут молитвы — и [молитвы] не остаются без ответа.

Примеч. Училище Тайсюэ — столичное высшее учебное заведение. Впервые такое училище было учреждено при ханском императоре У-ди (на троне с 140 по 87 г. до н. э.). В сунское время, в 1044 году, было восстановлено по распоряжению императора Жэнь-цзуна. В Тайсюэ ежегодно обучалось до двухсот юношей: как отпрысков знатных семей, так и талантливых юношей простого происхождения. При Шэнь-цзуне (на троне с 1067 по 1085 г.) и позже обучение было разделено на три ступени (舍 *шэ*), а количество обучающихся

приблизилось к четырем тысячам человек. После падения Северной Сун Тайсюэ было упразднено; вновь воссоздано в 1143 году.

Два духа-чиновника. — В более поздних преданиях это духи Куй-син 魁星 и Чжу-и 朱衣. Последний ведал получением ученых степеней и изображался в виде старика в красной одежде (*чжу и*). Подробнее см.: Мифы народов мира. Т. 1. С. 257.

В данном отрывке речь идет о Вэньчане, духе-покровителе ученых и получающих должность, его молили также о ниспослании хорошего жалования; согласно легендам, зафиксированным в сунское время в сочинении даосского толка («Цин хэ нэй чжуань» 清河內傳, 73 гл. «Дао цзана»), божество это появилось на свет в начале эпохи Чжоу (1066—221 г. до н. э.) и после того семьдесят три раза перевоплощалось, пока, наконец, не родилось в конце правления Западной Цзинь (265—316) в местечке Цицюшань уезда Цзытунсянь (пров. Сычуань) в облике некоего Чжан Я-цзы 張亞子 (惡子 Э-цзы).

Чжан Я-цзы, которого мать воспитала в духе высшей сыновней почтительности, героически погиб в сражении, был прославлен, и в его честь стали сооружать храмы. Первый храм (он существует и до наших дней) был сооружен на родине Чжана, в уезде Цзытунсянь, пров. Сычуань и назывался он первоначально Яцзымяо, а дух его считался одним из покровителей уезда. По преданию, Чжан Я-цзы покровительствовал танскому императору Сюань-цзуну (на троне с 712 по 756 г.) во время бегства от мятежников в Сычуань, за что дух был пожалован титулом Цишунь-ван 濟順王. Удостоился дух почестей и в юаньское время, когда, в 1316 году, духу был дарован титул Фуюань кайхуа вэньчан сылу хунжэнь дицзюнь (輔元開化文昌司祿宏仁帝君 Помогающий изначальному, распространяющий просвещение, [одаренный] широчайшей добродетелью Государь-Повелитель из Управления назначений Вэнь-чана), что окончательно объединило его с духом-покровителем литературы и экзаменующихся Вэньчаном. Отсюда, кстати, и различные названия для этого духа, в том числе — Цзытуншэнь (梓潼神 Дух из Цытуна), по названию родного уезда. В сунское и более позднее время среди ученого сословия поклонение духу Цытуншаню (Вэньчан сылу хунжэнь дицзюню) носило массовый характер: «Во всех учебных заведениях Поднебесной есть храмы Вэньчана, совершать поклонения [этому духу] считают очень важным» (цит. по: *Чжоу Чэн*. Сун дун цзин као. С. 266).

(2) Чжэньуцы (真武祠 Храм Истинной воинственности). К юго-востоку от Фаньтай. В начале годов под девизом правления Кай-бао (968—975) здесь видели черепаху, [перевитую] змеей и после этого построили храм. На второй год под девизом правления Тянь-си (1018) рядом с храмом забил ключ, [вода в нем] обладала лечебными свойствами, и тогда там построили Сяньюаньгуань (祥源觀 Святилище благовещающего ключа), и храм [Чжэньуцы] тоже вошел в его состав.

Примеч. В этом храме совершали поклонения Сюань-у (玄武 Темная воинственность), духу-покровителю севера. Одна из легенд гласит, что человек по имени Сюань-у жил во времена мифического императора Хуан-ди; он отказался от отцовского престола и посвятил себя самосовершенствованию, для чего по повелению своего наставника, даосского патриарха Цзыюньцзюня, удалился на гору Тайхэшань (позже, в честь Сюань-у, была переименована в Уданшань, пров. Хубэй) и занялся там приготовлением снадобья бессмертия. После долго-трудных усилий достигнув желаемого результата, Сюань-у познал Дао и вознесся на небо (подр. см.: Мифы народов мира. Т. 2. С. 481; современный исследователь Ма Шу-тянь приводит восемь различных вариантов происхождения данного божества, в том числе мифологического характера. См.: *Ма Шу-тянь*. Хуася чжушэнь. С. 64—66). Впервые название «сюань-у» было зафиксировано в «Чу цы» (楚辭 «Чуские строфы»), в поэме Цюй Юаня (屈原 340?—278? г. до н. э.) «Путешествие вдаль». В цзиньском сборнике «И линь» (異林 «Лес удивительного») сказано: «В свете существующие изваяния Чжэнь-у все — с черепаха-ми, [перевитыми] змеей. Молва объясняет [это тем, что] черепаха была злым оборотнем (妖 яо), а Чжэнь-у служил ей, но это не так. В "Удан чжи" (武當志 "Сведения об Удан") говорится, что семь звезд северной части неба образуют Сюань-у. А Сюань-у — и есть черепаха, [перевитая] змеей. Цвет сюань — красный с черным. Черепаха и змея сплошь покрыты чешуей, и это образ воинственности (武 у). Чжэнь-у — дух Северного полюса. Его образ напоминает черепаху со змеей» (цит. по: *Чжоу Чэн*. Сун дун цзин као. С. 267). Выступая в ранних легендах в образе черепахи со змеей или в образе некоего гибрида этих двух животных, к сунскому времени Сюань-у приобрел облик чиновника, непременными атрибутами которого стали черепаха и змея: «Его изображают духом севера, с прической и в черных одеяниях, опирающимся на меч и попирающим ногой черепаху со змеей; следом — свита с черными знаменами» (*Чжао Янь-вэй*. Юнь лу мань чао. С. 121). В конце X века дух Сюань-у был канонизирован, а при императоре Чжэнь-цзуне, в годы правления под девизом Да-чжун сянь-фу (1008—1016) духу было даровано новое имя — Чжэнь-у 真武, поскольку знак *сюань* был табуирован как входящий в имя государева родственника. Дух пользовался большим авторитетом и при монгольской династии Юань, в 1344 году, по личному распоряжению Хубилая в столице был выстроен дворец Дачжаоингун — специально в честь Чжэнь-у, а несколько позднее духу был дарован императорский титул, в соответствии с которым Чжэнь-у был провозглашен самым главным духом Севера. Наибольшего же расцвета культ Чжэнь-у получил в минское время, когда по распоряжению двора его «родной» горе Тайхэшань (тогда уже Уданшань) было даровано название Даюэ Тайхэшань, т. е. «Великий пик гора Тайхэшань», на горе были выстроены многочисленные храмы и курмири, после чего Тайхэшань довольно быстро сделалась одной из важных гор в даосской табели о священных местах. В столице также был отстроен особый храм Чжэньмяо, который получил статус одного из девяти главнейших столичных культовых сооружений.

(3) Чидисы (赤帝祠 Храм Красного Императора). В квартале Аньефан, в пределах городской стены. [Там] при-

носили жертвы духу Чжужуну; по-другому называется Хошэньмяо (火神廟 Кумирня духа огня). Хуэй-цзун (на троне 1101 по 1125. — *И. А.*) пожелал построить рядом с дворцом Тайигун святилище Хосингуань (火星觀 Святилище Огненной звезды), но правый советник Жэнь Бо-юй выступил с порицанием и остановил [государя]. Неизвестно, в какое время был сооружен этот храм и подробности [о нем тоже] неизвестны.

Примеч. Жэнь Бо-юй (任伯雨 1047—1119) — сунский придворный и государственный деятель, служил в провинциях и при дворе. За полгода пребывания на должности в цензorate подал трону 108 докладов. Был очень силен в знании канонических сочинений.

Чжужун 祝融 (Чжу-юнь) — божество огня, о нем есть упоминания в «Шань хай цзине» (山海經 «Каталоге гор и морей»): «У Чжу-жуна тело зверя и лицо человека, он восседает на двух драконах» (разд. «Хай вай нань цзин».); по преданию, является отдаленным потомком мифических императоров Хуанди и Янь-ди. В ряде источников — помощник Янь-ди (Огненного императора) (Каталог гор и морей. М., 1977. С. 185). Подробнее см.: Юань Кэ, Чжоу Мин. Чжунго шэньхуа цзыляо. С. 39—40; Мори Ясутаро. Чжунго гудай шэньхуа. С. 1—10.

(4) Сяолунцы (小龍祠 Храм маленького дракона). За пределами городской стены, на берегу Бяньхэ.

Примеч. С этим драконом связана следующая легенда, содержащаяся в сборнике сунского Цай Тао (蔡條 XII в.) в «Те вэй шань цун тань» (鐵圍山叢談 «Собрание бесед с горы Тевэйшань»): «Маленького дракона из района Хуанхэ и Хуайшуй называют божественно-поразительным. Свидетели описывают дракончика в мельчайших подробностях... В годы Чун-нин (1102—1106) на реке Хуайшуй внезапно сильно поднялась вода, и большие лодки не могли выехать из устья Бяньхэ. Однажды, перед рассветом появился дракончик, он пристроился к корме [одной] лодки. Жена кормчего не поняла, что это дракон, назвала его ящерицей и толкнула прочь. Дракончик ухватился за весло и стал карабкаться по нему. Тогда женщина, разозлившись, схватила факел и ударила дракона по голове. Ударил — тут же разнесся ужасный раскат грома, и лодки, что были в устье Бяньхэ — казенные и частные, числом более семисот — с размаху наскочили друг на друга и разбились. Погибло несколько тысяч человек. При дворе опечалились известием об этом и повелели местным властям оказать помощь [семьям погибших].

В один прекрасный день, когда налоговый эмиссар провинции направлялся в столицу, дракончик появился снова. Вельможа страшно перепугался, поспешил возжечь благовония и обратился к дракону: "Хочу следовать в столицу для доклада вместе с Вами, государь, дабы Вы предстали перед Сыном Неба. Позволите ли?" Дракончик тут же принял очень довольный вид, изогнулся,

юркнул в шкатулку с благовониями и замер там. Эмиссар поспешил доставить его в столицу и привез для обозрения Лу-гуну (сунский министр Цай Цзин 蔡京 1047—1126. — *И. А.*), дабы тот доложил трону.

Владыка (т. е. император Хуэй-цзун. — *И. А.*) повелел доставить [дракончика] в пределы [запретного города] и приготовить там вино и фрукты для церемонии поклонения. Дракончик внезапно выскочил из шкатулки, взял в лапы золотую чашу и отпил несколько глотков. Сын Неба пришел в изумление и, взяв стеклянную коробочку, посадил дракончика туда, лично запечатал. [Коробка с дракончиком] была препровождена в храм Бяньшуй сяолунцы (汴水小龍祠 Храм дракончика из Бяньшуя), что за пределами столицы.

Вечером стали осматривать коробку. Печать висит как и прежде, а дракончика нет — исчез! Владыка этому обрадовался. А коробка и императорская печать на ней остались в храме для всеобщего обозрения» (цит. по: *Чжоу Чэн. Сун дун цзин као. С. 268*).

(5) Цзяинхоуцы (嘉應侯祠 Храм Цзяин-хоу). В юго-восточном предместье, за пределами городской стены. В годы под девизом правления Си-нин (1068—1077) был построен простыми людьми в складчину. Предание гласит, что фамилия у [этого] духа была Чжан 張氏, родом из Хуайиня (в Цзянсу. — *И. А.*), стал духом после смерти, был определен под начало [управителя] Восточного пика, заведует делами в мире мрака. Во многих областях и округах, что к востоку от столицы, есть такие храмы. Тот, кого называют тайвэй Чжан, и есть этот дух, а еще его называют шэжэнь. В годы под девизом правления Юань-фэн (1078—1085) императрица Гуан-сянь тайхуан тайхоу возносила здесь молитвы и в знак признательности дух был пожалован титулом Цзяин-хоу. Позже [храм] был разрушен.

Примеч. Тайвэй — в сунское время, с 1112 г. такой чиновник являлся главой всех внештатных (т. е. имеющих ранг и получающих жалование, но не занимающих конкретной должности) чиновников в военном ведомстве.

Шэжэнь — внештатный секретарь Министерства Двора.

Гуан-сянь тайхуан тайхоу — то есть императрица Цао (曹皇后 1016—1080), получила титул императрицы в 1034 г. После смерти ее супруга, императора Жэнь-цзуна (в 1063 г.) в виду молодости и слабости его наследника, почти год управляла страной. Титул *тайхуан тайхоу* получила при императоре Шэнь-цзуне (на троне с 1067 по 1085 г.).

По китайским народным представлениям существование человеческой души не прекращалось с наступлением физической смерти тела, а продолжалось в ином мире, где существовала подобная мирской структура управления. В письменных памятниках часты упоминания о том, что выдающиеся полководцы, справедливые чиновники, известные своими добродетелями или мудростью

люди, после смерти заняли различные важные посты в загробном мире и явили это живым с помощью тех или иных знаков (во сне, наяву, посредством знаменний и пр.). В их честь сооружались храмы, где умершим приносили жертвы, возносили молитвы и обращались с просьбами — храмы, относимые Чэн Миньшэном к тудишэньмяо, чэнхуанмяо или жэньмяо. В данном случае речь идет о довольно высокой должности, которую занял после смерти Чжан из Хуайиня: в аппарате самого духа горы Тайшань (она же Восточный пик, 東嶽 *дун юэ*), одной из пяти (главной из них) священных гор Китая.

(6) Сюйчжэньцзюньцы (許真君祠 Храм чжэньцзюня Сюя). Раньше располагался на территории дворца Шанцинчжусянгун. Чжэньцзюнь жил при Цзинь (265—420), занимал должность начальника уезда Цзиньян (в Хубэе. — *И. А.*). На второй год под девизом правления Чжэн-хэ (1112) [дух этот] был милостиво пожалован титулом Шэньгун мяоцзи чжэньцзюнь (神功妙濟真君 Обладающий божественными заслугами и дарующий сокровенную помощь Совершенный государь). Оставшиеся после [Сюя] сто двадцать стихотворений были переписаны на бамбуковые дощечки и хранились в особом коробе. Их тянули, дабы определить будет удача или нет. [Место это] звалось Шэньсяньцы (神籤祠 Храм совершенномудрых табличек). Позже был разрушен.

Примеч. По преданию, мать родила будущего «совершенного государя» (чжэньцзюня) Сюй Сюня (許遜 239—374) спустя пять месяцев после того, как увидела во сне летающую к ней с небес божественную птицу. Птица в клюве несла жемчужину, которую женщина проглотила. Несмотря на такой малый срок, мальчик оказался очень способным и все схватывал на лету. Вот что говорится о Сюй Сюне в сборнике Лю Фу: «Имя Сюя было Сюнь, а второе имя — Цзин-чжи, он происходил из Жунани (в Хэнани. — *И. А.*). Дед и отец его посвятили себя Дао, и Цзин-чжи в юности также стал учиться у наставника У Мэна (吳孟, легендарный даосский маг времен Цзинь, 256—420. — *И. А.*), который исповедовал учение о Трех Чистых (три небесные сферы, где пребывают даосские бессмертные. — *И. А.*). Выдержав экзамены, Сюй был пожалован должностью начальника уезда Цзиньян.

В Цзинь начались беспорядки, и Сюй оставил должность. Вместе с господином У он отправился путешествовать в земли к северу от Янцзы. тут как раз Ван Дунь поднял бунт, и Сюй с У нанесли ему визит, как будто желая поздравить, но на самом деле — с целью остановить Вана и сохранить Цзинь.

Однажды они явились к Ван Дуню вместе с Го Пу (郭僕 276—324). Дунь, скрывая раздражение, взглянул на них и сказал: "Прошлой ночью мне приснилось дерево, вершина которого прорвала небо. Значит ли это что император захватит мой трон? Прошу, наставники, растолкуйте!" "Сон несчастли-

вый", — сказал Сюй. "Если вершина дерева прорывает небо, получается иероглиф *вэй* 未, а это значит, что вам, господин, не следует совершать опрометчивых поступков!" — сказал У. Тогда Дунь велел Го Пу гадать, и вышло: "Дело успешно не завершится". Спросил о продолжительности своей жизни, и получил ответ: "Начато дело, и скоро будет беда. Но если бы жить в Учане, продолжительности жизни ничто бы не угрожало". "Ну, а ты-то сколько проживешь?!" — в гневе вскричал Дунь. "Срок моей жизни истекает сегодня", — ответил Го Пу. Тут Дунь приказал воинам схватить Пу и отправить на казнь. Сюй и У остались выпить с Дунем вина, но посреди застолья незаметно исчезли.

Добравшись до устья Луцзяна, они хотели нанять лодку, чтобы плыть до Чжунлина (оба в Цзянси. — *И. А.*), но лодочник отказался, сославшись на то, что лодку некому тянуть. "Только возьмите нас, а уж лодку-то мы сами с места сдвинем! — сказали ему У и Сюй. — Ты должен будешь крепко зажмурить глаза. Услышишь плеск воды — не смей подглядывать!" Лодочник действительно услышал плеск и еще — будто опадают с деревьев листья. Он потихоньку приоткрыл глаза, глядь — два дракона тянут лодку к вершине горы Цзияофэн (главный пик горы Лушань, Цзянси. — *И. А.*)! Тут драконы почувствовали, что за ними подглядывают, бросили лодку и скрылись. "Ты нарушил наш запрет и оказался здесь. Как быть?" — спросили лодочника У и Сюй. И повелили ему жить уединенно на этой вершине, научили его собирать целебные травы и открыли тайны бессмертных. То, что осталось от лодки, можно видеть в тех местах и по сю пору.

Впоследствии Сюй в Юйчжане (древнее название Наньчана, в Цзянси. — *И. А.*) встретил молодого человека — весьма изысканных манер и наружности. Юноша называл себя Шэнь-лан. Поговорив с ним, Сюй понял, что юноша — не человеческой породы, и, уходя, сказал привратнику: "Этот юноша — дракон-оборотень. Я помню вред, который приносили наводнения, происходившие в Цзянси по его милости! Если не истребить, наверняка сбежит!" Он посмотрел на юношу своим всевидящим оком, и тот превратился в желтого быка, стоящего на песке. Сюй подозвал своего ученика Ши Тай-юя: "Он — желтый бык, я же превращусь в быка черного, повязанного белым платком, и вступлю с ним в драку. Ты же, как увидишь это, руби его мечом!" И вот через мгновения два быка понеслись друг за другом. Тай-юй ударил желтого быка мечом по ноге, и тот бросился в колодец. Черный бык прыгнул следом, но оборотень уже ускользнул. <...>

В первый день восьмой луны второго года под девизом правления Нинкан (374) Сюй со всей семьей среди бела дня вознесся на небо с горы Сишань (в Цзянси. — *И. А.*), что в Хунчжоу» (*Лю Фу*. Цин со гао и. С. 16—17).

(7) Чжаолиньфужэньцы (昭靈夫人祠 Храм госпожи Чжао-лин). В сорока пяти ли к северо-востоку от города. Госпожа — августейшая матушка ханьского Гао-цзу. Ее могилу сравнила с землей вода из [Хуан]хэ, и позже люди на том месте воздвигли храм.

Примеч. Ханьский Гао-цзу — храмовое имя Лю Бана (劉邦 256/247?—195 г. до н. э), основателя ханьской династии. Из крестьян. На троне 206—195 г. до н. э.

(8) Ливэйгунцы (李衛公祠 Храм Ли Вэй-гуна). В [местечке] Наочжаньбао, что к юго-западу от города. [Здесь] приносят жертвы танскому полководцу Ли Цзину.

Примеч. Ли Цзин (李靖 571—649) — выдающийся военачальник времен начала правления династии Тан. Тонкий знаток трактатов по военному делу. Занимал ряд высоких постов при дворе, в том числе был начальником военного ведомства. В 629 г. нанес сокрушительное поражение Тюркскому каганату, в 630 г. захватив самого кагана Селима. За заслуги перед тронем (в частности, за успешное противостояние набегам туфаней и киданей) был пожалован титулом Вэйго-гуна, т. е. «Стоящего на охране страны господина», здесь использованного в сокращении.

(9) Вэйчигунцы (尉遲公祠 Храм господина Вэйчи). К югу от города. [Здесь] приносят жертвы танскому полководцу Вэйчи Цзин-дэ.

Примеч. Вэйчи Цзин-дэ — речь идет о Вэйчи Гуне (尉遲公 585—658), второе имя которого было Цзин-дэ 敬德, еще одном прославленном военачальнике времен начала правления династии Тан. Пользовался особым доверием у императоров Гао-цзу и Тай-цзуна (на троне с 627 по 649 г.). Активно способствовал восхождению на трон первого танского императора. В последние годы жизни чрезмерно увлекся даосской магией и жил затворником.

(10) Саньсяньцы (三賢祠 Храм трех мудрецов). В трех с небольшим ли к югу от города на террасе Чуйтай, позади кумирни Эрнямяо 二娘廟. Раньше [тут] были три ниши и в них — лепные статуи Бися юаньцзюнь. При династии Мин, в год дин-чоу под девизом правления Чжэн-дэ (517), высочайше уполномоченный инспектор-ревизор Мао Бо-вэнь [велел] заменить эти статуи на [статуи] трех мудрецов, и по этому поводу была сделана запись. Три мудреца — это Гао Ши (高適 702—765), Ли Бо (李白 701—762) и Ду Фу (杜甫 712—770). В год синь-ю под девизом правления Цзя-цин (1561) высочайше уполномоченный императорский эмиссар-инспектор столичного округа Цай Жу-нань (蔡汝楠 1516—1565) добавил Ли Мэн-яня и Хэ Дафу и переименовал храм в Усяньцы (五賢祠 Храм пяти мудрецов).

Согласно танской династийной истории Гао Ши, Ли Бо и Ду Фу в годы под девизом правления Тянь-бао (742—755) вместе путешествовали по Лян и Сун и пировали на террасе Чуйтай, веселились и слагали песни так, будто никого рядом и не было. Ду Фу принадлежат такие строки:

Помню я встречу с Гао и Ли,
За кувшином вина беседу с друзьями.
Изысканные мысли ваши, господа,
Вдохнули в меня живительную силу!
Хмельной от браги, я поднялся на Чуйтай,
О древнем думал. А кругом — пустырь...

В то время [Ли] Бо и [Ду] Фу уезжали из страны, преследуемые злой клеветой, а [Гао] Ши как раз был назначен на должность начальника уезда Фэнцюсянь.

Примеч. Би ся юаньцзюнь — 碧霞元君, «Изначальная государыня Лазоревой зари», даосская святая, дочь владыки горы Тайшань. Сунский император Чжэнь-цзун даровал ей титул *Тяньсянь юйной би ся юаньцзюнь*, т. е. Небесная святая, Нефритовая дева, Изначальная государыня Лазоревой зари. Подробнее см: Мифы народов мира. Т. 1. С. 12—173.

Ли Мэн-ян и Хэ Да-фу — Ли Мэн-ян (李夢陽 1472—1529) — известный минский поэт; вместе с Хэ Да-фу (何大復 Дафу шаньжэнь 大復山人, Отшельник из Дафу, литературный псевдоним Хэ Цзин-мина 何敬明, 1483—1521) и другими пятерыми поэтами образовал литературное сообщество, в своем творчестве реализовавшее идеи танского литературного движения за возврат к простоте литературного слога древних (*фугу*). Цай Жу-нань, кстати, и сам был одаренный поэт, а также знаток классических сочинений, пользовавшийся известностью среди современников.

(11) Баосяосугунцы (包孝肅公祠 Храм господина Бао Сяо-су). Имя господина — Чжэн 拯, второе имя Сижэнь 希仁, посмертное имя — Сяо-су 孝肅. Некогда он управлял Кайфэном, и правление его было поразительным. В дальнейшем жители Бяньцзина, вспоминая Бао, к северу от городского управления соорудили храм. Неизвестно, когда строительство было начато. При Мин, в годы под девизом правления Чэн-хуа (1465—1487), управляющий Кайфэном Сунь Юй 孫瑜 перенес [этот храм] на пустырь к востоку от управления.

Примеч. Сунский чиновник Бао Чжэн (包拯 999—1062) занимал разные посты при дворе и в провинции. Известен был своей справедливостью и прозор-

ливой мудростью в ведении уголовных дел. Особенно прославился в то время, когда управлял Кайфэном, по неподкупности его даже сравнивали с владыкой царства мертвых, вершителем судеб умерших душ Яньло-ваном от взора которого ничто не может укрыться. После смерти был обожествлен и в представлении китайского народа стал высокопоставленным загробным чиновником. Так, например, у Юань Хао-вэня (元好問 1190—1258) в «Сюй И-цзянь чжи» (續夷堅志 «Продолжение записей И-цзяня») есть такой фрагмент: «Передают, что Бао Си-жэнь за свою беспристрастную справедливость после смерти был назначен начальником Управы немедленного воздаяния на Восточном пи́ке (т. е. на горе Тайшань. — *И. А.*). Простые люди — жители гор и равнин — все до одного об этом знают. Осенью года гэн-цзы (1240) Тайань Цзе из военного похода на юг привез пленную женщину. Он говорил, что это внучка Си-жэня. Женщина обладала редкой красотой, и из веселых домов хозяину предлагали за нее большие деньги, но женщина не соглашалась, угрожая самоубийством. Тогда хозяин, заботясь о своей выгоде, приказал сильнейшим образом бить ее батогами, и женщина слегла. Соседи лишь вздыхали в сочувствии, но помочь ничем не могли. Неподалеку жила одна шаманка. "Я могу помочь этой женщине найти достойного супруга!" — сказала она. Шаманка явилась к хозяину женщины, закрыла глаза, стала тяжело дышать и долго корчилась, изображая, как в нее входит дух. Вдруг — с закрытыми же глазами окликнула хозяина по имени и начала поносить его бранными словами. Хозяин возжег благовония и пал ниц, прося прощения и спрашивая, чем он обидел уважаемого духа. Шаманка опять разразилась ругательствами. "Я начальник Управы немедленного воздаяния, так как же ты посмел сделать внучку мою певичкой?! — орала шаманка. — Даю тебе десять дней! Если в этот срок ты не выдашь ее замуж за достойного человека, уничтожу весь твой род!" Хозяин не переставал кланяться. Через несколько дней выдал ее замуж» (*Алимов И. А., Серебряков Е. А.* Вслед за кистью. Ч. 2. С. 388).

Впоследствии некоторые эпизоды из жизни и уголовных дел, расследованных Бао Чжэном, обросшие подчас невероятными подробностями, легли в основу многих художественных произведений: рассказов, новелл, пьес и даже романов (например: *Ши Юй-кунь*. Трое храбрых, пятеро справедливых; см. также предисловие Б. Л. Рифтина к этой книге: Сказитель Ши Юй-кунь и его истории о мудром судье Бао и храбрых защитниках справедливости. С. 5—18; см. также: Мифы народов мира. Т. 1. С. 162.). Образ Бао Чжэна лег в основу культа справедливого неподкупного судьи Бао-гуна, в честь которого по всей территории Китая сооружались кумирни и храмы.

(12) Цанванмяо (倉王廟 Кумирня Цан-вана). За воротами Синьчжэнмэнь, на берегу реки Цзиньшуйхэ. Была впоследствии разрушена цзиньскими войсками.

Примеч. Цан-ван или Цан-ди 倉帝 — один из четырех духов-покровителей сторон света, символ востока. С ним ассоциируется зеленый дракон (青龍 *цин лун*. Подробнее см.: Мифы народов мира. Т. 2. С. 545). Обычно изображался в виде человека с мечом в руке, у ног которого извивается

дракон. Деревянные изваяния этого божества в храмах и собственно храмы в его честь стали появляться в сунское время (*Ма Шу-тянь*. Хуася чжушэнь. С. 83).

(13) Гаояомяо (皋陶廟 Кумирня Гао-яо). В тюремном учреждении уезда Сянфусянь.

Примеч. В сборнике сунского ученого и литератора Фан Шао (方勺 1066—после 1144) «Бо чжай бянь» (泊宅編 «Тетради Бо-чжая») сказано: «Ныне в тюремных учреждениях всех областей и уездов есть храмы Гао-яо и в них регулярно возносят молитвы. А идет [этот обычай] еще с эпохи Хань. Когда Фань Пан оказался в темнице, его стали уговаривать обратиться с молитвой к Гао-яо. «Совершенномуудрому Гао-яо ведомо, что я никакой вины за собой не имею, и он восстановит истину перед Верховным Императором. Ну, а если [души умерших] сознания не имеют, что проку молиться?» — отвечал Фань» (цит. по: *Чжоу Чэн*. Сун дун цзин као. С. 270).

Легенда гласит, что Гао-яо (Янь Гао-яо) был один из подданных легендарного императора Шуня и заведовал при нем наказаниями и тюрьмами. Позже был в этом качестве обожествлен, а имя его стало нарицательным для обозначения справедливого и беспристрастного судьи. В приведенном выше отрывке восточноханьский Фань Пан (范滂 137—169), схваченный по ложному навету в 166 г., апеллирует к Мо-цзы: «Если умерший сознания не имеет, то на этом все и закончится» (Мо-цзы. С. 248).

(14) Учэнванмяо (武成王廟 Кумирня У-чэн-вана). К юго-западу от моста Лэйцзяцяо; была разрушена, когда при Цзинь перестраивали город.

Примеч. В «Хуэй шу сян чжу» (彙書詳注 «Собрание книг с подробным комментарием») сказано: «На второй год Цзянь-лун (961) Тай-цзу (Чжао Куаньинь 趙匡胤 927—976. — *И. А.*) ошастливил [посещением] кумирню У-чэн-вана и осмотрел изображения всех знаменитых полководцев, нарисованных [на стенах] в галереях. Указав на статую Бай Ци, [Владыка] сказал: "Ведь Ци покончил с собой, он не воинственен, можно ли ему приносить жертвы!" — И велел убрать статую. Потом призвал [к себе] Чжан Чжао, Доу И и Гао Си и велел представить [список] достойных причисления к поминаемым придворных и военачальников различных эпох, слава заслуг которых не меркла на протяжении всей их жизни.

Когда на девятнадцатый год под девизом правления Кай-юань (731) впервые была выстроена кумирня Тайгун шанфу мяо (Кумирня Великого князя Почтенного батюшки), [в этот храм] был определен Чжан Лян, люский хоу. Два раза в год, весной и осенью, Владыка лично совершал тут жертвоприношения. <...> Потом для этого храма всего было отобрано десять прославленных полководцев древности.

При [императоре] Су-цзуне (на троне 756—761), в первый год по девизом правления Шан-юань (760) Тайгуну был пожалован титул У-чэн-ван, [статуи] Бай Ци, Хань Синя, Чжугэ Ляна, Ли Цзина и Ли Цзи тогда располагались по левую руку, а [статуи] Чжан Ляна, Тянь Жан-це, Сунь У, У Ци, Юэ И — по

правую руку. Чжан Лян был по-прежнему в числе почитаемых. На второй год под девизом правления Цзянь-чжун (1102) в Историческую Палату был дан приказ проверить тех, кого [еще] можно причислить к числу почитаемых, и был [определен список] всех прославленных полководцев древности и современности [таких, как] Фань Ли, из шестидесяти четырех человек, и были изготовлены их изображения» (цит. по: Чжоу Чэн. Сун дун цзин као. С. 270—271). К этому следует добавить, что военачальник времен Борющихся Царств Бай Ци (白起 ?—257 г. до н. э.) прославился не только своим полководческим талантом, но и тем, что по его приказу после одного из сражений было казнено около четырехсот тысяч пленных. Покончил жизнь самоубийством. Чжан Чжао (張昭 894—972) — сунский чиновник, эрудит, знаток литературы и искусства, библиофил, занимал пост главы Департамента чинов; Доу И (竇儀 914—967) — сунский чиновник и эрудит, помимо прочего служил в академии Ханьлиньюань (с 963 г.) и за обширность знаний был особо ценим императором Тай-цзу; Гао Си (高錫 ?—983) — сунский чиновник, служил по исторической части. Чжан Лян (張良 ?—185 г. до н. э.) — сановник и политик начала правления династии Хань, прославился тем, что, после уничтожения Цинь Ши-хуаном его родного царства Хань, где пять поколений его предков были министрами, вместе со всей семьей поклялся отомстить Цинь Ши-хуану и в 218 г. до н. э. в г. Боланша (пров. Хэнань) совершил на него нападение, не увенчавшееся успехом; традиционный образец верности долгу и государю. Хань Синь (韓信 ?—196 г. до н. э.) — вельможа и прославленный полководец начала правления династии Хань. Чжугэ Лян (諸葛亮 181—234) — легендарный полководец времен Троецарствия. Ли Цзи (李績 594—669) — известный танский военачальник, воевавший как с северными кочевниками, так и с корейцами. Тянь Цзи-це (田穰且 V в. до н. э.) — теоретик военного дела времен Борющихся Царств, автор военного трактата «Сыма Цзе-ци бинфа». Сунь У (孫武 V в. до н. э.), выдающийся полководец времен Борющихся Царств, автор известного трактата «Сунь-цзы бинфа». У Ци (吳起 ?—381 г. до н. э.), политик и полководец начала периода Борющихся Царств. Юэ И 樂毅 — полководец времен Борющихся Царств. Фань Ли 范蠡 — политический деятель конца периода Чуньцзо, посвятил себя военной стратегии.

Позже, по свидетельству ряда сунских памятников, в этом храме было учреждено военное училище (武學 усюэ).

(15) Уцимяо (吳起廟 Кумирня У Ци). За зданием управления [районной администрации]. Уничтожена во время династии Цзинь.

Примеч. У Ци (吳起 ?—381 г. до н. э.) — выдающийся политик и полководец, живший в начале периода Борющихся Царств. Его кисти принадлежал ныне утраченный трактат по военному делу.

(16) Эрсянмяо (二相廟 Кумирня двух министров). В городской черте, [тут приносили] жертвы Цзы-ю и Цзы-ся. Давно уничтожена, никто не знает, где располагалась.

Примеч. Эта кумирня была посвящена двум ученикам Конфуция — Бу Шану (卜商 507 г. до н. э.—?), он же Цзы-ся 子夏, и Янь Яню (言偃 506 г. до н. э.—?), он же Цзы-ю 子游. Упомянутый выше У Ци, кстати, был одним из учеников Бу Шана. В «Янь и и моу лу» (燕翼論謀錄 «Записи советов, составленные для потомков в заботе о них») сунского Ван Яна (王彥 XII в.) сказано: «[Прежде] те, кто сдает столичные экзамены по классу "Ли цзи", возносили молитвы [об удаче] в кумирне Эрсянмяо — Двух Министров. Эти два министра — Цзы-ю и Цзы-ся. Цзы-ю был первым министром у У-чэна 武成, а Цзы-ся служил в нескольких государствах, и за что его зовут министром, неизвестно» (цит. по: Чжоу Чэн. Сун дун цзин као. С. 272).

(17) Пичангунмяо (皮場公廟 Кумирня Пичан-гуна).

В северо-восточном городском квартале.

Примеч. В «Янь и и моу лу»: «Ныне те, кто едет в столицу экзаменоваться по "Ли цзи", молятся в кумирне Пичанмяо. Пичан — это место где сдирают кожу. Передают, что дух-покровитель живодерни (皮場土地 Пичан туди) заведует болезнями, которые не вылечить. При [императоре] Вэй-цзуне, в шестую луну первого года под девизом правления Цзянь-чжун цзин-го (1101) последовал указ пожаловать [этому духу] титул Лингуан-хоу (靈貺侯 Чудесную помощь дарующий Господин). После этого пожаловали титул Минлинчжаохуэй-ван (明靈昭惠王 Чудесным светом озаряющий Мудрый князь). Ныне кумирня расположена в павильоне Чжаохуагуань в Ваньшоугуане, а этот павильон соседствует с экзаменационным двором. Неизвестно, с какого времени ученые мужи начали поклоняться [этому духу], и почему именно в этом павильоне учрежден храм» (Чжоу Чэн. Сун дун цзин као. С. 272).

А вот что говорится в сунском сборнике «Бянь цзин и цзи чжи» (汴京遺蹟志 «Записи дошедших сведений о Бяньцзине»): «Передают, что Пичан туди — заведует заболеваниями, которые нельзя излечить. Еще говорят, что Пичан-гун — это сановник из Чжэн (княжество эпохи Чуньцю, Хэнань. — И. А.) по имени Цзы Пи 子皮. Он принял пост шанцина (старший канцлер местного князя. — И. А.) от своего отца, Цзы Чжэня 子展, и взял в руки бразды правления. А в Чжэн был голод, неурожай, распространились болезни. Тогда Цзы Пи по распоряжению отца стал раздавать людям зерно, принадлежащее состоящим на службе. Народ в Чжэн проникся его добродетелью и стал сооружать в честь Пи храмы. А поскольку от Бяньчэна (Кайфэна. — И. А.) до Чжэн недалеко, то и тут имеется подобный храм. Вот две версии — какой верить?» (цит. по: Чжоу Чэн. Сун дун цзин као. С. 272—273).

(18) Эрланмяо (二郎廟 Кумирня Эр-лана). В одном ли с небольшим за воротами Наньсюньмэнь. [Посвящена] духу гуанькоуского Эр-лана. Когда была построена, неизвестно. Каждый год, 24 числа шестого лунного месяца здесь очень пышно отмечают день рождения Эр-лана. Кумирне было пожаловано название Шэньбаогуань (神保觀 Скит Божественной помощи). <...> Согласно «Чэнду цзин

гу цзи» (成都今古記 «Записки о древнем и современном Чэнду») циньский ван поставил Ли Бина управлять округом Шу, и [тот] проложил канал через Лидуй, ликвидировал разливы Вэйшуя, соединив реки. Благодаря этому в Чэнду, [как говорится], на тысячу ли протянулись тучные поля, и [эти места] стали называть плодородной равниной. Помня о мудрости [Ли], народ возвел кумирню на горе Гуанькоушань.

Примеч. Речь идет о духе Эр-лане (он же Эр-лан-шэнь 二郎神, Гуанькоу-шэнь 灌口神). Предание гласит, что этим духом стал сын сычуаньского правителя Ли Бина (李冰 III в. до н. э.). Ли Бин был послан управлять Шу (Сычуань) и, будучи на этой должности, вместе с сыном сделал много полезного для Шу. С именем самого Ли Бина и с его сыном Эр-ланом связаны легенды, имеющие большое количество вариантов: как Эр-лан уничтожил на охоте злобного тигра, наносившего вред местному населению; как, пользуясь советами отца, Эр-лан (или сам Ли Бин?) призвал к порядку и обуздал дракона (духа) реки Янцзы, творившего безобразия и собиравшего дань красивыми девушками, но, к сожалению, все эти предания дошли до нас лишь в поздних записях (см. подробнее: *Юань Кэ*. Чжунго шэньхуа чуаньшо. С. 5; *Юань Кэ*. Мифы древнего Китая. С. 188—191, и комм. Б. Л. Рифтина, содержащий цитаты из разных письменных памятников: С. 329—330.). Культ духа Эр-лана получил развитие в начале сунского времени, во время правления императора Хуэй-цзуна (на троне 1101—1125) духу был дарован титул чжэньцзюня (правда, ненадолго: явившись во сне к одному из приближенных императора, Эр-лан посетовал на то, что до того, пока не был *чжэньцзюнем*, а носил титул *вана*, получал жертвоприношения мясом, чему был доволен, а теперь — исключительно постной пищей. Эр-лан попросил вернуть ему прежний титул, что и было сделано). Храмы в его честь были выстроены по всему течению Янцзы и в некоторых других местах, духу стали приписывать самый широкий спектр волшебных свойств, в которые, впрочем, верили далеко не все — в сборнике сунского Чжу Юя (朱彧 XIII в.) «Пин чжоу кэ тань» (萍洲可談 «Из бесед в Пинчжоу») есть такой любопытный фрагмент: «Фума дувэй Ли Дуань-юань (李端愿 ?—1091, императорский зять. — *И. А.*) жил вместе с прочими императорскими родственниками. Более всего он почитал внимательность и почтительность, а когда потерял зрение, стал еще более внимателен и осторожен в общении со знатными отпрысками. Потому до конца своих дней он и прожил без печали. Одно время в столице пользовалась спросом чудодейственная вода из кумирни Эр-лана, что в западной части Чуаньчжоу (в пров. Хэнань. — *И. А.*). Эта вода излечивала болезни. Ли же не верил в души умерших и в духов. Когда его внук захворал, домашние тайно послали за водой Эр-лана. Ли, узнав об этом, страшно рассердился, побил сына тростью и сказал ему: "Если твоему сыну действительно суждено умереть, то как Эр-лан сумеет помочь и оживить его?! А если он этого не может, к чему же тебе вода?!"» (*Чжу Юй*. Пинчжоу кэтань. С. 49)

Интересный эпизод содержится в «Вэнь сянь тун као» (文獻通考 «Сводное исследование письменных памятников») Ма Дуань-линя (馬端臨 1250?—1325): «На седьмой год под девизом правления Чжэн-хэ последовал указ отремонтировать скит Шэньбаогуань, тот, что в просторечии называют [кумирней] духа Эр-лана. Столичные жители, по простоте своей [думая, что от храма ничего не останется,] уже с весны начали — и мужчины, и женщины — таскать к храму землю, как бы в дар [божеству]. В кучи земли втыкали таблички с надписями: «Землю жертвует такой-то», а также появились головные украшения, символизовавшие, что [их обладатель] сделал земельный взнос. Некто доложил Цай Цзину: "Дарить землю, делать земельный взнос — какие вульгарные выражения!". Спустя несколько дней вышел запрещающий это указ» (цит. по: Чжоу Чэн. Сун дун цзин као. С. 273).

Ван Цзэн-юй сообщает, что культ Эр-лана в сунское время особого размаха достиг в Сычуани, где считалось обязательным, вне зависимости от состоятельности семьи, поднести этому божеству в день его рождения барана. Сообразительные власти тут же установили налог в 500 монет с бараньей головы — в сущности, совершенно необременительный, — и так в год получалось собрать по 20—30 тысяч связок монет (Ван Цзэн-юй. Сун Ляо Цзиньдайдэ тяньди шаньчуань гуйшэньдэн чунбай. С. 80).

(19) Чжаованмяо (趙王廟 Кумирня Чжао-вана). В Мусыбао, что к северо-востоку от города. Здесь поклонялись ханьскому Чжао-вану Чжан Эр. Разрушена.

Примеч. Чжан Эр (張耳 ?—202 г. до н. э.) — владетельный князь, полководец и политический деятель, титул Чжао-вана получил от основателя ханьской династии Лю Бана, когда присоединился к нему.

(20) Цзянькэмяо (劍客廟 Кумирня Фехтовальщика). К западу от Чжуаньлунвань, что за воротами Синьчжэньмэнь. Разрушена.

(21) Фаньхоумяо (樊侯廟 Кумирня Фань-хоу). За воротами Ванчуньмэнь. Здесь поклоняются ханьскому Фань Куаю. Сгорела.

Примеч. Фань Куай (樊噲 ?—189 г. до н. э.) — полководец начала правления династии Хань. В юности работал забойщиком скота, потом присоединился к войскам Лю Бана и проявил себя как умелый военачальник. За заслуги перед троном был пожалован титулом Уян-хоу.

(22) Даньцзянцзюньмяо (單將軍廟 Кумирня полководца Даня). В северо-западном предместье, за воротами Ванчуньмэнь. Здесь поклоняются танскому полководцу Дань Сюн-синю 單雄信. Разрушена.

(23) Цидумяо (旗纛廟 Кумирня знамен и штандартов). В городской черте. Разрушена.

Примеч. Происхождение и назначение этой кумирни разъясняет отрывок из «Тан бай гуань чжи» (唐百官志 «Записи о чиновниках при Тан»), где сказано: «Когда цзедуши (военный генерал-губернатор. — *И. А.*) отбывал [к месту службы], ему даровались два знамени (旗 *ци*) и два жезла (節 *цзе*). В пути [перед цзедуши] несли жезл, на остановках устанавливали шесть штандартов (纛 *ду*). [Когда цзедуши] въезжал в границы [своих владений], то приводили в порядок его покои и встречали барабанным боем. При [танской] династии сохранились шесть штандартов; знамен, жезлов надвратных знамен — всего по два, и те, кому это даровано, хранили это в личных покоях резиденции, для чего выделялся особый зал, называемый "Зал жезлов" (節堂 *цзе тан*). В нем возносили молитвы в первый и пятнадцатый день каждого месяца, на новолуние, и это называлось "церемония в присутственном месте" (衙禮 *я ли*). Ведь если есть знамена и жезлы, должны быть и церемонии, [обращенные к] духам. Ныне в центральных городах генерал-губернаторств очень серьезно относятся к таким кумирням, а вот "залы жезлов" и "церемонии присутственных мест" давно канули в Лету!» (цит. по: *Чжоу Чэн. Сун дун цзин као. С. 274*).

(24) Дэаньгунмяо (德安公廟 Кумирня Дэань-гуна). За воротами Баоканмэнь, кумирня духа горы Имэньшань (на северо-востоке от Кайфэна. — *И. А.*). На четвертый год под девизом правления Цзин-дэ (1007) [духу горы] был пожалован титул Дэань-гун, был издан указ о ремонте кумирни и дано распоряжение в Кайфэнское управление приносить там весной и осенью жертвы. Позже разрушен.

(25) Цуйфуцзюньмяо (崔府君廟 Кумирня начальника управления Цуя). К северу от города. Передают, что Цуй Цзюэ, служивший при династии Тан начальником Фуяна (в пров. Хэбэй. — *И. А.*), после смерти стал духом и принял в управление дела иного мира. [Его] храм [находится] в Цычжоу (Хэбэй. — *И. А.*). В начале годов под девизом правления Чунь-хуа (990—994) люди построили ему кумирню и здесь. Праздник [этого духа] — на шестой день шестого месяца, гуляющих бывало очень много. Потом последовал указ перестроить кумирню, и ей даровали название Хугомяо (獲國廟 Кумирня Защитника государства), были присланы утварь и одежда для служителей. В первый год под девизом правления Цзин-дэ (1004) кумирню капитально отремонтировали. Весной и осенью каждого года

кайфэнское управление посылало сюда чиновников для принесения жертв. Позже [духу] был дарован титул Хуго сяньин-гун (獲國顯應公 Защищающий государство Являющий знамения господин). Разрушена.

Примеч. С именем танского чиновника Цуй Цзюэ (崔珣 VIII в.) связана история о том, как он, будучи начальником Фуяна, наказал со всей строгостью свирепого тигра, который сожрал одного местного юношу, отличавшегося большой сыновней почитательностью. После смерти Цуй был обожествлен. Особое отношение к этому духу при династии Сун объясняется еще, может быть, тем, что когда будущий сунский император Гао-цзун въехал в пределы Цычжоу, дух Цуя явил ему божественную защиту. При династии Сун во всех областях были выстроены кумирни и храмы в честь божественного защитника Цуя (см.: Чжу Жуй-си. Сундайдэ цзежи. С. 80).

(26) Дунюэмяо (東嶽廟 Кумирня Восточного пика).

В пределах городской стены, в северо-восточном предместье. Здесь поклонялись духу горы Тайшань, и другое название [кумирни] — Тайшаньмяо (泰山廟 Кумирня Тайшани). В десятую луну первого года под девизом правления Дачжун-сяньфу (1008) последовал указ даровать [духу Тайшани] титул Дунюэ тяньци жэньшэн-ван (東嶽天齊仁聖王 Священный, человеколюбивый и совершенномудрый князь Восточного пика). В пятую луну четвертого года (1011) был дарован императорский титул (帝 *ди*).

Примеч. По китайским верованиям, дух этой горы управлял душами умерших людей: «Все сущее берет начало в восточной стороне, поэтому [владыке Тайшани] введом срок [человеческих] жизней» (Хоу Хань шу. С. 302). Дух Тайшани имел титул Тайшань фуцзюнь 泰山府君, т. е. Правитель Управления Горы Тайшань, этот титул широко использовался в Китае, начиная уже с первого века нашей эры (*Yu Ying-Shih. O Soul, Come Back. P. 370*). Одно из первых упоминаний духа горы Тайшань под титулом Тайшань фуцзюнь в сюжетной прозе сяошэ содержится в знаменитом сочинении Гань Бао (干寶 III—IV вв.) «Соу шэнь цзи» (搜神記 «Записки о поисках духов»). В сборнике «Фэн су тун и» (風俗通義 «Проникновенный смысл нравов и обычаев») Ин Шао (應劭 ?—202) есть упоминание о золотом ларчике с нефритовыми пластинками, на которых записана продолжительность жизни людей — этот ларчик также находится на Тайшани. Когда ханьский император У-ди (на троне 140—87 до н. э.), побывав там, вытянул пластинку, то оказалось, что на ней написана цифра 十八 (18). Но У-ди перевернул пластинку, и получилось 八十 (80). Он действительно дожил до восьмидесяти лет (*Ин Шао. Фэн су тун. С. 15*). Двадцать восьмого числа третьего лунного месяца отмечался день рождения духа Тайшани. Как было сказано выше, в честь этого духа и его подчиненных храмы сооружались по-

вместно. Подробнее см: *Окамото Сабуро*. Тайдзан фукун-но юрай-ни цуйтэ. С. 63—98; *Юй Ин-ши*. Чжунго гудай сыхоу шицзе гуаньдэ яньбянь. С. 177—196. Императорский двор придавал большое значение поддержанию культовых сооружений на Тайшани в надлежащем виде: известно, например, что при Чжэ-цзуне (на троне 1086—1100) из средств провинциальных властей было затрачено более 68 миллионов монет для ремонта и сооружения новых помещений в храме духа этой горы и в результате в нем появилось почти 800 новых залов и т. п. (*Чэн Минь-шэн*. Лунь Сундай шэньцы цзунцзяо. С. 60).

(27) Сюаньдимяо (玄帝廟 Кумирня Темного Императора). В юго-западном предместье, за зданием управления. Она же — Юшэнгуань (佑聖觀 Скит совершенно-мудрых [дарующих] помощь), позже была переименована в Дадаогун (大道公 Дворец Великого Пути). Здесь возносили моления духу Севера Сюань-у.

(28) Фэнбомяо (風伯廟 Кумирня Фэн-бо). К северо-востоку от города, тут поклонялись духу ветра. Построена в годы Дачжун-сяньфу (1008—1016). Каждый год, на второй день (в день быка) после праздника Весны сюда приходили возносить молитвы.

Примеч. Божество ветра Фэн-бо (он же Фэн-ши) упоминается в «Шань хай цзине» (раздел «Да хуан бэй цзин»), оно описывается как некое существо с туловищем оленя, головой воробья, рогами, хвостом змеи (*Юань Кэ*. Мифы древнего Китая. С. 289).

(29) Юйхуанмяо (玉皇廟 Кумирня Нефритового императора). За воротами Наньсюньмэнь, к западу от казенного тракта. Передают, что на этом месте когда-то был дворец Юйцинчжаоингун (玉清昭應宮 Дворец явленного знаменения Нефритовой чистоты). На шестой летний месяц седьмого года под девизом правления Тянь-шэн (1029) дворец этот погиб в огне пожара, и уцелели только два зала — Чаншэндянь (長生殿 Зал вечной жизни) и Чуншоудянь (崇壽殿 Зал продления годов жизни). Последовал указ не восстанавливать [сгоревшее], а переименовать это место в Ваньшоугуань (萬壽觀 Скит долголетия). Тогда-то зал Чуншоудянь и переименовали в Тайсяодянь (太霄殿 Зал Великих Небес) и туда была водворена бронзовая статуя Нефритового императора. Позже [зал] был уничтожен цзиньскими войсками. При династии Мин, в год дин-хай под девизом

правления Чэн-хуа (1467) даос Дун Дао-цзин 董道靜 на собранные средства выстроил на этом месте кумирню Юйхуанмяо и из [бывшего] скита Уюэгуань (五嶽觀 Скит Пяти горных пиков) переместил сюда статуи [повелителей] пяти горных пиков и четырех водных потоков. Ведь Уюэгуань располагался к западу от экзаменационного двора, в непосредственной близости от этого места. В год и-ю под девизом правления Хун-у (1369) в скит ударила молния, и остались только эти статуи. Потому Дун Дао-цзин и переместил их в кумирню [Юйхуанмяо].

Примеч. Нефритовый император (юйхуан 玉皇 или юйди 玉帝, юйхуан шанди 玉皇上帝) — одно из высших божеств даосского пантеона. Наименование «юй хуан» — Нефритовый император, впервые было зафиксировано в даосских сочинениях VI века, в частности, у известного даосского мыслителя, медика и литератора Тао Хун-цзина (陶弘景 456—536), а также в сочинении «Юй хуан цзин» (玉皇經 «Канон Нефритового императора»), относящегося к сунскому времени. Согласно изложенной в этом сочинении легенде, Нефритовый император был сыном супруги правителя некоего государства китайской древности под названием Цзиндэго. Женщина долгое время не имела детей, что очень угнетало как ее, так и ее царственного супруга, и молила богов о милосердии. Однажды ночью ей привиделся сон: с небес к ней спустился Тайшан Даоцзюнь на пятицветном драконе. В руках у него был ребенок. Обрадовавшись, супруга правителя попросила Даоцзюня отдать младенца ей. Проснувшись, она обнаружила, что беременна. Через год родился очень смысленный мальчик. Став взрослым, он занял трон отца, покрыл свое имя славой, но потом ушел в горы, сделался отшельником и достиг бессмертия. Именно он впоследствии стал Нефритовым императором. Культ Нефритового императора получает развитие во время правления династии Тан, с расцветом даосского учения; титулы *юй хуан* и *юй ди* начинают употребляться и в стихах. При династии Сун культ получил дальнейшее развитие. В 1012 году императору Чжэнь-цзуну приснился сон, в котором фигурировал Небесный император, и, под впечатлением этого сна, император даровал духу несколько почетных титулов. Культ Нефритового императора стал общепризнанным, в честь его стали сооружать кумирни и храмы, статуи этого духа стали появляться в разных других храмах.

(30) Улунмяо (五龍廟 Кумирня пяти драконов). В восточной части города. При династии Тан, в годы правления под девизом Кай-юань (713—741), у пруда во дворце Синцингун был возведен алтарь, где в середине весны возносили моления — это [как раз] то самое место. Сунская династия наследовала танские ритуалы. В первый год под

девизом правления Дачжун-сяньфу (1008) последовал указ украсить помещение кумирни.

Примеч. Чжоу Чэн приводит цитату из «Вэнь сян тун као»: «На четвертый год под девизом правления Да-гуань (1110) последовал указ даровать титулы князей (*ван*) духам пяти драконов Поднебесной: синему дракону — титул Гуанжэнь-ван (廣仁王 Князь обширной гуманности); красному дракону — титул Цзяцзэ-ван (嘉澤王 Князь чудесных милостей); желтому дракону — Фуин-ван (孚應王 Князь неперемных благодетелей); белому дракону — Ицзи-ван (義濟王 Князь справедливой помощи); черному дракону — Линцзэ-ван (靈澤王 Князь божественных милостей)» (цит. по: *Чжоу Чэн. Сун дун цзин као. С. 278*).

(31) Саньгуаньмяо (三官廟 Кумирня трех чиновников). В городе и за пределами стены было несколько таких кумирен, когда они строились — неизвестно. Самая известная располагалась в двух с небольшим ли от ворот Ицюмэнь.

Примеч. Три чиновника (*саньгуань*) — духи трех стихий: небесный чиновник (天官 *тяньгуань*), чиновник земли (地官 *дигуань*) и чиновник вод (水官 *шуйгуань*). Согласно традиционным китайским верованиям, эти духи даруют счастье (за это отвечает *тяньгуань*), даруют прощение (*дигуань*) и выручают из беды (*шуйгуань*). Одна из легенд связывает *саньгуань* с тремя придворными чжоуского властителя Ю-вана Тан Хуном, Гэ Юном и Чжоу У, которых также называют Тремя полководцами Небесных врат. После смерти они стали духами трех стихий. По другой версии Тремя чиновниками стали сыновья некоего Чэн Лана, женившегося на трех дочерях князя драконов. Они обладали божественными способностями и силой, были пожалованы титулами небесных чиновников (подробнее см.: *Ма Шу-тянь. Хуася чжушэнь. С. 60—61*). Название «*саньгуань*» восходит к известному даосскому мыслителю Чжан Лину (張陵, Дао-лин *даолин* 34—156) и учению *удоумидао* (五斗米道 «Дао-Путь пяти мер риса», оно же *тяньшидао* 天師道 «Школа Небесных наставников»; подробнее см.: Чжунго даоцзяо ши. С. 31—41; *Торчинов Е. А. Даосизм. С. 161—172*). Врачуя заболевания и спасая людей от наваждений и нечисти, Чжан Лин и его последователи писали амулеты с обращением за помощью к духам неба, земли и воды: «...составляли послания к трем — одно преподносили небу, оставляя в горах; одно закапывали в землю, одно бросали в воду. Это называли *саньгуань*» (*Чжоу Чэн. Сун дун цзин као. С. 278*). Три чиновника были очень популярны в народе, их храмы и кумирни строились повсеместно, в сунском Кайфэне, как явствует из приведенного выше отрывка из «Сун дун цзин као», таких кумирен было даже несколько.

(32) Саньшимяо (三尸廟 Кумирня трех [духов] тела). За воротами Баоканмэнь. Здесь поклонялись трем [духам] тела. Когда [кумирня] была построена — неизвестно. Уничтожена. Согласно даосскому учению, в теле человека

пребывают три духа, [они] в день гэн-шэнь, пока человек спит, докладывают о его прегрешениях и проступках Верховному императору и могут сократить тем срок его жизни. Главного духа зовут Пэн Цзюй 彭踞, среднего — Пэн Чжи 彭躋, младшего — Пэн Цяо 彭蹻. В день гэн-шэнь [люди] бодрствуют всю ночь, чтобы три духа не могли подать свой доклад.

Примеч. В даосском сочинении «Тайшан саныши чжунцзин» (太上三尸中經 «Средний канон трех [духов] тела Высшего Верховного») сказано: «В животе у каждого человека обитают три [духа] тела и девять червяков (蟲 *чун*), они наносят человеку огромный вред. Каждый раз, в день гэн-шэнь они отправляются с докладом к Небесному императору; у них зафиксированы все проступки человека и они подробно обо всем докладывают, желая, чтобы человек не числился более в списках живущих, чтобы срок лет его сократился, желая человеку скорейшей смерти. А после смерти [человека], когда его душа *хунь* 魂 вознесется на небо, а душа *по* 魄 уйдет в землю, в мире остаются лишь три [духа] тела, и их называют гуй (鬼 душа умершего) (подробнее см.: *Groot J. J., de. The Religious System of China; Yu Ying-Shih. O Soul, Come Back!; Он же. Чжунго гудай сыхоу шицзе гуаньдэ яньбянь*). Им приносят жертвы и возносят молитвы круглый год во все праздничные дни, но если делать это не тщательно, будет беда. Три духа присутствуют в человеке, они — его кара за грехи. Старшего духа зовут Пэн Цзюй, он обитает в голове и заставляет взор туманиться, а волосы — выпадать, [от него] — болезни рта, лица и зубов; среднего духа зовут Пэн Чжи, он обитает в животе и терзает пять внутренних органов (сердце, печень, селезенка, легкие и почки. — *И. А.*), уменьшает количество жизненной энергии и заставляет человека творить зло; младшего духа зовут Пэн Цяо, он обитает в ногах и тревожит все нижние органы человека, приводит в возмущение пять чувств (расположение, гнев, скорбь, злоба, радость. — *И. А.*) и снимает запреты с пороков. По виду эти духи похожи на маленьких детей, а бывает, [принимают] вид лошадок, покрытых шерстью длиной в два цуня. После смерти человека [духи тела] выходят на свободу и становятся гуй — душой умершего, по виду такой же, как человек был при жизни, одетого в обычное платье. <...> В день гэн-шэнь всю ночь не смыкают глаз, сторожа [духов тела], и даже больные стараются делать вид, что нисколько не дремлют, тогда духи эти не могут сделать доклад Небесному императору» (цит. по: *Чжоу Чэн. Сун дун цзин као. 279—280*).

(33) Чэнхуанмяо (城隍廟 Кумирня духа-хранителя города). В пределах городской стены, в северо-западном предместье.

Примеч. Наиболее ранние сведения о строительстве кумирни *чэнхуана* (духа-хранителя города) относятся к 239 г. К VI—VII вв. культ чэнхуана получил в Китае широкое распространение; храмы и кумирни такого рода стали со-

оружать повсеместно; начиная с 934 г. чэнхуанам стали присваивать княжеский титул (*ван*) (*Ма Шу-тянь*. Хуася чжушэнь. С. 240). Чэнхуаны мыслились чиновниками иного мира (обладающими довольно большим штатом подчиненных), поставленными охранять и оберегать данную местность от любого рода несчастий и напастей: от стихийных бедствий до бесчинств злых духов. В ведении чэнхуанов находились все живые твари, духи и люди данной местности, а также сроки их жизни. Одно из первых сюжетных повествований, где фигурирует чэнхуан, относится к танскому времени и содержится в сборнике «Бао ин лу» (報應錄 «Записи о воздаянии») Ван Гу (王穀 VIII в.): «Живший при Тан Ван Цзянь-и, помощник начальника области из Хунчжоу, как-то тяжело захворал: в животе у него будто появился огромный ком,двигающийся туда-сюда вслед за дыханием. Весь разбитый недугом, Ван пролежал уже более месяца в постели, как вдруг, однажды вечером, ком этот внезапно поднялся к самому сердцу, охватил его — будто душа отлетела вдаль!.. Через некоторое время Ван очнулся и рассказал близким следующее: "Во сне увидел я посланца мира иного по имени Дин Ин. В руках у него была бумага, гласившая: «Получен приказ от духа чэнхуана доставить Ван Цзянь-и». Я пошел вслед за посланцем. Через десять с чем-то ли мы достигли кумирни чэнхуана. Привратник сказал: «Да ведь вы, господин Ван, еще среди живых, добродетели ваши широко известны, вам не настало еще время расстаться с телом, как же вы сюда попали?» Я потребовал допустить меня к чэнхуану. «Раз срок моей жизни еще не вышел, — доложил я. — разрешите мне вернуться [в мир живых]». Чэнхуан велел свите принести ему списки живущих, проверил, ответил: «Да, вам еще отпущено пять лет жизни». — И разрешил уйти <...>» (Тай-пин гуан цзи. Т. 2. С. 873). Как было сказано выше, в роли чэнхуанов как правило выступали исторические лица, что-либо сделавшие для данной местности и ее населения, прославившиеся службой в ней, и т. д. В сунское время культ получил дальнейшее развитие (см. по поводу культа чэнхуана обстоятельную работу Д. Джонсона: *Johnson D. The City-God Cults of Tang and Sung China*). Приведу весьма любопытные фрагменты из довольно обширной записи из сборника бицзи сунского Чжао Юй-ши (趙與世 1175—1231) «Бинь туй лу» (賓退錄 «Записи ушедшего на покой»): «Никто не знает, начиная с какого времени стали появляться храмы чэнхуанов в уездах и областях. <...> Храм чэнхуана в Уху был построен на второй год усского правления под девизом Чи-у (239), цискому Гунжун Яню и лянскому Улин-вану возносят молитвы в храмах чэнхуанов (т. е. поклоняются им как чэнхуанам. — *И. А.*), и обо всем этом есть записи в исторических сочинениях. Значит, [культ чэнхуанов] существовал не только при Тан! <...> Ныне храмы чэнхуанов есть по всей Поднебесной и правящая фамилия или делает кумирням пожертвования, или жалует [духов] титулами. Оставшимся без титула [духам] или даруют такой же, как [у чэнхуана] в соседней местности, или тот, что передает изустно молва. Происходит это по-разному. Что же до имени и фамилии, то духу их присваивают произвольно, и каждый раз — от конкретного человека. А как дух может возразить! В уездах же, где есть города, часто бывает, что [таких] храмов несколько: например, в одной области Пэнчжоу есть кумирня чэнхуана и — кумирня духа города Лочэна, а в Юаньчжоу в уезде Исянь есть как кумирня

чэнхуана, так и кумирня сяньхуана (духа-покровителя уезда), дело, дотопе невиданное!» (*Чжао Юй-ши*. Бинь туй лу. С. 103).

С течением времени культ чэнхуанов приобрел государственный характер. В 1369 г. основатель минской династии Чжу Юань-чжан (朱元璋 1328—1398, на троне 1368—1398) издал ряд указов относительно чэнхуанов. Чэнхуаны шести крупных городов получили особые княжеские титулы; главам местной администрации страны было вменено в обязанность лично возносить моления в их храмах; чэнхуаны провинций получили титул знатности гун и были приравнены в должности к министрам; чэнхуаны-покровители областей получили титул знатности хоу и были приравнены к начальникам отделов департаментов; уездные чэнхуаны получили титул бо и должности помощников начальников отделов. По распоряжению Чжу Юань-чжана храм столичного чэнхуана был отстроен заново; также была изготовлена деревянная статуя этого божества, раскрашена и покрыта лаком. В храмах чэнхуанов обычно было две статуи этого духа: одна глиняная и вторая — деревянная, и именно последнюю три раза в год (весной, осенью и зимой) с особой пышностью выносили из храма на носилках, чтобы чэнхуан совершил инспекцию вверенной ему территории, усмирил бесчинствующих злых духов и способствовал возрождению к новой жизни душ умерших родственников. Различия в положении чэнхуанов находили свое отражение и в этой церемонии: так, статую чэнхуана провинциального значения несли на носилках шестнадцать человек, тогда как уездного — только восемь. «Инспекционные выезды» чэнхуана довольно быстро превратились в многолюдные пышные народные праздники-гуляния.

(34) Эргумяо (二姑廟 Кумирня Эр-гу). На террасе Чуйтай, что в трех с небольшим ли к юго-западу от города. Ранее [терраса] называлась Эргутай 二姑臺, столичные жители возвели здесь кумирню, дабы поклоняться духу Эрсяньгу (二仙姑 Вторая Святая дева). При династии Мин, в годы правления под девизом Хун-чжи (1488—1505), кумирню переименовали было в Бисяюаньцзюньцы (Кумирня Изначальной государыни Лазоревой зари), но сведущие в делах умерших люди единодушно выступили против, а ревнители нравов и обычаев разбили ее статую — и тут стали возносить молитвы Юю, а кумирню стали именовать Юймяо (Кумирня Юя), а еще — Юйвантай (Терраса князя Юя). Достроили еще две крытые галереи. Почитали здесь тех, кто в древности и в более позднее время прославился успехами на ниве усмирения вод <...> — всего девятнадцать человек, что противостояли бедствиям, [причиняемым Хуан]хэ.

Примеч. Юй — легендарный правитель, который по распоряжению другого правителя, Шуня усмирил потоп, а сам потоп начался еще при предшественнике последнего, императоре Яо и продолжался, согласно историческим хроникам, двадцать два года. С потопом регулярно боролись, но лишь Юю удалось обуздать стихию: в отличие от своих предшественников, он не только строил дамбы, но и рыл каналы, то есть стал первым китайским ирригатором. Ирригации в Китае придавали важное значение издавна, особенно на известной своим норовом реке Хуанхэ, а чиновники, добившиеся на этом поприще заметных успехов, часто обожествлялись — как и в этом случае, когда Чжоу Чэн перечисляет девятнадцать человек, ставших объектом поклонения в Юймю (перечисление это весьма подробно и включает не только имена, но и полные должности, а также населенные пункты, из которых происходили чиновники; все это я в рамках формата настоящей работы опускаю). Место под названием «Юйвантай» (или «Чуйтай», что упоминается во фрагменте № 10) расположено в юго-восточном предместье совр. г. Кайфэна.

(35) Шилингунмяо (石靈公廟 Кумирня божественного каменного господина). На южном берегу Бяньхэ, к западу от моста Сянгосыцяо. Передают, что к югу от Бяньцзина некогда была могила чжоуского Лин-гуна, и перед могилой стояла каменная статуя очень пугающего вида. Столичные жители поставили кумирню для поклонения ей, и назвали кумирню Шилингунмяо.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. СВЕДЕНИЯ О ЛЮ ФУ И ЕГО СБОРНИКЕ

Об авторе «Высоких суждений у дворцовых ворот» — Лю Фу 劉斧 — мы располагаем крайне скудными сведениями. Достоверно известно лишь его имя, точнее, известно имя, которым подписан сборник. Из предисловия к «Цин со гао и» мы знаем, что человек по имени Лю Фу обладал ученой степенью сюая¹, т. е. сдал экзамены на первом этапе конкурсного отбора на вакантную должность, и это позволяет предположить, что Лю Фу происходил из чиновничьей семьи и готовил себя к службе. По крайней мере, из текста «Высоких суждений...» нам определенно известно, что один человек в роду Лю Фу был чиновником со стажем — в рассказе «Цзюй юй цзи» (巨魚記 «Записки об огромной рыбе») сказано: 嘉祐年間余侍親通州獄吏, то есть «В годы под девизом правления Цзя-ю (1056—1063) мой родственник был назначен в Тунчжоу тюремным смотрителем, и я отправился вместе с

¹ Оуян Цзянь осторожно предполагает, что Лю Фу мог и не иметь степени сюая; возможно, Лю Фу принадлежал к числу ставших столь популярными при Сун уличных сказителей (說話人), а титул «сюай» к его имени добавили почитатели его талантов исключительно из уважения, а не потому, что Лю Фу на самом деле сюае был (Оуян Цзянь. Указ. соч. С. 8—9). Тем более, что сам Лю Фу нигде о себе как о сюае не пишет, а знаем мы об этом исключительно из вполне хвалебного предисловия к его сборнику, написанного другим лицом (о чем ниже). Однако же убедительных доказательств этой теории у нас нет, да и сам Оуян Цзянь заканчивает свои рассуждения выводом, с которым трудно не согласиться: «Суммируя вышесказанное, хоть мы и не можем уверенно сказать, принадлежал ли на самом деле Лю Фу к сказителям, однако совершенно определенно ясно одно: в отношении широко распространенной в то время на городских рынках культуры сказительства он был весьма сведущ и, видимо, относился к ней с симпатией; оттого в составленном им "Цин со гао и" столь заметно влияние этой новой сказительской культуры» (там же. С. 12).

ним»¹; речь здесь идет, несомненно, об отце Лю Фу, ибо 侍親 — вполне устойчивое сочетание, означающее «прислуживать родителям». Отец Лю Фу служил именно по тюремному ведомству — не только в Тунчжоу (область, располагавшаяся на территории совр. пров. Цзянсу), но и в других местах, например, в области Чэньчжоу (Хунань), о чем нам известно из другого рассказа — «Чэн Шуй» 程說, про главного героя которого сказано, что он некогда служил вместе с отцом Лю Фу, а также жил с ним по соседству в столице, ожидая нового назначения². Из всего этого напрашивается предположение о том, что до 1063 г. Лю Фу не занимал никаких официальных должностей; а практика переезда иждивенцев от одного места службы главы семьи к другому была в старом Китае общепринятой.

Судя по встречающимся в «Цин со гао и» датам, время жизни отца Лю Фу пришлось на первую половину XI в., тогда как Лю Фу, соответственно, жил позднее — самые ранние косвенно упоминаемые в «Высоких суждениях...» даты относятся к годам правления сунского императора Жэнь-цзуна (1022—1063), а самые поздние — Чжэ-цзуна (1086—1101); наиболее поздняя прямо указанная в сборнике дата — 1077 г.; в другом, дошедшем в отрывках, сочинении Лю Фу — «Хань фу мин тань» (翰府名談 «Известные рассказы о Ханьфу»³) — подавляющее число встречающихся дат также приходится на период с 1045 по 1075 г. Кроме того, в тексте «Цин со гао и» такие сунские сановники, как Ван Ань-ши (王安石 1021—1086) и Сыма Гуан (司馬光 1019—1086), названы посмертными именами⁴. Разумно будет предположить, что Лю Фу жил в период между 1020 и 1100 гг. или несколько

¹ Лю Фу. Цин со гао и. С. 132.

² Лю Фу. Указ. соч. С. 138.

³ Под Ханьфу здесь имеется в виду придворная академия Ханьлиньюань.

⁴ Как известно, традиционное китайское общество оперировало довольно значительным, в сравнении с привычным нам, количеством личных имен, употребление которых было достаточно жестко регламентировано. Так, после рождения ребенок получал так называемое детское имя, в школе — новое, которое давал ему учитель, по достижении совершеннолетия — взрослое имя, а после смерти — так называемое храмовое, посмертное имя, использовавшееся во время церемоний в храме предков. Помимо этого человек имел, как правило, так называемое второе имя (а иногда и несколько), мог также обладать псевдонимом (и тоже не одним).

позже, а сборник «Высокие суждения у дворцовых ворот» появился после 1086 г.¹

Так же — из «Высоких суждений...» — нам известна и география путешествий Лю Фу. Помимо Тунчжоу (Цзянсу) и Чэньчжоу (Хунань), он бывал и в других местах, объездил чуть не половину Китая, и свидетельства тому содержатся в его сборнике — в «Э юй синь шо» (鱷魚新語 «Новое слово о крокодилах») говорится: 熙寧二年余有故至海上, то есть «На второй год под девизом правления Си-нин (1069) я по делам добрался до морского побережья»², и речь тут идет об области Чаочжоу, что в Гуандуне; в «Ван Цзи чжуань» (王寂傳 «История Ван Цзи») сказано: 熙寧中余自太原來汴京, то есть «В годы под девизом правления Си-нин я из Тайюаня приехал в Бяньцзин»³, в столицу сунского Китая, современный Кайфэн; а из предисловия к «Высоким суждениям...» известно также, что Лю Фу бывал и в Ханчжоу: 劉斧秀才自京來杭謁予, то есть «Сюцай Лю Фу приехал в Хан[чжоу] из столицы, специально чтобы нанести мне визит»⁴. Видимо, в Ханчжоу и, главным образом, Кайфэне Лю Фу бывал неоднократно или даже долгое время жил — это наиболее частое место действия рассказов его сборника.

Первое упоминание о сборнике «Высокие суждения у дворцовых ворот» мы находим в разделе «Сведения о литературе» сунской династийной истории, где сказано, что Лю Фу является

¹ Еще раз подчеркивает тот факт, что сборник Лю Фу появился никак не раньше 1070 г., наличие в «Цин со гао и» произведения с «родовыми» иероглифами 詩話 в названии — 名公詩話 «Рассуждения о стихах известных господ» (Лю Фу. Указ. соч. С. 46—50). Известно, что термин «шихуа» вошел в обращение после появления в 1071 г. первого произведения с этими иероглифами в названии — «Шихуа отшельника Лю-и» Оуян Сю. Поскольку в сборнике Лю Фу содержатся заимствования из *шихуа* Оуян Сю, можно утверждать, что окончательный вариант «Высоких суждений...» появился еще позднее. О датировке сборника см. также: Tsiperovitch I. Ch'ing-so Kao-I, а также издательские предисловия в изданиях сборника в Шанхае в 1958 и 1983 гг. Мой перевод шихуа Оуян Сю см. в кн.: Алимов И. А., Серебряков Е. А. Вслед за кистью. С. 71—104.

² Лю Фу. Указ. соч. С. 187.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 6. Из фактов биографии автора предисловия ясно, что вояж Лю Фу в Ханчжоу, упомянутый в этой фразе, следует относить к 1055—1058 г.

автором «Цин со гао и» в двадцати цзюанях, а также — «Чжи и» (撫遺 «Собрание утерянного») в двадцати цзюанях и «Хань фу мин тань» в двадцати пяти цзюанях¹. В библиографии Чао Гун-у (晁公武 XII в.) сказано: «"Высокие суждения у дворцовых ворот", восемнадцать цзюаней, имя составителя не указано, [книга] содержит записи о разных событиях [времен] нынешней династии, заметки и истории, написанные известными мужами, однако в книге сей выражения и мысли весьма вульгарны»². В юаньское время (1279—1368) сборник «Высокие суждения у дворцовых ворот» вообще исчезает из официальных библиографий и числится в лучшем случае в списках книг недостающих. В середине правления династии Мин (1368—1644) книга вновь появляется, но — разрозненно, в виде трех отдельных частей. В такой форме сборник просуществовал до начала XIX в., когда наконец вновь был сведен воедино, что сделал известный цинский текстолог и библиофил Хуан Пи-ле (黃丕烈 1763—1825), оставивший в книге заметки *ба* 跋 и подписавшийся одним из своих псевдонимов — Фу-вэн 復翁. Из его записей, следующих после каждой из трех частей (они сохранены в современных изданиях), следует, что сборник «Цин со гао и» долгое время распространялся в списках, причем один такой список был сделан по заказу самого Хуан Пи-ле. Первая и вторая части были скопированы с экземпляра, принадлежавшего некоему Шэнь Вэнь-бяню 沈文辨, который также оставил свою запись (датирована 1522 г.). Хуан Пи-ле отредактировал полученный текст, закончив работу в десятых числах первого лунного месяца 1813 г. А летом 1814 г. Хуан Пи-ле получил в подарок еще один список второй части сборника. Неизвестный друг (его имя не названо) датировал даруемый список — по качеству бумаги и туши — доминским временем. Хуан Пи-ле был

¹ Сунши ивэньчжи. С. 125. Два последних произведения до нас не дошли, сохранились лишь их скудные фрагменты, вошедшие в другие сборники и антологии. К примеру, два фрагмента из «Хань фу мин тань» вошли в анонимный сунский сборник «Люй чуан синь юй» (綠窗新語 «Новые рассказы у зеленого окна»). По замечанию китайского ученого Чжоу И 周夷, которому принадлежат текстологические комментарии в одном из современных изданий данного текста, это — «Ван Сюань на [горе] Чжудо встречается с Си Цзы» 王軒亭羅逢西子 и «Цянь-тао испытывает добродетель господина Коу» 舊桃諫寇公節用 (Хуанду фэньюэ чжужэнь. Люй чуан синь хуа. С. 27—28, 114—115).

² Чао Гун-у. Цзюнь чжай ду шу чжи цзю дэн. То же самое о стиле изложения, кстати, сказано и в династийной истории.

знаком еще один доминский список, отличающийся от находящихся в его распоряжении и принадлежавший Чжан Жэнь-аню (張訥菴 XII в.). Третья же часть до Хуан Пи-ле принадлежала Ван Ши-чжэню (王世禎 1634—1711), оставившему в ней свой автограф под псевдонимом Юйян шаньжэнь 漁洋山人. Хуан Пи-ле утверждает, что список Вана относится к годам под девизом правления Чжэн-да (1506—1521). Сам же Ван Ши-чжэнь, кстати, отозвался о сборнике Лю Фу так: «Это — ростки "Новых рассказов у горящего светильника"»¹, и выразил удивление, почему «Цин со гао и» имеет такое широкое распространение, несмотря на «вульгарность» содержания.

Таким образом, к 1500 г. в Китае были известны три части сборника «Высокие суждения у дворцовых ворот», причем в том виде, в каком мы их знаем сегодня. В сунское же время был известен и в той или иной мере распространен вариант сборника из двух частей — по десять или около того цзюаней каждая, так как династийная история сообщает, что в нем — двадцать цзюаней, а по Чао Гун-у — восемнадцать. Ныне мы имеем текст в двадцать семь цзюаней, основанный на цинских изданиях. Вполне вероятно, что известные в сунское время две части сборника были гораздо объемнее, нежели современные первая и вторая части. Но текст их позднее был утерян или сильно испорчен, реконструирован и в процессе этого получил несколько иное, отличное от первоначального, внутреннее деление на части и цзюани². Потом были обнаружены и объединены в третью часть — более короткую и производящую впечатление незавершенной — дополнительные фрагменты сунского текста³. В пользу этого обстоятельства говорит и то, что отдельные фрагменты, оставшиеся за рам-

¹ Речь идет о сборнике новелл *чуаньци* минского автора Цюй Ю (瞿佑 1314—1427), чье творчество исследовала К. И. Голыгина (см.: Новелла средневекового Китая. С. 154 и далее), ей же принадлежит перевод текста сборника на русский язык (Рассказы у светильника. С. 170—294).

² Не исключено и более позднее вмешательство в текст. Так, в «Ши Бан-мэй» 時邦美 фигурирует сунский чиновник Ши Янь (時彥 вт. пол XI в.—нач. XII в.), умерший в годы под девизом правления Да-гуань (1107—1110), то есть существенно позднее уверенно предполагаемого времени составления «Цин со гао и». Или — существенные утраты: в тексте есть «Дополнения о Хэ Сянь-гу» 何仙姑續補, но нет основного текста, к которому данные дополнения должны следовать.

³ Подробнее о судьбе текста см., например: *Чжао Вэй-го*. «Юн-лэ да дянь» соцунь сунжэнь Лю Фу сяшоцзи ивэнь цункао. С. 89—90.

ками известного нам текста «Цин со гао и», продолжают обнаруживаться до самого последнего времени. Так, в издании сборника, предпринятом в 1983 г. в Шанхае, помимо трех частей основного текста опубликовано еще тридцать шесть фрагментов, ранее в состав «Цин со гао и» не включавшихся¹. Эти фрагменты добавил к сборнику современный китайский текстолог и литературовед Чэн И-чжун 程毅中; ученый реконструировал утраченные ранее рассказы по «Лэй шо» (10 фрагментов), «Ши хуа цзун гуй» (12), «Синь бянь фэнь мэнь гу цзинь лэй ши» (13) и «Суй ши гуан цзи» (1)². Фрагменты эти весьма разнохарактерны, все они имеют заголовки, но ни у одного нет подзаголовка, что присуще основному корпусу книги, — не исключено, что если Чэн И-чжун прав и эти фрагменты действительно некогда входили в состав основного корпуса текста (а в этом, кажется, сомневаться не приходится), то, скорее всего, не составляли отдельной цзюани, но состояли в других частях «Высоких суждений». Так, среди дополнений Чэн И-чжуна преобладают фрагменты, где описываются некие сверхъестественные случаи (как правило, ярко выраженного буддийского характера) как с хорошо известными историческими лицами, так и с людьми, про которых ныне мы вообще ничего не знаем; эти истории практически не отличимы от аналогов

¹ Книжная серия «Сун Юань бицзи цуншу» издательства «Гуцзи чубаньшэ». При переводе я пользовался этим изданием и конкретно экземпляром книги, в котором рукой издателя текста Чэн И-чжуна выправлены многочисленные опечатки, допущенные издательством.

² «Лэй шо» (類說 «Проза по разделам») — прозаическая антология в 60 цзюанях, составленная южносунским Цзэн Цзао (曾慥 ?—1155). «Ши хуа цзун гуй» (詩話總龜 «Свод шихуа») — собрание шихуа, составленное в 1123 г. северосунским Жуань Юэ 阮閱, первоначально насчитывало 10 цзюаней, но было существенно дополнено и переработано потомками, так что ныне известный текст насчитывает всего 48 цзюаней. Жуань Юэ использовал около 200 источников (шихуа и бицзи). «Синь бянь фэнь мэнь гу цзинь лэй ши» (新編分門古今類事 «Вновь отобранные и распределенные по разделам старые и новые истории») — антология прозы *чжигуай сяошо* (об удивительном) сунского автора, подписавшегося псевдонимом Вэйсинь-цзы 委心子. В известном ныне тексте антологии 20 цзюаней, разбитых на 12 тематических разделов; вошедшие сюда материалы взяты главным образом из неофициальных исторических сочинений и сборников бицзи — всего более 160 названий, от многих из которых до наших дней дошли лишь названия. «Суй ши гуан цзи» (歲時廣記 «Обширные записки о временах года») — компилятивное сочинение юаньского Чэнь Юань-гуя 陳元覲, в четырех цзюанях, объединяющих 166 фрагментов преимущественно сверхъестественного характера.

основного корпуса книги ¹. Следует отметить, что работа по восстановлению утраченных из «Цин со гао и» фрагментов продолжается. Так, в уже упомянутой работе Чжао Вэй-го содержится ранее неизвестный и восстановленный по «Юн-лэ да дянь» фрагмент, озаглавленный «Мэн хуан чао хуа шэ» (夢黃巢化蛇 «Во сне видит, как Хуан Чао превращается в змею») ², который пропустил известный китайский литературовед Ли Цзянь-го 李劍國, восстановивший четырнадцать фрагментов из сборника, не вошедших в издание 1983 года ³.

Еще одно обстоятельство кажется мне важным для правильного понимания истории формирования данного текста и связано оно с именем автора предисловия к «Цин со гао и». А предисловие такое:

Всегда в мире существовало обычное и всегда существовало необычайное. Обычное — это люди, а необычайное — души умерших. И это предопределено силами инь и ян, и это — непрменный закон сущего. Когда во времена древнего императора Яо разлились воды, всё и вся погрузилось в пучину бедствия, и лишь людям посчастливилось спастись и не уподобиться рыбам — едва-едва! Люди, души умерших, необычайные твари — все перепуталось среди отмелей и островов. Тогда-то совершенномудрые и изготовили тренажки с изображениями [нечисти], дабы люди береглись ее, а необычайных тварей [совершенномудрые] изгнали за пределы четырех морей, дабы люди их не видели. Но некоторые из тех тварей все же затаились в горах и в низинах, а разлетевшаяся пневма-ци превратилась в души умерших. Чему тут удивляться? Ведь те, кто мог распознать души умерших и духов, — были совершенномудрые; а те, кто при виде их приходил в ужас, — как раз и были обычные люди. От-

¹ Ср., например, «Сэн бу цзи» (僧卜記 «Записки о гадании монаха») и «Чжан И чи гуан» (張誼赤光 «Красное сияние Чжан Ю») (с. 196 и 260 соответственно). Очевидно, что преимущественно сверхъестественный характер дополнений, сделанных Чэн И-чжуном, диктуется также и теми памятниками, из которых новые фрагменты были извлечены: их авторы подбирали материал волшебный, чудесный.

² Чжао Вэй-го. «Юн-лэ да дянь» соцунь сунжэнь Лю Фу сяошоци ивэнь цункао. С. 91—92.

³ Ли Цзянь-го. «Цин со гао и» каои.

того-то наш совершенномудрый [учитель] и не говорил [об этом], беспокоясь, чтобы потомки не впали в помрачение.

Сюцай Лю Фу приехал в Ханчжоу из столицы, специально чтобы нанести мне визит. Суждения он высказывал ясные — достаточно, чтобы похвалить. Еще показал он несколько сотен необычайных историй, мне понравился его слог и Лю попросил меня написать предисловие. Ваши сочинения — они вполне достойны и более, что называется, высоких глаз, к чему же поручать это мне и тем отдалять блестящую славу?

Разделяя помыслы Лю Фу, я с воодушевлением написал сто с лишним иероглифов, изложив, что хотел. Ведь, как говорится, и на узенькой тропке найдется достойное внимания — и только совершенномудрые не говорили об удивительном!

Предисловие писал дасюэши палаты Цзычжэндянь фушу Сунь.

Как видно, предисловие подписано 資政殿大學士孫副樞 «Дасюэши палаты Цзычжэндянь фушу Сунь», больше об авторе предисловия ничего не известно. Совершенно непонятно, на чем основывается К. И. Голыгина, когда утверждает, что автором предисловия к «Цин со гао и» был Юэ Ши¹. Если в виду имеется сунский новеллист Юэ Ши 樂史, то он умер в 1007 г. (о чем сама К. И. Голыгина сообщает несколько ранее в своем предисловии) и никак не мог написать предисловие к сборнику, законченному много лет спустя после его смерти. Недоразумение, вероятно, основывается на том, что в тексте «Цин со гао и» сразу после предисловия и выдержки из династийной истории есть пометка некого Сян Яо-ши 項藥師, датированная годом дин-хай:

В «Истории [династии] Сун» сказано: «У Лю Фу есть "Высокие суждения у дворцовых ворот" в двадцать цзюаней, а еще — "Известные рассказы о Ханьфу" в двадцать пять цзюаней и "Собрание утерянного" в двадцать цзюаней». Все это распространено в мире. А в «Чжун син шу му»²: «Имя автора не указано. Содержит записи о разных событиях при сунском дворе, а также сочинения известных книжников. Однако же в книге этой смысл и выражения — грубые и вульгарные».

¹ Рассказы у светильника. С. 12. В своей книге «Великий предел» К. И. Голыгина углубляет это заблуждение, указав неверную дату смерти Юэ Ши: 1107 г. (*Голыгина К. И. Великий предел. С. 347*).

² Видимо, имеется в виду библиографический каталог «Чжун син гуань гэ шу му» (中興館閣書目 «Каталог книг из собрания Чжун-сина»), составленный в 1178 г. Чэнь Куем (陳騏 XII в.); судить о нем мы, к сожалению, не можем: до наших дней каталог не дошел.

В год дин-хай писал Сян Яо-ши.

Современный китайский исследователь Чжао Вэй-го 趙維國 полагает, что Сян Яо-ши — это минский Сян Цзин 項靖¹; именно Сян Цзин много позднее вставил в текст выдержку из «Истории [династии] Сун», но автором предисловия он, конечно, не был. Уже упоминавшийся Чэн И-чжун и современный китайский литературовед Ли Цзянь-го считают, что автор предисловия фушу Сунь не кто иной, как сунский чиновник и литератор Сунь Мянью (孫洵 996—1066), и тому действительно есть несколько причин.

Известно, что должность дасюэши («великого ученого мужа») в палате Цзычжэнцзянь была учреждена в 1005 г., специально для Ван Цин-жо (王欽若 962—1025), дабы почтить его заслуги перед тронем после того, как Ван вышел в отставку с поста первого министра, — но вошла в разряд регулярных должностей, которые давали и другим высокопоставленным чиновникам, лишь с 1041 г., когда в палате Цзычжэндянь были учреждены две должности дасюэши и три — сюэши («ученый муж»). Сунь Мянью же за свою долгую карьеру занимал много высоких постов при дворе, но именно он был одним из немногих чиновников, которые в середине XI в. совмещали должность дасюэши в Цзычжэндянь с постом шумиюань фуши (樞密院副使 здесь сокращенно названым *фуши*) — заместителя начальника Шумиюаня, высшего военного совета страны, учреждения, в руках которого была сосредоточена вся военная власть. Кроме того, известно, что в 1054 г. Сунь Мянью был удален от двора и назначен управлять Ханчжоу, где вполне и мог увидеться с Лю Фу («Сюцай Лю Фу приехал в Ханчжоу...»). В пользу этих рассуждений говорит предположение Ли Цзянь-го, который как и я, датируя окончание «Высоких суждений у дворцовых ворот» примерно 80-ми годами XI в., считает, что предисловие к сборнику было написано Сунь Мянью раньше — а именно где-то между 1054 и 1058 г.: тогда Лю Фу показал Сунь Мянью не полный сборник, но некоторую его существенную часть, и потому в предисловии говорится о «нескольких сотнях необычайных историй», не все из которых, по-видимому, вошли в окончательную редакцию, явившуюся миру почти на тридцать

¹ Чжао Вэй-го. «Юн-лэ да дянь» соцунь сунжэнь Лю Фу сяшоцзи ивэнь цункао. С. 90.

лет позднее и где фрагментов менее двух сотен ¹. Ли Цзянь-го высказывает мысль о том, что, возможно, Лю Фу, прибыв со своим сочинением к Сунь Мянью, человеку влиятельному и литературы далеко не чуждому, преследовал вполне обычную для тогдашнего китайского книжника цель — снискать благоволение вышестоящего и получить протекцию на должность, но вместо этого получил всего лишь предисловие. Тем, что Сунь Мянью не видел окончательной редакции (ибо умер в 1066 г.), Ли Цзянь-го объясняет и то обстоятельство, что Лю Фу постеснялся назвать полное имя автора предисловия, ограничившись лишь названиями его должностей и фамилией и таким образом до определенной степени «зашифровав» Сунь Мянью; быть может, Лю Фу посчитал некорректным открыто присоединить предисловие Сунь Мянью к сборнику, который закончил треть века спустя. Можно предположить, что, обратившись в пятидесятых годах XI в. к Сунь Мянью, Лю Фу действительно преследовал конъюнктурные цели; по крайней мере слова Сунь Мянью о том, что «ваши сочинения — они вполне достойны и более, что называется, высоких глаз, к чему же поручать это мне и тем отдалять блестящую славу?» — вполне можно рассматривать как намек на то, что опальный и удаленный от двора Сунь Мянью считал, что его вмешательство в судьбу автора сборника вызовет скорее негативный эффект. И если это так, то вероятность того, что Лю Фу в первую голову имел в виду именно конъюнктурные цели, возрастает: главной целью Лю Фу было произвести впечатление на Сунь Мянью, получить его поддержку и тем самым обеспечить себе преимущество на столичных экзаменах, а не удостоиться предисловия именитого сановника и после этого обнародовать «Высокие суждения...», дабы получить славу литературную. Возможно, что текст, к которому писал предисловие Сунь Мянью, являл собой некое собрание, позднее разделенное на «Цин со гао и», «Хань фу мин тань» и пр., где далеко не все произведения принадлежали самому Лю Фу, но были скомпилированы им из других источников, дабы Сунь Мянью, не будучи, по всей вероятности, знаком со всеми источниками

¹ Подробнее см.: *Ли Цзянь-го*. «Цин со гао и» као и. К тому же в своем предисловии Сунь Мянью нигде не упоминает названия сочинения Лю Фу — «Цин со гао и», предисловие не датировано, а что касается «нескольких сотен необычайных историй», то это вполне может быть и традиционное художественное преувеличение.

цитирования, мог убедиться в высоких талантах автора. К тому же выше уже говорилось, что мнение о том, что в «Высоких суждениях...» «смысл и выражения — грубые и вульгарные», повторял за Сяном не один книжник последующих эпох; и как же, спрашивается, этого не заметил Сунь Мянью, человек хорошего литературного вкуса, а напротив — одобрил слог Лю Фу? Не от того ли, что Сунь Мянью писал предисловие вовсе не к тому варианту «Высоких суждений...», которым мы располагаем ныне?

Кратко о составе сборника.

Как уже было сказано, «Цин со гао и» состоит из трех частей: первые две включают в себя по десять цзюаней, третья — семь. Это сто сорок четыре произведения в различных жанрах. На первую часть приходится сорок девять из них, на вторую — семьдесят два, на третью — двадцать три. Следует также учесть тридцать шесть отрывков, составивших приложение к основному корпусу (подсчеты по изданию 1983 г.).

В сборнике совмещены новеллы *чуаньци* 傳奇¹, преобладающая по объему сюжетная проза *сяошо* 小說 дотанского образца — как об удивительном (*чжигуай* 志怪), так и о событиях и людях (*чжижэнь* 志人), рассуждения о стихах (*шихуа*), жизнеописания (*чжуань* 傳), заметки (*цзи* 記), и даже выполненные в классическом духе рассуждения (*лунь* 論) — одним словом, «Высокие суждения...» весьма пестрый в жанровом отношении сборник и в этом смысле, в ряду других раннесунских бици, уникальный.

Все включенные в сборник произведения имеют заголовки из разного числа иероглифов (как правило, из трех); а также подзаголовки из семи знаков, раскрывающие содержание².

¹ С точки зрения Ли Цзянь-го, к жанру *чуаньци* в сборнике Лю Фу должно быть отнесено около пяти десятков произведений, в том числе и танских авторов; к сожалению, Ли Цзянь-го не указывает, какие именно произведения он имеет в виду (*Ли Цзянь-го*. Указ. соч. С. 150).

² Еще Лу Синь обратил внимание на то, что Лю Фу был первым, кто ввел семисложные подзаголовки, и сделал предположение, что от них-то и пошли семисложные названия городских повестей *хуабэнь*. — *Лу Синь*. Чжунго сяошо шилуэ. С. 12.

Лю Фу выступил, как было сказано, не только или не столько автором сборника, сколько его собирателем: целый ряд произведений, вошедших в основной корпус, принадлежит другим китайским авторам, что явным образом обозначено в «Высоких суждениях...» самим Лю Фу, указавшим авторство в пометах, следующие за заголовками. Всего таких произведений четырнадцать. Это: «Расширенная песня "Тоска изгнанного в мир небожителя"» Доу Хун-юя (竇弘餘。廣謫仙怒詞 С. 27—29¹), «Записки о красном листе» Чжан Ши (張實。流紅記 С. 51—54), «Записки о теплых ключах» Цинь Чуня (秦醇。溫泉記 С. 63—67) и его же «Неофициальная биография Чжао Фэй-янь» (趙飛燕別傳 С. 74—78), «Записки о госпоже Сунь» Цю Цзюня (丘濬。孫氏記 С. 70—74), «История учителя Си-и» Пан Цзюэ (龐覺。希夷先生傳 С. 79—81), «Записки о Ван Ю-юй» Лю Ши-иня (柳師尹。王幼玉記 С. 95—98), «Записки о портрете Ван Янь-чжана» Оуян Сю (歐陽修。王彥章畫像記 С. 99—101), «Сан Вэй-хань» Цянь Си-бо (錢希白。桑維翰 С. 163—165) и «Записки о Юэ-нян» того же автора (越娘記 С. 218—223), «Вэнь Вань» Цин Сюй-цзы (清虛子。溫琬 С. 166—173), «Послесловие к дошедшему о делах Гань-тан» Цай Цзы-чуня (蔡子醇。甘棠遺事後序 С. 175—180)², «История Тань И-гэ» Цинь Чуня (秦醇。譚意歌 С. 212—217) и «Записки о Юн-чэне» Ду Мо (杜默。用城記 С. 243—245)³. Все

¹ Все отсылки даны по изданию 1983 г. в Шанхае.

² Это сочинение представляет собой собрание стихов прославленной певички Вэнь Вань, героини вышеназванной одноименной новеллы, и выступает к ней своеобразным дополнением, а оба эти произведения могут рассматриваться как компендиум сведений об этой певичке.

³ О многих из вышеназванных авторов, за исключением широко известного великого сунского литератора и политика Оуян Сю (歐陽修 1007—1072), мы практически ничего не знаем, и это — единственные их произведения, дошедшие до наших дней. Что же до известного, то Цянь Си-бо — это Цянь И (錢易 968—1026), второе имя которого было Си-бо 希白, потомок правящего рода владетелей княжества У-Юэ (907—978) времени Пяти династий, выдержавший экзамены на высшую ученую степень цзиньши в 999 г. (первую попытку Цянь И предпринял в 992 г., но провалился), много служивший при сунском дворе и даже бывший столичным градоначальником, а также членом придворной академии Ханьлиньюань; человек высокоталантливый, поэт, каллиграф, художник и видный литератор, оставивший после себя обширное литературное наследие, из которого до наших дней дошло несколько стихотворений, образцов бессюжетной прозы, а также сборник бицзи «Нань бу синь шу» (南部新書 «Новая книга о южной стороне»). И — это Цю Цзюнь (丘濬 XI в.), ставший цзиньши в 1027 г., служивший в провинции и при дворе и умерший в возрасте 81 года, поэт, эрудит и литератор,

это — крупные по объему тексты, в основном новеллы чуаньци, если можно так выразиться, костяк «Высоких суждений...», и к шести из них Лю Фу добавил свои морализаторские резюме, начинающиеся со слов 議曰¹. Существует также мнение, что Лю Фу не принадлежат и такие произведения, как «Суй янь ди шань хай цзи» (隋煬帝山海記 «Записки о морях и горах суйского Янь-ди») и «Чжу шэ цзи» (朱蛇記 «Записки о красной змейке»)². Данное утверждение не подкреплено доказательствами, но оно в высшей степени показательно — ведь то, что в тексте сборника «Цин со гао и» прямо указаны далеко не все факты заимствования, очевидно³. Лю Фу находил «свое» и в сочинениях древних авторов,

из наследия которого до наших дней дошло всего восемь стихотворений. А под псевдонимом Цин Сюй-цзы скрывается Ван Гун (王鞏 вт. пол. XI—нач. XII в.), прекрасный каллиграф, талантливый поэт и литератор, уже в 1079 г. ставший *боши* (ученый муж), чиновная карьера которого оборвалась в 1098 г., когда за осуждение политики двора Ван Гун был вычеркнут из списков чиновников. Он был близкий друг Су Ши, за что пострадал, когда великий поэт попал в опалу — Ван Гун также был переведен на мелкую должность в глухую провинцию. Помимо новеллы «Вэнь Вань» (она датируется 1077 г.) до наших дней из наследия Ван Гуна дошло 11 его стихотворений и три сборника бици в одну цзюань каждый.

¹ Так, например, к новелле «Записки о красном листе», повествующей о том, как судьба после долгих мытарств свела вместе девушку и юношу — а все благодаря стихам, написанным девушкой давным-давно на красном листе и принесенным водами канала в руки юноше, — добавлено следующее рассуждение: «А мое мнение таково. У текучей воды нет чувств. У красного листа нет чувств. Одно бесчувственное, встретив другое бесчувственное, отправилось на поиск обладающего чувствами — и в результате умеющий чувствовать [лист] подобрал и воссоединился с другой, тоже имеющей чувства. Можно верить, что о подобном раньше и не слышали! Ведь если по небесным законам положено быть вместе, то хоть [вы и] далеки [друг от друга], как Ху от Юэ — все равно соединитесь! А уж если по небесным законам этого нельзя, то хоть живите в соседних комнатах — соединения не будет. Тем, кто тверд в упорстве и упорен в настойчивости, чтение этой [истории] должно стать поучением» (Лю Фу. Указ. соч. С. 53).

² Лю Фу. Указ. соч. С. 146—157 и 188—190. См.: Сунжэнь чуаньци сюань. С. 46, 120.

³ Тем более, что далеко не все заимствования можно с уверенностью идентифицировать. Однако и в этом направлении продолжающиеся разыскания современных китайских текстологов впечатляют. Так, Оуян Цзянь указывает, что рассказ «Цзы фу чжэнь жэнь цзи» (紫府真人記 «Записки о чжэньжэне Цзы-фу») заимствован из сборника «Гуа и чжи» («Записи собранного об странном») сунского Чжан Ши-чжэна (張師正 1016—?), а Ли Цзянь-го утверждает, что «Суй янь ди шань хай цзи» (隋煬帝山海記 «Записки о морях и горах суйского Янь-ди») были созданы не в сунское, а в конце танского времени; текст «Сюй чжэнь цзюнь» (許真君 «Чжэньцзюнь Сюй») был заимствован из танского сборника «Ши эр чжэнь цзюнь чжуань» (十二真君傳 «Биографии двенадцати чжэньцзюней»); «Сюэ шан

и у современников — так, например, ряд произведений он позаимствовал из прославленного сборника «Соу шэнь цзи» (搜神記 «Записки о поисках духов») Гань Бао (干寶 III—IV вв.): «Ли Дань ньюй» (李誕女 «Дочь Ли Даня»), «Чжан Хуа сянь гун» (張華相公 «Господин министр Чжан Хуа»), «Да му цзи» (大母記 «Записки о Великой матушке») и некоторые другие (у Гань Бао, как известно, фрагменты, составляющие «Соу шэнь цзи», названий не имеют). Оуян Цзянь замечает, что Лю Фу, беря какой-либо материал из сочинений предшественников, не просто включал эти тексты в свой сборник, но подвергал их некоторой литературной обработке¹; и это до определенной степени справедливо, если учесть, что эта обработка выразилась не только в привнесении в изначальный текст некоторого количества дополнительных художественных красок, которых там изначально не было, но и в произвольном сокращении текста в сторону его упрощения (не в ущерб содержанию) и схематизации — потому что именно так дело обстоит с заимствованиями из «Соу шэнь цзи»².

Зато некоторые фрагменты из сочинений Оуян Сю Лю Фу, испытывавший, судя по всему, к этому великому литератору великое почтение, позаимствовал практически дословно³. Все это,

шу цзи» (薛尚書記 «Записки о шаншу Сюэ») — из танского же «Лин гуай цзи» (靈怪集 «Собрание чудес духов»); «Шу сянь чжуань» (書仙傳 «История Шу-сянь») никак не могла быть написана Лю Фу, ибо, судя по датам в тексте, ему в то время вряд ли было больше десяти лет; и так далее (Ли Цзянь-го. Указ. соч. С. 159—160). Кропотливый текстологический анализ данного сборника далек от завершения.

¹ Оуян Цзянь. Указ. соч. С. 16. То же пишет и современный исследователь Сюэ Кэ-цяо 薛克翹: «Что-то Лю Фу писал сам, а что-то, возможно, прошло через его редакторскую обработку». — Сюэ Кэ-цяо. Ду «Цин со гао и» цза тань. С. 65. Кажется, осторожность Сюэ Кэ-цяо чрезмерна: ныне мы вполне определенно можем сказать, что так оно и было.

² Например, рассказ о Чжан Хуа, разоблачившем лиса-оборотня, из «Соу шэнь цзи» содержится у Лю Фу в сильно сокращенном виде (см. с. 000—000). То же можно сказать и о «Дочери Ли Даня». А вот рассказ о Великой матушке у Лю Фу, напротив, подвергся существенному расширению. Ср. с. 000 настоящей книги и оригинал: Гань Бао. Указ. соч. С. 441—443.

³ Так, у Оуян Сю в «Гуй тянь лу» (歸田錄 «Записи вернувшегося к полям») сказано: «Когда [сунский] император Тай-цзу впервые осчастливил посещением храм Сянгосы, он остановился перед статуей Будды, возжег ароматные курения и спросил, должен ли кланяться. Сэнлу Цзань-нин (贊寧 919—1001) доложил: "Не надо кланяться". [Император] спросил, почему. "Будда настоящего не кланяется будде прошедшего", — был ответ. Цзань-нин был [монах] весьма начитанный, обладал даром красноречия, и слова его, пусть несколько наигранные, точно

кроме прочего, свидетельствует и о том, что Лю Фу был человек хорошо образованный, начитанный, находился в курсе последних литературных событий и, возможно, был вхож в дома известных людей своего времени — и в их библиотеки. Но это, разумеется, всего лишь предположение¹.

совпали с мыслями Владыки, поэтому [Владыка] слегка улыбнулся и согласно кивнул. С тех пор [такое поведение] стало правилом — до наших дней [владыки], очастливлывая [Сянгосы], чтобы возжечь курения, не кланяются. Сведущие люди тоже полагают, что это соответствует этикету» (*Оуян Сю*. Гуй тянь лу. С. 1). У Лю Фу: «Когда [сунский] император Тай-цзу впервые очастливил посещением храм Сянгосы, он остановился перед статуей Будды, возжег курения и спросил, должен ли кланяться. Буддийский монах Цзань-нин отвечал: "Не должен кланяться". [Император] спросил, почему. "Будда настоящего не кланяется будде прошедшего!" — был ответ. Ответ точно совпал с мыслями Владыки, поэтому [Владыка] слегка улыбнулся и согласно кивнул. Так это и стало правилом. До наших дней [владыки], очастливлывая посещением [Сянгосы], возжигают курения, но не кланяются. Люди разбирающиеся тоже полагают, что это соответствует этикету» (*Лю Фу*. Цин со гао и. С. 119). Нельзя, конечно, отрицать возможности, что данный пассаж восходит к общему, неизвестному нам пока источнику, но вернее будет предполагать непосредственное заимствование у Оуян Сю.

¹ Частично сборник Лю Фу переводился на русский язык. Б. Л. Рифтин перевел «Чэнь Шу-вэнь» 陳叔文 и «Записки о Сяо-лянь» 小蓮記 (*Рифтин Б. Л.* Китайская проза. С. 89—95); А. П. Рогачев — «Красный лист» 流紅記 и «Порхающую ласточку» 趙飛燕別傳 (Нефритовая Гуаньинь. С. 41—54). К. И. Гольгина использовала значительное число различных произведений из сборника Лю Фу («Ван Се-мореход» 王榭, «Чжан Хао» 張浩, «Записки о редущем тумане» 遠煙記, «Возмездие за петухов» 殺雞報, «Отмщение за убийство котом» 貓報記, «Князь Пэн-ланчжун» 彭郎中記, «Записки о горе Лишань» 驪山記, «Записки о теплом источнике» 溫泉記, «История про Тань И-гэ» 譚意歌, «Другое жизнеописание императрицы Чжао по прозвищу Фэй-янь — Ласточка» 趙飛燕別傳, «Записки о певичке Ван по прозвищу Нежная Яшма» 王幼玉記, «Записки о девушке из Юэ» 越娘記, «Весенняя прогулка по Западному пруду» 西池春遊, «Чэнь Шу-вэнь» 陳叔文, «История Бу Ци» 卜起傳, «Ли Юнь-нян» 李雲娘, «Вэнь Вань» 溫琬) в подготовленном ею сборнике переводов «Рассказы у светильника» (с. 27—115). В предисловии к этому сборнику оговорено произвольное сокращение поэтических отрывков («стихотворная избыточность текстов»). Некоторые мои опубликованные ранее переводы из сборника Лю Фу не вошли в настоящее издание в силу его специфики («История Ван Ши» 王實傳, «Записки о госпоже Сунь» 孫氏記, «Великий наставник Да-янь» 大眼師; см.: *Алимов И. А.* Вслед за кистью. С. 128—154).

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке

Алексеев В. М. Предисловие переводчика // Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М., 1983.

Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: В 2-х т. Т. 1. М., 2002; Т. 2. М., 2003.

Алимов И. А. Вслед за кистью: Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи. Исследования, переводы. Ч. 1. СПб., 1996.

Алимов И. А., Серебряков Е. А. Вслед за кистью: Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи. Исследования, переводы. Ч. 2. СПб., 2004.

Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.

Вельгус В. А. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов (китайские источники ранее XI в.). М., 1978.

Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Предисл., пер. с древнекит., примеч. и словарь-указатель Л. Н. Меньшикова. СПб., 1994.

Голыгина К. И. Великий предел: Китайская модель мира в литературе и культуре (I—XIII вв.). М., 1995.

Голыгина К. И. Новелла средневекового Китая: Истоки сюжетов и их эволюция, VIII—XIV вв. М., 1980.

Гроот Я. Я. М., де. Лисы-демоны // Религиозный мир Китая 2005. М., 2006.

Гуляка и волшебник: Танская новелла (VII—IX вв.). М., 1970.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры: Изд. второе, испр. и доп. М., 1984.

Гэ Хун. Мудрец, объемлющий первоначальную простоту (Баопу-цзы). Эзотерический раздел (нэй пянь) / Предисл., пер. с кит. и примеч. Е. А. Торчинова. СПб., 1999.

Ермаков М. Е. Об авторе «Мин сян цзи» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Вып. 23. М., 1990.

Ермаков М. Е. Мир китайского буддизма: По мотивам коротких рассказов IV—VI вв. СПб., 1994.

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.

Ло Гуань-чжун, Фэн Мэн-лун. Развешенные чары / Пер. с кит. В. Панасюка. М., 1983.

Мартынов А. С. Кисть и досуг «совершенного мужа» («цзюнь-цзы») // Петербургское востоковедение. Вып. 9. СПб., 1997.

Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1—2.

Нефритовая Гуаньинь: Новеллы и повести эпохи Сун (X—XIII вв.) / Пер. с кит. А. Рогачева. Предисл. и коммент. А. Желоховцева. М., 1972.

Рассказы у светильника: Китайская новелла XI—XVI вв. / Пер. с кит., сост., предисл. и коммент. К. И. Гольгиной. М., 1988.

Рифтин Б. Л. Китайская проза // Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975.

Серебряков Е. А. Свидетельства ума, таланта и знаний // Алимов И. А., Серебряков Е. А. Вслед за кистью: Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи.

Сыма Цянь. Исторические записки / Пер. с кит. Р. В. Вяткина. М., 1986. Т. 4.

Танские новеллы / Пер. с кит., предисл. и примеч. О. Л. Фишман. М., 1960.

Торчинов Е. А. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. СПб., 1993.

Тертицкий К. М. Культ лисы в Маньчжурии в 1920—1940-е годы // Религиозный мир Китая 2005. М., 2006.

Чжоу Цюй-фэй. За хребтами. Вместо ответов / Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. М. Ю. Ульянова. М., 2001.

Ши Юй-кунь. Трое храбрых, пятеро справедливых / Пер. с кит. В. Панасюка. М., 1974

Шкловский В. О теории прозы. М., 1983

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987

На китайском языке

Бань Гу. Хань шу (История [династии] Хань). Пекин, 1962.

Ван Цзэн-юй. Сун Ляо Цзиньдайдэ тяньди шаньчуань гуйшэньдэн чунбай (Поклонение духам неба и земли, гор и вод в эпохи Сун, Ляо и Цзинь) // Юньнань шэхуэй кэсюэ (Общественные науки в Юньнани). 1997. № 1.

Ин Шао. Фэн су тун и // Сыбу цункань (Собрание книг из четырех хранилищ). Шанхай, 1936. Т. 100.

Ли Цзянь-го. «Цин со гао и» каои (Исследование «Высоких суждений у дворцовых ворот») // Нанькай сюэбао (Вестник Нанкайского ун-та). 1989. № 6.

Лу Синь. Чжунго сяшо шилуэ (Очерк истории китайской сюжетной прозы). Пекин, 1956.

Лю И-цин. Ши шо синь юй («Повествования о нынешнем веке» в новых словах). Пекин, 1989. Т. 2.

Лю Фу. Цин со гао и / Чэн И-чжун цзяодянь (Высокие суждения у дворцовых ворот / Крит. текст Чэн И-чжуна). Шанхай, 1983.

Ма Шу-тянь. Хуася чжушэнь (Все духи Поднебесной). Пекин, 1990.

Мо-цзы // Эр ши эр цзы (Двадцать два философа). Шанхай, 1990.

Мэн-цзы чжэн и (Подлинный смысл Мэн-цзы). Пекин, 1962. Т. 1.

Оуян Сю. Гуй тянь лу (Записи вернувшегося к полям). Сиань, 2003.

Оуян Цзянь. Цин со гао и (Высокие суждения у дворцовых ворот). Шэньян, 1999.

Синь Тан шу (Новая история [династии] Тан). Пекин, 1986. Т. 1—20.

Су Ши. Дун-по чжи линь (Лес записей Дун-по). Пекин, 2004.

Сунжэнь чуаньци сюань / Сюэ Хун дэн сюаньчжу (Избранные сунские новеллы чуаньци / Отобрали и прокомментировали Сю Хун и др.). Чанша, 1985.

Сунши ивэньчжи. Бу фу бянь (Сведения о литературе из истории [династии] Сун. Доп. и расш. издание). Пекин, 1958.

Сюэ Кэ-цяо. Ду «Цин со гао и» цза тань (Читая «Высокие суждения у дворцовых ворот» // Нанья яньцзю (Южноазиатские исследования). 1998. № 2.

«Тай пин гуан цзи» (太平廣記 «Обширные записки годов Тай-пин»). Пекин, 1959. Т. 1—5.

Хань шу / Бань Гу чжуань (История династии Хань / Сост. Бань Гу). Пекин, 1962.

Хоу Хань шу // Эршиуши (Двадцать пять [династийных] историй). Шанхай, 1987. Т. 2.

Ху Кунь. Чжунго гудай хусиньян юаньлю као (Исследование истоков веры в лис в древнем Китае) // Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь (Фронт общественных наук). 1989. № 1.

Хуанду фэньюэ чжужэнь. Люй чуан синь хуа / Чжоу И чжуцзяо (Хозяин ветра и луны из императорской столицы. Новые рассказы у зеленого окна / Крит. коммент. Чжоу И). Шанхай, 1959.

Хун Май. И-цзянь чжи (Записи И-цзяня). Тайбэй, 1994. Т. 1—4.

Хэ Синь. Лун: шэньхуа юй чжэньсян (Дракон: миф и реальность). Шанхай, 1989.

Цзэн Минь-син. Ду син цза чжи (Разные записи Ду-сина). Шанхай, 1986.

Чао Гун-у. Цзюнь чжай ду шу чжи цзяо дэн / Сунь Мэн цзяодэн (Заметки о чтении книг в кабинете начальника округа / Сверил и прокомментировал Сунь Мэн). Шанхай, 1990.

Чжан Го-фэн. «Тай-пин гуан цзи» цзай лянсундэ лючуань (Распространение «Тай-пин гуан цзи» при обеих Сун) // Вэньсянь (Литературные памятники). 2002. № 4.

Чжан Го-фэн. «Тай-пин гуан цзи» сунбэнь юаньмао као (Исследование того, как выглядело изначальное сунское издание «Тай-пин гуан цзи») // Чжунхуа вэньши луьцун (Сборник статей по китайской литературе и истории). Вып. 56. Шанхай, 1998.

Чжао Вэй-го. «Юн-лэ да дянь» соцунь сунжэнь Лю Фу сяшоцзи ивэнь цункао (Исследование сохранившихся в «Юн-лэ да дянь» утаченных ранее текстов из сборника рассказов сунского Лю Фу) // Вэньсянь цункань (Литературные памятники). 2001. № 2.

Чжао Юй-ши. Бин туй лу (Записи ушедшего на покой). Шанхай, 1983.

Чжао Янь-вэй. Юнь лу мань чао (Неспешные выписки в Юньлу). Шанхай, 1957.

Чжоу Бао-чжу. Сундай дунцзин яньцзю (Исследование восточной сунской столицы). Кайфэн, 1999. [Серия «Сундай яньцзю цуншу» («Изыскания по эпохе Сун»)].

Чжоу Чэн. Сун дун цзин као. Дань Юань-му дьяньцзю (Разыскания о восточной сунской столице. Крит. текст Дань Юань-му). Пекин, 1988.

Чжу Ди-гуан. Хуцзин гушидэ яньбянь юй фоцзяо вэньхуадэ инсян (Эволюция историй про лис-оборотней и влияние буддийской культуры) // Хэньян шичжуань сюэбао (Вестник хэньянского педагогического уч-ща). 1993. № 3.

Чжу Жуй-си. Сундайдэ цзежи (Сунские праздники) // Шанхай шифань дасюэ сюэбао (Вестник Шанхайского пед. ун-та). 1987. № 3.

Чжу Юй. Пин чжоу кэ тань // Чэнь Ши-дао. Хоу-шань тань цун; Чжу Юй. Пин чжоу кэ тань. Ли Вэй-го цзяодянь (Чэнь Ши-дао. Собрание бесед Хоу-шаня; Чжу Юй. Из бесед в Пинчжоу. Крит. текст Ли Вэй-го). Шанхай, 1989.

Чжунго вэньсюэцзя дацыдань. Сун дай цзюань. Цзэн Цзао-чжуан чжубянь (Большой словарь китайских литераторов. Том эпохи Сун / Гл. ред. Цзэн Цзао-чжуан). Пекин, 2004.

Чжунго гуцзинь димин да цыдань (Большой словарь китайских древних и современных географических названий). Шанхай, 1933.

Чжунго даоцзяо ши (История даосизма в Китае). Шанхай, 1990.

Чжунго диван цыдань (Словарь правителей Китая). Цзинань, 1989.

Чжунго лидай гуаньчэн цыдань (Словарь названий китайских чиновников различных эпох). Пекин, 2000.

Чжунго лиши дацыдань: Сун ши (Большой словарь китайской истории: История династии Сун). Шанхай, 1984.

Чжунго лиши жэньу цыдань (Словарь исторических деятелей Китая). Далянь, 1983.

Чжунго миншэн цыдань (Словарь достопримечательностей Китая). Шанхай, 1987.

Чжунго миньцзянь чжушэнь (Все китайские народные божества). Тайбэй, 1989. Т. 1—2.

Чжунго фэнсу тунши. Сундай цзюань (Общая история китайских обычаев. Сунский том). Шанхай, 2001.

Чэн И-чжун. Сун Юань сяошо яньцзю (Исследование сунской и юаньской прозы). Наньцзин, 1999.

Чэн Минь-шэн. Лунь Сундай шэньцы цзунцзю (О храмовом поклонении духам в эпоху Сун) // Шицзе цзунцзю яньцзю (Исследования по мировым религиям). 1992. № 2.

Чэн Минь-шэн. Шэньцюань юй сундай шэхуэй: люэлуь ундай цымяо (Власть духов и сунское общество: о народных храмах сунского времени) // Сунши яньцзю луньвэньцзи (Сборник статей по изучению сунской истории). Шицзячжуан, 1989.

Шаманьцзю яньцзю (Исследования по шаманизму). Шанхай, 1985.

Шань хай цзин цзю шу / Хэ И-син чжуань (Критический текст «Книги гор и морей» с толкованием / Сост. Хэ И-син). Чэнду, 1985.

Шовэнь цзецзы / Сюй Шэнь чжуань (Изъяснение письмен и разъяснение знаков / Сост. Сюй Шэнь). Шанхай, 1990.

Эр ши эр цзы (Двадцать два философа). Шанхай, 1990.

Юань Кэ. Чжунго шэньхуа чуаньшо (Китайские мифы и легенды). Пекин, 1984.

Юань Кэ. Чжунго шэньхуа чуаньшо цыдянь (Словарь китайских мифов легенд). Шанхай, 1985.

Юань Кэ, Чжоу Мин. Чжунго шэньхуа цзыляо цуйпянь (Подборка материалов по китайской мифологии). Чэнду, 1985.

Юй Ин-ши. Чжунго гудай сыхоу шицзе гуаньдэ яньбянь (Эволюция древнекитайских представлений о мире умерших) // Яньюань луньсюэцзи (Сборник научных трудов из Яньюаня). Пекин, 1984.

Юань Син-пэй, Хоу Чжун-и. Чжунго вэньянь сяошо мулу (Каталог китайских сяошо на вэньяне). Пекин, 1981.

На других языках

Groot J. J., de. The Religious System of China. Vol. 4. Book 2. Pt. 1. Leiden, 1901.

Frenzel E. Motive der Weltliteratur: Ein Lexikon dichtungsgeschichtlicher Längsschnitte. Stuttgart, 1976.

Johnson D. The City-God Cults of T'ang and Sung China // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1985. Vol. 45. № 1.

Monschein Y. Der Zauber der Fuchsfee. Frankfurt/Main, 1988.

Thompson L. G. On the Prehistory of Hell in China // Journal of Chinese Religions. 1983. N 17.

Tsiporovitch I. Ch'ing-so Kao-I // A Sung Bibliography. Hongkong, 1978.

Yu Ying-shih. «O Soul, Come Back!»: A Study in the Changing Conceptions of the Soul and Afterlife in Pre-Buddhist China // Harvard Journal of Asian Studies. 1982. Vol. 47.

Мори Ясумаро. Чжунго гудай шэньхуа яньцзю (Исследование древних китайских мифов). Тайбэй, 1974.

Окамото Сабуро. Тайдзан фукун-но юрай-ни цуйтэ (Исследование происхождения духа Тайшань фуцзюнь) // Тоёгаку кенкю. 1943. № 1.